

Годъ 15-й.

Кн. LVIII.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Издание Этнографическаго Отдѣла
ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографіи,
СОСТОЯЩАГО ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

1903, № 3.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Предсѣдателя Отдѣла **В. Ф. Миллера**

и

Товарища Предсѣдателя Н. О. Глуща.

МОСКВА.

Т-во Скоря. А. А. Левенсонъ. Коммисіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамонтовскій пер., с. д.
1903.

Печатано съ разрѣшеніа Совѣта Императорскаго общества Любителей
Естествознанія, Антропологии и Этнографіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Сказка съ двѣнадцатю персонажами. III. Двѣнадцать заговорщиковъ. <i>Г. Н. Потанина</i>	1 ✓
II. Ю. Н. Мельгуновъ, какъ изслѣдователь русской народной пѣсни <i>А. Л. Маслова</i>	27
III. Памяти Ю. Н. Мельгунова. <i>Н. А. Яичука</i>	35
IV. Бытovyя черты русскихъ былинъ. <i>А. В. Маркова</i>	42
V. Турецкія народныя пѣсни. Музыка, тексты, переводъ. <i>Б. В. Миллера</i>	113
VI. Смѣсь:	
1. Вознесеневъ день въ Ярославской губерніи. <i>И. В. Костоловскаго</i>	156
2. «Морь» и «Пюта» у зырянъ <i>В. П. Налимова</i>	157
VI. Критика и библиографія:	
1. Отчеты о новыхъ изданіяхъ.	
Dr. S. R. Steinmetz. Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien. <i>А. Н. Максимова</i> . (159).—E. Weule. Völkerkunde und Urgeschichte in 20-ten Jahrhundert. <i>В. Н. X-ой</i> . (162).—Dr A. Wiedemann. Die Unterhaltungsliteratur der alten Aegypter. <i>Е. Е.</i> (165).—E. Reclus. Les Primitifs. <i>В. Н. X-ой</i> . (166).—P. Jensen. Assyrisch-Babylonische Mythen und Epen. <i>Е. Е.</i> (168).—R. F. Kainz. Die Volkskunde, ihre Bedeutung, ihre Ziele und ihre Methode. <i>В. Н. X-ой</i> . (169).—Сборникъ рѣшеній чрезвычайнаго съѣзда народныя судей закаспійской области. <i>А. Н. Максимова</i> . (174).—Эмиддіо Дортедли д'Асколи. Описание Чернаго моря и Татаріи. <i>А. С. Халанова</i> . (176).—Сборникъ, сельдшерскій. <i>А. Н. Мкс.</i> (177).—Жаковъ. Этнографическій очеркъ зырянъ. <i>В. П. Налимова</i> . (177).—В. М. Яновичъ. Пермьки. <i>В. Б.</i> (179).—А. А. Семеновъ. Этнографическіе очерки Зараѣшанскихъ горъ Каратегина и Дарваза. <i>А. Н. Максимова</i> . (180).—Курскій сборникъ. Вып. 4-й. <i>Н. М. М-на</i> . (182).—Извѣстія Общ-ва Исторіи, Архео-	

	<i>Стр.</i>
логія и Этнографія при Каз. ун-тв. Т. XIX вып. 1-й и 2-й А. Мкс. (183)—Отчетъ Петровскаго О-ва изсл. Астрах. Края за 1898 годъ. В. Н. Х-ой. (184)	159
2. Обзоръ газетъ и журналовъ	185
3. Новости этнографической литературы	197

VII. Хроника.

Юбилей «Русск. Вѣдомостей». Некрологи: А. И. Киричичниковъ, кн. В. Н. Тенишевъ, Я. Барловичъ, Г. Л. Пушкинъ, бар. В. Г. Тизенгаузенъ, Г. Шурцъ, Р. de Chaillu, Dr G. Brühl.—Биографія Тиле.—Правила XIII Археологич. Съѣзда.—Тверской областной истор.-археол. съѣздъ.—Этнографическій отдѣлъ на с.-х. выставкѣ въ Оргѣ.—Областная выставка сѣв. края.—Къ изслѣдованію сѣв.-зап. края.—Печорская экспедиція.—Путешествіе Н. Б. Рериха.—Старицкія раскопки.—Коллекціи кам. вѣка въ Кіевскомъ музеѣ.—Жилище словинца В. Крайны.—Къ фольклору Балканскаго п-ва.—Новое о-во грузинологовъ.—Совѣщаніе кавказовѣдovъ.—Въ о-вѣ востоковѣднія.—Изслѣдованіе по Монголіи.—Свѣдѣнія о Лассѣ.—«Шеджере».—Къ изученію персидскихъ цыганъ.—Одичалое еврейское племя.—Евреи оаз. Мзабъ.—Международное буддистское о-во.—Археологич. изслѣдованіе Индіи.—Мистеріи митра и елевзинскія.—Новая статистика религій.—Новый журналъ и изъ работъ по исторіи религій.—Къ этнографіи дальняго востока.—Ростъ японцевъ.—Къ изученію айновъ.—Изслѣдованіе эскимосовъ.—Размноженіе краснокожихъ.—Выставка предметовъ изъ Боливіи и Аргентины.—Къ этнографіи бушменовъ.—Экспедиціи въ Камерунъ, Новую Гвинею и Бразилію.—На междунар. конгрессѣ въ Римѣ.—На съѣздѣ въ Касселѣ.—Нов. теорія происхожденія человека.—Пещерные доисторическіе рисунки.—Трупъ древняго германца.—Вопросъ о неандертальской расѣ.—С.-Американскіе «моунды».—Бартографія у первобытныхъ народовъ.—Нар. словарь животныхъ.—Одна деталь въ жен. костюмѣ Алжира.—Библіотека Пладманна. 201

IX. Объявленіе объ изданіяхъ Этнографическаго отдѣла и другія. 230

Сказка съ двѣнадцатю персонажами.

III ¹⁾.

Двѣнадцать заговорщиковъ.

Въ первой главѣ этой статьи рассмотрѣны варианты сказки о двѣнадцати ученикахъ; указанныя тамъ венгерскія, румынскія и югославянскія повѣрья о драконахъ и ихъ усмирителяхъ могутъ быть приняты за отрывки особаго варианта той же сказки или за элементы, изъ которыхъ могъ бы образоваться особый ея вариантъ. Монгольская сказка изъ Шиддикура, несмотря на ея отклоненія, тоже не болѣе, какъ вариантъ сказки о волшебной школѣ. Во второй главѣ рассмотрѣна сказка о дочеряхъ морского царя; это уже не вариантъ предыдущаго сюжета, а модификація. Къ этой сказкѣ также указаны восточные образцы, главнымъ образомъ: 1) ласекая легенда; далѣе, 2) сказка объ Эртенѣ-Мергенѣ, 3) отрывокъ объ Алтынѣ-Картагѣ; кромѣ того, 4) легенда объ Эрдени-Хараликѣ и 5) преданіе объ Абатаѣ, хотя въ послѣднихъ двухъ выбора изъ двѣнадцати нѣтъ, а въ преданіи объ Абатаѣ двѣдцать и совсѣмъ нѣтъ.

Теперь я перехожу къ новой переработкѣ того же сюжета, къ исторіи заговора изъ двѣнадцати заговорщиковъ. Я предполагаю, что была такая сказка, въ которой смѣна инцидентовъ и подробности были тѣ же, какъ и въ сказкахъ о двѣнадцати ученикахъ Оха или о двѣнадцати дочеряхъ морского царя, но вмѣсто учениковъ колдуна или дочерей морского царя, здѣсь было поставлено двѣнадцать заговорщиковъ. Въ этой предполагаемой сказкѣ было и двѣнадцать персонажей, объединенныхъ общей тайной, и желаніе взять одного изъ двѣнадцати, и затруд-

1) См. „Этп. Обозр.“, кн. LVII.

Этногр. Обозр. LVIII.

неніе при выборѣ, котораго слѣдуетъ взять, и наконецъ выдача тайны однимъ изъ двѣнадцати же. Такой редакціи, въ которой всѣ бы эти мотивы были въ наличности, пока не записано; по крайней мѣрѣ, мнѣ такой записи не извѣстно. Всѣ эти элементы встрѣчаются въ отдѣльныхъ преданіяхъ; сказка какъ будто распалась, части ея разобщены; но эти отдѣльныя преданія объединяются или собственными именами или мелкими подробностями, такъ что ихъ можно свести къ одному цѣлому, чѣмъ я и займусь въ этой главѣ.

Прежде всего я обращусь къ преданіямъ о Чингисъ-ханѣ, между которыми найдутся и рассказы о поѣздкѣ за женщиной (въ параллель къ сказкѣ о дочеряхъ морского царя), и отголоски рассказа о заговорѣ (который могъ соответствовать сказкѣ объ ученикахъ Оха).

О поѣздкѣ Чингисъ-хана за женщиной, именно за женой Шидургу-хана, существуютъ какъ книжные, такъ и устные рассказы. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ Чингисъ-хану въ этой поѣздкѣ сопутствуетъ Хасарь. Устные рассказы начинаются обыкновенно такъ: Чингисъ на охотѣ застрѣлилъ зайца; при видѣ крови на снѣгу онъ спрашиваетъ, есть-ли на свѣтѣ красавица, у которой щеки были бы окрашены такъ же красиво, какъ этотъ снѣгъ; Хасарь говоритъ, что есть, что это жена хана Шидургу. Тотчасъ же Чингисъ рѣшается ѣхать, чтобы отнять у Шидургу его жену. Въ бурятскихъ вариантахъ эта женщина называется „дочерью кровавого моря“. По варианту, напечатанному въ „Трудахъ троицкосавскаго отдѣленія Русск. Геогр. Общества“, ¹⁾ Чингисъ и Хасарь встрѣчаютъ на дорогѣ къ Шидургу три заставы: 1) качающуюся, какъ маятникъ, сосну (эквивалентъ классическихъ симплегадъ?); 2) „ругательницу черную бабу“, *харамчи хара ымыгынъ* и 3) собаку, лаемъ и воемъ предвѣщающую гибель. Хасарь, или, какъ онъ полѣе въ вариантѣ называется, Хабата Хасарь Харбачъ, срубилъ сосну; старуха Харальчи сидѣла по горло въ озерѣ съ серпомъ въ рукахъ; она своими заклинаніями насылала смерть на людей; объ употребленіи серпа ничего не сказано. Когда Ха-

¹⁾ Труды троицкосавско-вяхтянскаго отдѣленія Приамурскаго Отдѣла Имп. Русск. Географич. Общества, т. III, вып. 1 (1900 г.), Иркутскъ, 1902 г., статья Я. С. Смолева: „Бурятская легенда о Чингисъ-ханѣ“, стр. 78—93.

сарь выстрѣломъ по горлу убилъ ее, Чингисъ и его товарищи вошли въ городъ и схватили Шидургу, но убить его не могли; въ книжномъ вариантѣ сказано, что его ни стрѣла, ни сабля не беретъ ¹⁾; въ бурятскомъ Шидургу самъ про себя говоритъ, что онъ *ухылъ улей*, т. е. бессмертный; чтобы убить его, нужно достать съ горы три пчелиныя жала и изъ моря три золотыя рыбки; въ этихъ предметахъ заключалась его смерть. Чингисъ и Хасаръ дѣйствительно нашли на горѣ пчелиный рой; чтобы собрать пчелъ въ улей, была произнесена молитва, вслѣдствіе которой сдѣлался сильный холодъ; пчелы собрались и умерли; тогда между ними были найдены три пчелы; послѣ этого Хасаръ нырнулъ въ океанъ, который началъ волноваться и кипѣть; изъ воды показалась щука, *дзурхай*, направилась къ берегу и изъ нея вышелъ Хасаръ съ тремя рыбками; онъ убилъ ихъ и изъ каждой вынулъ по жалу. Эти три жала воткнули потомъ въ шишку, которая была на лбу у Шидургу, и онъ умеръ. Чингисъ овладѣлъ женой Шидургу.

Умирая, Шидургу предупредилъ Чингиса, что жена его женщина коварная, и совѣтовалъ обыскивать ее даже подъ ногтями. Чингисъ обыскалъ ее, но ничего не нашелъ; а у ней были подъ ногтями спрятаны золотыя ножницы, которыми она и оскопила Чингиса. Чингисъ умеръ отъ этой операціи.

Совершивъ убійство, женщина бросилась въ озеро и обратилась въ маленькую рыбку; Хасаръ обратился въ щуку и погнался за ней; она выскочила изъ воды, обратилась въ жаворонка и полетѣла по воздуху; Хасаръ преслѣдовалъ ее въ видѣ ястреба; тогда женщина обратилась въ лисицу и побѣжала; Хасаръ обратился въ человѣка и убилъ ее ²⁾. Осниманное тѣло лисицы обратилось въ тѣло женщины; Хасаръ рвалъ волосы на ея головѣ и бросалъ по воздуху; они падали на озеро и плавали по водѣ; тѣло женщины Хасаръ изрубилъ на куски и разбросалъ ихъ по полю.

¹⁾ Алтанъ-Тобчи, стр. 27 (Зап. Имп. Археол. Общ., т. XIV, Спб., 1858).

²⁾ Снявъ ея шкуру, онъ сказалъ: „я нашелъ кладъ“, *ирдыни оло!* Самая популярная изъ женъ Чингиса называется Бурте, въ одномъ памятникѣ Бурте-Эрдени (см. Бобровниковъ, Грамматика монг.-калм. языка, Казань 1849, стр. 352; эрдени—драгоценность), но въ преданіяхъ о Шидургу женщина этимъ именемъ не называется.

Въ преданіи аларскихъ бурятъ, записанномъ о. Затопляевымъ¹⁾, эпизодъ съ лисицей поставленъ ранѣе разказа о походѣ противъ Шидургу; раненая лисица, убѣгая, поливаетъ снѣгъ своей кровью, и окрашенный снѣгъ вызываетъ у Чингиса тотъ самый вопросъ, поводомъ къ которому въ предыдущей записи послужила кровь зайца.

Въ книжномъ преданіи преслѣдуетъ не Хасаръ, а Чингисъ, и убѣгаетъ самъ Шидургу, а не жена его²⁾. Шидургу поочередно обращается въ змѣю, тигра и дитя, Чингисъ въ птицу Гаруди, въ льва и въ Хормузду, царя небожителей. Когда Шидургу пойманъ, его не могутъ убить обыкновеннымъ орудіемъ; по варианту Сананъ-Сэцэна смертельно ранить Шидургу можетъ только zwischen der Stiefelsohle eine dreifach zusammengelegte Waffe von Magnetstahl³⁾; по варианту Алтанъ-Тобчи его можно только удавить нестрой, втрое свернутой веревкой, находившейся въ подошвѣ сапога у Шидургу. И въ этихъ вариантахъ жена убитаго Шидургу мститъ убійцѣ мужа; она наноситъ Чингису смертельную рану, а сама бросается въ рѣку Хатунъ-голь; тѣло ея несетъ вверхъ по теченію рѣки.

Новые троическавскіе матеріалы о Хасарѣ подтверждаютъ высказанныя мною прежде предположенія о тождествѣ Хасара съ Гэсэромъ⁴⁾. Хасаръ ѣдетъ отнимать для Чингиса жену хана Шидургу; въ Гэсэриадѣ описывается поѣздка Гэсэра къ ширайгольскимъ царямъ для возвращенія увезенной у него жены Рогмо; отношенія женщины другія; въ Гэсэриадѣ предпріятію приданъ смыслъ освобожденія женщины изъ плѣна; въ преданіи о Хасарѣ это захватъ чужой жены, но въ обоихъ случаяхъ происходитъ отбирание женщины у человѣка, который владѣлъ ею и котораго пришлось предварительно убить. Хасаръ по дорогѣ къ женщинѣ

¹⁾ Записки Вост.-Сиб. Отдѣла Гсогр. Общ., по Этн., т. I, в. 1, стр. 108—110.

²⁾ Такое же поочередное летаніе по воздуху и нырваніе въ моръ бурятское преданіе приписываетъ шаману Моргонъ-хара, который ищетъ потерявшуюся душу одного человѣка; найдя ее заточенною въ сосудѣ у Эсэгъ-Малана, который заперъ узкое горло сосуда своимъ пальцемъ, Моргонъ-хара, чтобы заставить Эсэгъ-Малана открыть сосудъ, обращается въ осу и жалитъ Эсэгъ-Малана въ лобъ.

³⁾ Geschichte der Ost-Mongolen, S. 101.

⁴⁾ Потанинъ, Восточн. мотивы въ средне-вѣк. европ. эпосѣ, 71, 229 и др.

встрѣчаетъ нѣсколько опасныхъ заставъ (малчащую сосну, старуху Харальчи); Гэсэръ также встрѣчаетъ нѣсколько заставъ ¹⁾. Хасаръ кончаетъ тѣмъ, что разрубасть тѣло жены Шидургу на куски и разбрасываетъ ихъ по полю; Гэсэръ дѣлаетъ то же; такъ какъ его жена Рогмо измѣняетъ ему, держитъ сторону ширайгольскаго царя, то онъ убиваетъ ее и разрубасть ее тѣло на нѣсколько кусковъ.

Въ числѣ встрѣченныхъ Хасаромъ заставъ стоитъ старуха Харальчи; это какъ будто гэсэровскій же мотивъ, только изъ другого эпизода Гэсэриады, а именно изъ разсказа о поѣздѣ противъ Анъ-Долмана. Чудовище Анъ-Долманъ, по алтайской редакціи, лежитъ на днѣ морскомъ, слизываетъ своимъ языкомъ проходящихъ мимо людей и скотъ. Старуха Харальчи сидитъ въ озерѣ и держитъ въ рукахъ серпъ или горбушу; хотя она убиваетъ приближающихся людей своими заклинаніями, но едва ли редакція праздно вручила ей серпъ. Вѣроятно, на изложеніе этого мѣста вліяли двѣ редакціи, по одной изъ которыхъ Харальчи истребляла людей только заклинаніями, и о серпѣ не было ни слова, какъ въ книжныхъ передачахъ преданія у Сананъ-Сэцэна и въ Алтанъ-Тобчи; по другой, она, высунувъ изъ воды только голову и руку, срѣзала серпомъ головы проходящихъ мимо озера ²⁾.

Эпизодъ объ Анъ-Долманѣ подасть мнѣ поводъ сдѣлать соображенія объ отношеніяхъ къ преданію о Гэсэрѣ славянскаго преданія о Кирилѣ. Музыкай, алтайскій Гэсэръ, осушаетъ море (выпиваетъ его), чтобы обнажить тѣло чудовища Анъ-Долмана ³⁾.

1) Потанинъ, Тѣпг.-тиб. окраина Китая, II, 30.

2) Слѣдующій мотивъ тоже напоминаетъ Гэсэриаду. Лисица, убѣгая отъ Хасара, бросилась на гору, но восемь небесныхъ духовъ сбросили ее оттуда; она кинулась въ озеро, но восемь земныхъ духовъ высадили ее изъ воды. Въ тапгутской Гэсэриадѣ есть эпизодъ: Гэсэръ ударилъ Земпыра такъ сильно, что онъ весь ушелъ въ землю, но земные боги бросили его на небо; тогда небесные боги сбросили его пазадъ на землю. Обращеніе женщины въ лисицу есть и въ Гэсэриадѣ, но, во-первыхъ, обращается въ лисицу не жена Гэсэра, а мать, и потомъ въ другихъ интересахъ; мать хочетъ напомнить Гэсэру о забытой плѣтѣ женѣ; Гэсэръ прицѣпляется въ нее, но плѣть ни раны, ни пролитой крови.

3) Въ повѣсти о Гэсэрѣ выпиванія моря плѣтъ. Гэсэру въ этомъ предпріятіи сопутствуютъ товарищи, которые, подобно товарищамъ Иртушлюка тюркской

Кириль посредствомъ молитвъ осушаетъ море; обнажается гробъ съ мощами папы Климента, который лежалъ на морскомъ днѣ. Въ „Вост. мотивахъ“ я привелъ рядъ именъ, съ которыми, по моему мнѣнію, могъ быть связанъ мотивъ объ осушенномъ морскомъ днѣ: Харалтукъ, Хараликъ, Гэрэлъ и пр. При имени Хасаръ сходнаго имени до сихъ поръ не встрѣчалось; но въ новыхъ данныхъ о немъ этому мотиву отвѣчаетъ старуха Харальчи. Г. Смоленъ, напечатавшій забайкальское преданіе, Харальчи переводитъ словомъ „ругательница“; такъ, вѣроятно, это имя понимаютъ теперь сами буряты, но я думаю, что это какое-нибудь арханческое, подогнанное къ этому смыслу народомъ; въ преданіяхъ о Чингисъ-ханѣ есть имя Харалтукъ или Кирилту; это какой-то ханъ, который схватилъ Чингисъ-хана и набилъ на него колодки; Чингисъ бѣжалъ съ колодкой и спрятался въ воду, такъ что изъ воды торчалъ одинъ его носъ; картина не тождественная, но сходная съ той, которую представляла Харальчи. Къ этимъ даннымъ я присоединялъ еще киргизское преданіе объ Уралтай-Мамыръ-ханѣ, который бросилъ въ воду Есекень-батыря съ желѣзомъ на ногахъ ¹⁾. Въ однихъ случаяхъ имя Харалтукъ, Кирилту, Уралтай придавалось какъ будто лицу, которое своего противника бросило скованнаго въ воду, въ другихъ оно давалось тому лицу, которое сидѣло въ водѣ (въ бурятскомъ подѣ формой Харальчи).

Въ положеніи добывателя женщины представленъ также и герой одной монголо-тибетской легенды Эрдени-Хараликъ; онъ привозитъ на свою родину дакини; легенда, впрочемъ, ясно не приурочиваетъ дакини къ морю.

Въ бурятскомъ преданіи имя Харальчи, напоминающее формы

сказки, кажется, имѣли разныя необыкновенныя способности (см. Восточн. мотивы, стр. 61 и 65) и одинъ, вѣроятно, имѣлъ способность выпивать море и снова его выплевывать. Въ мипусянской сказкѣ объ Иванѣ Сучачѣ одна изъ такихъ необыкновенныхъ товарищей обладаетъ способностью складывать море въ копы; и онъ складъ море въ копы, чтобы обнажить лежавшій на его днѣ перстень, въ который обратилась дѣвица; Русскія сказки и пѣсни въ Сибири (Записки Красноярск. Подъотдѣла И. Русск. Географ. Общества по Этнографіи, т. I, вып. 2), Красноярскъ, 1902, стр. 59 (№ 34). Въ этой сказкѣ съ морского дна, обнаженнаго чудеснымъ образомъ, добывается не злое существо, чтобъ убить его, а дѣвица, т. е. существо желательное.

¹⁾ „Вост. мотивы“, 21 и др.

Хараликъ, Харалтукъ, и Кирилту, перешло на тѣло, лежащее на днѣ озера, а именовъ Хасаръ называется богатырь, который долженъ извлечь это тѣло изъ воды, т. е. Хасаръ какъ будто поставленъ на мѣсто Кирила славянской легенды, извлекающаго со дна моря тѣло папы Климента. Усматриваются и нѣкоторыя мелкія черты, общія обоимъ преданіямъ. Кириль дорогой срубаетъ поклонное дерево; Хасаръ выстрѣлами изъ лука подсѣкаетъ корни чудовищной сосны. Спутниковъ Кирила одолеваетъ жажда; онъ превращаетъ горькій источникъ въ сладкій, т. е. добываетъ годную для питья воду; этого мотива въ бурятскомъ преданіи о Хасарѣ нѣтъ, но онъ есть въ алтайскомъ преданіи о Сартактаѣ-Кэзэрѣ и въ тьянь-шанскомъ объ Алань-Хазарѣ ¹⁾; правда, мы можемъ только догадываться, что Кэзэръ и Алань-Хазаръ тоже-станны съ монголо-бурятскимъ Хасаромъ, но мотивъ о жадѣ можно найти и ближе къ послѣднему; въ аларской записи о. Затоплева преданія о Шидургу, на которую уже выше было указано, есть рассказъ о „сынѣ неба“, который мучился отъ жажды, ударилъ плетью по скалѣ и изъ образовавшейся расщелины потекла вода; далѣе этотъ „сынъ неба“ сопутствуетъ Чингисъ-хану въ его поискахъ за женой Шидургу, слѣдовательно это Хасаръ.

Выше было сказано, что съ именовъ Гэсэръ былъ связанъ сюжетъ объ увозѣ женщины и потомъ о возвращеніи ея къ прежнему очагу. Въ своихъ „Восточн. Мотивахъ“ я старался доказать, что этотъ эпизодъ Гэсэриады представляетъ сліяніе двухъ сказокъ, построенныхъ на одной схемѣ; одна сказка по моей догадкѣ, рассказывала, что жену Гэсэра увезли три ширайгольскихъ царя и Гэсэръ поѣхалъ возвратить ее; онъ нашелъ сердце своей жены измѣнившимъ ему; онъ убилъ царей, убилъ и жену, изрубилъ ея тѣло; другая предполагаемая сказка увозъ жены Гэсэра приписывала Чотону; Чотонъ увезъ жену Гэсэра, угналъ его скотъ, увелъ въ плѣнъ его родителей ²⁾. Въ преданіи о Хасарѣ описывается отбираніе законной жены у хана; можетъ быть и здѣсь это была увезенная женщина и поѣздку Хасара и Чингиса нужно понимать, какъ предпріятіе для возвращенія увезенной женщины.

¹⁾ „Вост. Мотивы“, 176 и 177.

²⁾ „Вост. Мотивы“, 677^а.

Въ русскихъ сказкахъ увозъ женщины, за которымъ слѣдуетъ ея возвращеніе, обыкновенно связанъ съ именемъ Кощей, такъ что является подозрѣніе, не тождественны ли имена Гэсэръ, Хасаръ и Кощей, хотя Кощей стоитъ на мѣстѣ, которое занимаютъ противники Гэсэра и Хасара.

Въ былинѣ Кощей стоитъ супротивникомъ Ивана Годиновича ¹⁾; Кощей нападаетъ на Ивана, при помощи жены Ивана одолеваетъ его и привязываетъ къ дубу, но стрѣла Ивана убиваетъ Коцея и Иванъ казнить измѣнницу-жену, разрубаетъ ея тѣло на части, т. е. дѣлаетъ съ женщиной то же, что дѣлаютъ Гэсэръ съ своей женой, Рогмо и Хасаръ съ женой хана Шидургу.

Въ великорусскихъ сказкахъ у Афанасьева Кощей (Кощей, Кошъ) увозитъ мать Ивана-царевича ²⁾, въ другой сказкѣ жену Ивана-царевича Ненаглядную Красоту ³⁾, въ третьей жену Ивана-царевича Василису Кирбилъевну, ⁴⁾ въ четвертой жену Ивана-царевича Марью Моревну ⁵⁾; въ сказкѣ о Тугарнѣ змѣй увозитъ жену Федора Тугарина Анастасью Прекрасную; по ходу и деталямъ это сказка о Кощеѣ, только имя Кощей замѣнено нарицательнымъ „змѣй“ ⁶⁾. Въ русско-сибирской сказкѣ ⁷⁾ Кощей увозитъ у Неугомонъ-царевича жену Русую Русу ⁸⁾, въ южно-русской змѣй увозитъ у Чурилы Елену, жену Ивана-царевича ⁸⁾. Кроме того, Кощей является въ одномъ вариантѣ великорус-

¹⁾ См. „Вост. Мотивы“, 660. У Рыбникова, II, 14 Кошуй Трипетовичъ супротивникъ Василья Бусласа.

²⁾ Афанасьевъ, I, № 93, а.

³⁾ Ibid., № 93, в.

⁴⁾ Афанасьевъ, I, № 93, с.

⁵⁾ Ibid., № 94.

⁶⁾ Ibid., № 95.

⁷⁾ Записки Красноярск. Подъотдѣла И. Русск. Географ. Общества по Этногр., т. I, вып. 2, Красноярскъ, 1902, стр. 111.

⁸⁾ Гринченко, Этногр. матеріалы Черниг. губ., в. 1, стр. 159. Когда Неугомонъ-царевичъ увезъ Русу, Кощей захотѣлъ посмотреть, далеко ли онъ уѣхалъ; онъ говоритъ: „Семерья дѣти, возьмите семерья вилы, поднимите мои вѣки!“ Это значитъ, что онъ представлялся съ вѣчно опущенными вѣками и рѣсницами, представление, соединяемое въ народныхъ повѣртіяхъ съ главнымъ лицомъ темныхъ силъ (Вій у Гоголя) и въ малорусскомъ повѣртіи съ св. Касьяномъ („Этногр. Обзор.“, I, III); эта особенность напоминаетъ также ослѣпшаго Гэсэра. Въ сказкѣ о царевнѣ, которую приходится отчитывать отъ чертей, въ угро-русскомъ ея вариантѣ, отчитываетъ царевну Кароль. У Гоголя одержимая.

ской сказки о лягушкѣ-царевнѣ, но здѣсь увоза нѣтъ; царевна-лягушка, собственно царевна Василиса Премудрая, обречена пробыть лягушкой три года, но мужъ ея не выждалъ срока, и она должна была, обернувшись лебедью, удалиться къ Кощею безсмертному ¹⁾. Мужъ увезенной женщины (въ одномъ вариантѣ сынъ) ѣдетъ возвращать ее; въ нѣкоторыхъ сказкахъ нѣсколько разъ удается ему увезти жену изъ плѣна, но Кощей имѣеть быстрого, говорящаго коня, на которомъ онъ летитъ по воздуху, догоняеть противника; первые разы онъ прощаетъ ему, но наконецъ убиваетъ его; тогда зятя убитаго воскрешаютъ его посредствомъ живой и мертвой воды; онъ достаетъ коня, который быстрѣе и сильнѣе Кощеева коня, и тогда ему удается убить Кощея. Въ одномъ вариантѣ ²⁾ конь Ивана-царевича совѣтуетъ Кошееву коню сбросить съ себя своего сѣдока и ударить его копытомъ, что тотъ и дѣлаетъ.

Въ другихъ сказкахъ смерть Кощея описывается иначе; онъ безсмертный; обыкновеннымъ способомъ онъ не можетъ быть убитъ; Кощей принадлежитъ къ числу тѣхъ неуязвимыхъ существъ, у которыхъ или только одна точка на тѣлѣ уязвима, или которое можетъ быть убито стрѣлой одного только какого-то дерева, или смерть котораго спрятана въ отдаленномъ предметѣ, не имѣющемъ вида смертельнаго орудія. Смерть Кощея скрыта въ яйцѣ, которое находится въ уткѣ, утка въ зайцѣ, заяцъ въ ящикѣ, ящикъ подъ корнемъ дуба, дубъ на островѣ, а островъ въ морѣ. Противникъ Кощея долженъ сдѣлать особую поѣздку за этимъ смертельнымъ яйцомъ. Въ сказкѣ о Оедорѣ Тугаринѣ вмѣсто яйца добывается каменекъ. Какъ только яйцо сдвинуто съ мѣста, на которомъ лежало неподвижно, Кощей начинаетъ чувствовать себя нездоровымъ; если яйцо жать въ рукѣ, тѣло Кощея будетъ корчиться; если его разбить, Кощей умретъ. Иногда противникъ Кощея, добывъ яйцо, возвращается къ Кошеему и бросаетъ яйцо ему въ лобъ, и Кощей умираетъ отъ этого удара; такъ товарищъ Ивана царевича Булатъ-молодецъ бьетъ Кощея

нечистой силой женщина сама указываетъ своему отцу, кто долженъ ее отчитывать; въ преданіи о Кирилѣ Кожемякѣ дочь князя сама указываетъ отцу, что спасти ее отъ змѣя можетъ Кириль.

¹⁾ Афанасьевъ, № 150, с (II, 157).

²⁾ Афанасьевъ, № 94 (I, стр. 234 въ подстрочномъ примѣчаніи).

яйцомъ въ лобъ, Ѳеодоръ Тугаринъ бросаетъ ему въ лобъ каменекъ ¹⁾. Въ сказкѣ о Ѳеодорѣ Тугаринѣ оба мотива вмѣстѣ: и добываніе коня, который превосходитъ коня змѣя (здѣсь змѣй вмѣсто Кощея) ²⁾, и смерть змѣя отъ удара каменека, вынутаго изъ яйца утки; Тугаринъ несется на своемъ конѣ по воздуху выше деревьевъ, змѣй за нимъ; конь змѣя говоритъ, что ему не одолѣть Тугарина, и дѣйствительно Тугаринъ наноситъ змѣю смертельный ударъ.

Въ забайкальскомъ преданіи смерть хана Шидургу напоминаетъ смерть Кощея; Шидургу также безсмертный, *ухылъ улей*, какъ и Кощей; его смерть скрыта внѣ его тѣла; ее нужно искать на какой-то горѣ; это три жала, которыя находятся въ пчелахъ ³⁾. Хасаръ, чтобы убить Шидургу, долженъ отправиться на гору и поймать три пчелы. Въ русской сказкѣ Иванъ-царевичъ добываетъ изъ-подъ дуба ящикъ, открываетъ его, и утка улетаетъ; ястребъ ловитъ и приноситъ ее; Иванъ-царевичъ достаетъ изъ утки яйцо, моетъ его въ морѣ и нечаянно опускаетъ его въ воду; щука находитъ яйцо, выплываетъ изъ моря и подаетъ яйцо царевичу. Что-то подобное въ неясныхъ чертахъ рассказываетъ и забайкальское преданіе. Чингисъ доѣхалъ на горѣ до роя пчелъ, но онѣ летаютъ въ воздухѣ; онъ помолился богамъ; это вызываетъ дождь, омертвѣлыя пчелы собираются въ улей; Чингисъ выбираетъ изъ нихъ тѣ три пчелы, въ которыхъ находятся смертельныя для Шидургу жала, но почему-то не ѣдетъ прямо къ Шидургу, а зачѣмъ-то его спутникъ Хасаръ долженъ нырнуть въ море, чтобы оттуда вынести опять тѣ же три жала; изъ моря выплываетъ щука и изъ нея выходитъ Хасаръ съ тремя пчелиными жалами. Не были ли эти жала обронены въ море,—и понадобилась щука, чтобы найти ихъ?

Противники Кощея бьютъ его яйцомъ въ лобъ; въ забайкальскомъ преданіи три жала воткнуты въ шишку, которая была на лбу у Шидургу.

¹⁾ Афанасьевъ, № 93, с (I, 226), № 95 (I, 236).

²⁾ Этотъ болѣе превосходный конь добывается въ уплату за то, что противникъ Кощея три дня пасетъ семь кобылицъ бабы-яги; подъ видомъ кобылицъ дочери бабы-яги. По пѣвоторымъ редакціямъ этотъ конь брать коню Кощея.

³⁾ Въ № 150 у Афанасьева (II, 158) въ сказкѣ о царевнѣ-лягушкѣ смерть Кощея въ иглъ, которая въ яйцѣ и т. д.

Подробности смерти Шидургу, какъ онѣ описаны въ забайкальскомъ преданіи, даютъ право думать, что въ Монголіи была сказка въ родѣ русской о Кощеѣ и что забайкальское преданіе представляетъ ея отголоски. Шидургу это Кощей; Чингисъ-ханъ на мѣстѣ Ивана-царевича; какъ царевичъ хочетъ отнять женщину, находящуюся въ рукахъ у Кощея, такъ Чингисъ хочетъ отнять женщину, находящуюся во власти Шидургу; царевичъ иногда одинъ исполняетъ это дѣло, иногда ему помогаетъ товарищъ, наприм., Булатъ-молодецъ, и тогда самая содержательная роль приписывается этому товарищу. И въ монгольскомъ преданіи у Чингиса есть товарищъ Хасаръ, который оказывается очень дѣятельнымъ въ предпріятіи; часть дѣйствій приписывается Чингису, часть Хасару; дѣятельность ихъ разными редакціями смѣшивается и я думаю, были такія монгольскія редакціи, гдѣ Хасару всецѣло принадлежала вся дѣятельность, какъ Булату въ русской сказкѣ о Василисѣ Кирбитьевнѣ. Въ русской сказкѣ Кощей гонится за Иваномъ-царевичемъ, летая по воздуху; въ монгольскомъ преданіи Чингисъ гонится за Шидургу по воздуху. Разница въ томъ однако, что въ русской сказкѣ темный персонажъ преслѣдуетъ свѣтлаго, а въ монгольскомъ преданіи свѣтлый темнаго ¹⁾.

Изъ сопоставленія русской сказки съ забайкальскимъ преданіемъ можно убѣдиться, что имя Тугаринъ въ № 95 у Афанасьева не явилось въ немъ произвольно, а что оно пришло съ сюжетомъ изъ Монголіи. Мотивъ о крови зайца на снѣгу усвоенъ преданію о Шидургу только устными редакціями; въ книжной же редакціи этого мотива нѣтъ, но въ „Алтанъ Тобчи“ онъ есть, только не въ преданіи о Чингисѣ и Шидургу, а о совершенно другихъ лицахъ. Въмѣсто Чингиса, охотится здѣсь Елбекъ-ханъ; онъ видитъ кровь на снѣгу и задаетъ тотъ же вопросъ, какъ и

¹⁾ Отношенія русской сказки о Кощеѣ къ ордынскимъ сюжетамъ, связаннымъ съ именами Козу, Гесеръ и Хасаръ, наводятъ на мысль, что русское Кощей фonetически тождественно съ этими именами. Если и въ самомъ дѣлѣ имена Кощей и Хазаръ были одно и то же, то русское Кощей не имѣло ли также два примѣненія, какъ и ордынское Хасаръ, какъ имя дѣйствующаго лица въ преданіяхъ и какъ имя народа? Выраженіе „Слова о полку Игоревѣ“ „Кощей по ногатѣ“ не слѣдуетъ ли понимать въ смыслѣ „Хазаръ по ногатѣ“ т. е. главный хазарянинъ? Не звали ли хазаръ кощеями какія-нибудь соседнія племена, напримѣръ, болгарская орда на Дунаѣ или евреи южной Россіи?

Чингисъ-ханъ; его вельможа Тафу говоритъ ему, что такого цвѣта щеки у его невѣсты, жены Дегуренгъ-Хагорцока. Елбекъ-ханъ убиваетъ Дегуренга и беретъ его жену. Местъ жены убитаго, погоня Елбекъ-хана за Тафу, отстрѣленный мизинецъ у Елбекъ-хана—все это какъ будто измѣненные и переставленные подробности изъ сказанія о Чингисѣ и Шидургу. Если мы ограничимся предѣлами только перваго инцидента этого преданія, то Елбекъ, задающій вопросъ по поводу крови на снѣгу, это будетъ Чингисъ, Дегуренгъ, у котораго онъ хочетъ отнять жену, это Шидургу. Въ русской былинѣ съ именемъ Тугаринъ связанъ мотивъ о дождѣ; Тугаринъ взлетѣлъ на воздухъ, но противникъ его молить небо о помощи, идетъ дождь и мочить бумажныя крылья Тугарина; онъ падаетъ на землю, здѣсь соперникъ убиваетъ его. Если Дегуренгъ стояло иногда вмѣсто Шидургу, то забайкальское преданіе, записанное г. Смолевымъ, даетъ поводъ предположить, что это имя иногда стояло рядомъ съ мотивомъ о дождѣ или холодѣ, явившемся по молитвѣ и принудившемъ летающее существо опуститься на землю, т. е. что образъ русскаго Тугарина, крылья котораго замочило дождемъ, уже былъ извѣстенъ ордѣ ¹⁾.

Кровь зайца или лисицы на снѣгу, въ таранчинской сказкѣ о Бозы-Курпенѣ кровь вороны на снѣгу ²⁾ вызываетъ первое извѣстіе о существованіи необыкновенной красавицы, которая потомъ служить цѣлью предпріятія. Въ другихъ сказкахъ, въ томъ числѣ и въ повѣсти о Гэсэрѣ, эквивалентомъ этого мотива являются волосы красавицы; вычесанные изъ головы красавицы Рогмо, они подхвачены птицей и отнесены во дворъ ширайгольскихъ царей; въ монгольской сказкѣ о Бамба-Шиту и его братѣ вычесанные волосы красавицы попадаютъ въ рѣку; теченіемъ сносятся ихъ къ городу, въ которомъ живетъ ханъ: ханскія служанки

¹⁾ См. Восточн. мотивы, 451; мои статьи: „Новыя привлеченія къ былинѣ о Добрынѣ“ (Этп. Обзор., XXII, 54) и „Змѣй Горынычъ“ (ib., XXVI, 114). Погоня Коцея за Иваномъ царевичемъ и полетъ по воздуху папоминаютъ сходный мотивъ въ еврейской легендѣ: Иегошуа, похитившій пергаментъ, поднимается на воздухъ; Иегуда летитъ за нимъ; Иегуда сильнѣе вѣщимъ знапіемъ, чѣмъ Иегошуа, подобно тому, какъ конь Ивана царевича сильнѣе коня Коцея; Иегуда обливаетъ Иегошуа жидкостью, отчего тотъ опускается на землю, подобно Тугарину. Изъ этихъ параллелей можно заключить, что еврейская легенда заимствовала элементы изъ какой-то сказки въ родѣ русской о Коцѣ.

²⁾ Radloff, Proben, VI, 211.

черпали воду для дворца и зачерпнули въ ведро волосы ¹⁾. Въ вариантахъ этой сказки, болѣе или менѣе отклоняющихся, вмѣсто волосъ—портретъ красавицы, который вѣтромъ уносится въ ханскій дворець ²⁾. Сказки объ увозѣ женщины и о ея возвращеніи къ прежнему мужу нерѣдко имѣютъ такой зачинъ съ намекомъ на ея красоту. Въ русскихъ сказкахъ о Кощеѣ хотя зачинъ построенъ иначе, но намекъ на красоту также есть. Въ сказкѣ у Афанасьева № 93,6 (стр. 220) няньки не могутъ укачать ребенка, зовутъ качать самого отца-царя, и тотъ, укачивая, пригѣваетъ: „Спи, сынокъ! выростешь большой, сосватаю за тебя Пенаглядную Красоту, девяти братьевъ сестру!“ Когда онъ выросъ, эта колыбельная пѣсня подала ему поводъ ѣхать искать Пенаглядную Красоту въ томъ же родѣ, какъ кровь зайца на снѣгу подала поводъ Чингису искать жену Шидургу. Въ вариантѣ с той же сказки няньки убаюкиваютъ царевича словами: „Выростешь большой, найдешь себѣ невѣсту: за тридевять земель въ тридесятомъ царствѣ сидитъ въ башнѣ Василиса Кирбитъевна“ ³⁾. Въ бійской сказкѣ няньки убаюкиваютъ Пегушонъ-царевича утѣшеніемъ, что онъ возьметъ за себя Русую Русу, тридцати братьевъ сестру. Въ киргизской сказкѣ о Козу-Курпешѣ намекъ на существованіе красавицы обставленъ иначе; отецъ Козу-Курпеша и отецъ красавицы Балън-Слу, когда дѣти еще не родились, на охотѣ, прицѣпившись въ беременную оленуху, вспомнили о своихъ беременных женахъ и порѣшили поженить своихъ дѣтей, но впоследствии они разошлись, и Козу-Курпешъ выросъ, не зная, что у него есть суженая; мать скрыла отъ него договоръ отцовъ; во время игры въ бабки съ дѣтьми аула Козу-Курпешъ нечаянно попалъ бабкой въ одну старуху, и та замѣтила ему, что ему бы, чѣмъ въ бабки играть, слѣдовало бы искать свою суженую; это замѣчаніе подѣйствовало на него, какъ кровь на снѣгу на Чингиса. Въ таранчинской сказкѣ о Бозы-Курпешѣ сохранился чингисовскій мотивъ; тутъ кровь вороны на снѣгу. Киргизская сказка не содержитъ разсказа объ увозѣ жены и возвращеніи

¹⁾ См. мои Очерки с-з. Монголіи, IV, 240. Въ бурятскомъ преданіи о Хасарѣ, записанномъ г. Смоленымъ, также есть волосы, плавающие по водѣ, только этотъ мотивъ стоитъ въ сказкѣ не на томъ мѣстѣ.

²⁾ Танг.-тиб. окраина Китая, II, 145.

³⁾ Афанасьевъ, № 93, с (I, 224).

ея къ прежнему очагу, но въ ней есть все-таки претензіи на чужую невѣсту; къ суженой Козу-Курпеша, къ красавицѣ Баянь-Слу присватался Кодарь-Куль, который потомъ и убилъ Козу-Курпеша ¹⁾. Въ ней есть одна сходная подробность съ русской сказкой о Василисѣ Кирбитьевнѣ, т. е. съ одной изъ сказокъ о Кощеѣ ²⁾, а также и съ монгольской повѣстью о Гасарѣ.

Кромѣ сказокъ объ увозѣ жены и возвращеніи ея къ прежнему мужу, имя Кошея иногда встрѣчается въ связи и съ другими сюжетами. Есть сказка, въ которой царевичъ принужденъ уступить свое званіе коноху; сказка начинается разсказомъ о томъ, что у царя, отца царевича, содержится въ заточеніи или въ башнѣ, или въ желѣзномъ столбѣ, или въ подземной ямѣ какое-то необыкновенное существо, летающее по воздуху; царевичъ выпускаетъ его на волю, и съ этого времени начинаются злключенія царевича. Существо это называется различно: Пилигримъ, Никаноръ богатырь, лѣпшій мужикъ, дивій мужикъ и пр. ³⁾. Въ одномъ вариантѣ, указанномъ у Афанасьева въ подстрочномъ примѣчаніи ⁴⁾ на этомъ мѣстѣ стоитъ Кошей, сѣдой старичокъ ⁵⁾. Хотя эта сказка построена на другой схемѣ, не на схемѣ сказки о Кощеѣ, увозящемъ чужую жену, но образъ заточеннаго въ отдѣльномъ помѣщеніи не чуждъ и этимъ сказкамъ. Въ сказкѣ о Марѣ Моревнѣ эта женщина, уѣзжая, запрещаетъ Ивану-царевичу входить въ одинъ покой, но онъ не утерпѣлъ и увидѣлъ тамъ Кошея безсмертнаго, прикованнаго на двѣнадцати

¹⁾ Въ одномъ вариантѣ Козу-Курпешъ, убитый Кодаромъ, воскресаетъ и находитъ свой скоть захваченнымъ какимъ-то Джида-баемъ; онъ убиваетъ его и возвращаетъ скоть. Эта приставка даетъ поводъ къ догадкѣ, что былъ вариантъ, въ которомъ не Кодаръ, а Джида-бай выставлялся претендентомъ на Баянь-Слу и этотъ Джида-бай, убивъ Козу, уводилъ его скоть и увозилъ его суженую.

²⁾ Восточн. мотивы, 689.

³⁾ „Верхоянскій Сборникъ“, Иркутскъ, 1890, стр. 268; „Смоленскій Сборникъ“, Спб., 1891, ч. I, стр. 455; Афанасьевъ, I, № 67: „Королевичъ и его дядька“, а, в.

⁴⁾ Афанасьевъ, I, стр. 111, вар. 3.

⁵⁾ Въ смоленскомъ вариантѣ на мѣстѣ царевича стоитъ Игръ (Игра Игревичъ); у Афанасьева на стр. 111 въ подстрочномъ примѣчаніи № 3, наоборотъ, Вихрежъ Вихревичемъ (Игръ=Вихрь?) называется чудовище, находящееся въ заточеніи.

цѣпляхъ; Иванъ-царевичъ отпускаетъ его на свободу, и съ этого момента начинаются его злоключенія ¹⁾). То же самое и въ бѣйской сказкѣ о Неугомонъ-царевичѣ; Кощей виситъ на цѣпляхъ, и Неугомонъ-царевичъ отпускаетъ его ²⁾). Можно предположить, что въ основѣ представленій о Кощеѣ и Пилигримѣ лежитъ одинъ и тотъ же реальный фактъ.

Другая сказка, въ которой увоза женщины нѣтъ, а Кощей есть, это сказка о царевнѣ лягушкѣ ³⁾). Начинается сказка тѣмъ, что три брата пускаютъ три стрѣлы; стрѣла младшаго попадаетъ въ болото, и онъ долженъ жениться на лягушкѣ; это обращенная царевна; мужъ поторопился, до срока уничтожилъ ея лягушачью шкурку, и она должна, обернувшись лебедью, улетѣть къ Кощею, а мужъ долженъ отыскать ее; исторія возвращенія ея описана совершенно сходно съ сказками о Кощеѣ—смерть его въ яйцѣ, которое въ уткѣ, утка въ зайцѣ, заяцъ въ сундукѣ, сундукъ на дубѣ. Сказка интересна своими отношеніями къ преданіямъ объ Эрдени-Хараликѣ и Гэсэрѣ. Три стрѣлы напоминаютъ преданіе объ Эрдени-Хараликѣ; его отецъ три раза пускаетъ стрѣлу въ трехъ женщинъ, ѣдущихъ на одной лошади; одна изъ нихъ царевна, и всякій разъ стрѣла ложится на колѣни къ царевнѣ. Какъ въ сказкѣ о царевнѣ-лягушкѣ, и здѣсь есть красавица, которая скрывается подъ безобразной оболочкой.

Въ Гэсэриадѣ близко подходитъ къ сказкѣ о царевнѣ лягушкѣ эпизодъ съ Тумень-Джиргаланъ. Подобно тому, какъ Василиса Премудрая, т.-е. лягушка-царевна, должна покинуть своего мужа

¹⁾ Афанасьевъ, № 94 (I, 231).

²⁾ Русскія сказки въ Сибири (Записки Красноярск. Подъотдѣла Геогр. Общ.), Красноярскъ, 1902, стр. 111. Если Вихорь Вихрѣвичъ и Игра Игравичъ только верси́и, то, въ виду чередованія именъ Вихорь и Кощей на мѣстѣ заточеннаго чудовища, можно допустить подобное же чередованіе именъ Игра и Кощей на мѣстѣ царевича, т.-е. можно къ Кощею отнести, что рассказывается объ Игрѣ, именно: наездъ къ царевнѣ Ирнѣ, лишеніе ея дѣвственности, бѣгство его и погоня за нимъ Ирны (послѣднее напоминаетъ погоню хранительницы небесныхъ Эрдени за Гэсэромъ, похитившимъ ихъ, и погоню Иегуды за Иегошуа, похитившимъ чудодѣйственный пергаментъ; въ эпизодѣ Гэсэриады насилія надъ женщиной нѣтъ, но въ легендѣ объ Иегошуа есть, отнесено оно только къ другому лицу.

³⁾ Афанасьевъ, № 150, с (II, 158).

и удалиться къ Кощею, такъ здѣсь Тумень-Джиргаланъ должна оставить своего мужа Гэсэра и отправиться жить къ Мангысу; поводъ къ этому въ Гэсэриадѣ не сходный, но, по аналогіи съ другими образцами ¹⁾, она должна была это сдѣлать за нарушеніе запрета; повидимому Гэсэръ посѣщаль ее только ночью, и она не должна была зажигать огонь во время его посѣщеній, а она, вѣроятно, не соблюла запрета ²⁾. Когда она удалилась, Гэсэръ идетъ возвращать жену; онъ убиваетъ Мангыса. Смерть Мангыса описана иначе, чѣмъ смерть Кощея; она описана, какъ смерть одноглазаго людоеда (Лихо, Полифемъ и пр.); но въ монгольской сказкѣ объ Иринъ-Сайнѣ смерть Мангыса въ родѣ смерти Кощея; смерть Мангыса въ шести пташкахъ, пташки въ ящикѣ, ящикъ въ быкѣ, быкъ въ фанзѣ или домѣ, домъ на ледяной горѣ, гора въ морѣ; Иринъ-Сайнъ добываетъ пташекъ, но они улетаютъ; по его молитвѣ наступилъ холодъ, и пташки сами прилетаютъ къ нему ³⁾.

Сдѣланныя сопоставленія указываютъ на общее происхожденіе сюжетовъ Гэсэра и Хасара, а также русскаго Кощея, киргизскаго Козу и еврейскаго Игошуа.

Параллели у Игошуа и Кощея: Кощей спорить въ полетѣ по воздуху съ Иваномъ-царевичемъ, Игошуа съ Игоудой; Кощей сброшенъ изъ-подъ неба на землю, Игошуа также; Кощей не могутъ убить—нужно предварительно достать смертельное яйцо, Игошуа не могутъ убить—нужно сначала добыть смертельную кочерыжку ⁴⁾.

Преданіе о Хасарѣ и Шидургу, которое я уже сближалъ съ киргизской сказкой о Козу ⁵⁾, это сказка о Кощеѣ, гдѣ Шидургу занимаетъ мѣсто Кощея, а Чингисъ или Хасаръ мѣсто Ивана-царевича. Но въ преданіи о Шидургу одинъ только увозъ,

¹⁾ Die Thaten Bogda Gesser-chan's, S. P., 1839, S. 115—119.

²⁾ Тапг.-тиб. окраина Китая, II, 127.

³⁾ Потанинъ, „Очерки свѣ. зап. Монголіи“, IV, 460; статья „Змѣй Горынычъ“ въ „Этн. Обзор.“, XXVII, 114.

⁴⁾ „Вост. мотивы“, 494. Чтобы взлетѣть и одолѣть Кощей, Ивану-царевичу нужно было добыть особаго могучаго коня, а для этого прослужить три дня у бабы-яги и пропасти семь кобылицъ; Игошуа, чтобы летать, долженъ былъ украсть у Игоуды чудодѣйственный пергаментъ.

⁵⁾ „Вост. мотивы“, 833.

нѣтъ возвращенія; это приближаетъ его къ сказкѣ о дочеряхъ морского царя, гдѣ также одинъ только увозъ. Въ преданіи о Шидургу еще одинъ мотивъ, общій со сказкой о дочеряхъ морского царя—это бѣгство и погоня съ превращеніями, которыя сходны у преданія со сказкой. Въ настоящее время нѣтъ матеріала для того, чтобъ наполнить переходными вариантами промежуточное пространство между преданіемъ о Шидургу и сказкой о дочеряхъ морского царя; но существованіе такихъ переходныхъ сказокъ можно подозрѣвать.

Въ „Восточныхъ мотивахъ“ и въ статьѣ: „Тюркская сказка о Идыгэ-би“¹⁾ я сблизилъ книжное сказаніе о Чингисъ-ханѣ съ сказкой объ Идыгэ-би, извѣстной у сибирскихъ татаръ и у киргизъ. Ханъ Тохтомышъ хотеть убить Идыгэ-би'я, который служитъ при его дворѣ; ханша, желая отмстить Идыгэ за отвергнутую любовь, возбуждаетъ въ головѣ хана несправедливыя подозрѣнія, и ханъ хотеть отдѣлаться отъ своего слуги. Но нѣкто Джанбай, узнавшій о тайныхъ намѣреніяхъ хана, выдаетъ эту тайну своему другу Идыгэ, и тотъ спасается бѣгствомъ²⁾; переѣхавъ рѣку Адиль, на другомъ ея берегу, Идыгэ находитъ богатыря Анисима и возлѣ него дѣвицу; онъ убиваетъ Анисима и овладѣваетъ дѣвицей³⁾.

1) „Живая старина“, вып. IV, 1897 г., стр. 294.

2) Идыгэ выскакиваетъ въ дымовое отверстіе юрты; подобно ему, и Козу-Курпешъ въ нѣкоторыхъ вариантахъ другой киргизской сказки вылетаетъ въ дымовое отверстіе. Этотъ мотивъ отождествляетъ Козу и Идыгэ-би; но въ сказкѣ о Козу членъ Джиды стоитъ въ имени противника Козу-Курпеша (Джиды-бай), какъ будто имя Иды-Джиды придавалось то доброму существу, то злему, въ родѣ того, какъ въ русской былинѣ Тугаринъ злое змѣеобразное существо, а въ сказкѣ доброе, терпящее отъ змѣя.

3) Вариантъ этой сказки записанъ въ Тургайской области и напечатанъ въ тургайской областной типографіи (сообщеніемъ ея я обязанъ И. И. Краѣту). Въ ханствѣ Жидая родился мальчикъ Тамиръ; Жидай-хану предсказано, что Тамиръ смѣститъ хана; ханъ велитъ сбросить Тамира съ дерева, но люди только изломали мальчику ногу. Тамиръ живетъ съ пастухами и играетъ съ дѣтьми; играющія дѣти избираютъ Тамира своимъ царемъ, подобно тому, какъ въ барабинской сказкѣ дѣти избираютъ царемъ Идыгэ, или какъ въ малорусскомъ преданіи—Соломона Тамиръ составляетъ изъ своихъ товарищей по играмъ шайку единомышленниковъ и дѣлается завоевателемъ. Это сказка объ Идыгэ, только имя переставлено; Жидай-ханомъ (Идыгэ-би) названъ здѣсь не гонимый мальчикъ, а царь-гонитель. Этотъ злой Жидай-ханъ тождественъ съ

Эпизодъ о Тохтомышѣ отвѣчаетъ въ преданіяхъ о Чингисѣ не преданію о Шидургу, а преданію о кирейскомъ ханѣ Ванѣ. Ванъ задумываетъ убить Чингиса, какъ Тохтомышъ хотеть убить Идыгэ; подозрѣнія относительно Чингиса внушены ему сыномъ, который тутъ на мѣстѣ женъ; замыселъ хана выданъ Чингису двумя лицами, которые подслушали разговоръ одного изъ участниковъ заговора со своей женой. Предупрежденный объ опасности, Чингисъ спасается бѣгствомъ въ пустыню. Этотъ эпизодъ о Ванѣ книжной редакціей ни въ какую связь съ преданіемъ о Шидургу не поставленъ.

Въ тюркской сказкѣ два эпизода; первый—заговоръ хана противъ своего слуги; второй—отниманіе чужой жены. Два эти разсказа составляютъ цѣльную сказку. Можетъ быть и два эпизода о Чингисѣ составляли такую же цѣльную сказку, состоявшую изъ двухъ соотвѣтствующихъ эпизодовъ; разсказъ о Ванѣ это былъ первый эпизодъ, отвѣчавшій разсказу о Тохтомышѣ; преданіе о Шидургу служило продолженіемъ сказки, отвѣчающимъ эпизоду съ Анисимомъ на рѣкѣ Адиль.

Тюркская сказка изображаетъ гоненіе Идыгэ единоличнымъ предпріятіемъ хана; тутъ только коварный умыселъ хана, а заговора собственно нѣтъ; ханъ приказываетъ сорока вооруженнымъ слугамъ окружить юрту, въ которой находился Идыгэ и, когда онъ будетъ выходить, поразить его ножами; эти вооруженные—только исполнители приказанія хана, но не заговорщики.

Цодей-ханомъ сибирско-татарскаго преданія, напечатаннаго г. Радловымъ (Radloff, Proben, IV, 307); Цодей-ханъ, получивъ подобное же, какъ Жидай-ханъ, угрожающее предсказаніе, приказываетъ избить всѣхъ младенцевъ, рожденіе которыхъ ожидается; визирь, которому было поручено исполненіе этого приказанія, имѣлъ беременную родственницу; онъ пожалѣлъ ее и вмѣсто точнаго исполненія ханскаго повелѣнія только нажалъ на беременный животъ; родился хромой Текуръ (Аксакъ-Темиръ). Эти образцы показываютъ, что не всегда имя съ корнемъ Иды-Жиды придавалось гонимому персонажу, а иногда оно придавалось и гонителю. Если эти преданія въ основѣ своей имѣютъ явленія въ звѣздномъ мірѣ, то такое чередованіе именъ понятно; по одному народному показанію Идыганъ или Жидиганъ, т. е. Большая Медвѣдница, гонится за Плеядами, по другому—Плеяды преслѣдуютъ Идыгана. Также и въ киргизской сказкѣ о Козу-Курпешѣ гонителю придавалось сходное имя; какъ сказано выше, стада его захватилъ какой-то Джиды-бай, подобно тому, какъ стада Гасара очутились во власти Чотона.

Въ монгольскомъ преданіи черты заговора яснѣе; здѣсь два человѣка подслушиваютъ разговоръ Ёкѣ-Черяня, одного изъ заговорщиковъ, съ своей женой; онъ передаетъ ей рѣшеніе совѣщанія, на которомъ онъ присутствовалъ; было, значить, совѣщаніе, на которомъ, кромѣ хана, было еще нѣсколько другихъ соучастниковъ: Ёкѣ-Черянь, вѣроятно, Санкунь, сынъ Вана, самъ Ванъ и, вѣроятно, другіе.

Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ редакціяхъ преданія число заговорщиковъ было опредѣленное. Кромѣ преданія о Ванѣ, есть еще другое—о заговорѣ противъ жизни Чингисъ-хана, въ которомъ принималъ участіе нѣкто Чжамуха; тутъ говорится о многихъ заговорщикахъ; это старѣйшины разныхъ племенъ; заговорщики принесли клятву вѣрно держаться постановленнаго рѣшенія; но Чингисъ-ханъ разрушилъ эти козни и казнилъ заговорщиковъ; въ преданіи сказано, что онъ приказалъ мятежныхъ старѣйшинъ сварить въ семидесяти котлахъ. Я думаю, что этотъ эпизодъ попалъ въ исторію Чингисъ-хана изъ народной сказки, что число семьдесятъ—обычное въ сказкахъ преувеличеніе, что первоначально на этомъ мѣстѣ стояло распространенное въ сказкахъ число семь; было только семь котловъ, и если на каждый котелъ приходился только одинъ человѣкъ, то заговорщиковъ было семь.

Въ „Восточн. Мотивахъ“¹⁾ я сдѣлалъ предположеніе, что записанная мною монгольская сказка о заговорѣ противъ Еджень-хана также относилась къ Чингисъ-хану. По моимъ соображеніямъ, которыя здѣсь повторять не буду, подъ Еджень-ханомъ скрывается Чингисъ. Еджень-ханъ по внушенію свыше идетъ ночью воровать вдвоемъ съ опытнымъ воромъ; судьба приводитъ его къ дому главнаго заговорщика, и онъ слышитъ разговоръ заговорщика съ женой, изъ котораго узнаетъ о подготовляемой ему злой участи. Я думаю, что эта-то сказка и стояла раньше въ эпизодѣ о Ванѣ; вмѣсто Еджень-хана и его товарища, въ книжномъ преданіи разговоръ заговорщика подслушиваютъ два постороннихъ человѣка; разговоръ происходитъ не въ домѣ Вана, главнаго заговорщика, а въ домѣ Ёкѣ-Черяня, который въ заговорѣ не играетъ главной роли. Число заговорщиковъ въ этой

1) Стр. 249 и 519.

сказкѣ не указано, но сюжетъ этой сказки извѣстенъ въ Западной Европѣ и приуроченъ къ Карлу Великому; это сказка о Карлѣ, который идетъ, по внушенію свыше, воровать съ воромъ Базеномъ или съ Елегастомъ. Во французской сказкѣ въ заговорѣ участвуютъ двѣнадцать пэровъ. Можно думать, что и въ заговорѣ противъ Чингиса стояло иногда двѣнадцать князей или бековъ заговорщиковъ.

Въ романахъ и преданіяхъ о Карлѣ двѣнадцать пэровъ являются то заговорщиками противъ Карла въ союзѣ съ его двумя братьями отъ другой матери, то они являются его сторонниками; они противодействуютъ его злымъ братьямъ, принимаютъ мѣры къ его спасенію и стараются доставить ему торжество. По киргизскому преданію, у Чингиса главные враги тоже братья, дѣти отъ другого отца; боясь гибели, Чингисъ убѣгаетъ въ пустыню и прячется; двѣнадцать биевъ отправляются искать его съ цѣлью сдѣлать его ханомъ. Эти двѣнадцать биевъ соотвѣтствуютъ французскому представленію о двѣнадцати пэрахъ, покровителяхъ Карла; но если во Франціи тѣ же двѣнадцать пэровъ народному воображенію представлялись въ другомъ случаѣ посягателями на жизнь Карла, отчего и въ ордѣ не могло быть такого же представленія о двѣнадцати бияхъ заговорщикахъ.

Въ виду приведенныхъ данныхъ можно предположить существованіе въ Монголіи такого сказанія: Чингисъ находится при дворѣ Вана; противъ него составляется заговоръ; во главѣ заговора Ванъ; всѣхъ заговорщиковъ двѣнадцать. Одинъ изъ заговорщиковъ проговорился, тайна сдѣлалась извѣстна Чингису, и онъ спасся бѣгствомъ. Затѣмъ слѣдовалъ второй эпизодъ: Чингисъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Хасаромъ отправляется отвоевывать жену у Шидургу.

Планъ заговорщиковъ былъ такой. Чингисъ сватался за дочь Вана, но ему было отказано. Теперь Ванъ хотѣлъ хитростью заманить къ себѣ Чингиса; онъ будто бы согласенъ выдать дочь за Чингиса, и когда Чингисъ пріѣдетъ за невѣстой, заговорщики убьютъ его. Но кончилась исторія тѣмъ, что Вану была отрублена голова, и всѣ женщины во дворцѣ Вана попали въ руки Чингиса. Тутъ напрашивается вопросъ, не представлялась ли поѣздка Чингиса за женой Шидургу, какъ поѣздка къ тому же Вану, и что не Ванъ ли скрывается подъ именемъ Шидургу?

Если дѣйствительно эти двѣ темы, заговоръ и поѣздка за женщиной, составляли одно сказаніе, то его можно принять за перестроенную по новому плану сказку о двѣнадцати дочеряхъ морского царя; тѣмъ же матеріаламъ дано другое мѣсто и другое толкованіе; убѣгъ отъ морского царя и его погоня за бѣглецами обращены въ рассказъ о погонѣ Чингиса или Хасара за Шидургу или за его женой, а число двѣнадцать перенесено съ женщинъ на число заговорщиковъ; тутъ мы могли бы разсчитывать найти два мотива: затрудненіе въ выборѣ одного изъ двѣнадцати и выдачу тайны; ни того, ни другого въ сказаніи о Чингисъ-ханѣ нѣтъ, но послѣдній мотивъ, кажется, былъ.

Въ монгольскомъ народѣ живетъ преданіе о заговорѣ монгольскихъ князей противъ Еджень-хана, т. е. противъ китайскаго императора; во главѣ заговора стоялъ князь Шидыръ-ванъ; число заговорщиковъ не сказывается. Князья скрѣпили свой заговоръ клятвенный трапезой, ѣли мясо чернаго козла и пили кровь чернаго козла. Во время трапезы одинъ изъ князей показался подозрительнымъ; у него былъ недобрый взглядъ; Шидыръ-вана предупредили объ этомъ, но тотъ не придалъ значенія этому факту. Дѣйствительно, худо смотрѣвшій князь оказался предателемъ; Еджень-ханъ послалъ военный отрядъ, Шидыръ-ванъ бѣжалъ, но былъ схваченъ и казненъ. Убить его удалось не сразу; его удавили веревкой, надѣтой на шею; онъ умеръ, но вновь народился мальчикомъ съ кровавой полоской вокругъ шеи.

Преданіе это нынѣшними монголами приурочивается къ XVIII столѣтію, къ событію, которое дѣйствительно случилось, но вѣроятно оно жило ранѣе, и я думаю, что это рассказъ все о томъ же заговорѣ противъ Еджень-хана, другая версія котораго была уже приведена выше. Шидыръ-ванъ это Ванъ кирейскій; Еджень-ханъ этого преданія Чингисъ-ханъ. Трудная уязвимость Шидыръ-вана сближаетъ его съ Шидургу, хотя способъ умерщвленія другой. Отрядъ Еджень-хана является взять Шидыръ-вана; вотъ тутъ удобное мѣсто, гдѣ могъ бы вставиться другой мотивъ, именно на этомъ мѣстѣ могъ бы явиться князь предатель и жестомъ указать главнаго заговорщика, и тогда это преданіе еще ближе стало бы къ сказкамъ о двѣнадцати дочеряхъ морского царя и двѣнадцати ученикахъ Оха.

Въ одной записи гибель Шидыръ-вана приписывается ковар-

ству женщины. Жена Шидыръ-вана написала два письма, одно Еджень-хану, другое мужу: первому, что ея мужъ замышляетъ измѣну противъ Еджень-хана, а мужу что Еджень-ханъ подозрѣваетъ его, Шидыръ вана, въ измѣнѣ и хочетъ схватить его и казнить. Письма вызываютъ у обоихъ, у Шидыръ-вана и Еджень-хана, соответствующія дѣйствія; мѣры, принятыя Еджень-ханомъ, убѣждаютъ Шидыръ-вана въ справедливости письма жены, дѣйствія Шидыръ-вана убѣждаютъ въ томъ же Еджень-хана. Поступокъ жены Шидыръ-вана тотъ же самый, какой славянская повѣсть приписываетъ Анадану, ученику Акиря Премудраго, и это приравниваетъ Шидыръ-вана къ Акирю.

Въ своей статьѣ: „Акирь повѣсти и Акирь легенды“¹⁾ я сдѣлалъ догадку, что Джиренше - шешень киргизскихъ сказкъ и Ерень-чичень алтайскихъ есть тюркскій Акирь, а также высказалъ подозрѣніе, что тотъ же Джиренше-шешень должно быть явился въ персидской исторіи у Рашидъ-эддина подъ именемъ Така-Джеранъ²⁾ и въ китайской лѣтописи Юань-чао-ми-ши подъ именемъ Ъкъ-Черянь; это тотъ Ъкъ-Черянь, разговоръ котораго съ женой о заговорѣ былъ подслушанъ; тутъ онъ второстепенное лицо въ средѣ заговорщиковъ, но въ вариантахъ, какъ мы видѣли, ночной разговоръ съ женой ведетъ главный заговорщикъ. Это появленіе въ заговорѣ Вана кирейскаго имени Ъкъ-Черяня, — если оно дѣйствительно тождественно съ киргизскимъ Джиренше-шешеномъ, которому киргизы усваиваютъ акиревскія темы — и въ то же время появленіе акиревскихъ темъ при Шидыръ-ванѣ говорятъ въ пользу тождества Шидыръ-вана съ Ваномъ кирейскимъ.

Къ группѣ, къ которой относится преданіе о Шидургу, слѣдуетъ присоединить также бурятское преданіе о Бохакѣ. Бохакъ находился при дворѣ какого-то монгольскаго хана; по одному

1) „Этногр. Обзор“, XXV, 105.

2) У Рашидъ-Эддина сказано, что Така-Джеранъ былъ у Вана кирейскаго бекъ изъ бековъ, т. е. мудрейшій бекъ. Киргизское шешень значить мудрецъ; киргизы о Джиренше — шешень говорятъ, что это былъ мудрый vizиръ Джанибекъ или Джаныбекъ-хана. Если Така-Джеранъ тождественъ съ Джиренше-шешеномъ, то Ванъ стоитъ на мѣстѣ Джаныбека? Я высказалъ уже догадку, что въ тюркской сказкѣ объ Идыгъ на мѣстѣ хана (т. е. на мѣстѣ Тохтомыша, а въ монгольскомъ преданіи на мѣстѣ Вана) стоялъ Джанибекъ, имя котораго подъ формою Джанбай перешло съ хана на другое лицо („Вост. Мотивы“, 773).

варианту, онъ былъ уличенъ въ связи съ дочерью хана, по другому, оклеветанъ старшей женой хана и принужденъ былъ бѣжать на сѣверную сторону Байкала; за нимъ въ погоню былъ посланъ Сохоръ-нойонъ, который на Ангарѣ нашелъ какого-то шамана Гуртэ, убилъ его и далѣе поиски не продолжалъ; я думаю, что Гуртэ это и есть Бохакъ; онъ собственно и составлялъ дѣль поѣздки Сохора. Спутники Сохора не могли убить Гуртэ подобно тому, какъ люди Чингисъ-хана не могли убить Шидургу; Гуртэ самъ подсказалъ, что онъ можетъ быть убитъ только ремешкомъ изъ сапога. Этотъ мотивъ указываетъ на принадлежность бурятскаго преданія къ группѣ преданій о Шидургу. Тѣло убитаго Гуртэ было брошено въ Ангару и поплыло противъ теченія, что опять напоминаетъ преданіе о Шидургу, именно рассказъ о женѣ Шидургу, тѣло которой, послѣ того, какъ она утопилась въ Хатунъ-голѣ, понесло вверхъ по рѣкѣ ¹⁾.

Другія преданія рассказываютъ о шаманѣ, который увезъ жену у Чингисъ-хана; въ алтайскомъ преданіи шаманъ, похитившій женщину, называется Таивъ-тарханъ-бо. Въ „Вост. Мотив.“ я высказалъ предположеніе, что имя Бохакъ испорчено изъ бо-ханъ, „шаманъ—царь“ ²⁾. Тамъ же я указалъ на одно мѣсто въ китай-

¹⁾ Къ имени Бохакъ приурочено изъ сказки о Джиренше-шешенѣ сидѣнье въ ямѣ съ сопровождающими подробностями. Можно предположить двѣ таія параллельныя комбинаціи: Первая комбинація—повѣсть объ Акирѣ, состоящая изъ двухъ эпизодовъ: 1) два клеветническихъ письма Анадана; Акиръ въ темницѣ (ср. Джеренше въ ямѣ; Бохакъ въ ямѣ); 2) Акиръ разрѣшаетъ загадки, заданныя послами иностраннаго царя. Вторую комбинацію можно составить изъ разрозненныхъ восточныхъ отрывковъ: 1) два клеветническихъ письма жены Шидыръ-вана; Шидыръ-ванъ убитъ; 2) Шуно, сидѣвшій въ ямѣ, разрѣшаетъ загадки, заданныя послами иностраннаго хана (см. „Вост. Мотивы“, 719; ст. „Акиръ въ повѣсти и легендѣ“, въ „Этн. Об.“, XXV, 105). Бурятскія преданія смѣшиваютъ Шидыръ-вана, Шидургу и Шуно; мои указанія на тожество этихъ лицъ сдѣланы въ статьѣ объ Акирѣ („Этн. Об.“, *ibid*, 123). Шуно былъ оклеветанъ передъ отцомъ-ханомъ; въ послѣднемъ были возбуждены опасенія передъ силой Шуно; отецъ приказалъ искалѣчить сына (ему были надломлены лопатки). Это калѣченье напоминаетъ кавказскаго Тамера и киргизскаго Аксакъ-Темира, къ которымъ также было примѣнено калѣченье, какъ предупредительная мѣра. У Шуно два брата: Тамирсака и Амурсана; я думаю, что самъ Шуно назывался парнымъ Тамиръ-Шуно, и что редація только впоследствии перенесла это имя на другого брата. Это Тамиръ-Шуно въ формѣ Темурчинъ (Темуръ-чино) прилагалось и къ Чингисъ-хану.

²⁾ Стр. 93.

ской лѣтописи Юань-чао-ми-ши, гдѣ говорится о шаманѣ, соперникѣ Чингисъ-хана. Увоза жены у Чингиса шаману не приписывается, но лицо, посланное за шаманомъ въ погоню, также носитъ имя Сохоръ. Устные преданія о шаманѣ, соперникѣ Чингисъ-хана, кончаются тѣмъ, что шаманъ обращается въ камень, конецъ, напоминающій, во-первыхъ, судьбу Булатъ-молодца въ русской сказкѣ у Афанасьева, во-вторыхъ, судьбу Баль-Дорджи въ тангутской легендѣ о Лассѣ; въ послѣдней, впрочемъ, Баль-Дорджи женщины не увозитъ; хотя увозъ женщины въ легендѣ есть, но онъ совершается другимъ лицомъ.

Генетическое родство двухъ модификацій 1) о двѣнадцати ученикахъ Оха и 2) о двѣнадцати дочеряхъ морского царя не вызываетъ возраженій; такъ много сходнаго и иногда тождественнаго и въ общемъ ихъ планѣ и въ деталяхъ. Не такъ легко признать единство происхожденія съ этими двумя третьей модификаціи— о двѣнадцати заговорщикахъ.

Посредствомъ сведенія разныхъ преданій мы возстановили рассказъ о заговорѣ; мы думаемъ, что заговорщиковъ было двѣнадцать, т. е. двѣнадцать персонажей было объединено одной тайной, какъ двѣнадцать учениковъ Оха; одинъ изъ заговорщиковъ выдаетъ тайну. Этотъ сюжетъ соотвѣтствуетъ только первому эпизоду обѣихъ русскихъ сказокъ: рассказу о выборѣ одного изъ двѣнадцати учениковъ Оха и рассказу о выборѣ одной изъ двѣнадцати морскихъ царевенъ. Въ русскихъ сказкахъ есть еще второй эпизодъ: полетъ и погоня по воздуху; въ одномъ случаѣ Охъ гонится, чтобы отнять похищенное знаніе, въ другомъ морской царь, чтобы отнять увезенную дочь. И этотъ эпизодъ находитъ свои параллели въ ордынскомъ фольклорѣ, только рассказъ о заговорѣ передается не связано съ рассказомъ о полетѣ и погонѣ, но обѣ темы прикрѣплены къ однимъ и тѣмъ же именамъ, что наводитъ на мысль, что онѣ составляли одно цѣльное сказаніе.

Заговоръ приурочивается къ Чингису; тому же Чингису приписывается увозъ женщины и полетъ и погоня по воздуху. Въ рассказѣ о заговорѣ встрѣчается форма *ванъ* (Шидырванъ, Ванъ кирейскій); книжное сказаніе называетъ невѣсту Чингиса дочерью

Вана; оно не обставляетъ разсказъ объ этой невѣстѣ деталями, напоминающими сказку о дочеряхъ морского царя; сходныя черты съ этой сказкой мы находимъ въ разсказѣ о женѣ Шидургу, подѣ которымъ можетъ быть скрывается тотъ же Ванъ.

Связь Чингиса, героя разсказа о заговорѣ съ Чингисомъ, героемъ разсказа объ увозѣ женщины дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что оба сюжета составляли одну сказку въ родѣ сказки о дочеряхъ морского царя, только вмѣсто эпизода о выборѣ дѣвицы поставленъ разсказъ о заговорѣ.

У этихъ двухъ разсказовъ—1) о выборѣ дѣвицы и 2) о заговорѣ—можно предположить генетическое родство. Были двѣ реальности, изъ которыхъ одна представляла группу изъ двѣнадцати членовъ; съ ними совершались явленія, которыя были различно осмыслены; въ одномъ случаѣ это заговоръ, въ другомъ сватанье, но такъ какъ въ обоихъ случаяхъ имѣлось въ виду одно и то же явленіе, то у обоихъ сказокъ ходъ вышелъ одинаковый—и тутъ двѣнадцать объединенныхъ тайной, и тамъ; и тутъ приходитъ претендентъ на одного изъ двѣнадцати, и тамъ; и тутъ находится персонажъ, выдающій тайну, и тамъ. Обѣ темы комбинируются съ третьей, съ разсказомъ о погонѣ и полетѣ по воздуху. Одна комбинація состоитъ изъ: 1) разсказа о сватаньѣ и 2) разсказа о погонѣ и полетѣ отца за увезенной дочерью; примѣръ ея мы имѣемъ въ русской сказкѣ о морскомъ царѣ. Другая состояла изъ: 1) разсказа о заговорѣ и 2) разсказа о погонѣ и полетѣ; это преданія о заговорѣ противъ Чингисъ-хана и о погонѣ и полетѣ Чингисъ-хана за Шидургу.

Повѣсть о Гэсарѣ, который возвращаетъ увезенную у него жену, повидимому, представляетъ посредствующее звено между преданіемъ о Чингисѣ и Хасарѣ, отнимающихъ жену у Шидургу, и киргизской сказкой о Козу-Курнешѣ; по моей догадкѣ, были сказки о томъ, что у Гэсара увезъ жену Чотонъ, у Козу Джиды-бай; эти сказки, вѣроятно, были очень параллельны. Въ русскомъ фольклорѣ сюжетъ объ увозѣ чужой жены связанъ съ именемъ Кошой. Изъ того же источника взяты матеріалы и для еврейской легенды объ Иегошуа, который своей безсмертностью напоминаетъ Кошю, но судьба женщины въ еврейской легендѣ (а также и въ киргизской сказкѣ) изображена иначе, чѣмъ въ разсказѣ объ увозѣ. Можетъ быть, еврейская легенда передава-

валась въ болѣе полной редакціи, болѣе приближавшей ее къ русской сказкѣ объ Охѣ; можетъ быть, Игошуа представлялся однимъ изъ учениковъ Іегуды.

Джидай-ханъ, врагъ Козу-Курпеша, Чотонъ, врагъ Гэсэра, киргизскій Жидай-ханъ, гонитель Тамира, татарскій избиватель дѣтей Цѣдей-ханъ—все это образы, воплощающіе какую-то одну реальность; все это представители злого начала. Но въ тюркской сказкѣ Идыгэ синонимъ Чингиса ¹⁾, т.-е. свѣтлое существо, претерпѣвающее гоненіе отъ злого. Одно и то же имя въ одномъ случаѣ придается доброму существу, въ другомъ его носитъ злой персонажъ. Такъ и Игошуа могъ представляться въ прямомъ и преломленномъ свѣтѣ; въ еврейской легендѣ это злой характеръ, но въ другомъ преданіи онъ могъ изображаться благимъ.

Г. Потанинъ.

¹⁾ „Вост. мотивы“, 233.

Ю. Н. Мельгуновъ, какъ изслѣдователь русской народной пѣсни ¹⁾.

Въ народной пѣснѣ ученые издавна пытались найти истинныя основы нашего музыкальнаго искусства и дать ея теоретическія обоснованія. Въ то время какъ въ западной Европѣ давно уже было обращено вниманіе на изученіе памятниковъ народнаго музыкальнаго творчества, у насъ попытки такого изученія русской пѣсни являются только съ 1790 года, въ видѣ собранія народныхъ пѣсенъ Львова-Прача, съ предисловіемъ перваго. Не можемъ не остановиться на этой первой по времени попыткѣ. Всѣ мелодіи сборника записывалъ, вѣроятно, Прачъ, родомъ чехъ. Съ пѣснями онъ поступалъ такъ же, какъ и послѣдующіе музыканты-иностранцы, воспитанные на западной музыкѣ. Они, хотя и признавали особенности и красоты русской народной пѣсни, однако не могли отрѣшиться отъ тяготѣнія къ тоникѣ воднаго тона, атрибута темперированнаго строя. Нѣкоторые изъ нихъ и не думали, что русскія народныя пѣсни поются въ особомъ строѣ. Вслѣдствіе этого въ сборникѣ Прача и послѣдующихъ записывателей мы видимъ искаженіе русской пѣсни, путемъ втискиванія ея въ рамки современнаго мажора или мелодическаго минора. Только въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка народная музыка обращаетъ на себя вниманіе любителей и дѣлается предметомъ серьезнаго изученія. Въ числѣ этихъ любителей и первыхъ изслѣдователей назовемъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, затѣмъ

¹⁾ Читачо на засѣданіи Этнографическаго отдѣла и Музыкально-Этнографической комиссіи 19 марта 1903 г.

А. Н. Сѣрова. Мелодическій складъ и формы народной пѣсни заинтересовали этихъ выдающихся музыкантовъ своего времени. Они старались дать теоретическое объясненіе, подъ которое можно бы подвести русскую пѣсню. Кн. В. Ѳ. Одоевскій придумалъ семь діатоническихъ звукорядовъ или *поласицъ*, на которыхъ зиждется, будто-бы, народная пѣсня. На основаніи личныхъ наблюденій онъ пришелъ къ заключенію, что въ напѣвахъ нашихъ пѣсень не встрѣчаются скачки болѣе чѣмъ на квинту. *Разнотактность и отсутствіе правильнаго ритма* онъ считалъ одной изъ характернѣйшихъ особенностей русской пѣсни. Для гармонизаціи, между прочимъ, указывалъ на *триестествомасіе* церковной музыки, какъ строгій образецъ для русской пѣсни. А. П. Сѣровъ во многомъ сходилъ съ кн. Одоевскимъ, онъ также стоялъ за діатоническій строй ея: русская пѣсня, говорилъ онъ, не знаетъ мажора и минора, не покидаетъ своего лада и не модулируетъ. Тѣмъ не менѣе, сравнивая законы древне-греческой музыкальной системы и склада русской пѣсни, онъ находилъ зависимость между ними, заключающуюся въ группировкѣ мелодій по тетра хордамъ. Устранивъ послѣднее мнѣніе Сѣрова, т. е. зависимость отъ *совершенной* системы грековъ, П. П. Сокальскій (позднѣйшій изслѣдователь) обратился къ болѣе первобытной эпохѣ развитія музыки вообще, раздѣливъ ее на нѣсколько эпохъ по величинѣ и сложности звукоряда. Всѣ три упомянутыхъ изслѣдователя, между прочимъ, указали на сходство русскихъ пѣсень съ индійскими и другими и тѣмъ намѣтили въ будущемъ новую въ наукѣ область, имѣющую принести не меньшіе результаты, чѣмъ сравнительное языковѣдѣніе. Эту область мы бы назвали — *сравнительной* музыкологіей. Благодаря знакомству съ санскритомъ, ученые доказали, что древнія нарѣчія Индіи и Ирана, языки греческій, латинскій, германскіе, кельтскіе и славянскіе образуютъ одно цѣлое, назыв. индоевропейской семьей языковъ. Несмотря на различія народовъ этой группы, они сохранили много общаго въ сказаніяхъ, нравахъ и обычаяхъ. Подобно этому въ недавнее время явились у насъ попытки сравнительнаго изученія музыкальнаго творчества народовъ индоевропейской семьи. Попытки эти увѣнчались нѣкоторыми положительными результатами. Проф. В. И. Петръ прослѣдилъ мелодическій складъ музыки арійцевъ и пришелъ къ заключенію, что всѣ пле-

мена этой обширной вѣтви въ музыкальномъ творествѣ шли однимъ, извѣстнымъ путемъ мелодическаго развитія, путемъ едва намѣченнымъ П. П. Сокальскимъ въ его сочиненіи „О русской народной музыкѣ“. Изъ народовъ арійской вѣтви нѣкоторые, еще въ историческую эпоху, достигли значительной культуры, вступили въ высшій фазисъ своего развитія, напр., греки. Этому народу, говорилъ Ренавъ, особенно обязано наше искусство. То же мнѣніе послужило основнымъ положеніемъ въ изслѣдованіи покойнаго Ю. Н. Мельгунова. Мы привели здѣсь рядъ мнѣній изслѣдователей, работавшихъ до него надъ изученіемъ народнаго творчества, чтобы ярче выдѣлить новые элементы, введенные Мельгуновымъ въ область изученія народной музыки. Никто изъ вышеприведенныхъ изслѣдователей не отстаивалъ съ такой силой своихъ взглядовъ, какъ Ю. Н. Мельгуновъ. Главнѣйшіе его труды заключаются прежде всего въ работахъ по ритму, законы котораго, по его мнѣнію, въ русской музыкѣ точно соответствуютъ законамъ древнегреческой ритмики. Что касается сопоставленія русской музыки (какъ и другихъ обычаевъ) съ греческой, еще англичанинъ Guthrie, въ своихъ *Dissertations sur les antiquités de Russie* (St.-P. 1795 г.) дѣлалъ большія приближенія между этими народами. Такимъ образомъ, мнѣніе Мельгунова оказывается не новымъ, зато почти впервые встрѣчаемъ мы у него детальную разработку вопроса о ритмѣ именно русской пѣсни въ связи съ напѣвами, а до того времени предметомъ изслѣдованій ученыхъ служилъ постоянно матеріалъ, на самомъ дѣлѣ не существующій (текстъ безъ напѣвовъ). Въ данномъ случаѣ М—ву много способствовали работы проф. Р. Вестфала по ритму, въ основу которыхъ, въ свою очередь, легло ученіе Аристоксена. Здѣсь я коснусь вкратцѣ взглядовъ М—ва на ритмъ, складъ и гармонію русской пѣсни. Такъ какъ русскій языкъ не имѣетъ долготы и краткости гласныхъ, то въ приложеніи ученія Аристоксена къ ритму русскихъ пѣсенъ Мельгуновъ подъ долготой Аристоксена разумѣлъ соединеніе двухъ слоговъ. По его мнѣнію, самая существенная роль въ составленіи стопы принадлежитъ разницѣ не между долготой и краткостью, — а между ударяемыми и неударяемыми слогами. Изъ ритмическихъ соединеній долгихъ съ короткими (т. е. ударяемыхъ съ неударяемыми) Мельгуновъ получалъ *стопы*; нѣсколько соединенныхъ стопъ обра-

зуютъ *колона*; два и болѣе колона составляютъ *періодъ*, расширяющійся въ *строфы* или *системы*. Дальнѣйшія въ этомъ направленіи наблюденія его показываютъ тождество въ образованіи общепринятыхъ формъ музыкальнаго искусства и образованія формъ народной музыки, причемъ народныя формы далеко опередили квадратную форму общей музыки, по своему разнообразію ритма, посредствомъ замѣны однихъ стопъ другими и увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа стопъ въ колонахъ. „Начало пѣсни и разъ принятая ритмическая схема (напр. 6—4—4—6 и 4—4—6—6—стопныя слѣдованія колоновъ) опредѣляетъ дальнѣйшій складъ ея ритмическій и гармоническій, который строго выдерживается въ продолженіе всей пѣсни до мельчайшихъ подробностей. Въ русскихъ пѣсняхъ часто встрѣчающіяся повторенія отдѣльныхъ колоновъ придаютъ ритмическимъ формамъ періодовъ и строфъ полноту и законченность. При повтореніяхъ колоновъ обыкновенно дѣлаются измѣненія и въ мелодіи. Періодическое чередованіе колоновъ съ метаболическимъ ритмомъ есть несомнѣнно особенность русской пѣсни, на которую Мельгуновъ и обращаетъ вниманіе. Въ русскихъ пѣсняхъ мы большею частью встрѣчаемъ простые періоды, состоящіе изъ 2-хъ колоновъ. Два такихъ періода образуютъ простѣйшую форму строфы (у грековъ наз. *distichion*), присущую большинству русскихъ народныхъ пѣсней. Исходя изъ этихъ положеній, Мельгуновъ увѣренъ, что формы народныхъ пѣсней могутъ служить музыканту прототипомъ для музыкальныхъ сочиненій, находя въ нихъ стройность формы, присущей, такъ называемой, общей музыкѣ. Напримѣръ, обративъ вниманіе на текстъ большой пѣсни, мы встрѣчаемъ формы двух- и трехколонныхъ пѣсней съ рѣзко выдѣляющимися вступленіями и заключеніями къ нимъ, также какъ и ихъ варіаціонную форму.

Отъ формъ непосредственно перейдемъ къ модуляціи, которая въ современной музыкѣ и ея формахъ играетъ большую роль. Выше я упомянулъ уже, что кн. Одоевскій причислилъ русскія мелодіи къ діатоническому строю, а Сѣровъ даже утверждалъ, что все, чего нельзя сыграть только на бѣлыхъ клавишахъ фортепіано—есть кабинетная выдумка или сочиненіе по нѣмецко-итальянскимъ образцамъ. Но уже Сокальскій не сталъ придерживаться этого мнѣнія и находилъ въ русской пѣснѣ мелодиче-

скую модуляцію, подобно греческой системѣ *metabolon* ¹⁾. Мельгуновъ опровергъ мнѣнія кн. Одоевскаго и Сѣрова. Въ его сборникахъ мы видимъ модулирующія пѣсни. По его мнѣнію, русская пѣсня допускаетъ модуляцію: 1) изъ тоники въ строй доминанты и субдоминанты; 2) изъ тоники въ паралл. натуральный миноръ (рѣже изъ минора въ мажоръ). Кроме этого, по его мнѣнію, пользованіе ладами безъ измѣненія знаковъ въ ключѣ у народа достигаетъ большого совершенства и искусства. Сравнивъ строй русскихъ пѣсенъ съ греческими гаммами, Мельгуновъ нашелъ, что всѣ они объясняются гаммами *лидійской* ²⁾, *дорійской*, *фригійской* и *локрійской*. вмѣстѣ съ греческими ладами Мельгуновъ обнаружилъ въ русскомъ народномъ пѣніи древній энгармонизмъ, въ видѣ *повышенныхъ* малыхъ терцій, встрѣчающихся наравнѣ съ большими, взятыми отъ одного и того же нижняго звука. Что же касается мелодическаго склада, Мельгуновъ ограничивается небольшими замѣтками и, такимъ образомъ, недостаточно подготовилъ почву для всесторонняго изслѣдованія гармоническихъ устоевъ. Тѣмъ не менѣе, онъ очень подробно останавливается на вопросѣ о гармоніи русской пѣсни. Вопросъ совершенно новый и до сихъ поръ въ положительномъ смыслѣ еще никѣмъ не разрѣшенный. Что русская пѣсня теперь поется почти повсемѣстно съ раздѣленіемъ на подголоски, это фактъ, уже не требующій подтвержденія. Однако, впервые высказанное мнѣніе Мельгунова о полифоніи въ народной музыкѣ сначала встрѣтилъ большое недовѣріе. Онъ говорилъ: „невозможно допустить мысли, чтобы голосовыя средства исполнителей и ихъ душевное настроеніе при исполненіи были какъ у одного человѣка“.

Народная полифонія есть не искусственное что либо, заимствованное съ Запада, но сложившаяся самобытно, благодаря

1) Наряду съ 15-ти-ступенной системой въ предѣлахъ лада (*Systema metabolon*) греки имѣли еще модулирующую (*metabolon*), происшедшую изъ того, что выше мезы брался не діаезвскисъ, а сама меза служила общимъ звукомъ для верхняго дорійскаго тетра хорда, вводимаго въ видѣ соединеннаго съ предшествующимъ:

$$A \underbrace{H \quad c \quad d \quad e \quad f \quad g \quad a} \quad \underbrace{h \quad c \quad d \quad e \quad f \quad g \quad a}$$

2) Главный звукъ будетъ не *f*, а *c*.

случайнымъ совпаденіямъ варіантовъ пѣсень. Отклоненія отъ главной мелодіи при совмѣстномъ употребленіи ихъ Мельгуновъ назвалъ *подголосками*. „Въ русской пѣснѣ, говоритъ онъ, все основано на красотѣ отдѣльныхъ мелодій, на общности гармоніи всѣхъ мелодій“. „Мелодіи перемѣщаются по желанію, безъ ущерба красотѣ пѣсни, такъ что верхній голосъ дѣлается нижнимъ и наоборотъ“. Въ этихъ первобытныхъ сочетаніяхъ, дѣлаемыхъ самимъ народомъ, Мельгуновъ видѣлъ зачатки правильныхъ взглядовъ на законы гармоніи. Какъ я уже сказалъ, строй русскихъ пѣсень Мельгуновъ относилъ къ четыремъ древнимъ гаммамъ: лидійской, дорійской, фригійской и локрійской. Двѣ первыя изъ нихъ суть главныя, а вторая изъ нихъ есть точное обращеніе первой по интерваламъ и отношеніямъ колебаній.

При выясненіи физическихъ основъ гармоніи русской пѣсни Мельгуновъ принялъ за исходную точку гамму лидійскую (напѣ с dur). Доказывая существованіе обертоновъ, акустики разсматриваютъ и нижніе призвуки и на этомъ основаніи вывели двойственное происхожденіе гармоніи. Вопросъ этотъ наиболѣе разработанъ у проф. фонъ-Эттингена, а у Мельгунова получилъ практическое примѣненіе къ народной музыкѣ.

Основываясь на обращеніи двухъ гаммъ (съ двумя производными) и построенныхъ на нихъ аккордовъ, Мельгуновъ остроумно вывелъ гармонію русскихъ пѣсень. При гармонизаціи пѣсень трезвучія мажора въ точности соотвѣтствуютъ обращеннымъ трезвучіямъ минора. Особенную роль Мельгуновъ даетъ доминантъ-септаккорду въ мажорѣ и обращенному въ минорѣ (тѣ общей музыкѣ это малый септаккордъ на второй ступени минора); они служатъ могущественнымъ средствомъ модуляціи и для канцовъ.

„При гармоніи русскихъ пѣсень, говоритъ Мельгуновъ, суть дѣла заключается, помимо характера голосоведенія, въ томъ, чтобы вѣрно обозначить гармоническое значеніе звуковъ мелодіи, чтобы строго выдерживать характеръ ея строя, чтобы не примѣшивать къ гаммѣ звуки и обороты, ей чуждые“. Такимъ образомъ анализируя народную пѣсню, онъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) что законы греческой ритмики вполне примѣнимы къ русской пѣснѣ, 2) русскія пѣсни относятся главнымъ образомъ къ двумъ диатоническимъ гаммамъ — натуральному мажору или минору, изъ

которыхъ послѣдняя (т. е. миноръ) представляетъ точное обращеніе первой, 3) она допускаетъ древній энгармоническій строй и модулируетъ; 4) гармонія ея сводится также къ двумъ главнымъ строямъ: мажору и натур. минору, котораго аккорды въ обратномъ порядкѣ также акустически точно соотвѣтствуютъ аккордамъ мажора, наконецъ 5) характернѣйшими аккордами обоихъ строевъ считаетъ доминантаккордъ въ мажорѣ и малый септаккордъ въ минорѣ, какъ средства для модуляцій и заключеній. Я упоминалъ уже о недостаточности у Мельгунова мелодическаго анализа пѣсней—это, намъ кажется, слабая сторона его изслѣдованій; здѣсь онъ оказался слишкомъ одностороннимъ, произвольно приурочивъ русскія пѣсни къ двумъ октавнымъ звукорядамъ.

Мы могли бы указать пѣсни, къ которымъ непримѣнимы его ни звукоряды, ни способъ гармонизаціи, безъ искаженія ихъ истиннаго гармоническаго смысла. Тѣмъ не менѣе попытку практическаго разрѣшенія теоріи Эттингена въ связи съ изученіемъ русскихъ мелодій мы встрѣчаемъ впервые у Мельгунова, такъ же какъ выясненіе ритмическихъ основъ русской пѣсни, неразрывно связанныхъ текста и музыки. Заключение пѣсней въ два строя намъ кажется ошибочнымъ и произвольнымъ. Можетъ ли быть пѣсня закована въ октавный звукорядъ, тогда какъ она зиждется на основныхъ, первобытныхъ, квартоквинтовыхъ звукорядахъ, и вопросъ о теоретическомъ объясненіи гармоніи русскихъ пѣсней мы считаемъ открытымъ. „Система гаммъ и ладовъ и ихъ гармоническихъ комбинацій, говоритъ Гельмгольцъ, не основана на незыблемыхъ законахъ природы, а есть слѣдствіе эстетическихъ принциповъ, которые, съ развитіемъ человѣчества, подвергались измѣненію и будутъ измѣняться и впредь“. Вопросъ о существованіи народной полифоніи, впервые и увѣренно поставленный Мельгуновымъ, нашель уже себѣ въ нѣкоторомъ родѣ послѣдователей. Взгляды его о подголоскахъ отразились на работахъ Н. Е. Пальчикова и В. П. Прокунина.

Пальчиковъ, оставляя въ сторонѣ систему гармоническихъ обработокъ вариантовъ, говорилъ, что народная гармонія представится суммою вариантовъ, практически же не примѣнилъ соединеніе этихъ вариантовъ, а представилъ ихъ въ сыромъ видѣ. Г. Прокунинъ весьма удачно осуществилъ теорію подголосковъ

(называя ихъ варіаціями въ отличіе отъ варіантовъ), зато не придерживался взглядовъ Мельгунова о ритмикѣ.

Несмотря на всю односторонность изслѣдованій Мельгунова, мы должны отвести ему видное мѣсто въ ряду немногихъ изслѣдователей русской музыки, на ряду съ Сокальскимъ, котораго, противоположно Мельгунову, сильнѣйшая сторона была въ области изслѣдованія мелодическаго склада. За Мельгуновымъ мы должны признать выдающіяся заслуги въ области ритмики и отмѣтить попытки изслѣдованія русской музыки со стороны акустики. Онъ говорилъ, что музыка должна быть изучаема какъ отрасль знанія въ связи съ другими искусствами и науками: „все доказываетъ, что творчество народа есть результатъ естественныхъ требованій его организма, и что законы этого творчества могутъ быть анализированы научнымъ путемъ, что акустическій анализъ подтверждаетъ правильность законовъ творчества и что тѣ же физическіе законы служили основаніемъ для музыкальной теоріи и практики народовъ отжившихъ“. Такимъ образомъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ о народномъ искусствѣ точкой опоры ему служила наука, и онъ былъ правъ, повторяя слова Тэна: „Слава наукѣ, дающей красотѣ главнѣйшія свои опоры. Слава искусству, въ самыхъ возвышенныхъ созданіяхъ опирающемуся на истинѣ“.

А. Масловъ.

Памяти Ю. Н. Мельгунова¹⁾.

Мм. Гг.!

Десять лѣтъ тому назадъ, 19 марта 1893 г., скончался въ Москвѣ, на 46 году жизни, отъ воспolenія легкихъ, мало извѣстный тогда такъ называемой широкой публикѣ музыкантъ Юлій Николаевичъ Мельгуновъ. Имѣя скромное званіе педагога и принужденный добывать себѣ средства къ существованію неблагодарнымъ трудомъ—уроками музыки, онъ однако, благодаря своему таланту, хорошей подготовкѣ и неутомимой научной работѣ, успѣлъ оставить почетное имя въ наукѣ не только въ Россіи, но и за границей. Немногимъ друзьямъ покойнаго, провожавшимъ его до могилы изъ номеровъ Романова на Ваганьковское кладбище, тяжело было переживать эту преждевременную утрату, и единственнымъ слабымъ утѣшеніемъ являлось лишь тайное сознаніе, что хотя смерть застигла Ю. Н. въ самомъ разгарѣ научной работы, имя его не будетъ забыто, и что его когда-нибудь оцѣнятъ больше, чѣмъ цѣнили при жизни. Но что же? Десять лѣтъ прошло незамѣтно, и для увѣковѣченія его памяти ничего еще не сдѣлано. Не говоря уже о томъ, что не изданы въ свѣтъ его труды, даже на его могилѣ все еще стоитъ временный, наскоро поставленный крестъ, и среди его друзей, почитателей и многочисленныхъ учениковъ и ученицъ, которымъ онъ отдавалъ свои силы и дорогое для него время, не достало инициативы поставить общими силами болѣе прочный и видный памятникъ. Давно пора объ этомъ подумать; это долтъ интел-

¹⁾ Читано въ публичномъ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла и состоящей при немъ Музыкально-Этнографической Комиссіи 19 марта 1903 года.

лигентнаго русскаго общества, а не однихъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго. Что же касается отношенія ученыхъ къ его памяти, то за всѣ истекшія десять лѣтъ настоящее собраніе является первымъ публичнымъ напоминаніемъ о трудовой жизни и заслугахъ передъ наукой, этого рѣдкаго, убѣжденнаго работника, доходившаго чуть не до фанатизма.

Такъ какъ здѣсь собрались не одни только лица, знавшія покойнаго, то не лишнимъ будетъ напомнить краткія данныя объ его жизни, какими мы располагаемъ, не входя пока въ оцѣнку его научной дѣятельности, что составитъ предметъ дальнѣйшихъ докладовъ.

Ю. Н. Мельгуновъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Предокъ его при имп. Екатеринѣ II, по учрежденіи губерній, занималъ постъ перваго намѣстника по Сѣверному краю. Въ томъ же краѣ и родился Ю. Н. въ г. Ветлугѣ Костромской губ., въ своемъ родовомъ имѣніи, 30 авг. 1846 года. Первоначальное обученіе и воспитаніе онъ получилъ дома, подъ руководствомъ своей матери, хорошо образованной женщины. Она была малороссіянка, любившая пѣніе и музыку, и притомъ, какъ передавалъ намъ самъ покойный, была хорошею музыкантшею и съ шести лѣтъ начала сама обучать его музыкѣ на рояли. Школьное обученіе онъ проходилъ въ Петербургѣ въ частномъ пансіонѣ (С. В. Лялина), а затѣмъ 15-ти лѣтъ поступилъ въ Царскосельскій лицей, который и окончилъ въ 1866 году.

Какъ въ пансіонѣ, такъ и въ лицей Ю. Н. съ большою охотою занимался музыкой. Учителями его были, между прочимъ, весьма извѣстный въ то время Александръ Дрейшокъ и также хорошо извѣстный музыкальный критикъ Ларошъ; у Дрейшока Ю. Н. изучалъ фортепіанную технику, у Лароша—теорію. Уже на школьной скамьѣ его музыкальная подготовка была настолько серьезна, что онъ 18-ти лѣтъ отъ роду, будучи еще воспитанникомъ лицея, участвовалъ въ качествѣ пианиста въ двухъ публичныхъ концертахъ, которые были даны подъ управленіемъ Дрейшока въ Петербургѣ, въ пользу фонда на памятники Пушкину и Глинкѣ.

По окончаніи лицея, Ю. Н. поступилъ было на государственную службу въ Петербургѣ, но по измѣнившимся обстоятельствамъ вскорѣ переселился въ Москву, гдѣ вполне посвятилъ

себя музыкальной дѣятельности, и уже не оставлялъ ея до послѣднихъ дней жизни. На первыхъ порахъ, спустя 3—4 года по окончаніи лицея, онъ, желая пополнить свои знанія въ этой области, особенно по части контрапункта, поступилъ въ Московскую консерваторію (около 1870 г.). Но вскорѣ, сосредоточившись главнымъ образомъ на вопросѣ о музыкальномъ ритмѣ, онъ оставилъ консерваторію, мало дававшую ему по интересовавшему его вопросу, но занятія его по выходѣ изъ консерваторіи не только не прекратились, а напротивъ усилились и довели его одно время даже до серьезнаго нервнаго расстройства, отъ котораго онъ не скоро оправился. Онъ встрѣтился въ Москвѣ съ профессоромъ Руд. Вестфалемъ, филологомъ-классикомъ, который былъ тогда преподавателемъ лицея Цесаревича Николая. Специальностью Вестфала была метрика и ритмика. Его извѣстное сочиненіе „Allgemeine Theorie der musikalischen Rhythmik“, 1880, произвело значительный переворотъ въ музыкальной наукѣ. Это была та именно область науки, гдѣ филологія непосредственно соприкасается съ музыкой. Этимъ и объясняется то тѣсное сближеніе между Мельгуновымъ и Вестфалемъ, которое сдѣлало имена ихъ почти нераздѣльными. Занятія ихъ были крайне напряженными. Занимались они, по рассказамъ самого Ю. Н., по 18 час. въ сутки, забывая обо всемъ и просиживая нерѣдко цѣлыя ночи. Первымъ результатомъ ихъ общихъ упорныхъ занятій было извѣстное ритмическое изданіе 10 фугъ Баха („Десять фугъ для ф.-п. I. С. Баха, ритмическое изданіе Руд. Вестфала и Ю. Мельгунова“; 3-е изд. вышло въ 1885 году въ Москвѣ). Оно снабжено предисловіемъ Мельгунова: „О ритмическомъ исполненіи фугъ Баха“.

Къ этому же времени относится и его мысль перевести на русскій языкъ капитальное сочиненіе своего сотрудника-учителя Вестфала: „Общая теорія музыкальной ритмики“, хотя эта мысль была приведена имъ въ исполненіе позднѣе, и переводъ этой книги съ примѣчаніями и прибавленіями Ю. Н. находится у насъ въ рукахъ и ждетъ своего изданія.

Съ цѣлью пропаганды своихъ взглядовъ на роль ритма въ музыкѣ и на способъ строго ритмическаго исполненія классическихъ сочиненій, Вестфаль съ Мельгуновымъ отправились за границу, гдѣ, между прочимъ, устроили въ разныхъ городахъ Гер-

маніи цѣлый рядъ концертовъ. Позднѣе Ю. Н. концертнровалъ также по Россіи съ скрипачемъ Лаубомъ и съ віолончелистомъ Давыдовымъ. Піанистъ Ю. Н. былъ прекрасный; всѣ мы, знавшіе его, помнимъ хорошо его игру, особенно когда онъ былъ въ настроеніи.

Но свою извѣстность въ русской [наукѣ] Ю. Н. получилъ, главнымъ образомъ, благодаря изданію собранныхъ имъ „Русскихъ народныхъ пѣсень“ (2 вып.), съ обширнымъ предисловіемъ къ первому выпуску (1879 г.). Здѣсь онъ впервые высказалъ свой оригинальный взглядъ на строй русской народной музыки, и въ особенности русской пѣсни, впервые поставивъ вопросъ объ ея изученіи на опредѣленную, серьезную почву. Самъ онъ записывалъ русскіе напѣвы всюду, гдѣ приходилось: и въ деревнѣ, и подь Москвой, и въ Москвѣ. Здѣсь, между прочимъ, судьба свела его со страстнымъ любителемъ русской пѣсни Карп. Коандр. Шапошниковымъ. Отъ него Ю. Н. записалъ немало мотивовъ, но особенно важно и полезно было это знакомство въ томъ отношеніи, что благодаря матеріальному содѣйствію Шапошникова и увидѣлъ свѣтъ Божій первый сборникъ изъ 32 русскихъ пѣсень, собранныхъ Ю. Н. и гармонизованныхъ при помощи нашего уважаемаго сочлена Ѳ. Е. Корша и молодого тогда музыканта, теперь помощника директора Придворной Пѣвческой Капеллы, нашего сочлена, композитора Н. С. Кленовскаго. Спустя шесть лѣтъ появился второй выпускъ сборника, состоящій изъ 16 пѣсень, обработанныхъ для ф.-п. при помощи уважаемаго сочлена П. И. Бларамберга. Нѣкоторыя изъ записей не вошли въ эти два выпуска, другія были дополнены впоследствии, и въ рукописяхъ покойнаго находится немалое количество пѣсень, которыя могутъ составить третій, посмертный выпускъ; но онѣ по необходимости должны можетъ быть и еще 10 лѣтъ пролежать подь спудомъ въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, т.-е. присканія средствъ на изданіе.

Кромѣ народныхъ пѣсень, Ю. Н. интересовала также и церковная музыка. Въ его бумагахъ имѣется статья, посвященная этому вопросу и служившая, кажется, докладомъ въ Московск. Обществѣ любителей церковнаго пѣнія.

Занимаясь изученіемъ народной пѣсни и живя въ Москвѣ, Ю. Н. естественно долженъ былъ сблизиться съ московскими

этнографами, и вотъ года за полтора до смерти онъ вступилъ въ число членовъ нашего Этнографическаго Отдѣла Имп. О. Л. Е., А. и Э. Здѣсь, какъ онъ самъ выражался, онъ надѣялся найти больше сочувствія, чѣмъ въ Петербургѣ, съ которымъ онъ велъ переговоры относительно своей музыкальной экспедиціи отъ имени И. Русскаго Географическаго Общества. Онъ представилъ Географическому Обществу большой докладъ о законахъ ритма и гармонизаціи русс. народныхъ пѣсенъ; докладъ былъ прочитанъ въ Обществѣ С. Я. Капустинымъ съ его вступленіемъ; но взглядовъ автора тамъ не раздѣлили, и дѣло съ экспедиціей разстроилось. У насъ, въ Отдѣлѣ, наоборотъ, очень дорожили мнѣніемъ и участіемъ Ю. Н., хотя о музыкальныхъ экспедиціяхъ мы и не мечтали, такъ какъ на это не было средствъ, какъ нѣтъ ихъ, къ сожалѣнію, и по настоящее время. Участіе Ю. Н. въ работахъ Отдѣла по необходимости должно было ограничиться просмотромъ музыкальныхъ матеріаловъ, присылаемыхъ въ Отдѣлъ, и нѣкоторые изъ нихъ подъ его редакціей были напечатаны въ изданіяхъ нашего Общества, другіе остаются опять-таки неизданными все по той же причинѣ—недостатку средствъ.

Съ своей стороны и Этногр. Отдѣлъ помогалъ Ю. Н. въ его занятіяхъ. Къ этому именно времени относится его продолжительная и усиленная работа надъ ритмикою народныхъ пѣсенъ, и уже не однихъ русскихъ, а общеславянскихъ. Все, что было по этой части у насъ, все предоставлялось ему въ качествѣ научнаго матеріала по интересовавшему его вопросу. Въ результатъ явился многочисленный (въ нѣсколько сотъ) подборъ примѣровъ на различные виды музыкальнаго ритма, извлеченныхъ изъ цѣлаго ряда пѣсенныхъ сборниковъ, преимущественно славянскихъ. Въ этомъ случаѣ Ю. Н., въ противоположность большинству музыкантовъ, утверждалъ на основаніи пристальнаго изученія и детальнаго анализа, что славянская пѣсня, при всей ея подчиненности новымъ формамъ, сохранила еще въ себѣ много оригинальнаго и архаическаго, много такого, что ее выгодно отличаетъ отъ пѣсенъ романскихъ и германскихъ народностей нашего времени.

Всѣ эти приисканные имъ и классифицированныя по рубрикамъ примѣры должны были составить особое приложеніе или фундаментъ для общей теоріи ритмики преимущественно славян-

ской, которую онъ имѣлъ въ виду когда-нибудь написать, для чего онъ также анализировалъ ритмически и метрически русскихъ поэтовъ, а также и многихъ славянскихъ по изданію Гербеля. Но на первое время онъ ограничился составленіемъ краткаго учебника ритмики, который законченъ имъ, кажется, въ годъ смерти и остался въ рукописи; къ нему привлечено въ качествѣ приложенія и большинство вышеуказанныхъ ритмическихъ примѣровъ. Это была его послѣдняя учебная работа.

Занимаясь въ то же время, такъ сказать, практической музыкой, разрабатывая музыкальную технику, давая уроки въ учебныхъ заведеніяхъ и частныхъ домахъ, Ю. Н. и въ эту область хотѣлъ внести нѣчто свое и составилъ довольно обширный „курсъ фортепіанной техники“, оставшійся въ рукописи.

Вотъ и всѣ немногія біографическія данныя о покойномъ и все то главнѣйшее, что осталось послѣ него. Біографическія данныя небогаты, и мы были бы крайне благодарны всѣмъ, кто нашель бы возможнымъ дополнить чѣмъ бы то ни было наши свѣдѣнія для составленія болѣе или менѣе обстоятельной его біографіи. За нѣкоторое время до дня чествованія памяти покойнаго мы обращались съ той же просьбой публично посредствомъ печати, но наши воззванія остались напрасными.

Все литературно-музыкальное научное наслѣдіе, оставленное покойнымъ нашимъ сочленомъ, находится съ нынѣшняго года въ рукахъ нашей Музыкально-Этнографической Комиссіи, которая равнымъ образомъ приняла бы съ благодарностью всякое сообщеніе о какомъ-либо новомъ матеріалѣ, находящемся въ частныхъ рукахъ.

Но теперь на очереди стоитъ вопросъ о скорѣйшемъ изданіи въ свѣтъ всего, что заслуживаетъ вниманія. Сюда относятся: 1) неизданныя пѣсни, 2) кое-что изъ статей и замѣтокъ о русскихъ пѣсняхъ и церковной музыкѣ, 3) переводъ Ритмики Вестфала, который составитъ цѣлую книгу, 4) собственный учебникъ ритмики съ многочисленными нотными примѣрами, 5) курсъ фортепіанной техники и 6) наконецъ ритмическіе анализы классиковъ, которые могутъ составить нѣсколько томовъ, если ихъ можно было бы издать съ самими произведеніями, подобно фугамъ Баха. Сюда относятся разборы сочиненій Бетховена, Шумана, Шопена, Листа, Глинки и другихъ композиторовъ.

Изъ перечисленныхъ трудовъ покойнаго пока одинъ учебникъ ритмики обратилъ на себя вниманіе нашего уважаемаго сочлена П. Дм. Самарина, взявшаго на себя изданіе этого руководства, въ которомъ ощущается настоящая потребность. Отъ лида Муз.-Этн. Комиссіи и Отдѣла не могу не выразить въ настоящемъ собраніи глубокой благодарности П. Д. Самарину за добрый починокъ, а равно глубокоуважаемому Э. Е. Коршу, давшему свое согласіе проредактировать это изданіе, которое войдетъ въ серію трудовъ Муз.-Этногр. Комиссіи. Будемъ надѣяться, что и остальные труды Юл. Ник. не останутся неизданными, и что найдутся люди, которые отзовутся на это полезное научное дѣло ради памяти покойнаго и ради пользы той области науки, которая еще такъ мало разработана.

Изданіе всего оставшагося научнаго достоянія было бы, несомнѣнно, лучшимъ пѣмятникомъ на могилу покойнаго Ю. Н. Но, мечтая объ этомъ, мы не должны забывать и о памятникѣ въ собственномъ смыслѣ, и заканчивая свое краткое слово, я еще разъ взываю ко всѣмъ, кому дорого имя этого безкорыстнаго труженика науки и кому дороги тѣ идеи, которыми онъ жилъ: не дайте затеряться его могилѣ!

Н. Янчукъ.

Бытовые черты русских былинь.

Большинство изслѣдователей русскаго былевого эпоса согласно въ томъ, что основу его составляютъ факты положительной исторіи. Такого взгляда держались какъ первые изслѣдователи былинь, такъ и современные ученые. Л. Майковъ въ своей диссертациі „О былинахъ Владимірова цикла“, написанной въ 1863 г., говоритъ, что не только обстановка, въ которой совершаются подвиги богатырей, описываетъ дѣйствительный русскій бытъ, но и общій смыслъ богатырской дѣятельности—историческій. Буслаевъ въ одной изъ своихъ статей, написанной въ 1871 г., признаетъ историческій характеръ нашихъ былинь, основываясь на томъ, что онѣ послужили основой историческимъ пѣснямъ времени Ивана Грознаго. Проф. Дашкевичъ пишетъ въ 1883 г.: „Нашъ былевой эпосъ хранитъ въ обилии несомнѣнно живыя историческія воспоминанія“ ¹⁾. Что основа нашихъ былинь—историческая, признаютъ также проф. В. О. Миллеръ ²⁾ и Ждановъ ³⁾. Но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что содержаніе былинь—вымышленное, что къ первоначальной исторической ихъ основѣ прибавлялись фантастическіе и романическіе сюжеты, что русскій былевой эпосъ не содержитъ въ себѣ повѣствованія о фактахъ дѣйствительной жизни, но, какъ всякое поэтическое произведеніе, является результатомъ весьма сложнаго историческаго процесса. На сложеніе былинь оказывали вліяніе не столько впечатлѣнія, вынесенныя изъ дѣйствительнаго строя жизни и историческихъ событій, сколько разнообразныя словес-

¹⁾ Читенія въ Истор. обществѣ Нестора-Лѣтописца, вѣ. III, отд. II, 6.

²⁾ Экскурсы въ область русскаго вѣрднаго эпоса, 215.

³⁾ Русскій былевой эпосъ, стр. VI.

ныя произведенія, устныя и письменныя. Слагатели не создавали былинныхъ сюжетовъ, но только прикрѣпляли ходячіе поэтическіе рассказы къ опредѣленной исторической обстановкѣ; приемы изложенія почерпались также главнымъ образомъ изъ обширнаго запаса общихъ мѣстъ народной поэзіи. Ходячіе сюжеты и общія мѣста, въ свою очередь, образовывались подъ весьма разнообразными вліяніями, среди которыхъ бытовыя—играли далеко не первую роль. Отсюда выясняется трудность выдѣленія изъ былинъ чертъ, на основаніи которыхъ можно было бы воспроизвести хотя сколько-нибудь опредѣленную картину древне-русскаго быта.

При такой работѣ, слѣдуетъ прежде всего исключить элементы, внесенные въ былины подъ вліяніемъ литературнаго, въ обширномъ смыслѣ, заимствованія.

Съ другой стороны, надо имѣть въ виду характеръ поэтическаго повѣствованія, дающаго всегда идеальныя краски, типы, даже событія и вносящаго прикрасы, преувеличенія, образы, иносказанія и другіе художественныя приемы. Въ виду этого характера былинъ, бытовыхъ чертъ нужно искать не въ тѣхъ фактахъ, которые характеризуютъ развитіе содержанія былины и на прикрасы которыхъ обыкновенно не скупится фантазія пѣвцовъ, но въ побочныхъ обмолвкахъ и тѣхъ частяхъ описаній, на которыхъ не сосредоточивается интересъ рассказа. Всѣ эти соображенія еще не даютъ вполнѣ надежнаго критерія для того, чтобы отличить эпическіе образы отъ бытовыхъ чертъ, и таковымъ можно признать только соответствіе былинныхъ данныхъ историческимъ свидѣтельствамъ.

I.

Время и мѣсто сложенія былинъ.

Русскія былины дошли до насъ лишь въ очень позднихъ записяхъ. Немногочисленныя старыя записи восходятъ не ранѣе, какъ къ XVII вѣку; наибольшее количество былинъ было записано въ XIX вѣкѣ, на нашихъ глазахъ. Во время своей долгой жизни въ устахъ пѣвцовъ старыя былины были осложнены цѣлымъ рядомъ бытовыхъ чертъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ эпохамъ и мѣстностямъ, конечно, потерявши въ то же

время многое изъ своего первоначальнаго состава. Въ виду этого приходится внести новое ограниченіе пользованія матеріаломъ, который даютъ былины,—приходится выключить черты, вошедшія въ былевой эпосъ уже послѣ того, какъ было закончено его созданіе. Когда же были сложены русскія былины? Этотъ вопросъ давно уже занимаетъ изслѣдователей, которые давали на него весьма разнорѣчивые отвѣты. Миеологическая школа (Буслаевъ, Аванасьевъ, О. Миллеръ) возводила большую часть былинныхъ сюжетовъ и именъ къ глубокой древности общиндовропейскаго языка, а въ историческихъ именахъ городовъ, князей, героев видѣла позднѣйшія наслоенія,—искаженія первоначальныхъ миеовъ. Историческая школа (Л. Майковъ, Буслаевъ въ нѣкоторыхъ своихъ воззрѣніяхъ, Квашнинъ - Самаринъ, Дашкевичъ), основываясь на былинныхъ именахъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, принимала за время сложенія былинъ вѣка X—XIII ¹⁾. Новѣйшіе изслѣдователи (Веселовскій, В. О. Миллеръ, Ждановъ, Халанскій), отмѣчая ряды переработокъ однихъ и тѣхъ же былинныхъ сюжетовъ, относятъ эти переработки къ разнымъ эпохамъ, находя въ современныхъ текстахъ преимущественно черты XII—XVII вѣковъ. Итакъ, если даже не считать миеологическихъ увлеченій старой школы, жизнь былинъ опредѣляется все же громаднымъ промежуткомъ времени въ восемь столѣтій, съ X по XVII. Противъ такихъ выводовъ, конечно, трудно что-нибудь возразить; но для насъ важнѣе опредѣлить эпоху, когда возникло ядро русскаго эпоса, когда творчество было наиболѣе интенсивнымъ, когда выработались его техническіе приемы, опредѣлившіе навсегда характеръ былинъ. Для этого необходимо обратить вниманіе на основные факты ихъ содержанія. Таковыми, несомнѣнно, являются: борьба со степными кочевниками, особенно съ татарами, память о преобладающемъ значеніи Кіева (до второй половины XII в.) и о принадлежности Чернигова къ русскимъ городамъ (до второй половины XIV в.), новгородская вольность, развитіе коллективнаго паломничества въ Іерусалимъ, представленіе Руси княжескою. Все это указываетъ на до-московскій періодъ русской исторіи, особенно на вѣка XII—XIV. Чтобы провѣрить эти общія соображенія, необ-

¹⁾ Майковъ, 22—7. Сокращенія въ ссылкахъ объяснены въ концѣ статьи.

ходимо указать на былинные событія и имена, засвидѣтельство-
ванные памятниками письменности. Къ XII столѣтію восходятъ
основы былинь о бояринѣ Ставрѣ (1118 г.), о сорока каликахъ
со каликою (около 1163—8 гг. ¹⁾), о Садкѣ (1167 г.), о князѣ
Романѣ ²⁾), о Дюкѣ ³⁾); изъ историческихъ лицъ XIII вѣка въ
былинахъ упоминаются: Алеша Поповичъ со слугой Торопомъ ⁴⁾),
Добрыня-рязанецъ ⁵⁾), Батый, Дунай; около половины этого вѣка
возникла былина о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ ⁶⁾). Вѣроятно,
отъ до-татарскаго періода осталась въ былинахъ память объ
Антоніи и Θεодосіи, какъ основателяхъ Печерскаго монастыря ⁷⁾.
Въ XIV столѣтіи возникла былина о Щелканѣ Дуденьевичѣ
(1327), внесены имена Самсона Кальванова (1357), Мамая
(1380) ⁸⁾ въ концѣ XIV в. было записано преданіе о путеше-
ствіи 40 каликъ въ Іерусалимъ ⁹⁾; детальный разборъ Жда-

¹⁾ См. статью В. Θ. Миллера въ „Журналъ М. Н. Пр.“ 1899, № 8, отд. 2, стр. 489.

²⁾ *Ждановъ*, Р. был. эп. 507—14.

³⁾ В. Миллеръ. Очерки, 100 и сл. Авторъ видитъ въ имени Дюкъ распро-
страненныя въ Византіи имя или фамилію Дука; но это имя могло быть осмы-
сленіемъ нарицательнаго имени. Такъ, венеціанскіе дожи назывались у насъ
въ XV в. дюками: въ 1472 г. въ Москву пріѣхалъ посолье ерязинъ „изъ Ви-
ницы, отъ Дюки Виницейскаго Николая Трона... отъ Дюки и отъ всѣхъ зе-
мель, сущихъ подъ нимъ“. Книга глаголемая Временикъ, сирѣчь, Лѣтописецъ
русскій, II, 65; П. С. Р. Л. XII, 142.

Можетъ быть, на какомъ-нибудь основаніи Никоновская лѣтопись и одинъ
хронографъ относятъ смерть „Васили Буславича“ къ 1171 г. *Ждановъ*,
ор. с., 245.

⁴⁾ *Дашкевичъ*, 23.

⁵⁾ О его происхожденіи см. зам. В. Θ. Миллера въ „Изв. Отд. русск. яз.
и слов. И. Акад. Наукъ“, т. IV, кн. 2, стр. 673.

⁶⁾ См. мою статью въ XLVI кн. „Этногр. Обзорнія:“ Къ былинь о боѣ
Ильи М. съ сыномъ. Г. Лобода (Русск. бог. эп., 30) указываетъ ново-
торжскаго посадника Θому (1215 г.) въ параллель Θомъ-новоторженну,
встрѣчающемуся въ былинахъ; но въ былинахъ такого вѣтъ. По мнѣнію
П. Н. Милюкова (Юбилейный Сборникъ, 315), былина о Соловѣѣ Будимиро-
вичѣ была сложена въ первой половинѣ XIII в. По догадкѣ акад. *Веселов-
скаго* (Разысканія въ области русск. дух. стиховъ, гл. IX, стр. 355—66),
принятой В. Θ. Миллеромъ (Очерки, 127 и сл.), къ XIII столѣтію относятся
основа былины о Михаилѣ Потыиѣ.

⁷⁾ Бѣлом. былины, 43, 91, 140, 403.

⁸⁾ См. мою замѣтку въ Юбилейномъ Сборникѣ, 160—1.

⁹⁾ Ж. М. Н. Пр. 1899, № 8, отд. 2, стр. 489, 497..

новымъ былины о Василиі Буслаевичѣ приводитъ автора къ выводу, что эта былина возникла во второй половинѣ XIV в. или въ первой—XV; по его словамъ, „указаніе на Новгородъ, Псковъ и Москву, какъ на три самостоятельныя силы“, говоритъ объ эпохѣ раньше конца XV вѣка ¹⁾. Къ XV столѣтію относятся былины объ Авдотѣ-рязаночкѣ и о Василиі Казимировичѣ. Въ первой изъ нихъ сохранилась память объ одномъ изъ столь частыхъ татарскихъ набѣговъ на Рязанскую область, вѣроятно, нападеніи, хана Золотой орды Ахмата (въ лѣтописяхъ также Ахмутъ, Махмутъ, Ахметъ, Махметъ; въ былинѣ—Бахметъ) въ 1460 г. ²⁾. Имя новгородскаго посадника Василия Казимира встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1471—81 гг. ³⁾ Онъ подносилъ дары московскому великому князю; былины сдѣлали изъ ненавистнаго новгородца московскаго властителя—иноземнаго царя и отправили къ нему съ Василиемъ Казимировичемъ дань, но ея предметами выставили соколовъ и кречетовъ, издавна поставлявшихся къ московскому двору изъ Новгородской земли.

Но „мы можемъ указать и предѣлы сложенію современныхъ былинъ. Для новгородскихъ былинъ этотъ предѣлъ совпадаетъ съ паденіемъ Новгорода, съ концомъ XV в. ⁴⁾. Этотъ предѣлъ отно-

¹⁾ Русск. быль. вѣд. 250, 279—80. Ко второй половинѣ XIV столѣтія относится любопытное преданіе о рязанскомъ князѣ Олгѣ Ивановичѣ (+ 1402 г.); изъ него извѣстенъ пока небольшой отрывокъ, взятый изъ рукописи XVIII в. и имѣющій всѣ признаки былиннаго склада: дубовый столъ, скатерть бравая, миса изъ чистаго серебра, кашница сарочинская; частицы: а—де. *Иловайскій*, Исторія Рязанскаго княжества, 194, прим. 192.

²⁾ Полное Собраніе Русск. Лѣт. IV, 148; V, 272; VI, 31, 182, прим. а), 184; VII, 221, 226; VIII, 149. *Рыбн.* III, 227 (= *Кур.* VII, Прил., 182); *Гилье*. ст. 1187. Въ грамотахъ съ конца XV в. Рязань, въ отличіе отъ Переяславля Рязанскаго, стала называться „Старою“; такъ она названа и въ былинѣ. Въ былинѣ разсказывается о выкупѣ плѣнныхъ рязанцевъ у татаръ; и дѣйствительно, рязанцамъ „часто приходилось выкупать своихъ родственниковъ и земляковъ“; такъ, въ 1444 г. „татары вышли изъ Рязанской земли со множествомъ полона, потомъ остановились въ степи и открыли торгъ, пословъ къ сосѣдямъ предложеніе выкупать плѣнныхъ; рязанцы не замедлили воспользоваться этимъ предложеніемъ“. *Иловайскій*, ор. с., 256, 298.

³⁾ П. С. Р. Л. XII. 135—213.

⁴⁾ Впрочемъ, нужно замѣтить, что мѣстно-городскія былины, въ родѣ пѣсни о Терентьищѣ, могли слагаться въ Новгородѣ и послѣ его политическаго паденія. Дѣло въ томъ, что „Новгородъ, послѣ паденія своего старшаго быта,

сится и къ другимъ былинамъ, сохраннымъ въ Новгородской области“¹⁾. Дѣйствительно, съ половины XVI вѣка возникаютъ вмѣсто былины историческія пѣсни, московскія и казацкія, отличающіяся уже другимъ характеромъ: онѣ мельче по объему, реальнѣе по содержанію, уже по идеямъ и не обладаютъ такимъ обширнымъ горизонтомъ, такимъ широкимъ поэтическимъ размахомъ, какъ былины. Вмѣсто „святой Руси“ въ нихъ является „сильное Московское царство“, вмѣсто „стольнаго князя“ — „бѣлый царь“ (въ отличіе отъ давно знакомыхъ народу восточныхъ „поганныхъ царьщъ“²⁾) и цареградскаго царя Константина), вмѣсто богатырской дружины—казацкій кругъ.

Мы видѣли, что основы значительнаго количества былинъ восходятъ къ XII вѣку. Но нужно замѣтить, что редакціи ихъ, которыя можно возстановить путемъ сравненія наличныхъ записей, относятся къ болѣе позднему времени. Трудно указать это время по отношенію ко всѣмъ былинамъ; но возможно опредѣлить эпоху сложенія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, въ былинахъ о сорока каликахъ со каликою, о Дунаѣ, о сватовствѣ Идолица за племянницу князя Владимира³⁾, о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича (также въ отдѣльныхъ пересказахъ нѣкоторыхъ другихъ былинъ) дѣйствуютъ два крестовыхъ, названныхъ брата: Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ; въ этихъ былинахъ они—неразлучные товарищи, исконно-кѣвскіе богатыри, порвавшіе всякія связи со своей родиной — Рязанью и Ростовомъ (другія былины, согласно съ лѣтописью, еще помнятъ объ ихъ происхожденіи и не дѣлаютъ ихъ товарищами). Пѣвцы могли забыть объ историческихъ *храбрахъ*, приуроченныхъ лѣтописью къ первой четверти XIII вѣка, и выставить ихъ традиціонными кѣвскими *богатырями* не раньше второй половины XIII столѣтія, когда отъ татаръ къ русскимъ перешло и это слово. Не раньше конца этого столѣтія могъ сложиться и эпическій типъ Апраксіи, жены

не потерявъ важнаго значенія для московскаго правительства, оставался *оторымъ городомъ въ государствѣ*“. *Словесъ*, Исторія Россіи, т. V, гл. V.

¹⁾ *Владиміровъ*, 243.

²⁾ Известно, что какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ былинахъ татарскіе ханы называются царями. У царя Коцея (Вахрамея) *черныя груди*. *Тих. и Милл.* II, 294; *Кир.* III, 16; *Бълм.* был. 421.

³⁾ *Бълм.* былины, 242, 423.

князя Владимира. Историческая княгиня Евпраксія, имя которой, по мнѣнію В. Θ. Миллера ¹⁾, перешло изъ пѣсенъ татарской эпохи въ нашъ былевой эпосъ, погибла во время нашествія Батыя; для того, чтобы выработался типъ былинной Апраксіи, понадобилось значительное время. Но, съ другой стороны, присутствіе именъ Апраксіи и Добрыни съ Алешей, какъ товарищей, въ былинѣ о Дунаѣ, сложившейся, повидимому, въ концѣ XIII вѣка, говоритъ за то, что эти эпические типы возникли именно въ это время или немного позже, въ XIV столѣтіи. Поэтому середину XIII вѣка можно принять за terminus a quo сложенія многихъ былинныхъ версій, которыя мы можемъ возстановить на основаніи извѣстныхъ теперь записей. Итакъ, основное содержаніе нашего эпоса сформировалось въ теченіе XIII и XIV вѣковъ. Это была эпоха татарскаго владычества, которое обусловливало подъемъ русскаго національнаго чувства ²⁾.

Географія русскихъ былинъ обнимаетъ почти всю Русскую землю въ тѣхъ предѣлахъ, которые характеризуются эпохой дѣленія ея на области и княжества. Изъ географическихъ названій южной Руси въ былинахъ встрѣчаются: Подоля (Потыкъ ³⁾), Галичь, обыкновенно соединяемый съ Волынской землею въ общее названіе Волынца-Галича (Дюкъ; Волынская земля въ одномъ пересказѣ Потыка: *Рыбн.* I, 222); Кіевъ съ Днѣпромъ (чаще—„Нѣпра“), Почай или Пучай-рѣкою и Печерскимъ монастыремъ; Моровъ или Муромъ, городъ, лежавшій на Деснѣ ниже Чернигова и извѣстный въ старой письменности подъ именемъ

¹⁾ Эскурсы, 25.—7. „Едва ли болѣе столѣтія это событіе было въ свѣжей памяти у народа“.

²⁾ Проф. Халанскій (Былины, 7) считаетъ „благопріятными для сохраненія и развитія эпоса“ условія подавленія самостоятельности народа, развитіе національнаго чувства и общественнаго сознанія; „сравнимъ, говоритъ онъ, расцвѣтъ сербской и болгарской поэзіи подъ турецкимъ игомъ“ (ту же мысль онъ проводитъ въ другомъ сочиненіи, Крал. Марко, I, 174). У насъ такія условія онъ находитъ въ эпоху польскаго владычества, въ началѣ XVII в. Но почему же тогда былины относятся съ крайней ненавистью къ татарамъ, между тѣмъ какъ изъ Польской земли, отъ короля Политовскаго выводить невѣсту для кн. Владимира и даже говорятъ о службѣ королю одного изъ симпатичныхъ русскихъ богатырей, Дуная?

³⁾ В. Миллеръ, Очерки, 124.

Моровійска и Муромеска; Черниговъ, Путивль ¹⁾. Въ средней полосѣ Россіи былинамъ извѣстны слѣдующія географическія названія: Карачевъ ²⁾, Брянскіе и Брынскіе лѣса, Куликово поле, Ока, Старая Рязань съ эпитетомъ „подлѣсная“ (или просто Рязань); упоминаются „мужики залѣшане“, къ которымъ нужно отнести не только жителей Москвы, Ростова и Суздаля ³⁾, но и Мурома, такъ какъ Илья Муромецъ называетъ себя залѣшаниномъ; далѣе на западъ извѣстны Тверь, Смоленскъ съ его черными грязями и Себежъ (Витебской губ. ⁴⁾). Изъ географическихъ названій сѣверной Россіи въ былинахъ упоминаются: Чудо-озеро ⁵⁾, Псковъ, Ильмень, Новгородъ съ мостомъ черезъ рѣку Волхову, иначе называемую Волхъ-рѣкой ⁶⁾, Ладожское озеро ⁷⁾, Нева, Орѣшекъ (Шлиссельбургъ ⁸⁾, Вирианское море (Финскій заливъ ⁹⁾, Новоторгъ (Костя-новоторженинъ въ былинѣ о Василии Буслаевичѣ; также „новоторженскій“ у *Тих. и Милл.* II, 65) Бѣлоозеро ¹⁰⁾.

Изъ иностранныхъ земель и городовъ ¹¹⁾ былины знаютъ на

1) См. мою замѣтку въ XLIV книжкѣ „Этнографическаго Обзорѣнія“: „Къ вопросу о прозвищѣ Илья Муромца“; тамъ же соображенія относительно древности прикрѣпленія Илья къ Мурому.

2) О Моровійскѣ и Карачевѣ см. *В. Миллеръ*, Экскурсы, 181—90; тамъ же рѣка Смородинная, быть можетъ, соответствующая былинной Смородинѣ.

3) Москва упоминается въ былинѣ о нападѣ литовцевъ и о Василии Буслаевичѣ; встрѣчаются также москов. товары (Садко) и московская застава (Бой Илья съ сыномъ). Суздаль не упоминается, но есть былина о Суровицѣ-суздальцѣ, упоминаются „удалые суздальцы“: *Кир.* III, 10; *Тих. и Милл.* II, 25—30.

4) *В. Миллеръ*, Очерки, 391 и слѣд.

5) *Бѣлом. был.*, 136.

6) Въ былинѣ о Садкѣ упоминается рѣка Чернава, близъ Новгорода, вѣроятно, это—теперешній Черный ручей, впадающій въ Ильмень съ западной стороны. Преданіе о немъ, напоминающее былину,—въ очеркахъ *В. О. Миллера*, 290. Удивительно, что проф. *Ждановъ* (*Русск. был. эп.*, 234) не обратилъ вниманія на искаженіе, въ одной былинѣ, „Волхъ-рѣки“ въ „Волгу-рѣку“, съ которой Садко попадаетъ непосредственно къ Ильмену!

7) *Рыбн. I*, 375-*Гильф.*, № 70.

8) *В. Миллеръ*, Очерки, 174.

9) Юбилейный сборникъ въ честь *В. О. Миллера*, 315.

10) *Тих. и Милл.* II, 78, 291. „Новоторгское шитье“—у *Гильф.*, ст. 1163.

11) Я не упоминаю тѣхъ географическихъ названій, которыя вошли въ былины изъ литературныхъ произведеній; если такія названія и находятся въ былинахъ, то это не указываетъ на непосредственное знакомство съ ними

юго-востокѣ Сорочинскую землю съ Іерусалимомъ, сорочинскою горою Фаворомъ и рѣкою Іорданомъ ¹⁾, Греческую землю съ Царьградомъ ²⁾, Греческое море ³⁾, Половецкую землю ⁴⁾, Золотую или Большую орду, иначе Татарскую землю, Хвалынское море; упоминается также Турская земля. На западѣ былинамъ извѣстны чехи, городъ Кряковъ, ляхи въ Ляцкой, Ляхетской, или Польской землѣ ⁵⁾, Политовская земля, или Литва ⁶⁾, литовское племя Латыгола ⁷⁾, Ливонская земля ⁸⁾ и вообще Остзейскій край (жителей котораго старые русскіе памятники преимущественно называютъ Латиной); отсюда идетъ Латынская (иначе Латышкина) дорога, отсюда вывозятъ латынскихъ жеребцовъ ⁹⁾; часто упоминается Корела и „бѣлоглазая“ Чудь; изъ западно-европейскихъ странъ былины знаютъ Швецію и Датскую землю ¹⁰⁾; памятью сношеній съ Франціею является княжескій чашникъ „орязинъ“, о которомъ говоритъ одна старая запись ¹¹⁾.

русскихъ въ эпоху сложенія былинь. Сюда относятся Индія, Аравійская гора, Сіонъ, Сафатъ-и Евратъ-рѣка, Задонская земля.

¹⁾ *Ждановъ*, 232—44, 345—50, 363—5. „Сорочина долгополая, говорятъ *Майковъ* (стр. 43)—копечно, сарацины; какъ народъ, арабы, сарацины могли быть извѣстны на Руси съ древнѣйшаго времени по своимъ торговымъ сношеніямъ; названіе же Сорочинина встрѣчается подъ 1116 г. въ Киевской летописи“. О сарацинахъ русскіе могли также слышать отъ паломниковъ.

²⁾ *Веселовскій*, Ю.-р. былины. 1884, стр. 34, 305; *Ждановъ*, 135 и сл.

³⁾ Это русское названіе Черпаго моря соответствуетъ греческому названію „Русское“.

⁴⁾ *Кир.* III, 116; форма „Поленецкая земля“, *Тил.* и *Милл.* II, 134, объясняется, вѣроятно, влияніемъ слова „поленница“.

⁵⁾ См. мою замѣтку въ Изв. Отд. р. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. V, кн. I, 72, прим. 4; *Гильф.* № 39, ст. 165; № 34, ст. 27.

⁶⁾ Обыкновенно король политовскій помѣщается въ Польской землѣ: *Рым.* II, 83; *Гильф.* № 6, ст. 555, 842; № 12, ст. 13; № 40, ст. 367 и др. Это указываетъ на то, что „политовскій“—не что иное, какъ поль-литовскій, польско-литовскій.

⁷⁾ См. мою статью „Къ былинь о боѣ Плянъ М. съ сыномъ“ въ XLVI кн. „Этногр. Обзорнїя“.

⁸⁾ *Ждановъ*, 503—4.

⁹⁾ См. указанную статью въ „Этн. Обзорн.“.

¹⁰⁾ Последняя упоминается, кажется, только однажды у *Гильф.*, № 217, столб. 1027.

¹¹⁾ *Тил.* и *Милл.* I, 59. Въ упоминаемыхъ королей „французскаго“, прусскаго и австрійскаго нужно видѣть позднія наслоенія.

Такимъ образомъ, географическій горизонтъ былинь обнимаетъ громадное пространство отъ Нѣмецкаго моря до Каспійскаго и отъ Сѣвернаго Ледовитаго океана до Аравійскаго полуострова. Уже это одно указываетъ на то, что мѣстомъ сложенія былинь были не какіе-нибудь 2—3 пункта Россіи, а самыя разнообразныя мѣстности. Совокупность географическихъ названій, извѣстныхъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности, дало такую широту горизонта нашему эпосу въ его цѣломъ. Пѣвцы Южной Руси вносили въ свои произведенія имена Царь-града, Кракова; средняя Россія сообщала былинамъ имена Литвы, Золотой орды; сѣверныя области дали имъ названія Швеци, Корелы. И дѣйствительно, новѣйшія изслѣдованія доказываютъ, что каждая область древней Руси или давала своего родного героя общерусскому эпосу, или, по крайней мѣрѣ, приурочивала эпическаго богатыря къ мѣстнымъ географическимъ названіямъ и такимъ образомъ слагала о немъ мѣстную былинку. Мѣстомъ сложенія дошедшихъ до насъ былинь можно считать области: Галицко-Волынскую, Кіевскую, Черниговскую, Полоцкую, Муромо-Рязанскую, Владимиро-Суздальскую и Новгородскую.

II.

Экономическій бытъ древней Руси.

До конца XV столѣтія основой экономической жизни Россіи служили зоологическія богатства; звѣрь, птица и рыба были главными предметами добывающей промышленности. Лишь въ теченіе XVI—XVII вѣковъ охота и рыбная ловля, какъ хозяйственныя основы, потеряли свое преобладающее значеніе, уступивъ мѣсто земледѣлю, къ которому и перешла главная экономическая роль на большей части пространства тогдашней Россіи ¹⁾. Былины, какъ произведенія, возникшія раньше XVI вѣка, должны были сохранить память о старомъ экономическомъ строѣ. Дѣйствительно, въ нихъ не замѣтно памяти о преобладаніи земледѣлія. Обработка земли такъ мало интересовала слагателей нашего эпоса, что пахаря съ принадлежностями земледѣльческаго

¹⁾ Миллюковъ. Очерки исторіи русской культуры, I, 68—70.

труда мы находимъ лишь въ одной мѣстной новгородской ¹⁾ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ. Утвержденіе *Л. Майкова* (стр. 53), будто „былины выставляютъ земледѣліе главнымъ занятіемъ массы народной“, ни на чемъ не основано; онъ и самъ оговаривается, что „о земледѣліи очень мало рѣчи“ въ былинахъ, объясняя это тѣмъ, что „простой классъ въ нихъ рѣдко упоминается“. Но послѣднее обстоятельство еще не объясняетъ дѣла; былины могли бы говорить о крупномъ земледѣліи и о пахаряхъ, какъ работникахъ на князей и бояръ; но этого въ нихъ нѣтъ, между тѣмъ какъ нерѣдко упоминается объ охотѣ и рыбной ловлѣ, предпринимаемыхъ городскими артелями и княжескими дружинами.

О коллективныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ говорятъ двѣ былины: о Волхѣ (Вольгѣ) и Чурилѣ. Оба они „устраиваютъ ловы въ широкихъ размѣрахъ“ ²⁾, хотя и въ неравной степени обнаруживаютъ участіе въ дѣлѣ. Первый, какъ князь и непосредственный начальникъ („атаманъ“) своего отряда, работаетъ вмѣстѣ съ дружиною и для нея; второй, какъ богатый изгнанный горожанинъ, не принимаетъ непосредственнаго участія въ ловахъ своей артели („дружины“) и пользуется ея (иногда незаконными) трудами для накопленія своего удивительнаго богатства. Былина о Чурилѣ говоритъ также о княжескихъ наемныхъ артеляхъ, работавшихъ ради „жалованья“ (вѣроятно, натурой); эти артели занимались ловлей пушныхъ звѣрей, птицъ, съѣдобныхъ и ловчихъ, и рыбы. Что касается рыбныхъ ловель, то „князья получали опредѣленную часть дохода съ нихъ натурою... Горожанамъ дозволялось ловить рыбу подѣ условіемъ взиманія съ невода для князя рыбы“ ³⁾. Вѣроятно, эти поборы обозначаются въ былинѣ словомъ „приносъ“:

¹⁾ *Миллеръ*. Очерки, 169. Замѣчательно, что только эта былина упоминаетъ о ржи, главномъ пищевомъ продуктѣ сѣвернаго крестьянства; другія—говорятъ почти исключительно о пшеницѣ. О пшницѣ говорится еще въ единственномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ былины о Дюжѣ (*Кир.* III, 105); но въ этомъ упоминаніи, конечно, нельзя видѣть что-нибудь древнее, какъ и въ былинѣ-сказкѣ о исцѣленіи Ильи Муромца (*Миллеръ*, оп. с. 391). „Непаханая и неораная земля“ упоминается въ былинѣ о Соловѣѣ Будамировичѣ, *Кир.* IV, 102—3.

²⁾ *Миллеръ*, оп. с. 181, 192.

³⁾ *Аристовъ*, 30.

„Тебѣ, государю, приношу нѣтъ, отъ васъ, государь, жалованья нѣтъ“ ¹⁾, говорятъ князю рыбаки-горожане, потерпѣвшіе отъ Чуриловой рыболовной дружины. Въ былинѣ объ Иванѣ Гоудиновичѣ ²⁾ говорится о случайной охотѣ богатырей-поѣзжанъ, которыхъ посылаетъ княжескій дружинникъ (иногда—племянникъ) по звѣринымъ слѣдамъ; интересною бытовою подробностью является то, что охотники кладутъ завѣтъ на счастье своего хозяина или патрона ³⁾. Нерѣдко (Суханъ, Данило Ловчанинъ, Козаринъ) великій князь посылаетъ своихъ богатырей или мелкихъ князей убить какого-нибудь звѣря или привезти дичи для своего стола. Но чаще всего упоминается охота за птицами богатырей, которые въ полѣ или у заводей ⁴⁾ стрѣляютъ гусей, лебедей и утокъ ⁵⁾ Это обычное занятіе богатырей между битвами иногда имѣетъ экономическую основу; такъ, Добрыня и Суровець-суздалецъ питались дичью во время своихъ разъѣздовъ ⁶⁾; а иногда богатыри стрѣляютъ птицъ (даже и несъѣдобныхъ, напр., ворона) только для того, чтобы „сердце пріутѣшити, могучія плечи прирасправити“ ⁷⁾. Взглядъ на охоту, какъ на забаву, встрѣчается и въ старыхъ памятникахъ, гдѣ она называется „тѣшью, утѣхой“ или „утѣшеніемъ“ ⁸⁾.

Способы охоты описываются довольно рѣдко. На крупныхъ

¹⁾ *Кир.* IV, 80.

²⁾ *Кир.* III, 22—3; *Тих. и Милл.* II, 156; *Гильф.* №№ 179, 188 и 194.

³⁾ *Тих. и Милл.* I, с.; *Кир.* IV, 79—80.

⁴⁾ Заводью называлось тихое мѣсто въ рѣкѣ, иногда заливъ; заводи на Волгѣ упоминаются въ 1393 г. *Аристовъ*, 26. Въ былинахъ говорится не только о рѣчныхъ заводахъ, но и о морскихъ.

⁵⁾ Этотъ эпизодъ сталъ общимъ мѣстомъ въ пѣсняхъ и сказкахъ: *Ждановъ*, 3; Лѣтописи русской литер. и древн. 1859 г., IV, отд. II, 102, 116; но нѣтъ основаній видѣть въ немъ только поэтический образъ. Ср. *Аристовъ* 11, прим. 26: подъ 1259 г. „Данилови пядяшу по полю и ловы дѣвою“.

⁶⁾ *Гильф.*, столб. 1139—40; *Кир.* III, 100. Ср. *Миллеръ*. Очерки, 181: „Охота Волги была не забавой, а доставляла пищу и одежду его дружинъ-артели“.

⁷⁾ *Кир.* II, 80.

⁸⁾ *Аристовъ*, 11, 5, прим. 10; 9, прим. 20; Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, IX, 159; Русскій Временникъ. М. 1820, I, 289; *Рыбн.* IV, 157. Первоначальное значеніе самаго слова охота, охвота—радость, веселье (*Срезневскій*)—указываетъ на представленіе „охоты“ забавой, но возникшее, повидимому, лишь, поздно въ эпоху появленія новаго значенія этого слова.

звѣрей охотились съ рогатинами ¹⁾, почему послѣднія носятъ эпитетъ „звѣриныхъ“, и съ копьями ²⁾. Промысловыя артели ловили мелкихъ пушныхъ звѣрей тенетами ³⁾, а птицъ, какъ съѣдобныхъ, такъ и ловчихъ,—дубовыми западнями ⁴⁾ и „шелковыми“, слѣд. плетеными, силками ⁵⁾, которые ставились по верхушкамъ деревьевъ ⁶⁾. Охота на птицъ, которою занимались богатыри поодиночкѣ, состояла просто въ томъ, что *стрѣляли* ⁷⁾, т. е. убивали стрѣлами, гусей, лебедей и утокъ. Охота въ старину производилась обыкновенно съ помощью ловчихъ птицъ и охотничьихъ собакъ ⁸⁾. Именно съ такими атрибутами изображается сынъ Ильи Муромца: на рукахъ у него соколъ и кречетъ, а у стремени рѣзвится выжлокъ ⁹⁾. Обыкновенно охота производится въ любомъ мѣстѣ, но въ нѣкоторыхъ былинахъ упоминаются княжескія „займища“, иначе называемыя „потѣшными лугами“ или „островами“ (въ смыслѣ роцъ, окруженныхъ полями), „куда ѣздилъ ласковый Владимирь-князь завсегда за охотою“ ¹⁰⁾. Эти отчужденныя княземъ мѣста для охоты помѣщаются у р. Черegi (въ Новгородской области ¹¹⁾). Рыбу ловили

¹⁾ Ср. *Аристовъ*, 10. Рогатины, какъ оружіе, были извѣстны еще въ XII в. *Майковъ*, 73.

²⁾ *Кир.* I, 57; *Гильф.*, № 39, ст. 10; 77, ст. 189.

³⁾ *Тенета* для ловли зайцевъ, сернь и другихъ звѣрей упоминаются въ концѣ XI и въ серединѣ XII в. *Срезневскій*, слова „кляпча“ и „ловъ“.

⁴⁾ Въ старину западнею называлась, повидному, засада; употреблялось ли это слово въ теперешнемъ значеніи, неизвѣстно.

⁵⁾ *Гильф.*, № 15. „Сило, силецъ“ означаетъ петли, которыми ловятъ птицъ; слово это встрѣчается съ XII в. *Аристовъ*, 7—8 и прим. 15.

⁶⁾ *Гильф.* № 91.

⁷⁾ Ср. *Аристовъ*, 10, прим. 23: „ловники, застрѣляя звѣри, ядаху“.

⁸⁾ О ловлѣ птицъ соколами и кречетами и звѣрей собаками (съ XI в.) см. *Аристова*, 8—9, 19; П. С. Р. Л., I, с.; *Рускій Временникъ*, I, с. *Полевой*, II, 50: „Охотились князья съ собаками, соколами и ястребами; окидывали часть лѣса тенетами и загоняли въ нихъ звѣрей загономъ“.

⁹⁾ *Кир.* I, 8, 12; IV, 13; VII, Прил., 2; *Гильф.*, № 77; столб. 1081, 1125, 1200; *Тих. и милл.* II, 108. В. Θ. *Миллеръ* (*Экскурсы*, 140, прим. 3) не видитъ въ сынѣ Ильи „спеціально соколиного охотника“, но факты, указаные мною (*Этнографическое обозрѣніе*, кп. XLVI), думается мнѣ, достаточно подтверждаютъ обратный взглядъ. О томъ, что указанный образъ имѣетъ основаніе въ древне-русскомъ бытѣ, см. въ *Этнограф. Обзор.*, кп. XXV, 9.

¹⁰⁾ *Кир.* I, 13; III, 76. Ср. *Майкова*, 56.

¹¹⁾ *Кир.* III, 91; IV, 78—80. Ср. *Миллеръ*, *Очерки*, 196.

неводами (иначе „тоневьями“), которые закидывали на рѣкахъ и озерахъ съ судовъ ¹⁾. Въ Новгородѣ, на Ильменѣ были рыболовныя артели, которыя работали на скупщиковъ по вольному найму. Скупщики, очевидно, получали громадныя барыши. Такъ, Садко, отдавая рыболовамъ по 100 рублей за каждыя три невода и продавая скупленную рыбу въ гостиномъ ряду, получалъ самъ груды червонцевъ ²⁾.

Что касается предметовъ охоты и рыбной ловли, то въ былинахъ можно найти довольно полное ихъ перечисленіе. Предметами охоты были цѣнныя пушныя звѣри: сибирскіе соболи ³⁾, черныя куницы, бурья печерскія (т. е. изъ Печеры) лисицы ⁴⁾, бѣлыя горностаи, барсы, волки, медвѣди, туры, иногда называемыя литовскими ⁵⁾, а также моржи, отъ которыхъ добывали клыки — „дорогъ рыбій зубъ“. Бобры и бѣлыя медвѣди упоминаются, кажется, только по одному разу ⁶⁾. Изъ съѣдобныхъ звѣрей охотились на „дикихъ вепрей“, иначе кабановъ, лосей, оленей, бѣлыхъ ланей, зайцевъ. Почти всѣ эти звѣри упоминаются въ старыхъ русскихъ памятникахъ ⁷⁾; не встрѣчается лишь названіе кабана; о барсѣ говоритъ лишь поздній памятникъ, 1589 г. Какъ

¹⁾ *Неводъ* упоминается со второй половины XI в.: *Срезневскій*; *топи* — съ середины XIV в. Съ судовъ ловили рыбу на Бѣлозерѣ въ началѣ XV в.: *Аристовъ*, 29, 24, прим. 56.

²⁾ *Кир*. V, 49—50; ср. *Гильф*. № 70, ст. 148 и сл. Въ Новгородѣ рыбные промышленники составляли отдѣльный разрядъ еще въ XII в. Рыбными ловцами владѣли тамъ не только члены администраціи, но и частныя лица. *Аристовъ*, 28.

³⁾ Югра, дѣйствительно, славилась изобиліемъ соболей. *Аристовъ*, 4.

⁴⁾ *Миллеръ*, *Очерки*, 181, 192. Въ сибирскихъ былинахъ лисицы иногда носятъ эпитетъ „бурнастыхъ“; по предположенію *Соловьева* (по втор. изд. кн. I, 265, прим. 1), это — исаваженное слово буртасскій (мордовскій). Дѣйствительно, Буртасская земля славилась (въ X—XIII вв.) хорошими мѣхами и особенно чернобурыми лисицами (*Аристовъ*, 5); но „бурнастый“ могло быть образовано отъ слова „бурый“.

⁵⁾ Ср. мою замѣтку въ „Извѣстіяхъ Отдѣл. русск. яз. и слов. И. А. Наукъ“, т. V, кн. I, 38.

⁶⁾ *Рыбы*, II, 186; *Кир*. IV, 100.

⁷⁾ *Аристовъ*, 3—4; *Срезневскій*, слово „лань“. Въ памятникахъ XI и XII вв. встрѣчается названіе „вепрь дивій“: *ib.*, сл. „вепрь“. О русской дани татарамъ шукурами бѣлыхъ медвѣдей говоритъ Плато-Карпини (1243 г.): *Аристовъ*, 14, прим. 35.

извѣстно, старыми названіями этихъ животныхъ были „вепрь“ и „пардусъ“¹⁾. Охотой на гусей, лебедей и утокъ занимается почти каждый богатырь; иногда въ качествѣ съѣдобныхъ птицъ охотники бьютъ голубей или горлицъ²⁾ и вообще „малую птицу-пташицу“³⁾. Въ сѣверныхъ былинахъ говорится о ловлѣ соколовъ и кречетовъ⁴⁾, которыми издавна, съ XIII в., славилась Двинская земля⁵⁾. Въ былинѣ о Чурилѣ говорится о сокольникахъ и кречетникахъ, поставлявшихъ ловчихъ птицъ своему князю за плату⁶⁾. Извѣстно, что въ XIV в. и позднѣе князья посылали своихъ сокольниковъ къ Ледовитому океану за ловчими птицами, которыми изобилывалъ нашъ Сѣверъ⁷⁾. Хотя слово „кречатникъ“ встрѣчается лишь въ памятникѣ конца XVI в.⁸⁾, но несомнѣнно, что княжескіе ловцы кречетовъ назывались такъ и ранѣе. Предметами рыбной ловли были въ особенности „кунныя“ (цѣнные) рыбы: семга, бѣлуга и дорогой осетръ, а также щука, карась, плотва (иначе сорога), окунь⁹⁾; однажды упоминается „рыба стерляжина отъ Оки-рѣки“¹⁰⁾. Изъ этихъ рыбъ въ старыхъ памятникахъ упоминаются караси и осетры; послѣдняя рыба цѣнилась очень дорого, и для ея ловли князья посылали на озера своихъ специальныхъ „осетръниковъ“¹¹⁾. Въ памятникахъ XVI—XVII вв. встрѣчаются названія щукъ, окуней и стерлядей¹²⁾.

1) *Иб.*, 3; *Срезневскій*, сл. „барсь“.

2) *Кир.* III, 18, 34; *Тих.* и *Милл.* II, 282; *Бѣлом.* был. 421.

3) *Рыбн.* I, 2=*Гильф.*, № 91, ст. 57. Однажды (*Гильф.* 1168) упоминаются рябчики и косачики; послѣднее областное названіе—„косачъ“ вмѣсто „тетеревъ“—указываетъ на недавнее внесеніе этихъ птицъ въ былинѣ.

4) *Гильф.*, № 91, ст. 56; *Тих.* и *Милл.* II, 25.

5) *Аристовъ*, 6, прим. 13.

6) *Кир.* IV, 80—1.

7) *Аристовъ*, 17; *Срезневскій*, сл. „кречать“.

8) *Иб.*, сл. „кречатникъ“.

9) *Кир.* IV, 79; *Гильф.* № 91, столб. 1168, 1200.

10) *Иловайскій*, *Исторія Рязанскаго княжества*, 194, прим.

11) *Срезневскій*, сл. „карась, корась“; *Аристовъ*, 22, 24; *Миллеръ*, *Очерки*, 182—3; *П. С. Р. Л.* X, 73.

12) *Современникъ*, т. LXXX, отд. I, 317; *Буслаевъ*, *Историческая хрестоматія*, 1043. Быть можетъ, объ извѣстности слова „бѣлуга“ въ XV в. свидѣтельствуетъ прилагат. „бѣлузливый“: *Срезневскій* (бѣлузливый=бѣлаго цвѣта). *Бѣлозерскія стерляди* упоминаются ок. 1460 г. *Иб.*, т. II, 717.

Какъ охота, такъ и рыбная ловля доставляли пищу, при чемъ мясныя кушанья, несомнѣнно, преобладали: только однажды упоминается кашпа со стерлядью ¹⁾, между тѣмъ какъ о лебеди говорится особенно часто; иногда она составляетъ первое блюдо, иногда же девятое или послѣднее ²⁾. Въ старину лебеди считались изысканнымъ кушаньемъ и подавались на свадебномъ пирѣ въ качествѣ третьей перемѣны ³⁾. Изъ другихъ мясныхъ кушаній въ былинахъ упоминаются гуси ⁴⁾, утки ⁵⁾ и голуби; въ одной былинѣ князь проситъ поймать для своего обѣда горлицу ⁶⁾. Голуби въ XII в. были принадлежностью богатыхъ пировъ и, слѣд., считались вкуснымъ блюдомъ, на ряду съ другою дичиной, упоминаемой въ былинахъ, каковы гуси, рябчики, зайцы, олени, вепри ⁷⁾. Добыча отъ охоты шла также на одежду и на нѣкоторые предметы домашней утвари. Для одежды употреблялись разные мѣха, которыми такъ богата была древняя Русь. Въ былинахъ упоминаются шубы куньи ⁸⁾, собольи, иногда барсовыя и енотовыя ⁹⁾, собольи одѣяла ¹⁰⁾, лосиное платье и лосиные кожаны ¹¹⁾, звѣриныя кафтаны, шляпы и сапоги, вообще платье звѣриное ¹²⁾, „пушистыя“, слѣд., мѣховыя шапки, кото-

¹⁾ *Иловайскій*, I. с.

²⁾ *Тих. и Милл.* II, 12; I, 59; *Лобода*, Русскій богат. эп., 48. Интересно, что лебедь называется магушкой (*Тих. и Милл.* II, 107), между тѣмъ какъ современныхъ крестьянъ этотъ видъ птицы прилагается къ гречихѣ: „каша—мать наша“.

³⁾ *Современникъ*, т. LXXX, отд. I, 316; т. LXXXIII, отд. I, 518.

⁴⁾ *Гильф.* 1037.

⁵⁾ *Кир.* IV, 52; *Рыбн.* I, 14.

⁶⁾ *Кир.* III, 34. Упоминаются и вообще птицы, которыхъ ловили для еды: IV, 15.

⁷⁾ *Майковъ*, 50; *Аристовъ*, 77. Это видно также изъ того, что Русская Правда оцѣниваетъ голубя одинаково съ цыпленкомъ. Гусь, утка и лебедь цѣнились также одинаково, но въ 5½ разъ дороже голубя: иб., 300. Согласно со свидѣтельствомъ былинъ, обычною пищею въ древней Руси была мясная: иб., 20.

⁸⁾ Такія шубы упоминаются въ памятникахъ конца XV и начала XVI в. *Срезневскій*, сл. „куньи“.

⁹⁾ *Рыбн.* I, 14; *Гильф.* 1221.

¹⁰⁾ Упоминаются въ моленіи Даніила Заточника. *Аристовъ*, 146.

¹¹⁾ *Гильф.* № 53, ст. 147, столб. 953—4, 978, 1061; ср. № 36, ст. 49. *Рыбн.* III, 120: кожи—вм. кожаны.

¹²⁾ *Гильф.* 1058 (= *Рыбн.* III, 73), 1018, 1093, 1304. Слово кафтанъ въ памятникахъ встрѣчается со второй половины XV в. *Срезневскій*.

рыя „закрывали болѣ половины лба и шеи“¹⁾ Въ нѣкоторыхъ былинахъ сѣвернаго происхожденія: о Чурилѣ, Ставрѣ, Терентіи говорится, что парадныя комнаты—грядни, свѣтлицы—увѣшивались самыми дорогими мѣхами: потолокъ обивался соболями, а стѣны сѣдымъ бобромъ и лисицами²⁾.

Наконецъ, охота на звѣрей давала рога и клыки, изъ которыхъ дѣлали рѣзные вещи, высоко цѣнившіяся въ старину. Турій рогъ употреблялся въ качествѣ сосуда, изъ котораго пили медь³⁾, о чемъ свидѣлствуютъ изображенія и памятники письменности XIV и XV вв.⁴⁾, а также въ качествѣ охотничьей и военной сигнальной трубы⁵⁾. Моржовые клыки носятъ въ былинахъ старинныя названія „рыбьяго зуба“⁶⁾ и „рыбьей кости“⁷⁾, почему и вещи, сдѣланныя изъ нихъ, называются рыбчатыми, рыбавчатыми, рыбащатыми⁸⁾. Въ былинахъ упоминаются слѣдующіе предметы, украшенные рѣзной моржовой костью: кро-

1) *Рыбн.* III, 158; *Халанскій*, Вр. былины, 190; ср. *Майкова*, 52.

2) *Кир.* IV, 59, 81; V, 54; *Гильф.* 1063 (= *Рыбн.* III, 123), 1162; *Тих.* и *Милл.* II, 193, 198. Упоминаются окна, обитыя лисицами, кунницами и соболями: *Рыбн.* I, 460. Въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ говорится, что на его кораблѣ чердакъ (верхняя каюта) или скамья въ немъ были увѣшаны кунницами, лисицами и соболями: *ib.* I, 319; II, 186.

3) *Кир.* II, 19; III, 72; IV, 93; *Рыбн.* II, 342—3; *Тих.* и *Милл.* I, 61; *Гильф.* 950; ср. 1036.

4) *Забѣликъ*. II, 297; *Полевой*, 73: изображенъ рогъ, похожій на бараній, на 4 маленькихъ ножкахъ, въ металлической оправѣ. „Турей рогъ, окованъ златомъ“ упомянутъ въ Псковской лѣтописи подъ 1485 г.: *Аристовъ*, 124. Сосуды изъ роговъ, оправленныхъ въ серебро, употреблялись и позднѣе, въ XVI—XVII вв.: *Современникъ*, т. LXXX, отд. I, 59. Въ началѣ XVI в. такое же употребленіе буйволовоыхъ роговъ видимъ въ Литвѣ: *Этногр. Обзор.*, кн. XIII, 164.

5) *Тих.* и *Милл.* II, 27—8, 243—6; ср. *Ждановъ*, Русск. быд. вп. 483.

6) Это названіе встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1160, 1476 гг. и позднѣе. По словамъ Герберштейна, изъ „рыбьяго зуба“ дѣлали ножовые черенки. *Аристовъ*, 4, 29; *Срезневскій*, сл. „зубъ“. Моржовые клыки были однимъ изъ главныхъ товаровъ древней Руси: *Забѣликъ*, II, 382. Въ первой четверти XVI в., кромѣ ножей, изъ рыбаго зуба дѣлали гребни, рѣзные образа: *Соловьевъ*, кн. I, 1708—9.

7) Последнее названіе встрѣчается въ бѣлорусскихъ обрядовыхъ пѣсняхъ, напр.: „подворотница—рыбья косточка“. *Этнограф. Обзор.*, кн. XXV, 12.

8) *Гильф.* 1016; № 36, ст. 35; *Рыбн.* IV, 56. Последняя форма объясняется соединеніемъ въ одно слово выраженія „рыбій зубъ“ и „валящатый“ (рѣзной).

вати ¹⁾, скамьи, иначе „бесѣды“ ²⁾, стулья ³⁾, подворотни ⁴⁾, сохи ⁵⁾, каличи клюки, иначе „костыли“ ⁶⁾, и даже сходни ⁷⁾. Въ былинѣ о Дюкѣ говорится объ употребленіи орлиныхъ перьевъ для стрѣлъ ⁸⁾. Эти перья настолько цѣнились, что во второй половинѣ XV в. коломенскіе и Можайскіе купцы, торговавшіе въ Путивлѣ, жаловались на то, что у нихъ отняли „40 орловъ перья“; въ первой половинѣ XVI в. въ ю.-з. Руси специально для добыванія перьевъ къ стрѣламъ сажали въ клѣтки орлять ⁹⁾.

Какъ я упомянулъ, о земледѣліи въ былинахъ говорится очень рѣдко. Изъ пищевыхъ продуктовъ, добываемыхъ обработкой полей, часто упоминается только пшеница (иначе „пшена“), и притомъ почти всегда какъ лошадиннй кормъ ¹⁰⁾. Въ двухъ былинахъ пшено носитъ эпитетъ „сорочинскаго“, т. е. привознаго съ юга. Одна изъ нихъ прямо говоритъ, что одинъ изъ богатырей былъ посланъ „въ землю Сорочинскую закупать пшено сорочинское“ ¹¹⁾. Рожь, какъ указано выше, упоминается только

¹⁾ *Рыбн.* I, 103, 105; II, 147.

²⁾ *Гильф.* 1016, 1149, № 36, ст. 35; *Кур.* IV, 93, 100.

³⁾ *Рыбн.* IV, 56.

⁴⁾ *Пб.*, III, 121 (= *Гильф.* 1062); *Гильф.* 1100; *Кур.* V, 54; *Тих. и Милл.* II, 172; ср. „надворотенки“: *Гильф.* 1143.

⁵⁾ *Гильф.*, № 32.

⁶⁾ *Пб.*, № 86, ст. 4; столб. 974; *Рыбн.* I, 210, 236.

⁷⁾ *Гильф.* 952.

⁸⁾ *Пб.*, 1104, 1247, 1256; *Рыбн.* I, 274, 296; III, 146 (= *Гильф.* 1069), 165; IV, 48; *Кур.* III, 100, 102; *Тих. и Милл.* II, 188.

⁹⁾ *Соловьевъ*, V, гл. V, по втор. изд. I, 1537, прим.; *Аристозъ*, 7.

¹⁰⁾ Пшеничные калачи (необыкновенно вкусные, слад., пшеничные) упоминаются въ былинѣ о Дюкѣ: *Рыбн.* I, 285. Иногда вмѣсто пшены кони ѣдятъ „пшено бялопрое“ (обычный эпитетъ пшеницы): *Гильф.* 997, 1006, 1019, 1037, 1081, 1110, 1124, 1152—3, 1264; *Тих. и Милл.* II, 192; ср. 36. Замѣтимъ, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ смѣшиваются эти наванія: такъ, у хорватовъ рсено значитъ пшеница, а у верхнихъ лужичанъ рѣспѣйка значитъ пшено. *Будиловичъ*, Первобытныя славяне, I, 98.

¹¹⁾ *Кур.* II, 93; III, 6. Сарацинскимъ пшеномъ, какъ извѣстно, называется рисъ (*Будиловичъ*, ор. с. 98); но въ былинномъ сорочинскомъ пшенѣ, которымъ Иванъ Гостинный сынъ кормитъ своего коня, надо видѣть пшеницу, привозившуюся съ юга. Скорѣе рисовая каша разумѣется въ слѣдующихъ словахъ одной старой записи: „А въ той де мисѣ озолоченой въ наливѣ по украй кашца сорочинская со свѣжою рыбою стерляжиной отъ Оки-рѣки“: *Иловайскій*, *Ист. Ряз. княж.*, 194, прим. Рыба въ рисовой кашѣ не должна насъ уди-

въ мѣстной новгородской былинѣ о Микулѣ. Объ овсѣ говорится какъ о кормѣ коней ¹⁾ и какъ о пищѣ преступниковъ въ тюрьмѣ ²⁾. Въ дѣйствительности, уже въ началѣ XV в. овсяные хлѣбы употребляли въ пищу только бѣдные; но въ XI в. похлебка, засыпанная овсяной крупой, считалась лакомымъ кушаньемъ ³⁾. Часто встрѣчается сравненіе падающаго человѣка съ овсянымъ снопомъ ⁴⁾; въ одной былинѣ находимъ и сравненіе съ горохомъ ⁵⁾. Всѣ эти хлѣбныя растенія были извѣстны въ древней Руси ⁶⁾.

Свѣдѣнія о садоводствѣ еще скуднѣе, нежели о полевомъ хозяйствѣ. Сады обыкновенно выставляются принадлежащими женщинамъ—или вдовамъ ⁷⁾, или дѣвушкамъ ⁸⁾. Въ новгородской былинѣ о Соловѣ Будимировичѣ говорится, что въ саду княжеской племянницы растетъ вишенье и орѣшенье ⁹⁾; у Дюка въ Галичѣ, наоборотъ, „разсажены сады виноградныя“, доставляющіе хозяевамъ „виноградныя вина“ ¹⁰⁾. О садахъ ю.-з. Руси—въ Кіевѣ, Холмѣ и Смоленскѣ, говорятъ памятники XIII в.; сады въ Коломенѣ, Москвѣ и Новгородѣ упоминаются въ памятникахъ XIV в. и въ болѣе позднихъ ¹¹⁾. Слово „вишеніе“ встрѣчается въ одномъ сборникѣ XVI в., а „орѣшіе“ (орѣх. деревья) упоминаетъ Даніиль-игумень ¹²⁾. О „виноградахъ“, въ смыслѣ доходныхъ садовъ, говорятъ ханскіе ярлыки XIII и XIV вв. ¹³⁾.

влять: въ XVI—XVII вв. готовили кушанья, въ которъ рыба перемѣшивалась съ кашей или сарацинскимъ пшеномъ“. Современникъ, т. LXXX, отд. I, 314. Названіе калачей и каши извѣстно съ XV в., кашицы—съ XVI в. *Срезневскій*..

¹⁾ *Гильф.* 1110.

²⁾ *Иб.*, № 140, ст. 85; *Тих.* и *Милл.* I, 66.

³⁾ *Аристовъ*, 74.

⁴⁾ Подобныя сравненія находятся въ старыхъ памятникахъ: въ Никоновской летописи подъ 1372 г.: рязанцы „падоша мертвыя, аки снопы“. П. С. Р. Д. XI, 17; въ Словѣ о полку Игор.: „снопы стелятъ головами“.

⁵⁾ *Гильф.* 1068.

⁶⁾ *Аристовъ*, 61.

⁷⁾ Дюкъ: *Рыбн.* III, 172; Хотѣвъ: *Гильф.* 1236.

⁸⁾ Соловей Буд.: *иб.* 953—4; ср. 978; *Кир.* IV, 102.

⁹⁾ *Ibid.*

¹⁰⁾ *Рыбн.* III, 172—3; *Гильф.* № 115, ст. 205.

¹¹⁾ *Аристовъ*, 67—8.

¹²⁾ *Срезневскій.* „Вишневый“ (двѣтъ) упоминается подъ 1392 г.: *иб.*

¹³⁾ *Срезневскій.*

Вслѣдствіе малаго развитія въ древней Руси земледѣльческой культуры, земля, какъ собственность, не играетъ въ былинахъ большой роли. Даже мѣста для поселенія въ городѣ цѣнились невысоко: на просьбу Соловья Будимировича дать ему мѣсто въ городѣ для постройки дома, князь предлагаетъ ему строиться, гдѣ угодно ¹⁾. Мѣста, годныя для обработки земли подъ пашни ²⁾, составляли собственность перваго пахаря, расчистившаго ихъ, и земледѣльцы, конечно, не стѣснялись размѣрами полей. У Микулы было такое обширное поле, что

„Въ край онъ уѣдетъ—другого не видать“ ³⁾;

Вольга могъ догнать его только на третій день послѣ того, какъ услышалъ его понукиванья ⁴⁾. Земля, какъ предметъ обработки, получила цѣнность и стала собственностью только въ XIV вѣкѣ ⁵⁾; наши былины относятся именно къ тому времени, когда поземельная собственность еще только возникала и когда цѣнность ея мало сознавалась. Но уже въ то время цѣнили мѣста, удобныя для охоты ⁶⁾ и рыбной ловли ⁷⁾. Особенно дорожили такими владѣніями новгородцы, у которыхъ „строго опредѣлены были мѣста, гдѣ ихъ князья могли пользоваться ловлей дикихъ звѣрей и птицъ“; въ 1270 г. они жаловались на то, что ихъ князь у нихъ „отъялъ Волховъ гоголиными ловцы, а поле отъялъ заячими ловци“ ⁸⁾. Совершенно аналогичныя жалобы мы находимъ въ былинѣ о Чурилѣ, дружина котораго выстрѣляла птицъ и выловила пушныхъ звѣрей на городскихъ займищахъ ⁹⁾. Нерѣд-

¹⁾ *Рыбн.* II, 190; III 195; IV, 58; *Гильф.* 977; № 53, ст. 136.

²⁾ Хлѣбопашество было слишкомъ непривычнымъ, и потому въ былинахъ оно называется „тяжелой работой“ (*Бѣлом. был.* 206); этому соответствуетъ старое названіе пахаря „тяжаръ“: *Аристовъ*, 57, прим. 167.

³⁾ *Рыбн.* I, 19.

⁴⁾ *Иб.* 18, 23, 25.

⁵⁾ *Хлѣбниковъ*, 320; *Аристовъ*, 49, 52. Слово „(в) отчина“ въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія упоминается лишь съ 1353 г.: *Срезн.*

⁶⁾ *Аристовъ*, 3, 19.

⁷⁾ *Иб.*, 24—7.

⁸⁾ *Иб.*, 16.

⁹⁾ *Кир.* IV, 79; *Гильф.* 1060 (= *Рыбн.* III, 120), 1099, 1161, (ср. 1168); *Рыбн.* I, 262. Что эти займища были городскія, видно изъ того, что разбой Чурилы такъ обезпекнули горожанъ, между тѣмъ какъ мало озаботили князя. Впрочемъ, и послѣдній получалъ нѣкоторую долю добычи—„принось“.

ко упоминаются и княжескія „займища“ для ловли птицъ и звѣрей, иначе называемыя „потѣшными островами“ или „лугами“ ¹⁾. Такой же смыслъ, очевидно, имѣютъ княжескія „луга-займища“ ²⁾, „луга-государевы близко стольнаго града Кіева“ ³⁾ и „поле, княжеская вотчина“, на которомъ охотился Михайло Козаринъ ⁴⁾. Въ былинѣ о Чурилѣ упоминаются рѣчныя и озерныя займища, на которыхъ ловили рыбу горожане подѣ покровительствомъ князя ⁵⁾.

Обрабатывающая промышленность въ древней Руси была въ зачаточномъ состояніи, что должно было отразиться и въ былинахъ. Дѣйствительно, по словамъ *Майкова*, „точное указаніе имѣемъ только на тканье полотенецъ да на ремесло древодѣловъ“ ⁶⁾. Выдѣлка полотна была только домашняя; тканьемъ и вышивкой его, согласно съ данными старыхъ памятниковъ ⁷⁾, занимались даже княгини и королевы; изъ ихъ работъ упоминаются пирирки (платки) и полотенца ⁸⁾; о тканьѣ „платовъ“ и „полотенецъ“ въ древней Руси свидѣлствуютъ памятники XIII и XIV вв. ⁹⁾ Деревянные издѣлія встрѣчаются въ былинахъ нерѣдко. Чаще всего упоминается дубовая утварь: столы, стулья, скамьи, столбы (для привязыванія коней), двери, также свѣтлицы и мосты; эпитетъ кленовыхъ носятъ полы („мосты“), двери, столы, стулья, скамьи, соха, ведра, стрѣлы, тавлеи (шахматы) ¹⁰⁾; сдѣланными изъ вяза обыкновенно представляются дубины, называемыя „вязовыми па-

¹⁾ *Кир.* I, 13; III, 76, 91. Заповѣдныя луга упоминаются въ бр. сказкѣ объ Илѣ Муромцѣ: *Миллеръ*, Очерки, 378; ср. *Кир.* VIII, 53.

²⁾ *Кир.* VII, Прил., 10.

³⁾ *Тих.* и *Милл.* I, 56.

⁴⁾ *Кир.* IV, 94.

⁵⁾ *Иб.* 79; *Гильф.* 1160.

⁶⁾ О был. Влад. цикла, 79.

⁷⁾ *Аристовъ*, 134—5, 157.

⁸⁾ *Кир.* II, стр. IX; III, 13; *Тих.* и *Милл.* II, 120, 285.

⁹⁾ *Аристовъ*, 136—7. „Ширняки русскія“ упоминаются въ грамотѣ первой четверти XVI в.: *Соловьевъ*, кн. I, 1709.

¹⁰⁾ *Рыбн.* III, 172, 10, 237; I, 231; *Гильф.* 1030; № 170, ст. 15, № 192, 156, 115, ст. 197; *Кир.* V, 19; *Тих.* и *Милл.* II, 169; указатель, 297. Кленовымъ дровамъ, которыми топили печи у Дюка (*Тих.* и *Милл.* II, 172, въ подл. „каленый“, вм. „кленовый“; ср. мѣну эпитетовъ стрѣлы—„каленая“ и „кленовая“), отвѣчаютъ слѣдующія слова въ Отводной 1498—9 г.: „А на дровяномъ стопникѣ клень да липа“. *Срезневскій*, сл. „кленъ“.

лицами, дубинками-вязинками, или просто „червлёнымъ вязомъ“¹⁾. Встрѣчаются издѣлія изъ явора: яровчатыя, искаженіемъ чего является форма „створчатыя“²⁾,—обычный эпитетъ гуслей; тотъ же яворъ нетрудно угадать въ каличьей клокѣ изъ „яра-дерева“³⁾. Часто упоминаются предметы, сдѣланные изъ таволги (иволги): матица (средній брусъ потолка), сходня, каличьи клюки, жеребьи⁴⁾. По одному разу упоминаются ветляные струги⁵⁾, жеребьи, калиновыя перила, жимолостная трость⁶⁾. Плотничья и столярная промышленность въ древней Руси была сравнительно сильно развита⁷⁾. Что касается былинныхъ данныхъ, то въ общемъ онѣ отвѣчаютъ дѣйствительности. Известны постройки изъ дуба—мосты, дома—въ Серпуховѣ и Псковѣ въ XIV и XV вв.⁸⁾; названія столовъ, стульевъ („столь“, „столець“⁹⁾), скамей, столповъ встрѣчаются въ памятникахъ XII—XIV вв.¹⁰⁾; дубовыя двери были сдѣланы въ новгородскомъ соборѣ въ 1336 г.¹¹⁾

¹⁾ Записки И. Акад. Наукъ, т. XL, № 5, стр. 15; *Рыбн.* I, 31; III, 234; Гильф. № 63, ст. 53, столб. 975, 1184, 1241; *Кир.* V, 7, 13, 57. Вязъ, какъ дерево, упоминается у Гильф. 952—3, № 36, ст. 2; № 68, ст. 108; въ памятникахъ письменности—съ 1252 г.: *Срезн.*

²⁾ *Рыбн.* III, 89.

³⁾ *Кир.* IV, 19. Ср. „яровы весельца“ въ пѣснѣ, запис. 1619 г.: *Буслаевъ*, Историческіе очерки р. нар. слов. I, 541, и „еловчатыя (=яровчатыя) веселечки“ у *Кир.* VII, Прил., 140. „Аворовъ сукъ“ въ Супрасльской рукописи: *Срезневскій*.

⁴⁾ Таволжаные, таволжевые, поволжаные, исповолжаные, волжаные, валжаные: *Кир.* IV, 81; V, 54, 42; III, 81; VII, Прил., 16; Гильф. № 68, ст. 44; № 70, ст. 371; *Рыбн.* I, 320, 368; III, 280.

⁵⁾ *Тил.* и *Милл.* II, 228: „стружечки-витляночки“. Ср. „ветляны стружечки“ въ пѣснѣ 1619 г. *Буслаевъ*, I. с. „Ветловый гѣсъ“ у *Тил.* и *Милл.* II, 188.

⁶⁾ *Кир.* V, 42; *Рыбн.* I, 285; *Кир.* VII, 51; ср. I, 60, прим. О калиновыхъ мостахъ будетъ сказано ниже.

Замѣчательно, что въ былинахъ преобладаютъ растения южной полосы Россіи; кромѣ упомянутыхъ, часто встрѣчаются ракитовый кустъ и ковыль-трава. Изъ растений сѣверной Россіи часто упоминается береза; ель, сосна, липа и ольха упоминаются крайне рѣдко.

⁷⁾ *Аристовъ*, 83 и слѣд.

⁸⁾ *Иб.* 92. Изъ дуба строили церковь въ Печерскомъ монастырѣ: *Иб.*, 57.

⁹⁾ Свидѣтельство о твоей формѣ сохранилось въ названіи „стольныхъ“ городовъ.

¹⁰⁾ *Иб.* 86, 89.

¹¹⁾ *Иб.* 119, прим.

„мость“ въ смыслѣ пола встрѣчается подъ 1561 г. ¹⁾ соха, какъ орудіе, извѣстно съ XIV стол. ²⁾; ведра употреблялись еще въ XI в. ³⁾; „дубины“ въ качествѣ оружія употреблялись въ концѣ XV в. ⁴⁾, а палица составляла принадлежность идола Перуна, а также употреблялась и въ болѣе позднее время ⁵⁾; гусли были весьма распространеннымъ музыкальнымъ инструментомъ съ начала XI в. ⁶⁾; метаніе „жеребьевъ“ было извѣстно въ слѣдующемъ вѣкѣ ⁷⁾.

Если въ старину довольствовались плотничьими и столярными предметами домашняго приготовления, то нельзя было найти многихъ предметовъ, для выдѣлки которыхъ требуются спеціальныя знанія и сложныя приспособленія. Большинство такихъ предметовъ въ былинахъ носятъ эпитеты, указывающіе на ихъ иностранное происхожденіе. Таковы многіе предметы какъ семейнаго быта, такъ и военной жизни. „Былины называютъ шелкъ шемаханскимъ ⁸⁾, булатъ иверьянскимъ ⁹⁾, стремяна и сѣдла черкасскими ¹⁰⁾, золото и мѣдь аравитскими или яровицкими (*Кир.* I, 91; *Рыбн.* II, 143 ¹¹⁾),... ковры сорочинскими (*Кир.* III,

¹⁾ *Срезневскій.*

²⁾ *Миллеръ*, Очерки, 185.

³⁾ *Аристовъ*, 90.

⁴⁾ *Срезневскій.*

⁵⁾ *Аристовъ*, 93, прим.; *Майковъ*, 73.

⁶⁾ *Срезневскій.*

⁷⁾ *Ibid.*

⁸⁾ И „ше(а)махи́нскимъ“. Шамахи́йская земля упоминается въ лѣтописи подъ 1389 г.: Рускій Времянникъ, I, 320; „таета жолта шамохейка“ — въ 1589 г. *Срезневскій*, сл. „Одомашка“. Слово „камка“, обычное названіе шелковой матеріи въ былинахъ, взято съ перс. „камха“—дамасскій шелкъ: *Аристовъ*, 155. прим. Извѣстны торговыя сношенія съ Шемахой въ XV в. „Шемарханскій шелкъ“ упоминается въ описи 1616 г. *Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскаго народа, II, матер., 60.

⁹⁾ *Рыбн.* I, 246. Иверія—древнее названіе Грузии (до XVII в.).

¹⁰⁾ Форма „черкасы“ была употребительна въ XIV—XVII вв. Въ Задопциѣ упоминаются „шеломы черкасскіе“; „копье черкасское булатно“ находилось среди оружія Бориса Годунова: *Срезневскій*, сл. „копье“.

¹¹⁾ Къ этимъ ссылкамъ можно прибавить: *Кир.* III, 3; *Рыбн.* IV, 47; *Гильф.* 1169, 1254, 1260; *Тих.* и *Милл.* I, 56. Въ виду того, что народное названіе есть „арапскій“ (Бѣлом. был. 251, 425), малор. „арапський“ или „орабський“, и что золото носить эпитетъ „аравиц(тѣ)скаго“ также въ памятникахъ письменности (XVI—XVII вв.: Лѣтописи русск. лит. и др. 1859 г. IV, отд. II, 108.

24 ¹⁾, платье... и сѣдла латинскими“ ²⁾. Къ этому перечисленію надо прибавить еще нѣсколько интересныхъ эпитетовъ. Такъ, козаркой или казарской называется мѣдь, которой былъ крытъ дворъ Дюка ³⁾; изъ Греціи приходили къ намъ свинець, носящій иногда эпитетъ „греческаго“ ⁴⁾, и каличьи „шляпы земли Греческой“ ⁵⁾. Каличьи „гуни“, бѣлая мѣховая или, б. м., суконная одежда, всегда называются сорочинскими ⁶⁾; такой же эпитетъ носятъ узды и поводы ⁷⁾ у лошадей Чуриловой дружины, а также сукна, которыми былъ высланъ дворъ Дюка ⁸⁾. Наконецъ, съ юга шелъ къ намъ турецкій зеленый сафьянъ для обуви ⁹⁾. Изъ

120; Сочиненія *Тихонравова*, I, 266; *Пыпинъ*, Исторія русск. лит. II, 8; ср. „копія арабская“: *Аристовъ*, 115),—нужно думать, что этотъ эпитетъ попалъ въ былины изъ посяднихъ.

¹⁾ Ковры были известны у насъ съ X в.; добывались они отъ грековъ *Аристовъ*, 165; *Срезневскій*, сл. „ковръ“. Къ ссылкѣ на *Кир.* III, 24 можно прибавить *Тих. и Милл.* II, 68, 147. „Коверъ сорочинской“ упоминается въ описи 1611 г. *Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскаго народа, II, матер., 53, 51

²⁾ *Майковъ*, 80.

³⁾ *Гильф.* 1070 (= *Рыбн.* III, 150), 1143; *Тих. и Милл.* II, 172, 179; „казарская“ мѣдь представляетъ, конечно, искаженіе: *Гильф.* 977, 1032, 1107, 984, № 140, ст. 121. Въ XII—XIII в., когда возникла былина о Дюкѣ, мѣдь могла еще сохранять свой старинный эпитетъ, унаследованный отъ времени процвѣтанія казарской торговли.

⁴⁾ Бѣломорскія был. 236. Свинець носитъ также эпитетъ чебурацкаго: *Кир.* II, 72, или чубаравскаго: *Гильф.* № 170, ст. 13;—на такомъ свинцѣ былъ написанъ ярлыкъ Калина. Конечно, здѣсь разумѣются свинцовыя печати, которыя привѣшивались въ XIII—XIV вв. къ новгородскимъ и псковскимъ грамотамъ: *Аристовъ*, 120.

⁵⁾ *Кир.* IV, 12; *Рыбн.* I, 86, 210; III, 38 (= *Гильф.* 1050), 112; *Гильф.* 1120, № 96, ст. 23, № 144, ст. 49; „земли Греціи“: *Кир.* IV, 23; *Тих. и Милл.* II, 53.

⁶⁾ *Иб.*; *Рыбн.* III, 37 (= *Гильф.* 1050); *Гильф.* 1120, 1234; отсюда „муница сорочинская“, см. „гуница“: *Рыбн.* III, 33; „сорочинская одежда“: *Гильф.* 1134—5; „кляма“: *Иб.*, № 4, ст. 128; „калѣва“: *Рыбн.* III, 29; „шляпа“: *Гильф.* 1148; у *Кир.* II, 71, два эпитета вмѣстѣ: „шляпа сорочинская, земли Греческой“. Гуни (γούνα) еще въ X в. употреблялась въ Византіи: отсюда она распространилась на Балканскомъ полуостровѣ: она упоминается въ грамотѣ Стефана Душана 1348 г. (*Срезн.*), а въ русской грамотѣ второй половины XV в. называется волошскою: купецъ везъ изъ Кіева въ Смоленскъ „гуноу волошскую бѣлу“ (*Соловьевъ*, Исторія Р. т. V, гл. V, по втор. изд. кн. I, 1537, приж.).

⁷⁾ *Рыбн.* III, 120—4; *Гильф.* 1061, 1099.

⁸⁾ *Иб.*, № 159, ст. 161.

⁹⁾ *Кир.* III, 85; *Майковъ*, 52—3; *Миллеръ*, Очерки, 195.

западно-европейскихъ товаровъ упоминаются: венецкая камка ¹⁾, любскія (изъ Любека) пуговицы ²⁾, скорлатъ ³⁾, французское сукно краснаго цвѣта *écarlate, scarlatum* ⁴⁾, зеленый бархатъ самитъ, старинный нѣм. *samit* ⁵⁾, вообще „бархатъ“, лат. *bagchapus* ⁶⁾; къ числу иностранныхъ товаровъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести атласъ ⁶⁾, нѣмецкія желѣза (кандалы) ⁷⁾ и желѣзные замки ⁸⁾, заморскіе—въ противоположность русскимъ деревяннымъ ⁹⁾.

) Записки И. Акад. Наукъ, т. XL, № 5, стр. 15. „Камка венецкая“ упоминается подъ 1584 и 1589 гг. *Срезн.* Эта матерія была восточнаго происхожденія (ср. „шемаханскій шелкъ“), но выдѣлывалась въ Италіи: *Аристозъ* 155, ср. 197.

¹⁾ *Миллеръ*, Очерки, 195.

²⁾ *Тих. и Милл.* I, 48, 55.

³⁾ Скорлатъ извѣстенъ съ конца XIII в. *Аристозъ*, 156.

⁴⁾ *Миллеръ*, ор. с., 195. *Майковъ* (стр. 80) слѣдовалъ въ объясненіи этого слова Безсонову: самитъ=аксамитъ. Последнюю матерію, б. м., нужно видѣть въ формѣ „асамиты“: *Зап. И. А. Н.*, т. XL, № 5, с. 26.

⁵⁾ *Срезневскій; Аристозъ*, 156. Упоминается впервые въ концѣ XIV в.

⁶⁾ Атласъ былъ извѣстенъ у насъ еще въ XII в.; но такъ ли онъ тогда назывался, неизвѣстно: слово „атласъ“ встрѣчается съ конца XVI в. *Аристозъ*, 156; *Срезневскій*.

⁷⁾ *Тих. и Милл.* II, 51. Слово это въ смыслѣ оковъ употреблялось въ XI—XV вв.; выраженіе „желѣза нѣмецкіе“ встрѣчается въ лѣтописи подъ 1283 г. *Срезневскій*, сл. „желѣза“.

⁸⁾ Выраженіе „замки желѣзные“—подъ 1204 г. *Ив.*, сл. „желѣзный“.

⁹⁾ Изъ иностранныхъ товаровъ въ былинахъ упоминаются также слоновою кость, красное дерево и кипарисъ. Слоновою костью былины украшаютъ обыкновенно кровати (*Кир.* IV, 105; V, 54; *Рыбн.* III, 138; *Гильф.* 1068, 1138, 1213; ср. *Бѣлом. был.* 505: „кровать слоновоухъ костей да зуба рыбаго“), а также столы, ворота, ступеньки (*Рыбн.* III, 172—3). Трудно видѣть здѣсь бытовой фактъ (ср. *Майковъ*, 48), п. ч. нѣтъ никакихъ указаній на извѣстность слоновою кости въ древней Руси. Впрочемъ, въ Западной Европѣ издѣлія изъ слоновою кости, напр. гребни, были извѣстны (и высоко цѣнились) въ XIV в. (*Аристозъ*, 306); а оттуда они могли попадать и въ Россію. Что касается названія слоновою кости, то оно могло быть старымъ: слово „слонъ“, встрѣчается еще въ памятникахъ древне-славянскаго языка: *Будиловичъ*, Первобытные славяне, I, 190. М. б., въ старину слоновою кость называлась мамонтовою? Въ первой четверти XVI в. тверской епископъ послалъ въ Константинополь рязскую икону—„бѣла мамонтова кость въ полъ-лодони“. *Соловьевъ*, I кн., 1708. Изъ краснаго дерева упоминаются жеребьи, мячты, каюты и сходни („мосточки“): *Гильф.* № 146; *Бѣлом. был.* 146, 137. У насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, насколько употребительны были издѣлія изъ краснаго дерева въ древней Руси.

Количество привозныхъ предметовъ изъ области естественныхъ продуктовъ природы, сравнительно съ перечисленными предметами обрабатывающей промышленности, совершенно ничтожно ¹⁾: въ былинахъ упоминаются сорочинское пшено, латынскіе жеребцы или кони ²⁾ и „аргамаческіе кони“ ³⁾.

Итакъ, мы видимъ цѣлый рядъ иноземныхъ товаровъ, приходившихъ въ Россію изъ Персіи, съ Кавказа, изъ Аравіи, Греціи и Западной Европы. Это свидѣтельствуетъ о широко распространенной внѣшней торговлѣ. Въ былинахъ находятся указанія преимущественно на торговлю, производившуюся черезъ Балтійское море. Такъ, новгородскій богатый гость Садко ѣздитъ на море черезъ Волховъ, Ладожское озеро и Неву ⁴⁾; съ Финскаго залива („Вирянскаго моря“) пріѣзжаетъ на Русь Соловей Будимировичъ ⁵⁾. О черноморской торговлѣ говоритъ былина о Глѣбѣ

Въ 1260 г. въ холмской церкви была поставлена статуя (?), выточенная „отъ древа красна“ (Лѣтопись по Ипатскому списку, 560); но вопросъ въ томъ, нужно ли вѣстѣ съ *Аристовымъ* (188, прим.) видѣть здѣсь именно красное дерево, а не просто красивое? Издѣлія изъ кипариса, встрѣчающіяся въ былинахъ: стрѣлы, клюки, коромысла, жеребья, мячты (*Кир.* V, 19, 37; III, 81 *Тих.* и *Милл.* II, 65, 150), надо объяснять вліяніемъ духовныхъ стиховъ и сказаній. „Кизюльные блоки“ (*Гильф.*, № 146, ст. 37) представляютъ собою, конечно, принадлежность современнаго кораблестроенія.

¹⁾ Что соответствуетъ дѣйствительности: *Аристовъ*, 166.

²⁾ Названіе „латынскихъ“ (=нѣмецкихъ) вѣрно объяснено В. О. Миллеромъ (Очерки, 194), между тѣмъ какъ *Майковъ* (81) видѣлъ въ этомъ эпитетѣ память о доставкѣ на Русь коней изъ Чехіи и Венгріи“ (въ X в.).

³⁾ *Тих.* и *Милл.* I, 61 Аргамачъ—названіе персидскихъ и кабардинскихъ лошадей, „Аргамачъ буръ“ упоминается въ грамотѣ 1483 г. *Срезневскій*. Встрѣчается татарское слово „бахматъ“ (=конь) въ смыслѣ названія коней: *Кир.* III, 100; *Тих.* и *Милл.* 188, 238. Въ Зап. Руси это слово было извѣстно въ первой половинѣ XIV в. *Срезневскій*. У татаръ уводятъ коней Илья (изъ Золотой орды: *Миллеръ*, Очерки, 236) и Козаринъ (*Кир.* IV, 97). Татары приводили въ Россію своихъ степныхъ лошадей для продажи въ XIII—XV вв. *Аристовъ*, 190, 197. Упоминаются и черкасскіе кони: *Тих.* и *Милл.* II, 204.

⁴⁾ *Миллеръ*, Очерки, 284.

⁵⁾ О новгородскомъ происхожденіи этой былинны см. тамъ же, 201—19 и Юбилейный сборникъ въ честь В. О. Миллера, 314—5; о кучествѣ Соловья—въ Очеркахъ, 206—7; подробное описаніе его товаровъ въ Бвл. бд., 335:

Еще разны ти товары все заморскіе:
Разны матерья-ти были шелковья,
Разны атласы были бархаты;
Еще находилса *грузь*—да красно золото,

Володѣвичѣ ¹⁾; однажды упоминаются греческіе заморскіе купцы ²⁾. На торговлю Кіева съ югомъ намекаетъ, можетъ-быть, былина, упоминающая гостей-корабельщиковъ, плывущихъ въ Кіевъ; въ этой единственной былинѣ встрѣчается названіе Греческаго моря ³⁾. „Иностранные купцы и привозимые ими товары вообще называются въ былинахъ заморскими ⁴⁾;... поэтому и купцы часто называются гостями-корабельщиками“ ⁵⁾ Изъ товаровъ упоминаются: хлѣбъ ⁶⁾, мѣха—куницы, лисицы, соболя,—⁷⁾ дорогія матеріи, особенно камка ⁸⁾, а также перчатки ⁹⁾ и орлиныя перья ¹⁰⁾. Довольно подробно описываются торговля опера-

Находилось во грузу да чисто сѣребро,
ще въдъ было въ корабляхъ камень драгоцѣнное,
Разны мѣха были—для зимы-то шить на шубы—разные.

¹⁾ Бѣлом. был., 251, 429.

²⁾ Гильф. № 2, ст. 172. Въ одной былинѣ упоминается „купчина Золотой орды съ товары заморскими“ (Тих. и Милл. I, 27=34=41).

³⁾ Миллеръ, Очерки, 426—7, 429. Упоминаются стоящіе на Двѣпрѣ корабли съ заморскими товарами: Кир. II, 77; III, 8.

⁴⁾ „Заморскія купцы“ и „гости“—въ лѣтописи подъ г. 1156, 1207 и 1362: Срезневскій, сл. „заморскій“.

⁵⁾ Майковъ, 81—2.

⁶⁾ Гильф., № 2, ст. 148.

⁷⁾ Ib. № 105, ст. 13; Рыбн. I, 328; II, 188; IV, 58; Кир. IV, 101, и др.

⁸⁾ Ib.; Рыбн. I, 320, 328; II, 89; III, 95; IV, 58; Гильф. 953, 977 и др. Камка—двѣтная (а также бѣлая: Аристовъ, 155, прим., какъ и въ былинѣ. Кир. IV, 102) шелковая ткань съ узорами, упоминается съ конца XIV в. до середины XVII в. Былины говорятъ, что камка не гнется отъ вплетеннаго въ нее золота; согласно съ этимъ подъ 1584 г. упоминается „камка бурская (голландская?)—ровные шолки съ золотомъ“. Аристовъ, 202, прим., 234; Срезневскій, сл. „камка“ и „камчатый“. Камчаткой доселѣ называется узорчатый холстъ.

⁹⁾ Бѣлом. был., 252, 430. Названіе „рукавочекъ-перчаточекъ“ вполне соответствуетъ старинному названію „перстатыхъ“ или „перчатыхъ рукавицъ“. Въ XIII в. у иностранныхъ купцовъ былъ обычай по приѣздѣ въ Россію давать тиуну (въ Смоленскѣ) или посаднику (въ Новгородѣ) перчатки. Аристовъ, 164—5, 233, прим.; „Нива“ 1888, № 5, стр. 135 (ст. П. Н. Полевого). Впослѣдствіи ношеніе перчатокъ было привилегіей только царей и знатныхъ особъ: „Современникъ“, т. LXXX, отд., I, 301. Этимъ объясняется, почему въ подарокъ князю корабельщики везли именно перчатки.

¹⁰⁾ См. выше Согласно съ данными былинъ, пѣмцы вывозили изъ Россіи въ XIII—XIV вв. хлѣбъ, мѣха, а ввозили сукна, штофныя матеріи, перчатки. Аристовъ, 202—3, 205; Хлѣбниковъ, 463.

ци. Въ русскихъ городахъ иностранные купцы строятъ гостинные дворы ¹⁾; при подходѣ къ пристани платятъ пошлину, при чемъ иногда упоминается таможня; пошлина взимается какъ въ русскихъ городахъ ²⁾, такъ и въ иноземныхъ — приморскихъ ³⁾. „Князь Владимиръ даетъ Ставру награду, наиболѣе цѣнную для предприимчиваго гостя торговаго: „торгуй въ нашемъ городѣ во Кіевѣ... вѣкъ *безпошлинно*“ ⁴⁾. Изъ этого можно заключить, что пошлины брались съ русскихъ купцовъ и въ томъ случаѣ, когда, они приѣзжали въ другую русскую область, напр., изъ Новгоро-

1) *Миллеръ*. Очерки, 207; гост. дворъ въ Новгородѣ: *Кир.* V, 49; гост. рядъ: *Рыбн.* I, 374.

2) Садко „Со всѣхъ кораблей (30) въ таможню положили Казны своей сорокъ тысячей;— По три дня не осматривали“. *Кир.* V, 47. Корабельщики Соловьѣ Будимировича „Товарную пошлину въ таможнѣ платили Со всѣхъ (30) кораблей семь тысячей“. *Кир.* IV, 101.

Садко не только водится съ таможенными людьми (ib. V, 50—1), но даже платитъ пошлину Морскому царю; слѣд., пошлина настолько вошла въ употребленіе, что явилось повѣрье о необходимости платить ее даже водяному духу. „Таможники“ упоминаются ок. 1400 г. *Срезневскій*, сл. „гость“.

3) *Бѣлом. был.*, 251: Когда русскіе корабли вошли въ Корсуенскую гавань, то корсуенская княги я—

„Якори то они спускали въ воду—брала пошлину,
Ай мосты они мостили—мостово брала“ (ср. 429).

„Мостовщиной“ въ XII—XIV вв. называлась пошлина за провозъ по мосту: *Аристовъ*, 224; *Срезневскій*. Торговыя пошлины въ Новгородѣ, Смоленской области и Кіевской взимались въ XII в., а можетъ быть и ранѣе: *Аристовъ*, 221, 225; *Майковъ*, 82. Татарское слово „тамга“ вошло въ употребленіе во время нашествія татаръ. Штрафъ за уклоненіе платить товарную пошлину назывался въ XIII—XIV вв. „протаможьемъ“; почти въ такомъ же значеніи употреблено это слово въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ (*Кир.* IV, 106):

„Соловей у царя въ протаможье попалъ,
И за то посаженъ въ тюрьму“. *Аристовъ*, 225—6.

О количествѣ пошлины даютъ понятіе слѣдующія слова Ивана, Гостиннаго сына:

„Есть у меня маленькій бурушко,
Селяточкомъ купленъ былъ за моремъ;
За селяточка дано было пятьсотъ рублей,
Съ пошлиной, съ провозомъ стылъ въ тысячу“.

Миллеръ, Очерки, 239—40. Ср. пословицу: „За моремъ телушка—полушка, да рубль перевозу“.

4) *В. Миллеръ*, Очерки.

да въ Кіевъ. Извѣстно, что такъ и было въ дѣйствительности ¹⁾. Кромѣ пошлинъ, купцы несли еще одну повинность: пріѣхавши въ городъ, иностранный купецъ подносилъ подарки князю и его семьѣ; такъ, Соловей Будимировичъ дарилъ князю драгоценныя металлы и камни, а княгинѣ камку. Русскіе купцы, возвращаясь домой, также привозили въ подарокъ своему князю заморскія диковинки (напр., перчатки).

Что касается способа производства торговли, то въ былинахъ она выставляется единичными предпріятіями городскихъ богачей (Садко)—иногда ростовщиковъ (Ставеръ ²⁾), или князей (Глѣбъ Володьевичъ). Съ этимъ вполне согласуются историческіе факты. „Попытка новгородцевъ, говоритъ *П. Н. Миллеръ* ³⁾, создать русскую компанію „заморскихъ гостей“ не повела къ устройству своего собственнаго коммерческаго флота, и поѣздки отдѣльныхъ купцовъ за море на чужихъ корабляхъ или даже отдача своего товара на комиссію—оставались разрозненными попытками частныхъ предпринимателей“. Операціи иностранныхъ купцовъ, наоборотъ, иногда выставляются какъ предпріятія на компанейскихъ началахъ. Такъ, новгородскіе купцы ищутъ заморскимъ греческимъ купцамъ, чтобы они привезли побольше товаровъ въ Новгородъ, и тѣ исполняютъ порученіе ⁴⁾ Въ такомъ же коллективномъ видѣ былина представляетъ у корабельной пристани купцовъ-заморлянъ, которымъ вдова продаетъ своего сына ⁵⁾.

Обратимся къ внутренней торговлѣ. Въ былинахъ она очерчена очень неясно, хотя о купцахъ говорится довольно часто; они „выставляются сословіемъ очень почтеннымъ..., пируютъ у князя; изъ ихъ семей дружинники, напр., Иванъ Годиновичъ, берутъ себѣ женъ“ ⁶⁾. Дѣйствительно, купеческое званіе было выше средняго. Русская Правда ставитъ купцовъ наравнѣ съ

¹⁾ О вредѣ такого порядка для развитія промышленности см. у *Аристова*, 230—1.

²⁾ *Миллеръ*. Очерки, 268; *Тил.* и *Милл.* I, 54. Ростовщики извѣстны у насъ съ самаго ранняго времени; слово „ростъ“ встрѣчается подъ 1362 г. *Аристовъ*, 214, 219, прим.

³⁾ Очерки исторіи русской культуры, I, 96.

⁴⁾ *Гильф.*, № 2, ст. 172 и сл. Греческіе купцы, дѣйствительно, торговали въ Новгородѣ въ XII в. *Аристовъ*, 202, прим.

⁵⁾ *Рыби.* IV, 76=*Гильф.*, № 172; ср. *Миллеръ*. Очерки, 254.

⁶⁾ *Майковъ*, 71.

членами младшей дружины; они нерѣдко находились въ почетныхъ посольствахъ, а также отправлялись въ чужія страны въ качествѣ княжескихъ агентовъ ¹⁾. Къ числу послѣднихъ можно отнести владѣльцевъ судовъ—„гостей-корабельщиковъ“ и корабельщиковъ, которые вели письменные переговоры съ княземъ Глѣбомъ ²⁾. Кромѣ новгородскихъ купцовъ, упоминаются довольно часто черниговскіе: въ былинахъ объ Иванѣ Годиновичѣ ³⁾, о первой поѣздкѣ Ильи Муромца ⁴⁾, о Жданѣ-царевичѣ ⁵⁾; въ одной былинѣ встрѣчаются московскіе товары, которые скупаютъ Садко въ Новгородѣ ⁶⁾. Черниговъ велъ, повидимому, обширную торговлю, между прочимъ съ Новгородомъ, въ первой половинѣ XIII в. ⁷⁾; московская торговля процвѣтала уже въ XIV столѣтіи; въ 1380 г. Москва заключила торговый договоръ съ Новгородомъ ⁸⁾. Былины смотрятъ на купца, какъ на путешественника, постоянно разъѣзжающаго по разнымъ городамъ и продающаго свои товары; на это указываетъ названіе купцовъ „гостями“, иногда—„приходящими“ ⁹⁾. Они специально занимаются тѣмъ,

¹⁾ *Аристовъ*, 208—9.

²⁾ Бѣлом. был., 252, 430. Конечно, здѣсь надо разумѣть тѣхъ „вятичъ“ (важнѣйшихъ) купцовъ, о которыхъ говоритъ летопись подъ 1166 г. „Позва (Ростиславъ) новгородце на порядъ: огничане, гридь, купце вячьшее“. *Срезневскій*, сл. „купецъ“.

³⁾ *Кир.* III, 20; *Рыби.* II, 53; III, 113; *Гильф.* 1263, № 179, ст. 25, № 188, ст. 19, 62; *Тих.* и *Мил.* II, 163—5.

⁴⁾ *Гильф.* 986.

⁵⁾ Бѣлом. был. 177: богатый купецъ Иванъ *Гостиничъ*. Преданіе о князѣ Мономаха, сходное съ былинной объ Иванѣ *Гостиничѣ* сынѣ, въ которой упоминается Черниговъ, приурочено также къ черниговскому князю (который между прочимъ хвалился тѣмъ, что „изъ Чернигова до Кьева... дьнемъ переѣздилъ до вечерни“): акад. *Веселовскій* въ *Журналѣ* М. Н. Пр. 1885 г. XII, 190. *В. О. Миллеръ* (*Этногр. Обзор.* кн. XV, 1892 г. № 4, стр. 132) назвалъ сравненіе преданія съ былинной основательнымъ; но впоследствии (1896 г. *Очерки*, 244—7) онъ измѣнилъ свой взглядъ на былинку въ пользу новгородскаго ея происхожденія. Ставеръ, обыкновенно называемый черниговскимъ жителемъ (*Рыби.* II, 94; *Гильф.* № 21, 140, 169; *Тих.* и *Мил.* I, 55; II, 196; *Миллер.* *Очерки*, 268), занимается также торговлею.

⁶⁾ *Гильф.* № 70, ст. 280=*Рыби.* I, 374.

⁷⁾ *Аристовъ*, 176.

⁸⁾ *Аристовъ*, 179—80, 182.

⁹⁾ *Рыби.* II, 52 и др. Слово „гость“ въ значеніи купца употреблялось до половины XVII в.; оно прилагалось къ разъѣзжимъ купцамъ: заморскимъ

что развозятъ товары „по всѣмъ ордамъ, по всѣмъ украинамъ“¹⁾; Садко говоритъ про себя, что онъ „двѣнадцать лѣтъ по морю ѣзживалъ“²⁾, или даже „вѣкъ по морю ѣздилъ“³⁾. Торговля лавки, гостинный дворъ или рядъ упоминаются лишь въ Новгородѣ⁴⁾. Новгородскіе торговля лавки упоминаются съ конца XIV в., гостинные дворы—съ 1270 г.⁵⁾; въ XIV в. гостинные ряды были, кромѣ новгородскихъ, также въ Твери и Москвѣ⁶⁾.

Въ торговлѣ громадную роль играютъ пути сообщенія. Что касается древней Руси, то почти единственными проводниками торговли тогда были водные пути—моря и рѣки. Поэтому въ былинахъ, если говорится о купцахъ, то непременно упоминаются ихъ корабли—у пристани, въ морѣ или на рѣкахъ. Названіе былинныхъ „кораблей“ не должно насъ обманывать: это были небольшія суда, вмѣщавшія около 30 человѣкъ; таковъ былъ „червленъ корабль“ Василя Буславьевича съ его дружиною въ „тридцать удалыхъ молодцовъ“⁷⁾. Такой величины дѣлались ушкуи въ XIV в.; военные корабли, плававшіе по Черному морю, были немного больше: они вмѣщали 40—50 человѣкъ⁸⁾. Путешествія на такихъ маленькихъ судахъ—парусныхъ и гребныхъ⁹⁾—производились медленно. Василій Буславьевичъ ѣхалъ въ Иерусалимъ, по одному пересказу, 7 недѣль¹⁰⁾, по другому—около мѣсяца¹¹⁾. Съ этимъ согласны данныя старыхъ памятни-

воложскимъ и т. п. Эпитету „приходящіе“ отвѣчаетъ выраженіе „мимоходящєи, гостєи“ въ житіи Бориса и Глѣба. *Срезневскій*, сл. „гость“; *Аристовъ*, 209, прим.

1) *Рыби*. II, 148 и др.

2) *Ив.* 242; *Кир.* V, 43.

3) *Рыби*. I, 375—*Гильф.* № 70.

4) *Кир.* V, 49, 53, 57; VII, 51; *Рыби*. I, 372, 374 (= *Гильф.* № 70); *Гильф.* № 2. ст. 150; *Бѣлом. был.*, 136.

5) Гостинные дворы на Бѣлоозерѣ упоминаются въ грамотѣ 1551 г. *Срезневскій*, сл. „лавка, дворъ, дворовый“. Дворъ=складъ.

6) *Аристовъ*, 171; *Рускій Времянникъ*, I, 199. По мнѣнію *В. О. Миллера* (*Очерки*, 280), память о Хопыльскомъ рядѣ въ Новгородѣ сохранилась въ былинныхъ мужикахъ Хапиловцахъ.

7) *Кир.* V, 24.

8) *Аристовъ*, 95, 98.

9) *Кир.* V, 25; *Тил.* и *Милл.* II, 64 - 5.

10) *Кир.* V, 26.

11) *Бѣлом. был.* 271.

ковъ письменности. Такъ, кievляне плавали въ Царьградъ въ теченіе около 40 дней, новгородцы въ Данію и къ устью Одера отъ 30 до 43 дней (въ XI в.), въ Римъ—около полугода (въ XII в. ¹⁾). Что касается сухопутныхъ дорогъ, онѣ упоминаются не какъ торговые пути, а какъ военные. Таковы дороги изъ „чистаго поля“, по которымъ Алеша Поповичъ со своимъ слугой могли ѣхать къ Киеву, Мурому (Моровійску), Чернигову и Путивлю ²⁾; встрѣчаются дороги отъ Киева къ Чернигову ³⁾, къ Царьграду ⁴⁾, Черниговскія розстаи (т. е. дерекрестки ⁵⁾, латынская, или латышкаина дорога, въ которой я вижу путь вдоль З. Двины ⁶⁾. Сухопутныя дороги находились въ самомъ жалкомъ состояніи. Большею частью черезъ рѣки не полагалось ни мостовъ, ни перевозовъ въ видѣ плота или лодки; приходилось выбирать мелкія мѣста и переходить въ бродъ ⁷⁾; ужасныя грязи и болота также сильно затрудняли сообщеніе; поэтому, когда Илья Муромецъ замостилъ („мосты *стелеть*“) дубовыми колодами черныя грязи на дорогѣ къ Киеву, ему это было зачислено въ славный подвигъ ⁸⁾. Въ древней Руси мосты устраивались преимущественно черезъ болотистыя мѣста, что видно изъ Слова о полку Игоревѣ, гдѣ говорится о томъ, какъ русичи „начаша мосты мостити по болотомъ и грязнымъ мѣстомъ“ ⁹⁾. Мостовъ

¹⁾ *Забѣлинь*, II, 366, 370; *Аристовъ*, 239.

²⁾ См. мою замѣтку въ *Этнографич. Обзорѣніи*, кн. XLIV, 160. Дороги въ Киевъ и Черниговъ изъ былины объ Алешѣ вошли въ одинъ пересказъ Первой повѣдки Илья: *Гильф.* 984. Въ былинѣ о гибели богатырей, у дуба сходятся 3 дороги: къ Новгороду (Царьграду?), Киеву и синему морю: *Кир.* IV, 108.

³⁾ *Гильф.* 1234.

⁴⁾ *Иб.* 1054, № 102, ст. 188; *Рыби.* IV, 28 и др.

⁵⁾ *Гильф.* 1211. Въ одной старой записи упоминается Ставрова дорога (*Тих.* и *Милл.* I, 33, 40), надо думать, путь, которымъ ѣхалъ Ставръ изъ Киева въ Черниговъ.

⁶⁾ См. *Этнографич. Обзорѣніе*, кн. XLVI, 77—8, 91, 94.

⁷⁾ *Кир.* V, 95—6 (ср. I, 81); *Гильф.* 988; *Тих.* и *Милл.* II, 2.

⁸⁾ *Рыби.* I, 47; II, 329; III, 25—6; IV, 10; *Гильф.*, № 56; *Тих.* и *Милл.*: II, 11; *Бвл.* был. 347, 533. Въ свою первую повѣдку Илья совершилъ 3 подвига: освободилъ городъ, замостилъ болота и схватилъ Соловья: 241. Ср. *Аристовъ*, 241.

⁹⁾ Вѣроятно, этимъ объясняется обычный эпитетъ моста „калиповый“: калиной можно было, дѣйствительно, замостить небольшое болото.

черезъ рѣки было очень мало, и постройка ихъ стоила такъ дорого, что за проѣздъ черезъ мосты брали особую пошлину; передъ военными походами приходилось наводить мосты: въ 1014 г., собираясь идти войной на Ярослава, Владимиръ долженъ былъ исправлять дороги и мостить мосты; то же самое повторялось и позднѣе, въ XII—XIV вв. Исканіе бродовъ также засвидѣтельствовано старыми памятниками: Дмитрій Донской передъ Куликовской битвой велѣлъ „пытать броды“¹⁾. Мосты черезъ рѣки упоминаются только въ новгородскихъ былинахъ: о Вольгѣ и Микулѣ и о Василии Буславъевичѣ. Новгородскій мостъ черезъ Волховъ, дѣйствительно, существовалъ издавна (упоминается въ 1134 г.²⁾.

Вслѣдствіе дурного состоянія дорогъ ѣзда производилась немовѣрно медленно. Гонцы князя Владимира гоняли отъ Кіева до Муромъ 1—2 мѣсяца³⁾; отъ Кіева до Галича (Волынскаго) ѣхать на конѣ нужно было три мѣсяца⁴⁾; калики ходили изъ Кіева въ Іерусалимъ шесть мѣсяцевъ: впередъ шли три мѣсяца и назадъ столько же⁵⁾. Такая продолжительность пути засвидѣтельствована историческими данными. По словамъ одного арабскаго писателя, отъ камскихъ болгаръ до племени Веси (т. е. до Бѣлоозера) было три мѣсяца пути⁶⁾; Θεодосій Печерскій шель съ обозами купцовъ отъ Курска до Кіева 3 недѣли; въ 1389 г. митрополитъ Кипріанъ изъ Кіева въ Москву ѣхалъ бо-

1) *Майковъ*, 76; *Аристовъ*, 93, 224, 238, 241, прим. Вспомнимъ еще составленіе Дюка съ Чурилой въ скаканіи черезъ Пучай или Дивъпръ; представленіе богатырскихъ скоковъ черезъ рѣки должно было основываться на дѣйствительной потребности въ переправахъ черезъ рѣки безъ мостовъ и судовъ.

2) О мостахъ см. *Срезневскій*, сл. „мостъ“; *Аристовъ*, 93, 221.

3) *Тил.* и *Милл.* I, 3, 9. Въ новыхъ записяхъ преувеличеніе: 3 мѣсяца полтора года и даже 3 года.

4) *Рыбн.* III, 154 (= *Гильф.* 1074), 165; *Гильф.* 1105. Разстояніе между этими городами былины опредѣляютъ въ 330 верстъ: б., 1004, № 213. Сходство съ дѣйствительнымъ разстояніемъ (ок. 400 в.), вѣроятно, случайно.

5) *Кир.* III, 96—7. Измѣреніе дорогъ количествомъ времени, въ которое ихъ можно проѣхать, встрѣчается въ сказаніяхъ различныхъ народовъ (см., напр., *Милмеръ*, Эскурсы, 87—8: 1, 2 недѣли; 2, 3 мѣсяца); но соотвѣтствіе былинныхъ данныхъ исторической дѣйствительности говоритъ за то, что въ нихъ нужно видѣть факты русскаго быта.

6) *Заставинъ*, II, 396.

лѣе мѣсяца; черезъ три года м. Пимень изъ Москвы до Азова могъ доѣхать лишь въ 45 дней ¹⁾; м. Исидоръ въ 1437 г. ѣхалъ отъ Москвы до Пскова черезъ Новгородъ три мѣсяца ²⁾. Ѣхать прямымъ путемъ часто бывало настолько затруднительно, что предпочитали ѣздить въ обходъ, дѣлая громадный крюкъ: проѣзжали вмѣсто 300 или 500 верстъ—700 ³⁾, вмѣсто 500—1000 ⁴⁾, вмѣсто одной тысячи—двѣ тысячи ⁵⁾, сообразно съ этимъ увеличивая и время ѣзды, часто—вдвое ⁶⁾.

Было еще одно обстоятельство, затруднявшее въ старое время путешествія, а слѣдовательно и торговлю, это—плохое знакомство какъ съ чужими странами, такъ и со своей родиной. Правда, географія хромаетъ у пѣвцовъ и слагателей былинъ, но изъ этого мы можемъ заключить и объ общемъ незнаніи ея, тѣмъ болѣе что былинамъ въ этомъ отношеніи вполнѣ отвѣчаютъ данныя старыхъ памятниковъ письменности. „По эпической наивности, говоритъ проф. В. О. Миллеръ ⁷⁾, и по малому знанію географіи, пѣвецъ былины не затруднялся путешествіемъ Соловья Будимировича по Варяжскому ⁸⁾ морю, долженствовавшимъ при-

¹⁾ *Аристовъ*, 239, 242.

²⁾ Съ 8 сентября до 6 декабря. *Пыпинъ*, *Исторія русск. литер.* II, 261: „Старыя путешествія бывали вообще медленны“.

³⁾ *Рыбн.* I, 47; *Гильф.*, № 112, ст. 15.

⁴⁾ *Иб.*, № 74, ст. 49.

⁵⁾ *Иб.* 987; *Рыбн.* II, 328—9; ср. IV, 21—*Гильф.* № 171, ст. 174.

⁶⁾ *Иб.* 1074 (= *Рыбн.* III, 154), 1219; *Рыбн.* III, 165; *Кир.* IV, 3; ср. V, 26. Объ окольныхъ дорогахъ въ XI—XIV вв. замѣтку проф. *Соболевскаго* въ *Живой Старинѣ*, ч. II, вып. II. 120; *Халанскій*, *Юго-слав. сказанія о крад. Маркъ*, I, 332—3. Иногда путь увеличивался вслѣдствіе того, что трудно было пробираться черезъ области дикихъ кочевниковъ. Такъ, въ XIII в. одинъ корсупскій священникъ, прежде чѣмъ добраться до Рязани, проѣхалъ по Днѣпру и Двинѣ въ Ригу, отсюда отправился въ Венденъ („Кесь“), въ Новгородъ и только „многими днями дойде края Рязанскія земли“ (*Рускій Времянникъ*. М. 1820. I, 94—6). На сѣверѣ у насъ доселѣ существуютъ прямыя и окольныя дороги съ большой разницей протяженія: по первымъ ѣздить зимою, по вторымъ—лѣтомъ. Таковы почтовые тракты отъ г. Пинеги къ г. Мезени, отъ Мезени къ Усть-Цыльмѣ и т. п.

⁷⁾ *Очерки*, 208.

⁸⁾ Въ этой былинѣ упоминается море Веряйское и Виряпское. Первое названіе есть искаженіе имени Веряжское (*Гильф.*, № 167), Варяжское; второе же, какъ указалъ г. Миллюковъ (*Юбилейный сборникъ въ честь В. О. Миллера*, 315)—представляетъ собою старинное (XIII в.) названіе Финскаго залива

везти его въ Кіевъ. Вообще географія былины по отдѣльнымъ пересказамъ крайне путанная, и едва ли она была осмысленнѣе въ основной редакціи. Корабли Соловья прибываютъ въ Кіевъ то по Волгѣ, то по морю Турецкому, то по морю Волинскому, то по какому-то неопредѣленному синему морю отъ славнаго города Леденца, то по морю Дунайскому (то есть Черному). Только въ двухъ... пересказахъ у Гильфердинга упоминается Нѣпра, хотя все же нѣтъ ясныхъ представленій о предѣлахъ плаванья Соловья, то есть откуда онъ выѣзжаетъ и какимъ путемъ попадаетъ въ Кіевъ. Видно, что слагатель, прикрѣпившій мѣсто дѣйствія былины къ Кіеву, имѣлъ смутное понятіе и о теченіи Днѣпра⁴. Примѣровъ подобнаго обращенія пѣвцовъ съ географическими названіями можно найти очень много⁵). Вспомнимъ былину о Дюкѣ, являющемся въ Кіевъ сразу и изъ Индіи, и отъ Волицы-Галича, и изъ Корелы. По одному пересказу, Садко ѣдетъ—

Изъ черна моря во Бѣло море,
Изъ Бѣла моря во Свирайское (Варяжское),
Изъ Свирайскаго моря во Китайское,
Изъ Китайскаго моря въ Окіянь-море⁶).

Этотъ путь Садка является верхомъ бессмысленности даже въ томъ случаѣ, если въ Бѣломъ морѣ видѣть восточную часть Средиземнаго моря, извѣстную у паломниковъ XV в. подъ именемъ Бѣлаго моря⁷). Моря Хвалынское, Турецкое (Черное) и Веряйское постоянно смѣшиваются между собою; Волховъ смѣшивается съ Волгою⁴) и Днѣпромъ⁵), Литва съ Польшей и Золотой ордой, Царьградъ съ Іерусалимомъ и Новгородомъ; чехи и ляхи принимаются за одну національность⁶). Подобныя географическія представленія находимъ нерѣдко и въ старой русской литературѣ. Не говоря уже о понятіяхъ лѣтописца о малоизвѣстныхъ восточныхъ народахъ, напр., половцахъ, татарахъ при первомъ ихъ появленіи въ Европѣ⁷), но и свѣдѣнія о за-

¹) Ср. Майковъ, 85.

²) Гильф., № 146, ст. 50—4=Рыбн. III, № 42.

³) Пытинъ, Исторія русск. лит. I, 400, 402.

⁴) Кир. V, 48.

⁵) Бѣлом. был. 265.

⁶) Ib. 79. Ср. мою статью въ Этнограф. Обзорнiи, кн. XLVI, 81.

⁷) Соловьевъ, по II изд. кн. I, 799.

падно-европейскихъ странахъ въ старину отличались большою сбивчивостью и имѣли огромныя пробѣлы. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ памятниковъ XI—XIII вв. Варяжское море въ представленіи грамотниковъ этого времени непосредственно соединилось со Средиземнымъ. Апостоль Андрей, по извѣстной легендѣ, желая изъ Корсуни отправиться въ Римъ, прибылъ въ устье Днѣпра, оттуда въ Новгородъ, въ страну варяговъ „и приде въ Римъ“; Антоній-Римлянинъ плыль отъ Римской страны въ Новгородъ „по теплomu морю, изъ него же въ рѣку Неву... въ Невозеро (Ладожское), ... вверхъ по рѣкѣ Волхову... и до великаго Новаграда“; по географическому очерку начальной лѣтописи, „ввидеть устье (Невы) въ море Варяжское, и по тому морю ити до Рима“. Повѣсть „о пришествіи Николина образа изъ Корсуни на Рязань“ рассказываетъ, какъ корсунскій священникъ „приде во устье рѣки Днѣпра (сухимъ путемъ?), и сѣде въ корабль въ Понтъское море, се же словеть море Русское, и дойде моря Варяжскаго, и приде въ Нѣмецкія области, во градъ Ригу“ ¹⁾. Нельзя не замѣтить близкаго сходства путей корсунскаго священника и Соловья Будимировича, который, „выѣзжая неизвѣстно откуда по Днѣпру въ Черное море, попадаетъ, не поворачивая назадъ, въ Кіевъ въ полномъ противорѣчій съ географіей“ ²⁾.

Однимъ изъ важнѣйшихъ признаковъ развитія торговли служить установленіе единицъ мѣры и цѣнности. Къ сожалѣнію, былины даютъ о нихъ слишкомъ общее понятіе. Какъ деньги, такъ и мѣры вѣса, объема упоминаются крайне рѣдко. Если на чемъ можно нѣсколько остановиться, такъ это на терминахъ, которыми въ былинахъ означаются разстоянія. Въ измѣреніяхъ ихъ мы видимъ полное соотвѣтствіе былинныхъ выраженій даннымъ письменныхъ памятниковъ. И здѣсь, и тамъ для измѣренія большихъ разстояній служатъ *поприща* ³⁾ и *версты*, причемъ одни съ другими отождествляются: „За три поприща. Да порусски-то сказать да за три верстошъки“ ⁴⁾. Въ старинномъ „азбуковникѣ“ поприще объясняется какъ „верста, а имать саженой

¹⁾ Рускій Времянникъ, I, 95.

²⁾ Миллеръ. Очерки, 209.

³⁾ Кир. I, 41; Рыбн. II, 150; IV, 48; Гильф. 1219, 1296, №34, ст. 150; № 104, ст. 22; Тих. и Милл. II, 125, 182.

⁴⁾ Гильф. 1212.

•750“; но считали поприще и въ тысячу сажень ¹⁾; точно также колебался и размѣръ версты: „въ верстѣ считалось 1000 сажень, но въ XVII в. возникла новая верста въ 700 сажень“ ²⁾, которая доселѣ уцѣлѣла въ нѣкоторыхъ удаленныхъ отъ центровъ уголкахъ Россіи. Въ былинахъ можно найти версты всѣхъ трехъ родовъ: тысячныя ³⁾, семисотныя ⁴⁾ и пятисотныя ⁵⁾. Былиннымъ терминамъ *выстрѣлъ* и *стрѣлище* въ памятникахъ письменности XII—XV вв. соответствуютъ слова: дострѣлъ, перестрѣлъ, перестрѣлище ⁶⁾. Дорогу мѣрили также дневными переѣздами ⁷⁾ и временемъ, протекающимъ между двумя церковными службами ⁸⁾. Такіе способы измѣренія дорогъ временемъ ѣзды по нимъ находимъ въ былинахъ о первой поѣздкѣ Илья Муромца (отъ Мурома до Кіева), объ Иванѣ Гостинюмъ сынѣ (отъ Кіева до Чернигова) и о Дюкѣ (отъ Галича до Кіева). Предметы измѣряются *саженями* и *локтями* ⁹⁾, какъ мѣрится и Давидъ Паломникъ ¹⁰⁾; измѣреніе локтями, ведущее начало изъ глубокой древности, употреблялось у насъ до конца XV в.; икона-локотница, т. е. размѣромъ въ локоть, упоминается въ 1551 г. ¹¹⁾

1) *Буслаевъ*, Русская хрестоматія, 4 изд., стр. 141, прим. 3. „Поприще“ встрѣчается въ житіи Антонія Римлянина, въ лѣтописи подъ 1259 г. *Аристовъ* 108.

2) Современникъ, т. LXXXIII, отд. I, 70. Давидъ Паломникъ мѣрится просто „верстами“ и „великими верстами“: *Буслаевъ*, ор. с. 58.

3) *Кир.* III, 79.

4) *Гильф.* 1202; *Тих. и Милл.* II, 198=Этнограф. Обзор., кн. XXXV, стр. 130.

5) *Тих. и Милл.* II, 140.

6) *Буслаевъ*, ор. с. 60, 63; ср. *ib.*, 293—4, въ Исторія объ Азовскомъ сидѣнн, послѣ 1741 г.: стрѣлище, вар. перестрѣлъ *лучный*. *Срезневскій*, слова: „дострѣляти, дострѣвъ“. Ипатск. лѣтоп. подъ 1185 г. *Лытинъ*, Исторія русск. лит. I, 376, 385, 391; II, 257. Здѣсь между прочимъ указано выраженіе „(до)стрѣляти (изъ лука)“; ср. *Бѣлом. был.*, 500: „Въ ширину эта дорожка стрѣль-пу-ту да перестрѣляти“.

7) Современникъ, т. LXXXIII, отд. I, 70.

8) *Буслаевъ*, ор. с. 77, 100 (Поученіе Мономаха, Слово о полку Игоревѣ).

9) *Гильф.* 1136, 1255; *Бѣлом. был.* 273; *Кир.* III, 47.

10) *Лытинъ*, ор. с. I, 376.

11) *Срезневскій*, слова: „локоть, локоть, локотыница“; *Аристовъ*, 207, прим., 108; Сочиненія *Тихонравова*, I, 297.—Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться статьею *Буткевича*, Старинныя русскія мѣры, въ Журналѣ Мин. Внутр. Дѣлъ 1844 г., № 8.

Очеркъ экономическаго быта древней Руси, составленный на основаніи былинъ, оказался, какъ и слѣдовало ожидать, весьма неполнымъ. Нѣкоторые отдѣлы представлены слишкомъ блѣдно и поверхностно; другіе совсѣмъ не пришлось затронуть, каковы: пчеловодство, скотоводство, огородничество, солевареніе, каменное дѣло, металлическое производство и пр., вслѣдствіе того, что былины или ничего не говорятъ о нихъ, или даютъ одинъ словарный матеріалъ. Конечно, очеркъ былъ бы гораздо полнѣе, если бы исчерпать весь матеріалъ, даваемый былинами; но весьма значительная часть этого матеріала представляетъ черты фантастическія или заимствованныя изъ иноземныхъ поэтическихъ произведеній. Такъ напр., рассказъ Дюка о металлическихъ колоннахъ въ его домѣ, о золотой рудѣ въ его помѣстьѣ и о нѣкоторыхъ другихъ диковинкахъ взятъ изъ сказанія объ Индѣйскомъ царствѣ и нисколько не свидѣтельствуетъ о добываніи золота или о широкомъ развитіи металлическаго производства въ Галицко-Волынской области.

III.

Общественный бытъ.

Основу русской государственной жизни въ эпоху князей составляла война, оборонительная и наступательная. Въ древнѣйшую эпоху русскаго государства князья со своими дружинами играли роль положительную — какъ охранители торговли, производившейся по рѣчнымъ путямъ и особенно по великому водному пути „изъ Варягъ въ Греки“, отрицательную — какъ хищники и насильники въ своихъ подчиненныхъ и чужихъ областяхъ. Но уже съ XI столѣтія къ этой тенденціи князей примѣшивается другая, въ эпоху татарскаго владычества окончательно восторжествовавшая надъ первой: это — стремленіе защищать отъ сосѣднихъ народовъ подчиненныя имъ области; въ это время князья настолько осваиваются съ ними, что считаютъ свои интересы тождественными или, по крайней мѣрѣ, близко сходящимися съ интересами вѣрнаго ихъ попеченію народа. Прежніе конунги, кочевавшіе отъ одной общины къ другой, гдѣ имъ представлялось болѣе поживы или славы, чѣмъ въ первой, теперь прикрѣпляются каждый къ своей области

и стараются передавать свое право на владычество одному изъ сыновей. Немногочисленные дружины (рѣдко доходившія до 2000 человекъ), которыя находились въ непосредственномъ распоряженіи князей и на которыя послѣдніе всецѣло опирались, какъ на испытанныхъ бойцовъ, всегда готовыхъ слѣдовать за княземъ (впрочемъ, всегда также имѣвшихъ возможность перейти къ другому князю), понемногу теряютъ свое значеніе, передавая его полкамъ, набравшимся изъ всего населенія данной области.

Выше было указано, что временемъ возникновенія былинь нужно считать, главнымъ образомъ, вѣка XII—XV. Это была эпоха, когда отъ такъ называемаго норманскаго періода русской исторіи уцѣлѣли уже незначительные обломки въ видѣ нѣкоторыхъ старыхъ обычаевъ, державшихся еще въ юго-западной Руси и почти исчезнувшихъ въ Суздальской и Новгородской областяхъ. Однимъ изъ такихъ обычаевъ были личныя поѣздки князей на полюдь. Память объ этомъ сохранилась въ двухъ былинахъ, дошедшихъ до насъ въ довольно поздней передѣлкѣ, которая однако не можетъ заслонить старой основы ихъ; это—былины о князьяхъ: Вольгѣ (Олегѣ) Святославъевичѣ, который ѣдетъ съ своею дружиною (въ 30 человекъ) „за получкою“ въ три города, доставшіеся ему отъ дяди ¹⁾, и Романѣ, въ которомъ видятъ знаменитаго волынскаго князя конца XII в. Тревожная, непосѣдливая жизнь древне-русскаго князя довольно ярко изображается въ слѣдующихъ словахъ былины:

Онъ вѣдь ѣздилъ, Романушко, въ дальни города,
Собирать-то онъ ѣздилъ дани-пошлины...
Что за тѣ-ли за годички все за прошлые...
Обратился домой только ненадолго-то,
Опять, прожилъ во градѣ только полъ-мѣсяца,
Поѣзжаетъ опять да... онъ за пошдиной.

Когда похитили его жену, онъ, только-что пріѣхавши съ полюдья, недолго раздумываетъ и энергично принимается за дѣло:

¹⁾ Замѣчательно выраженіе одного пересказа (*Гильф.* 1169): дядя пожаловалъ Вольгѣ 3 города „удѣломъ“. Это выраженіе встрѣчается, кажется, не ранѣе XIV в. Собираніе дани по городамъ напоминаетъ старинный терминъ, встрѣчающійся наравнѣ съ „полюдьемъ“, *погородіе* (съ XII в. *Забѣлицъ*, II, 372; *Соловьевъ*, I, 675).

„Онъ искалъ-то вѣдь ее да по всѣмъ городамъ;
 Подошелъ онъ войной вѣдь подъ царица-та,
 (похитителя его жены).
 „Онъ пребилъ-то вѣдь со стараго до мамага“,
 Самаго-то царица взялъ на огнѣ сожегъ ¹⁾).

О томъ, какъ иногда производился сборъ дани, даетъ понятіе былина о Вольгѣ. Когда князь подѣзжалъ къ городу, съ котораго хотѣлъ получить дань, горожане подрубили мость черезъ рѣку, и вступившая на него дружина стала тонуть; разгнѣванный сборщикъ дани многихъ изъ нихъ порубилъ и разорилъ городъ ²⁾. Примѣровъ подобныхъ столкновеній населенія съ княземъ въ лѣтописяхъ можно найти очень много, начиная съ известной расправы древлянъ съ Игоремъ. Лучшій типъ князя, какъ старшаго и наиболѣе дѣятельнаго между дружинниками, представляетъ былина о Волхѣ. Волхъ (Вольга) работаетъ, въ полномъ смыслѣ слова, не смыкая глазъ:

„Дружина спить—такъ Волхъ не спить...
 Волхъ поилъ, кормилъ дружину храбрую,
 Обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцевъ ³⁾“.

Онъ самъ вывѣдываетъ замыслы врага, во главѣ дружины идетъ на него, лично расправляется съ царемъ вражескаго города. Онъ могъ бы похвастаться своими подвигами въ такой же мѣрѣ, какъ лучшій князь кievскаго періода русской исторіи Мономахъ, который, дѣйствительно, „тружался“ не покладая рукъ. Таковы же другіе князья въ изображеніи былинъ, не принадлежащихъ къ Кіевскому циклу: Романъ (въ былинѣ о Ливикахъ) и Глѣбъ Володьевичъ. Они оба сами выбираютъ себѣ дружину, отбирая немногихъ лучшихъ молодцовъ — 3000 ⁴⁾ или 300 ⁵⁾, и первые идутъ въ ставъ или городъ враговъ. Въ отношеніи къ дружинамъ они не повелители, отъ которыхъ, какъ отъ эпическаго князя Владимира, можно постоянно ждать казни, заточенія или ссылки, но распорядители, лучшіе и храбрѣйшіе между храброй дружиной, которую они называютъ братьями-товарищами,

¹⁾ Бѣлом. был. 119, 124.

²⁾ Гильф. №№ 45 (Рыбн. I, 24), 55; столб. 1169—72.

³⁾ Рыбн. I, 14.

⁴⁾ Рыбн. I, 426.

⁵⁾ Бѣлом. был., 431.

какъ вполнѣ вольныхъ людей, обладающихъ правомъ „отъѣзда“. Мотивировкой походовъ служатъ различныя цѣли: сборъ дани, защита своего княжества и семейства, защита свободной торговли. Въ роли защитника торговыхъ интересовъ выступаетъ князь Глѣбъ Володѣвичъ, который ѣздилъ въ Корсунь и тамъ съ помощью своей дружины отомстилъ за притѣсненіе русскихъ судовъ ¹⁾. Южныя князья такъ близко къ сердцу принимали интересы торговли, потому что они были всецѣло заинтересованы въ ея процвѣтаніи: они обладали значительными товарами, собирая дань преимущественно натурою, и отправляли ихъ нерѣдко въ чужія страны со своими купцами или съ „добрыми людьми“ по довѣренности ²⁾. Любовное отношеніе къ дружинѣ также вполнѣ выжидалось на экономической почвѣ: интересы князя были интересами его дружины ³⁾; военная добыча въ видѣ плѣнниковъ, dospѣховъ и разныхъ „узорочьевъ“ доставалась побѣдителямъ, и князь дѣлилъ ее съ дружиной. Замѣчательно соотвѣтствіе былины о Волхѣ Слову о полкѣ Игоревѣ: Волхъ дѣлитъ полонъ; при дѣлежѣ онъ цѣнитъ дорого коней, сабли и палицы и дешево—женскій полъ; авторъ „Слова“ изъ половецкой добычи предоставляетъ князю бѣлое знамя съ красной челкой и серебрянымъ древкомъ, а на долю дружины приходятся красныя дѣвки, золото и ткани; плѣнницъ и плѣнниковъ-рабовъ послѣ удачнаго похода онъ оцѣниваетъ въ мелкую монету ⁴⁾. Лѣтописецъ XIII в. вспоминаетъ о прежнихъ князьяхъ, слѣд., XII вѣка, которые давали денегъ дружинѣ только на оружіе, а кормилась она сама, завоевывая чужія страны ⁵⁾.

Въ такомъ видѣ представляются отношенія князя къ дружинѣ въ былинахъ, воспѣвающихъ отдѣльныхъ князей и не принадлежащихъ къ Кіевскому циклу. Какъ легко замѣтить, эти отношенія рисуются ярко и опредѣленно; каждый князь—живое лицо, отражающее на себѣ эпоху. Совсѣмъ въ другомъ родѣ представляется эпическій князь Владимиръ, отразившій въ себѣ какъ нѣсколькихъ князей съ этимъ именемъ: Владимира Свято-

¹⁾ Бѣлом. был., 251, 433.

²⁾ Аристовъ, 209, прим.

³⁾ Ср. Соловьевъ I, 683; Майковъ, 63.

⁴⁾ Сопоставленіе сдѣлано проф. Владиміровымъ, Введ. въ II. р. сл., 204—5.

⁵⁾ Полевой, 218.

го (Добрыня-змѣборецъ) ¹⁾, Мономаха (Иванъ Гостиный сынъ), В. Васильковича, князя Волынскаго (†1288: Дунай) ¹⁾, такъ и нѣкоторыхъ другихъ князей, суздальскихъ, новгородскихъ и пр. Главная, бросающаяся въ глаза, разница между былинами, повѣствующими о князьяхъ не-кѣвскихъ, и былинами Владимирова цикла — въ типахъ этихъ князей: въ первыхъ рисуются герои, своими подвигами затмевающіе доблесть дружины, безстрашные и сильные, непобѣдимые и энергичные (не говорю о столкновѣніи Вольги съ Микулой, содержащемъ въ себѣ переходный эпизодъ и носящемъ слѣды переработки XV в.; во вторыхъ князь Владимиръ — типъ скорѣе отрицательный, соединяющій въ себѣ черты деспота и труса, допускающаго непозволительные промахи, ошибки и несправедливости, часто играющаго жалкую роль (иногда повара!) и умѣющаго только пировать. Такая разница не можетъ основываться на хронологіи, такъ какъ и тѣ, и другія былины возникли приблизительно въ одну эпоху. Слѣдовательно, причина этой разницы лежитъ въ средѣ слагателей эпоса богатырскаго и княжескаго. Первый, по признанію изслѣдователей русскаго народнаго эпоса (Л. Майкова, В. Миллера) въ своей основѣ имѣетъ *дружинную* поэзію: Это мѣтніе основывается на роли, которую играютъ въ такихъ былинахъ богатыри-предводители и бояре (Дюкъ), и поддерживается отношеніемъ былины, записанныхъ въ *крестьянской* средѣ, къ „деревенщинѣ-засельщинѣ“ и „холопинѣ боярскаго“ ²⁾. Замѣтимъ, что въ былинѣ о Добрынѣ-змѣборцѣ, въ которой В. Ф. Миллеръ основательно видитъ отголосокъ борьбы христіанства съ язычествомъ, ярко проглядываетъ враждебное отношеніе къ змѣю-Перуну и сочувствіе Добрынѣ, пропагандисту христіанства, который въ дѣйствительности нашелъ первыхъ послѣдователей на торговой сторонѣ Новгорода, населенной высшимъ обществомъ. Если богатырскій эпосъ возникъ въ кругу княжескихъ дружинъ, то княжескій — долженъ вести свое начало изъ среды ближайшихъ ко князьямъ лицъ; именно къ этому эпосу должны быть отнесены знаменитыя слова автора Слова о полку Игоревѣ о томъ, какъ Боянъ подъ

¹⁾ В. Миллеръ, Очерки, 147, 130—2; Эпосурсы, 32—52; Извѣстія Отд. Русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. IV, кн. 2, стр. 694.

²⁾ Кур. II, 56, 77; Рыбн. III, 155, 187; IV, 53; Гильф. 949, 1005, № 152-ст. 148; Тих. и Милл. II, 175 и др.

аккомпаниментъ гуслей пѣлъ пѣсни во „славу“ князей: Ярослава, Мстислава, Романа Святославича; пѣсни Боана были, несомнѣнно, эпическія: онъ воспѣвалъ побѣду храбраго Мстислава надъ касожскимъ княземъ Редедей и другіе походы („полки“) русскихъ князей. Было уже указано Майковымъ ¹⁾ на эпическій характеръ пѣсенъ Ставра на княжескомъ пиру:

„Онъ мастеръ Ставеръ въ гусли играть,
Игръ играть и напѣвокъ напѣвать
Про старыя времена и про нынѣшніи
И про всѣ времена досюлешніи“ ²⁾.

Указанная мною теорія возникновенія былинь въ двухъ разнородныхъ средахъ военно-дружинной и придворно-княжеской объясняетъ два отличія одного рода былинь отъ другого: одно изъ нихъ касается характера ихъ, другое—ихъ распространенія. Былины, возникшія въ дружинной средѣ, должны были объединяться въ нѣчто болѣе или менѣе цѣльное; эту цѣльность теперь имъ придаетъ главнымъ образомъ концентрація около Кіева и князя Владимира. Приведеніе различныхъ пѣсенъ къ одному циклу, несомнѣнно, завершилось въ позднѣйшее время, но начало этому процессу положила однородность среды, въ которой онѣ возникли,—вольныхъ дружинъ, кочевавшихъ отъ одного князя къ другому. Чтобы не быть голословнымъ, я приведу уже неразъ цитировавшееся преданіе о дружинѣ Александра Поповича, помѣщенное въ т. н. „Тверской“ (въ дѣйствительности—Ростовской) лѣтописи подъ 1224 г. Суздальскіе храбры, собравшись на совѣтъ, рѣшили, что, если они будутъ служить разнымъ князьямъ, то поневолѣ будутъ перебиты, потому что у русскихъ князей большіе безпорядки и частыя войны; они положили на томъ, чтобы всѣмъ вмѣстѣ служить одному кievскому князю („великому“—анахронизмъ) Мстиславу Романовичу; храбры били ему челомъ, и онъ гордился своими славными слугами. Это преданіе указываетъ на то, что тяготѣніе суздальскихъ богатырскихъ пѣсенъ къ кievскому циклу вполне опредѣлилось еще въ первой половинѣ XVI в. (до 1534 г.), когда была написана ростовская лѣтопись. Другое отличіе богатырскихъ былинь отъ княжескихъ

1) О былинахъ Влад. цикла, 35, прим. 1.

2) Рыбн. I, 250.

заклчается въ томъ, что первыя пользуются до сихъ поръ широкимъ распространеніемъ, сравнительно со вторыми, которыя встрѣчаются очень рѣдко и только въ ограниченныхъ районахъ: такъ, былины о Вольгѣ съ Микулой, о Романѣ съ Ливиками извѣстны почти исключительно въ Олонѣцкой губерніи ¹⁾, о жень Романа Марья Юрьевнѣ—въ Архангельской губ. ²⁾, о Глѣбѣ Володьевичѣ—въ одномъ селѣ Зимняго берега; о Волхѣ (Вольгѣ) извѣстно только 5 пересказовъ. Областные пѣсни, посвященные отдѣльнымъ князьямъ, конечно, не могли пользоваться такой популярностью, какъ эпосъ, бытовавшій въ широкой средѣ дружинниковъ ³⁾.

Я позволилъ себѣ это отступленіе отъ главнаго предмета своей статьи потому, что необходимо было выяснитъ различіе типовъ князя Владимира и другихъ князей, воспѣтыхъ въ былинахъ. Посмотримъ же теперь, какъ рисуютъ былины Кіевского цикла своего эпического князя и отношеніе къ нему богатырей. Что „богатыри“ замѣнили собою дружинниковъ, видно изъ того, что они въ совокупности называются нерѣдко въ былинахъ „дружиною“ и что „храбры“, занесенные въ лѣтописи (Александръ, Добрыня) и извѣстные въ современныхъ былинахъ подъ названіемъ богатырей, служили въ княжескихъ дружинахъ.

Владимиръ всегда—кіевскій князь; иногда онъ называется великимъ; его придворные носятъ обыкновенно неопредѣленное названіе князей-бояръ, въ которыхъ нужно видѣть князей, не имѣвшихъ удѣловъ и потому поступившихъ на службу къ великому князю въ качествѣ его ближайшихъ помощниковъ. Иногда въ числѣ лицъ, присутствующихъ за столомъ Владимира, вмѣсто нихъ упоминаются князья „подколѣнные“, т. е. младшіе. Былины не сохранили памяти объ отношеніи великаго князя къ удѣльнымъ; о жалованіи князьямъ городовъ въ удѣлъ говорить только былина о Вольгѣ и Микулѣ (см. выше). О столкновеніи кн. Владимира съ другимъ, болѣе слабымъ княземъ говорить бы-

¹⁾ Одинъ сконканный вариантъ второй былины записанъ въ Сибири.

²⁾ *Кир.* V, 92, 96; Бѣлом. был. 2, 119.

³⁾ Сравнимъ популярность позднѣйшихъ военныхъ пѣсенъ—солдатскихъ. Сказанное о княжескихъ былинахъ примѣнимо ко многимъ другимъ мѣстнымъ былинамъ: новгородскимъ, тверской, рязанскимъ и, вѣроятно, къ нѣкоторымъ другимъ, пока еще не выяснившимся въ своихъ основахъ.

лина о Борисѣ Романовичѣ: мотивомъ столкновенія является желаніе Владимира завладѣть женой Бориса; дѣло кончается кровавой расправой полка великаго князя въ 250 человекъ съ Борисомъ, который могъ выпустить на него только „полтора ста стрѣль“¹⁾). Обыкновенные доходы князя составляла дань, за которой онъ посылалъ своихъ богатырей обыкновенно въ чужія страны, къ королю польскому или литовскому²⁾; дань всегда собирается „за прошлые годы“; это выраженіе, часто попадающееся въ былинахъ, встрѣчается въ повѣсти о Мономаховой шапкѣ (XV в.?): Владимиръ Всеволодовичъ посылаетъ пословъ въ Царьградъ „за прошлые годы дань имать, якоже и прежде сего великіе князи... годовые дани имали“³⁾). По предположенію былины о Василии Казимировичѣ, татары („Батый“⁴⁾) или половцы („земля Поленецкая“⁵⁾) платили дань князю Владимиру-правда, только благодаря удали его богатырей. Вообще татарское владычество представлялось въ XIV—XV вв. настолько неизбѣжнымъ и грознымъ, что полученіе дани съ татаръ казалось верховомъ доблести, почти недостижимымъ идеаломъ. Въ одномъ изъ позднихъ (XVI—XVII вв.) лѣтописныхъ сводовъ къ характеристикѣ Всеволода Большое Гнѣздо прибавлена слѣдующая ахронистическая фраза, носящая эпическій характеръ: „Бысть имя его славно по всей земли, и на татарехъ дань ималъ, и владѣя всею землею Рускою и до моря Волгою“⁶⁾.

Другимъ законнымъ доходомъ князя были торговые пошлины и добыча отъ охоты: Владимиръ жалуется на отсутствіе у него казны:

«Не торгуютъ купцы—нѣту пошлины,
А и звѣря пушнаго давно не видать»⁷⁾.

О порядкѣ взиманія пошлинъ и о долѣ князей въ охотѣ было уже говорено выше (глава II); поэтому здѣсь можно только

¹⁾ Бѣлом. был., 240; ср. 554; Кир. III, 30.

²⁾ Рыбн. I, 73 (=Гильф., № 77, ст. 293); IV, 60; Гильф. 947, 966, 1024, № 6 и др. Дань берется преимущ. натурою, но иногда и деньгами. Ср. Майковъ, 62.

³⁾ Ждановъ, Русск. был. вп., 137.

⁴⁾ Кир. II, 83.

⁵⁾ Тил. и Милл. II, 134.

⁶⁾ Рускій Времянникъ. М. 1820. I, 81, подъ 1176 г.

⁷⁾ Тил. и Милл. II, 203.

добавить, что между тѣмъ какъ на сѣверѣ роль князей въ этомъ отношеніи была пассивная, южные князья принимали непосредственное участіе въ торговлѣ и охотѣ; на югѣ они не довольствовались пошлинами и „приносомъ“, которые имъ представляли купцы и промышленники; здѣсь они сами вели торговлю съ Греціей и сами охотились (Волхъ-Волга).

Хищническимъ, но узаконеннымъ обычаемъ, доходомъ князя было конфискованное имущество провинившагося чѣмъ-нибудь боярина. Объ этомъ свидѣлствуютъ былины о двухъ боярахъ, провинившихся, по словамъ былинь, своимъ хвастовствомъ, Ставрѣ и Люкѣ: они навлекли на себя гнѣвъ Владимира тѣмъ, что превознесли свои богатства выше княжескаго, и были посажены въ темницу. Въ первой былинѣ, возникшей раньше второй, князь оказывается особенно жестокимъ: онъ посылаетъ опечатать все имущество Ставра, его жену привести въ Кіевъ ко князю и дорогой надъ ней надругаться ¹⁾. Во второй былинѣ князь поступаетъ болѣе деликатно: былина вводитъ особенно мягкое выраженіе „одѣвнѣть“ дворъ Дюка и заставляетъ князя сознаться въ несправедливости, допущенной по отношенію къ его гостю. Что конфискація имуществъ составляла дѣйствительно княжескій доходъ, свидѣлствуютъ историческія данныя XII в. „Когда одинъ князь, говоритъ *Соловьевъ* ²⁾, изгонялъ изъ волости другого, то отбиралъ у бояръ послѣдняго ихъ имущество“. Въ новгородской былинѣ о Чурилѣ выставленъ еще одинъ незаконный доходъ князя—взятка, которую онъ получаетъ отъ богатаго преступника за отмѣну суда надъ нимъ: Чурило подноситъ Владимиру цѣнныя мѣха, и князь говоритъ жалобщикамъ:

«А теперъ на Чурила я суда де не дамъ» ³⁾.

Таковы были княжескіе доходы. Большая ихъ часть шла на содержаніе дружины. Въ мирное время дружинники исполняли различныя хозяйственныя должности при княжескомъ дворѣ. Иванъ Годиновичъ живетъ во дворѣ у князя Владимира, и его жена должна была бы быть служанкой у князя и княгини: ва-

¹⁾ *Кир.* IV, 61; *Тил.* и *Мил.* II, 194, 198.

²⁾ *Ист. Росс.* I, 675.

³⁾ *Кир.* IV, 84; *Рыбн.* I, 264; *Гильф.* 1063 (= *Рыбн.* III, 125), 1103.

рить кушанье, шить и стирать платье ¹⁾. Конечно, такія низкія должности исполнялись женами младшихъ дружинниковъ и претили женамъ важныхъ богатырей. Святая Добрынину жену за Алешу, Владимиръ угрожаетъ взять ее въ портомойницы, въ постельницы и въ коровницы ²⁾. Старшіе дружинники служили у князя столъниками, чашниками, постельниками, ключниками (ларечниками) и позовщиками (зазывателями, кличниками ³⁾. Былина о Данилѣ Ловчанинѣ указываетъ на должность ловчанина (*Кир.* III, 29), которая упоминается въ грамотѣ рязанскаго князя Олега (конца XIV в. *Срезневскій*, сл. „ловчанинъ“). Очевидно, это—то же самое, что ловчій, начальникъ охотниковъ, не ниже сокольничаго. Въ ростовской грамотѣ 1489 г. упоминаются „зазывшчы пошлыны“, указывающія на существованіе должности „зазыщика“; въ былинѣ Чурило—„ласковый позовщикъ, зазыватель“ гостей (*Срезневскій*, v. s.). Всѣ эти должности были довольно высокія. Одна былина указываетъ на начальственное положеніе столъниковъ и чашниковъ, говоря, что они распоряжаются своими „приспѣшниками“, которые и разносятъ яства и питья ⁴⁾; между прочимъ, чашники наливали на княжескомъ пирѣ заздравныя чары ⁵⁾, которымъ, вѣроятно, придавалось большое значеніе. Должностныя лица при княжескомъ хозяйствѣ извѣстны съ самой ранней поры русскаго государственнаго быта. „Древнѣйшими учрежденіями русскаго князя, говоритъ П. Н. Милуковъ ⁶⁾, были его кладовая (казна), погребъ, кухня, конюшня, псарня и птицій дворъ; казначеи и дворецкіе, чашники,

¹⁾ Бѣлом. был., 101, 420; *Тих. и Милл.* II, 161; *Рымб.* I, 199 (= *Гильф.* № 51, ст. 115), 203 (= *Гильф.* № 83, ст. 82).

²⁾ *Гильф.* 948.

³⁾ *Гильф.* 1088, 1205, 1249; *Тих. и Милл.* II, 81, 279; *Кир.* II, 41, 48, 53 (Добрыня). *Рымб.* I, 265—6; III, 125—6 (= *Гильф.* 1064); *Кир.* IV, 84, 86; *Этнограф. Обзор.*, кн. XLIII, 92 (Чурило). *Кир.* III, 54, 58—9 (Дунай). Здѣсь упоминаются также должности привратника, придверника, пивоварника, ложника или ложкаойника, харечника, хлѣбника, водовозника, конюха, гуршечника, курятника. Должность кравчаго (крайчаго, *Кир.* I, 46=IV, 7), который подавалъ кушанья на княжескій столъ, была известна въ началѣ XVI в. (*Соловьевъ*, I, 1678), а также существовала и во времена Котошихина.

⁴⁾ *Кир.* III, 93, стр. 97.

⁵⁾ *Тих. и Милл.* I, 59.

⁶⁾ *Очерки ист. русск. культ.* I, 148.

стольники, конюшіе, псаря и сокольники были его чиновниками⁴. Должности стольника и стоявшаго ниже его чашника упоминаются въ памятникахъ XIV в.; названіе стольниковъ и ключниковъ встрѣчается еще въ XII в. ¹) Что касается сокольниковъ и кречетниковъ, упоминаемыхъ въ памятникахъ съ XIII в., то они выставляются не должностными лицами, каковыми они были въ XVII в., но самостоятельными промышленниками, охотящимися лишь подъ покровительствомъ князя, которому они удѣляютъ часть добычи ²).

Дружинники исполняютъ также дипломатическія порученія: собираютъ дань съ подчиненныхъ князю народовъ, отвозятъ княжескую дань восточнымъ „царямъ“, привозятъ князямъ ³) иноземныхъ невѣсть, преимущественно дочерей польскихъ и литовскихъ королей. Князья русскіе издревле вступали „въ родственные союзы съ сосѣдними владѣтельными домами“, особенно съ западными королями; не только князья женились на иностранкахъ, но и княжны выходили замужъ за иноземныхъ владѣтелей ⁴), о чемъ память сохранилась въ былинѣ о сватовствѣ за племянницу князя Соловья Будимировича. Родственные отношенія къ иноземнымъ владѣтелямъ вызывали военную помощь имъ со стороны русскихъ князей. Тесть Владиміра, ляховинскій король Етмануйло Етмануйловичъ (Эммануиль) проситъ у него помощи противъ своихъ враговъ, и князь посылаетъ къ нему Добрыню съ богатырями ⁵).

Таковы были обязанности дружинниковъ въ мирное время. Но, конечно, исконный смыслъ дружины обнаруживался въ походахъ и оборонительной войнѣ ⁶). Походы княжескихъ дружинъ

¹) *Майковъ*, 70, прим. 1; *Соловьевъ*, 1181; *Иловайскій*, *Исторія Рязанскаго княж.*, 279; *Забѣлинь*, II, 391.

²) *Этнограф.* *Обозр.*, кн. XLVI, 86; ср. выше, гл. II.

³) Съ этимъ порученіемъ князья посылали цѣлые отряды дружинниковъ, п. ч. сватовство бывало кровопролитнымъ (Дунай, Добрыня; въ б. объ Иванѣ Годиновичѣ характерно предложеніе ему князя взять силы - войска сколько угодно) и болѣе походило на древнее умыканіе (богатыри увозятъ невѣсть, посадивши ихъ позади себя на коня), чѣмъ на дипломатическій актъ.

⁴) *Соловьевъ*, I, 677—8 и прим. 7.

⁵) *Кир.* II, 18 (ср. III, 71); *Вѣлом. был.* 315.

⁶) *Майковъ* (стр. 62) и проф. *Владиміровымъ* (216) отмѣчено то, что князь Владиміръ не ходитъ на войну, но посылаетъ со своей ратью дружинниковъ;

въ чужія земли обрисовываются ярче въ княжескихъ былинахъ, о которыхъ говорено уже выше; въ былинахъ Кіевскаго цикла распространителемъ предѣловъ Руси выставляется Добрыня, который между прочимъ оказываетъ помощь тестю Владиміра. Онъ ѣздитъ за море, по ордамъ немирнымъ, рубить чужь бѣлоглазую, коренить (т. е. истребляетъ совершенно, съ корнемъ) языки (т. е. народы) невѣрные, прибавляетъ земли Святорусской ¹⁾. Чаще же всего былины выставляютъ на видъ заслугу богатырей, какъ оборонителей Русской земли. „Самое главное и основное въ нашемъ эпосѣ, говоритъ проф. В. О. Миллеръ ²⁾, даже въ настоящее время (т. е. въ современныхъ редакціяхъ былинь)... борьба русскихъ богатырей съ разными врагами Русской земли, и преимущественно съ татарами, заслонившими въ эпосѣ другихъ болѣе раннихъ историческихъ враговъ Россіи“. Немудрено, что былины особенно напираютъ на эту роль дружинниковъ: въ томъ фактѣ, что старая Русь въ теченіе ряда вѣковъ вынесла на себѣ напоръ кочевыхъ варваровъ, то отражая ихъ, то вбирая ихъ въ себя и ассимилируясь съ ними,—многіе видятъ ея историческую заслугу передъ Западной Европой. Эта борьба имѣла большое значеніе для Руси и должна была войти въ *дружинный* эпосъ. Богатыри сами себя называютъ оберегателями, обстоятелями сторожителями, потому что они стоятъ за Кіевъ, стерегутъ его, берегутъ князя съ княгиней, стоятъ за вѣру, за вдовъ и сиротъ ³⁾. Конечно, богатырей привлекала не перспектива послужить родной землѣ и вѣрѣ, но эта идеализація ихъ стремлений ⁴⁾ основывается на дѣйствительныхъ заслугахъ ихъ передъ родиной, тѣмъ болѣе объяснимая, что дружинный эпосъ сложился въ ихъ средѣ. Но былины не скрываютъ и реальной основы,—экономической, ихъ подвиговъ. Илья Муромецъ, идеальнѣйшій представитель дру-

въ концѣ XII в. таково было представленіе идеальнаго князя въ Волынской области: Ярослав Осмомысль „гдѣ башеть ему обида, самъ не ходяшетъ полкы своими, но посылашетъ я съ воеводами“.

¹⁾ *Кир.* II, 20; *Рыбн.* I, 216; *Гильф.* № 52, ст. 7.

²⁾ Эскурсы, 215.

³⁾ *Рыбн.* II, 351; *Гильф.* № 75, ст. 286; столб. 1298—9, 969, 1017; *Бълж.* был. 41, 48, 213 и др.; *Кир.* I, 56; *Т. и М.* II, 104.

⁴⁾ Накоторыя намеки на нее можно усмотрѣть въ приведенномъ выше преданіи изъ „Тверской“ лѣтописи.

жинника, ѣдетъ въ Кіевъ „заложиться за князя Владиміра“¹⁾; смыслъ этого выраженія открывається изъ другой былины, гдѣ тотъ же богатырь совѣтуетъ Дюку ѣхать ко князю Владиміру, наивно присовокупляя:

„Тебя будетъ на побздѣ жаловать
Многой безсчетной золотой казной“²⁾.

Тотъ же Илья жалуется на то, что, прослуживши у Владиміра 30 лѣтъ, онъ не выслужилъ хорошаго содержанія—„хлѣбасоли мягкія“³⁾. Кромѣ пищи и питья, князь снабжаетъ дружину деньгами, конями и оружіемъ. Кони, конья, сабли и другіе доспѣхи обыкновенно называются подарками и даются или при вступленіи богатыря въ княжескую дружину или послѣ его выдающагося подвига⁴⁾. Въ качествѣ „жалованья“ (т. е. подарка⁵⁾) князь предлагаютъ также начальство надъ волостями—города съ пригородками и съ приселками⁶⁾, что практиковалось дѣйствительно

¹⁾ *Кир.* I, 34.

²⁾ *Буславъ*, Нар. п. 115.

³⁾ *Гильф.* № 48, ст. 241—*Рыбн.* I, № 17. Добрыня также не выжилъ себя у князя „хлѣба мягкаго“; это выраженіе въ примѣненіи къ Данилу-Заточнику попало въ пословицу, сохраненную намъ летописью: *Кир.* II, 45 и прим. 2. Кромѣ обыкновенныхъ княжескихъ подарковъ, въ былинахъ упоминаются нѣкоторые знаки отличія, напр., шубы, цѣпи золотыя великія (*Тих.* и *Милл.*, I, 52—Зап. И. Акад. Наукъ, т. XL, № 5, стр. 26; былина о Калинѣ). Ношеніе цѣпей на шеѣ известно было у насъ съ начала XIII в.; въ XIV—XVI вв. московскіе правители жаловали ими своихъ приближенныхъ и бояръ. Воспоминаніе о награжденіи гривнами, которое практиковалось до конца XIII в., сохранилось въ одномъ пересказѣ былины, гдѣ Калинъ, приглашая Илью Муромца ему служить, обѣщаетъ за это различныя почести, между прочимъ говоря: „положу на тебя пененизо великое“. *Рыбниковъ* (III, 212 и XLV) производятъ это слово отъ „пенязь“ и объясняютъ какъ ожерелье изъ цѣпи; можно вспомнить при этомъ, что въ XIII в. деньги—златницы, пенязи, серебряники—употреблялись въ качествѣ бляхъ (*Аристовъ*, 159, 160, прим.; *Забѣлинъ*, II, 388; „Современникъ“, т. LXXX, отд. I, 303); пенязи могли употребляться и въ качествѣ ожерелій, въ родѣ тѣхъ, какія теперь дѣлаются изъ серебряныхъ монетъ.

⁴⁾ *Кир.* I, 38; II, 45; *Гильф.*, № 3, ст. 39; № 75, ст. 290; *Тих.* и *Милл.* I, 26=33=41; II, 106.

⁵⁾ „Жалованье“, въ смыслѣ дара известно въ памятникѣ конца XV в. *Срезневскій*, v. s.

⁶⁾ Мотивъ жалованія городами встрѣчается въ великорусскихъ свад. пѣсняхъ и причитаніяхъ: *Соколовъ*, Свадебныя пѣсни Саратов. губ., 19, 20; *Бесѣда* 1872 г., № VI, 119, и въ галицкой колядкѣ: *Халанскій*, Вр. былины, 223.

въ Суздальской и Новгородской землѣ, между тѣмъ какъ на югѣ князья платили золотомъ. Впрочемъ, въ позднѣйшее время и на сѣверѣ установились денежныя отношенія между княземъ и войскомъ, но эти войска были вольнонаемными и не составляли княжескихъ дружинъ. Таковы ратники, которыхъ нанимаетъ князь противъ Хотѣна: они, прежде чѣмъ отправиться на врага, дѣлали закладныя записи, обязывавшія ихъ, въ случаѣ неустойки, выплатить князю извѣстную сумму ¹⁾. Совсѣмъ другія отношенія мы видимъ въ южныхъ былинахъ. Здѣсь князь—не только содержатель дружины, но и ея покровитель. Владимиръ сватаетъ своихъ богатырей „съ тою цѣлю, чтобы не переводился при его дворѣ богатырскій родъ, за который онъ готовъ пожертвовать богатою данью съ чужихъ земель, согласно съ Владимиромъ летописи, который предпочитаетъ дружину золоту и серебру“ ²⁾. Когда Потыкъ привезъ себѣ жену вмѣсто дани, князь говоритъ ему:

Въ нашу державу Святорусскую
 Пойдутъ сѣмена—плодъ богатырскій;
 То—лучше злата и серебра“ ³⁾.

Изъ указанныхъ „жалованій“ княземъ богатырей слѣдуетъ отмѣтить снабженіе ихъ при поступленіи на службу конями и оружіемъ. Какъ извѣстно, совершенно обратное отношеніе къ служилому классу было въ Московскомъ государствѣ, которое обязывало помѣщиковъ являться на войну „конными и оруженными“ ⁴⁾.

Въ княжескихъ былинахъ, какъ я отмѣтилъ выше (нач. III гл.), отношенія между княземъ и дружиной выставляются въ идеальномъ свѣтѣ: они всегда единопутны; ихъ стремленія обращены

¹⁾ Гильф. 1237, 1311. Ср. Миллеръ, Очерки, 227; Влосм. был. 373.

²⁾ Буславъ, Нар. п., 137—8.

³⁾ Рыбн. II, 61.

⁴⁾ Замѣчательно, что представленіе о снабженіи высшаго сословія, отправляющагося на войну, конями вошло въ хороводную пѣсню:

„Отъ Москвы вари занималася.
 У царя служба начиналася.
 Какъ усѣмъ князьямъ по коню дали“.

(Записано мною въ Смол. губ. Ср. Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губ. 125; Шейнъ, Великорусь, т. I, вып. I, 104, № 447; вып. II, 803, № 2542.

къ одному и тому же предпріятію. Зависитъ это, конечно, отъ того, что въ тѣхъ былинахъ дружина остается на второмъ планѣ; княжескому придворному пѣвцу нечего заботиться о настроеніи ея, когда онъ прославляетъ своего патрона, и ея интересы не могутъ возбудить къ себѣ въ немъ сочувствія и расположенія. Другое мы видимъ въ дружинномъ эпосѣ, гдѣ богатыри стоятъ на первомъ планѣ. Здѣсь то-и-дѣло подчеркиваются дружинные интересы, требующіе неотложнаго удовлетворенія. Здѣсь отношенія дружинниковъ къ князю нѣсколько иныя, и нерѣдко указывается на конфликты между ними. Претестующимъ противъ княжескихъ несправедливостей и деспотизма наиболѣе ярко выставленъ идеальнѣйшій богатырь Илья Муромецъ. В. О. Миллеръ¹⁾, видя въ ссорахъ Ильи съ княземъ черты позднѣйшаго наслоенія, протестъ простого народа противъ правительственныхъ притѣсненій XVII в., признаетъ, что эти наслоенія могли лечь только на нѣчто древнее, что у Ильи съ княземъ были столкновенія, которыя воспѣты были въ старинныхъ пѣсняхъ, хотя и болѣе мотивированныя. Но, въ сущности, дѣйствительныя причины этихъ столкновеній отгадать не такъ трудно. Причины лежали въ социальномъ неравенствѣ старшей и младшей дружины и имѣли подъ собой экономическую основу. Главный русский богатырь, впоследствии совершенно одемократизованный, но и въ древнѣйшихъ былинахъ (напр. о Соловьѣ-разбойникѣ) выступающійся пріѣзжимъ, никому раньше неизвѣстнымъ дружинникомъ, являющимся въ Киевъ изъ маленькаго городка Черниговскаго княжества, конечно, стоялъ на сторонѣ младшей дружины и отстаивалъ ея интересы противъ ближайшихъ придворныхъ Владимира, которые изъ зависти оклеветали передъ княземъ Илью. Яблокомъ раздора была шуба, подарокъ князя; сторону Ильи принимаютъ 12 богатырей, которые обвиняютъ Владимира въ пристрастіи къ придворнымъ, старшимъ дружинникамъ:

„У него вѣдь есте много да князей-бояръ;
Кормить ихъ и поить, да и жалуетъ;—
Ничего намъ нѣтъ отъ князя отъ Владимира“²⁾.

Ссора Ильи съ княземъ воспѣта въ нѣсколькихъ былинахъ (Калинъ, Камское побоище, Идолище, Никита-Залѣшанинъ, Ба-

¹⁾ Эскурсы, 180; стр. 69.

²⁾ Гильб. № 75, ст. 290 (былина о Калинѣ).

тый (Баданъ), и почти вездѣ Илья заступаетъ за свои права, какъ дѣятельнаго дружинника, противъ князей-бояръ, которыхъ онъ называетъ „брюшинниками“, или „кособрюхими“ ¹⁾, т. е. отропившими себѣ большіе животы на покойной придворной службѣ. Какъ извѣстно, бояре были *мѣстными* землевладѣльцами, вступавшими въ княжескую дружину и достигавшими высшихъ должностей или за выслугу, или благодаря своему богатству; землевладѣльцы въ числѣ дружинниковъ были уже въ XII в. ²⁾. Сами князья-бояре обвиняютъ дружинниковъ въ непочтеніи къ князю (Калинѣ), во властолюбивыхъ замыслахъ ³⁾, въ нерадѣніи о своихъ обязанностяхъ — „ратномъ дѣлѣ“ и въ стремленіяхъ къ измѣнѣ ⁴⁾. Трудно сказать, насколько эти обвинения основательны; но послѣднее обвиненіе могло основываться на перѣдкихъ случаяхъ перехода русскихъ дружинъ на сторону своихъ ближайшихъ сосѣдей, съ которыми русскіе отчасти ассимилировались, половцевъ; вспомнимъ бродниковъ, „прототипъ казачьихъ вольныхъ общинъ“, которые въ XII—XIII вв. перѣдко помогали „поганымъ“ противъ своихъ одноплеменниковъ ⁵⁾.

Обращаюсь теперь къ тому значенію, которое имѣла война для богатырей-дружинниковъ. Вся жизнь ихъ была непрерывнымъ скитаніемъ ради войны и охоты. Къ этому препровожденію времени ихъ подготовляли дѣтскія игры и борьба на улицѣ съ самыхъ малыхъ лѣтъ. Съ 12 лѣтъ ⁶⁾ начинаются уже поѣздки въ поле на охоту и „полякованье“, единоборство съ „поединщиками“, иногда съ цѣлью прискаты себѣ „дружинушку“, т. е. товарища-слугу для ратныхъ подвиговъ. Такъ же рано выступали въ свѣтъ и князья: Сауръ Леванидовичъ уже въ 8—10 лѣтъ предводительствуетъ войскомъ, что вполне согласно со свидѣтельствомъ лѣтописей о томъ, что въ такіе годы князья, обере-

1) Бѣлом. был. 215, 223, 351, 482. Ср. названіе крестьянъ Рязанской губерніи „Рязань косопузая“.

2) *Хлебниковъ*, 215, 219, 239. Пришлый элементъ составлялъ младшую дружину: *Полевой*, II, 58.

3) Бѣлом. был. 215.

4) *Іб.*, 482.

5) *В. Миллеръ*, Экскурсы, 228. Здѣсь не указанъ поступокъ бродниковъ въ Калкской битвѣ.

6) Бѣлом. был. 364.

гаемые дядьками, участвовали въ походахъ и битвахъ ¹⁾. Даже въ Московскую эпоху совершеннолѣтіе **служилаго** сословія считалось съ 15 лѣтъ ²⁾; въ болѣе раннюю эпоху имѣли смыслъ и богатыри-двѣнадцатилѣтніи (напр. Михайло Даниловичъ), которые уже „на десятое лѣто“ (старинное выраженіе) начинаютъ владѣть конемъ ³⁾ и, вѣроятно, копьемъ ⁴⁾. Прежде, чѣмъ поступить на службу къ князю, богатырь прискиваетъ себѣ „слугу-паробка“ или „дружинушку“. Оба эти термина означали приблизительно одно и то же и соотвѣтствовали, пожалуй, рыцарскому пажу: обязанностью паробковъ было коней сѣдлатъ и разсѣдывать, плетку подавать и принимать и приносить оружіе ⁵⁾. Первое названіе встрѣчается въ сѣверныхъ былинахъ: о Хотѣнѣ и Алешѣ Поповичѣ, „слуга“ котораго Торопъ упоминается во всѣхъ суздальскихъ и новгородскихъ лѣтописяхъ ⁶⁾; второе же встрѣчается какъ въ новгородской былинѣ о Василии Буслаевичѣ, который, правда, подбираетъ себѣ нѣсколько „дружинушекъ“ (обыкновенно троихъ), такъ и въ рязанской—о Добрынѣ, который, войдя въ возрастъ, прежде всего ищетъ себѣ „дружинушку хоробраго“ или брата крестоваго-названаго ⁷⁾. Понятія паробка и дружины настолько близко подходили другъ къ другу, что встрѣчается даже выраженіе „паробокъ-дружинушка“ ⁸⁾. Паробокъ былъ скорѣе спутникъ и младшій товарищъ богатыря, чѣмъ его слуга: паробокъ Хотѣна называется вѣрнымъ, любимымъ то-

¹⁾ *Полевой*, II, 46; *Кир.* III, 114, 117. Подобный рассказъ о Сохрабѣ, который въ 10 лѣтъ не имѣлъ себѣ соперниковъ при дворѣ (*В. Миллеръ*, Экскурсы, 126, свидѣтельствуетъ только объ одинаковыхъ условіяхъ придворной жизни въ древней Персіи и древней Россіи.

²⁾ *Хазанскій*. Вр. был., 145, со ссылкой на *Соловьева*. По нѣкоторымъ былинамъ, Добрыня начинаетъ вѣдять въ поле съ 15 лѣтъ: *Кир.* II, 11; *Тих.* и *Милл.* II, 70.

³⁾ *Гильф.* 1088 (Добрыня).

⁴⁾ *Кир.* II, 40: „Сталъ Добрыня на возрастъ... Сталъ Д. конемъ владать И копьемъ штурмовать.“

⁵⁾ *Рыбн.* I, 148, 158; *Гильф.* 1236.

⁶⁾ *Дашкевичъ*, 13—23. Въ былинахъ Торопъ называется слугой: *Кир.* II, 79, прим. 1, и слугой-паробкомъ: *Тих.* и *Милл.* I, 60.

⁷⁾ *Соколовъ*, Былины, и пр. 4; *Кир.* II, 2, 3, 17; *Тих.* и *Милл.* II, 79 (ср. 77); *Гильф.* 1128. Впрочемъ, и у Добрыни упоминается слуга-паробокъ: *Рыбн.* III, 93, а у Алеши—дружина: *Т. и М.* II, 102.

⁸⁾ *Гильф.* № 140, ст. 85 (у Ставра).

варищемъ ¹⁾); паробки присутствуютъ на пиру у князя ²⁾, всегда ѣздить на коняхъ рядомъ со своими хозяевами и отличаются подвигами, такъ что недаромъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранила лѣтопись. Въ памятникахъ XIII в. въ смыслѣ младшаго товарища, спутника, употреблялось слово „дружина“ ³⁾, а паробками назывались мелкіе слуги, какъ показываетъ самое названіе: *па* — частица уменьшительная и *робъ* — рабъ; они скорѣе напоминаютъ „меченшъ“, оруженосцевъ суздальскихъ князей, или „мечниковъ“ ⁴⁾. Паробки нерѣдко называются крестовыми братьями своихъ патроновъ, напр., Алеша Поповичъ съ Екимомъ, котораго былина называетъ по отчеству (такъ же какъ и паробка Добрыни ⁵⁾):

„Они ѣздить богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское“ ⁶⁾; или:
„Они бокъ вѣдь о бокъ ѣдутъ, плечо о плечо,
Нога о ногу гуляють, стремя о стремя“ ⁷⁾.

Здѣсь былина повторяетъ фигуральное выраженіе Ипатской лѣтописи „ѣздить подлѣ стремянь“, употребленное для обозначенія отношеній младшаго князя къ старшему (подъ 1152 г. ⁸⁾).

Если боевая жизнь дружинника развивала въ немъ близкія отношенія, освящавшіяся даже крестовымъ братствомъ, къ слугѣ, то она же сродняла его съ животнымъ, съ которымъ онъ

1) Рыбн. III, 144; IV, 40.

2) Рыбн. II, 53; Гильф. №№ 51, 83; Тил. и Милл. II, 160. Слуга Алеши также входитъ на пиръ вмѣстѣ съ нимъ.

3) Срезневскій в. в.

4) Соловьевъ I, 685; Полевой II, 217.

5) Рыбн. I, 148.

6) Кур. II, 70.

7) Бълм. был., 234.

8) Соловьевъ, 280 и прим. 7; Полевой, II, 39. Выраженіе Ипатской лѣтописи можно понимать и иначе: ѣздить мирно, т. е. оно употреблено по отношенію къ дружиннику, хотя и къ важному. Ср. въ сербской пѣснѣ:

„Појездише до два побратима...
Напоредо (рядомъ) језде добре коне,
Напоредо посе копља бојна,
Један другом бело лице любви
Од милоште до два побратима.

Караджич, Српске народне пјесме, II, 215). Вся эта пѣсня представляетъ довольно близкую параллель къ былинѣ.

рѣдко разлучался,—съ конемъ. Конь составляетъ почти неотъемлемую часть всадника: Потыка опускають въ могилу съ конемъ, въ чемъ, быть можетъ, сохранился невнятный отголосокъ стариннаго зарыванія въ могилу того, что было дороже всего покойнику ¹⁾. Въ высшей степени трогательными чертами описывается привязанность богатыря и коня другъ къ другу: конь предупреждаетъ „хозяйина“ о грозящей ему опасности—или словами, или преткновеніемъ, вытаскиваетъ его изъ ямы, изъ рѣки, сообщаетъ ему вѣсти, топчетъ враговъ, даже „обнимаетъ ножками своего любимаго хозяйина“ ²⁾; богатырь, въ свою очередь, учесываетъ, углаживаетъ коня, хвалится имъ на пиру, и потерю коня считаетъ большимъ несчастіемъ ³⁾. Такая любовь къ конямъ засвидѣтельствована старой лѣтописью. Вспомнимъ хотя бы преданіе о любимомъ конѣ Олега; но подобное отношеніе къ этому животному извѣстно и изъ историческихъ данныхъ: такъ, въ 1149 году Андрей Боголюбскій велѣлъ похоронить своего коня, вынесшаго его изъ битвы, жалуя его „за комонство“ ⁴⁾, т. е. за лучшія качества коня.

Слѣдствіемъ кочевой жизни, кромѣ-любви къ коню, было постоянное употребленіе шатровъ и ковровъ, не говоря уже о сѣдлахъ, потникахъ, войлокахъ и другихъ приспособленіяхъ походной жизни. Шатры играютъ въ нашемъ эпосѣ громадную роль; въ нихъ постоянно отдыхаютъ богатыри, или поодиначкѣ, или цѣлой дружиной; въ послѣднемъ случаѣ при шатрахъ ставятся „караульщики“, которымъ не полагается оставлять свой лагерь ⁵⁾. Слагатели былинъ, вѣроятно, очень ясно представляли себѣ картину одинокаго шатра въ полѣ, такъ какъ даже современные пѣвцы рисуютъ картину, какъ размахиваются, въ родѣ полога, шатровыя полы: онѣ то сойдутся, то разойдутся ⁶⁾. Богатыри настолько привыкають сидѣть на коврахъ, которые обыкновенно разстилались въ шатрахъ ⁷⁾, что даже въ палатѣ князя садятся

1) Въ могилы клали пищу, женъ, коня, собаку: *Заблывицъ*, II, 383.

2) *Бѣлом. был.*, 43

3) *Иб.*, 408.

4) *Полевой*, II, 64.

5) *Бѣлом. был.*, 439, 485.

6) *Иб.*, 418; *Гильф.* № 52, ст. 48.

7) *Полевой*, II, 37, 43.

на свое „ковришко волокитное“ (походное), постеливши его за печнымъ столбомъ ¹⁾. Какъ экономическія условія, именно промысловый бытъ, отразились на одеждѣ, пищѣ и отчасти утвари нашихъ предковъ (см. выше), такъ соціальныя условія, именно походная жизнь, отразились на ихъ симпатіяхъ, интересахъ и нѣкоторыхъ предметахъ обихода.

Вся жизнь дружинника проходила въ непрерывныхъ походахъ и битвахъ. Илья Муромецъ говоритъ про себя, что онъ служилъ у князя 30 лѣтъ или 33 года, участвовалъ въ 77 бояхъ ²⁾. Престарѣлый богатырь Данило Игнатьевичъ (Ивановичъ) говоритъ о себѣ:

«Я во Кіевѣ жилъ девяносто лѣтъ,
Выѣзжаячи изъ Кіева, побивалъ девяносто побойщевъ» ³⁾;

иначе:

«Жилъ-то я у тя (Владимира) во Кіевѣ шестьдесятъ годовъ,
Я сносилъ-то у тя во Кіевѣ шестьдесятъ воѣвъ,
А какъ срывочныхъ-порывочныхъ—числа-смѣта нѣтъ» ⁴⁾;

или:

«Вѣдь служилъ у тебя да пятьдесятъ годовъ,
Да убилъ я у тебя, вѣдь, пятьдесятъ царѣвъ,
А мелкой силы убилъ—да той и смѣта нѣтъ» ⁵⁾;

Невольно вспоминается Мономахъ, который совершилъ 83 „пути“ (похода) великихъ, а сколько малыхъ—самъ не помнилъ, 19 разъ мирился съ половецкими князьями; пустилъ изъ оковъ 100 важнѣйшихъ князей и избилъ до 200 лучшихъ воиновъ.

¹⁾ *Тул. и Милл.* II, 95, 282. Ср. странное объясненіе акад. *Вселовскаго*, Ю.—р. был., гл. X, стр. 350: „Судя по подробности о коврѣ, можно предположить, что онъ (Алеша) явился *купцомъ*“ (!).

²⁾ *Иб.*, I, 66; *Гильф.* № 48, ст. 241 = *Рыбн.* I, № 17; *Кир.* VII, Доп., 6.

³⁾ *Тул. и Милл.* I, 63.

⁴⁾ *Вдом. был.*, 402.

⁵⁾ *Кир.* III, 43. Слова Даниила этого пересказа проф. *Хаманскій* (*Вр. был.*, 115—6) относить къ Московской эпохѣ, „когда дружинники отъ младости до старости *обязывались* служить в. кн. Московскому, отставлялись отъ службы за старостью и болѣзнью“. Но въ былинѣ нѣтъ указанія на обязательство; не князь отставляетъ Даниила, а онъ самъ уходитъ, и притомъ въ монастырь, а не домой; князь даже жалѣеть объ этомъ: „Кто же у насъ въ Кіевѣ будетъ обранивать?“

Именно такая кочевая жизнь выработала въ дружинномъ эпосѣ типъ богатыря ¹⁾, храбра, удалца. Первое названіе преобладаетъ въ современныхъ былинахъ, но оно вошло въ употребленіе со времени татарскаго нашествія, при чемъ въ первое время употреблялось по отношенію къ татарскимъ наѣзdnикамъ (такое употребленіе встрѣчается и въ былинахъ ²⁾, но уже въ XV в. широко распространилось, и „богатырями“ стали называть литовскихъ всадниковъ (Пековск. I лѣт. подъ 1435 г. ³⁾; впоследствии типъ богатыря-наѣзdnика окончательно былъ позабытъ, и уже въ XVI в. эпитетъ богатыря носить библейскій Самсонъ ⁴⁾. Названіе „храбра“ современными былинами почти забыто, вѣроятно, потому, что оно было распространено лишь въ Суздальской области: этотъ терминъ прилагается въ лѣтописяхъ къ суздальскимъ и ростовскимъ богатырямъ: Александру Поповичу, Добрынь (подъ 1217 и 1224 гг.); слово „хоробръ“ вошло здѣсь въ употребленіе въ качествѣ прозвища: извѣстенъ московскій князь Михаилъ по прозванію Хоробрить († 1242 г.); въ грамотѣ конца XIV в. упоминается въ московской области „Село Ивана Хороброва“ ⁵⁾ подъ 1433 г. лѣтопись говоритъ объ убійствѣ также москвича Андрея Хороброва ⁶⁾. Впрочемъ, этотъ терминъ былъ извѣстенъ и въ другихъ областяхъ, хотя не такъ былъ распространенъ: въ грамотѣ 1503 г. упоминается волость Хороборъ рядомъ со Сновскою ⁷⁾—слѣд., въ Черниговской области (р. Сновъ въ Черниг. губ.); упоминаются „6 храбрыхъ“ въ дружинѣ Александра Невскаго въ 1241 г. ⁸⁾; с. „хороборъ“ въ

1) В. Миллеръ, Эскурсы, 215 и слѣд.

2) Впервые это слово встрѣчается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1240 г. въ формахъ: богатуръ, багатырь (Срезн.); въ позднихъ сводахъ формы подновлены ради обычнаго правописанія.

3) Срезневскій ч. в.

4) Владиміровъ, 201; ср. „Повѣсть о сильномъ богатырѣ Самсонѣ“ (библейскомъ), въ сборникъ XVII в.; Зап. II. Акад. Наукъ, т. XI, № 5, стр. 2. Въ XVII в. богатырей представляли себѣ какъ силачей, а не какъ наѣзdnиковъ, судя по старинной пословицѣ: „Палицею бросить—богатырство оказать“. Симиони, Старинные сборники р. пословицъ, I, 191.

5) Соловьевъ, I, 837, 1127.

6) Рускій времяникъ, I, 361.

7) Соловьевъ, I, 147⁶, прим. 3.

8) Рускій Врем. I, 154.

смыслъ наѣздника, рыцаря употреблено въ южно-русской Минееѣ 1489 г., списанной съ болѣе древней ¹⁾). Слово „храборство“ въ смыслѣ удали встрѣчается у Данила-Заточника ²⁾ и въ псковскомъ сказаніи о князѣ Довмонтѣ (подъ 1268 и 1299 гг.); въ такомъ же смыслѣ въ повѣсти объ Александрѣ Невскомъ наряду съ „храборствомъ“ упоминается „храбрость“ ³⁾, въ южно-русской Минееѣ 1489 г. — „дѣла багатырская“ которыя „храборъ“ „вдѣлаеть на осподарьскомъ дворѣ“, и „мужество“ ⁴⁾, а въ Ипатской лѣтописи подъ 1150 г. — „кметьство“ ⁴⁾. Въ современныхъ записяхъ эпическихъ пѣсенъ слово „хоробѣръ“ употребляется лишь въ стереотипномъ окончаніи, припѣвающимъ герою славу:

«Только, вѣдь, молодець и живъ бывагь;
Да тому хоробруѣ такова слава» ⁵⁾,

или:

«Тому хоробру и славу поють» ⁶⁾.

Въ нѣкоторыхъ оригинальныхъ выраженіяхъ былинъ, б. м., кроется то же слово храбръ, но въ искаженныхъ формахъ:

«удалой добрый молодець,
Храбры сударинъ Илья Муромецъ» ⁷⁾;
«Да проѣхала поляница удалая;
Его храбра поѣздка молодецкая» ⁸⁾;
«Что ѣдетъ сильной храброй воишъ
Подъ гнѣздо Соловьиное» ⁹⁾
«Самъ богатырь на конѣ храбрѣ сидитъ» ¹⁰⁾.

Слова „храборъ, храбѣръ, хоробѣръ“ встрѣчаются въ великорусскихъ сказкахъ, загадкахъ и пѣсняхъ ¹¹⁾ и унаслѣдованы, вѣ-

¹⁾ Владиміровъ, 196, 205.

²⁾ Буслаевъ, Русск. хрестом. 4 изд., 138.

³⁾ П. С. Р. Д. IV, 182—3; V, 2; Соловьевъ, I, 1316.

⁴⁾ Майковъ, 54. „Множеству“ вмѣсто „мужеству“? Ср. Лобода, 10—1: Для обозначенія богатыря „мы встрѣчаемъ то кметь, то мужъ, воишъ, храбрый, то витязь“.

⁵⁾ Гильф. 1195.

⁶⁾ Рыбн. I, 471.

⁷⁾ Гильф. 1302.

⁸⁾ Ib. 1047=1081=Рыбн. III, 54.

⁹⁾ Гильф. № 104, ст. 46.

¹⁰⁾ Кур. VII, Доп., 2.

¹¹⁾ Васнецовъ, Пѣсни с.-в. Россіи, 100—1; Халанскій, Вр. былинны, 15, 19, 20, 227.

роятно, отъ весьма древняго времени, т. к. „храбръ, храбрьць“ существовали еще въ церковно-славянскомъ языкѣ ¹⁾). Слово „удальцы“, для обозначенія богатырей, встрѣчается крайне рѣдко: въ Повѣсти о приходѣ Батыевой рати на Рязань и въ Мамаевомъ побоищѣ ²⁾). Акад. *Веселовскій* ³⁾) основательно видитъ это названіе въ терминѣ, который встрѣчается въ 3 былинахъ, записанныхъ въ Мезени, „удалы“ ⁴⁾), въ значеніи богатырей. Наконецъ, изрѣдка встрѣчается названіе „витазь, витязь“. Слово церковно-славянское, попавшее въ былины, вѣроятно, литературнымъ путемъ, оно объяснялось какъ поправка, сдѣланная поэтомъ Меемъ, записавшимъ знаменитую былинку о томъ, „какъ перевелись витязи на святой Руси“; но теперь приходится оправдать поэта отъ возведеннаго на него обвиненія: это названіе встрѣчается и у *Гильфердинга* ⁵⁾).

Довольно часто въ былинахъ попадаетъ названіе „поляницы“ въ смыслѣ амазонки, богатырши. Названіе это, скорѣе всего, нужно производить отъ древняго слова „польникъ“—гигантъ ⁶⁾): поляницы нерѣдко въ былинахъ изображаются въ гигантскихъ размѣрахъ, укладывающими себѣ въ карманъ цѣлаго богатыря съ конемъ. Нельзя сказать категорично, имѣлъ ли тиць поляницы основу въ дѣйствительномъ дружинномъ бытѣ, но предполагать такую основу позволяетъ слѣдующее соображеніе. Въ своихъ продолжительныхъ походахъ дружинники, конечно, не могли обходиться безъ женщинъ и въ большихъ количествахъ увозили ихъ изъ лагерей враговъ, въ случаѣ удачнаго похода. Авторъ Слова о полку Игоревѣ сообщаетъ, какъ объ обычномъ фактѣ, о томъ, что русскіе угнали красныхъ дѣвокъ половецкихъ, и говоритъ, что послѣ удачнаго похода бываетъ такъ много плѣнницъ, что ихъ оцѣниваютъ въ мелкую монету; вообще женщину нетрудно было купить въ XII—XIV вв. какъ на югѣ, такъ

¹⁾ *Буслаевъ*, Нар. повѣст., 144—5; *Miklošicz*, Lexicon linguae Paleoslovenicae, ч. в.

²⁾ *Буслаевъ*, Русск. хрест. 191 и др.

³⁾ Ю.-русск. был. гл. VII, стр. 285.

⁴⁾ *Тил. и Милл.* II, 30, 108, 182.

⁵⁾ № 187. Слова „витазь, витязьство“ упоминаются только въ переводныхъ памятникахъ XIV—XVI вв. *Срезневскій*, ч. в.

⁶⁾ *Лобода*, 7.

и на Балтійскомъ морѣ ¹⁾. Захваченныя въ плѣнъ женщины дѣлались наложницами или женами и должны были сопровождать дружинниковъ въ ихъ перекочевкахъ. Былинныя поляницы обыкновенно дѣлаются женами богатырей (Дуная, Добрыни), но „латыгорка“, отъ которой Илья Муромецъ имѣлъ сына; временно была его любовницей послѣ трго, какъ онъ ее „въ полѣ побилъ“ или заолопилъ ²⁾. Участвуя въ походахъ, поляницы должны были сродниться съ боевою жизнью, выучиться ѣздить на лошадахъ и пріучиться владѣть оружіемъ; именно такой типъ представляютъ себѣ пѣвцы, заставляя богатырей биться съ „поляницами удалыми“ и называя послѣднихъ ихъ „дружинами“ ³⁾, т.-е. товарищами (оттѣнокъ младшинства въ этомъ терминѣ указанъ выше).

Я уже упоминалъ выше о томъ, что слуги-товарищи богатырей нерѣдко называются ихъ крестовыми братьями. Крестовое братство играетъ въ былинахъ громадную роль: почти всѣ богатыри между собою—крестовые-названные братья; нерѣдко они „братаются крестами“ и „называются братьями“ иноземнымъ богатырямъ ⁴⁾ и даже чудовищамъ въ родѣ Змѣя Чорынича ⁵⁾. Обычай побратимства ведетъ свое начало изъ ранней древности и сохраняется до сихъ поръ у насъ въ обрядѣ кумовства, совершающемся въ Семикъ или Вознесеніе. Обрядъ „братанія“ въ XIII—XV вв. совершался въ церкви, и дѣла по „крестному братству“ принадлежали церковному суду ⁶⁾. Обрядъ братанія у богатырей заключается въ томъ, что богатыри мѣняются тѣльными крестами ⁷⁾, конями и платьемъ ⁸⁾; когда Добрыня побѣдитъ змѣя, послѣдній предлагаетъ ему побрататься на такихъ условіяхъ, что онъ будетъ меньшій братъ и обязуется дать Добрынѣ коня со всѣми доспѣхами ⁹⁾. *Майковъ* (стр. 88) видитъ этотъ обычай въ раз-

¹⁾ Русскій времяникъ, I, 101 (подъ 1224 г.); *Аристовъ*, 265 (1300 г.).

²⁾ *Вѣдом. был.*, 489. Въ подлинникѣ „отполанивалъ“, что не имѣетъ никакого смысла.

³⁾ *Гильф.* 1267, прим.

⁴⁾ *Иб.* 1217 (Илья и Святогоръ).

⁵⁾ *Тих. и Милл.* II, 72; *Гильф.* № 5.

⁶⁾ *Буславъ*, ор. с. 157; *Срезневскій*, сл. „братство“. „И прозвася Петръ братъ князю“. Отсюда крестовое братство—то же, что названное.

⁷⁾ *Тих. и Милл.* II, 78; *Вѣдом. был.*, 368.

⁸⁾ *Гильф.* 1068, 1142, 1208. 1313.

⁹⁾ *Тих. и Милл.* II, 72—3.

сказѣ лѣтописи (подъ 968 г.) о мирѣ печенѣговъ съ кіевлянами: печенѣжскій князь сказалъ кіевскому воеводѣ: „будь мнѣ другомъ“; они подали другъ другу руку и обмѣнялись подарками въ видѣ военныхъ *доставовъ*; кромѣ того, князь далъ воеводѣ *коня*. Примѣръ дѣйствительнаго братанія съ иноземцемъ мы видимъ въ житіи Петра, царевича ордынскаго, который побратался съ ростовскимъ княземъ ¹⁾. Крестовые братья должны были стоять другъ за друга, слушаться другъ друга, помогать другъ другу ²⁾; братство распространяется на родственниковъ: жена Потыка называетъ его крестовыхъ братьевъ „деверьями названными“ ³⁾; Добрыня не позволяетъ послѣ своей кончины женѣ выходить замужъ за Алешу, какъ за своего крестоваго брата ⁴⁾. Крестовое братство считалось за дѣйствительное родство: турецкій царь позволяетъ Авдотѣ-Рязаночкѣ братъ изъ плѣнныхъ тѣхъ, „Кто въ родствѣ, въ кумовствѣ, въ крестномъ братовствѣ“ ⁵⁾. Отсюда видно, что побратимство существовало и у женщинъ; по одному пересказу, Добрыня крестуется со спасенной имъ княгиней, послѣ чего ему нельзя взять ее замужъ ⁶⁾. Извѣстно, что этотъ обычай особенно строго исполнялся въ Сербіи.

Изъ сказаннаго о крестномъ братствѣ несомнѣнно видно, что это общественное явленіе въ значительной степени основывалось на военномъ режимѣ древне-русскаго общества; письменные памятники лишь слабо намекаютъ на такую основу, но былины ярко освѣщаютъ ее.

Я не буду говорить о богатырскихъ доспѣхахъ и оружіи, названія которыхъ, какъ указано *Майковымъ* (стр. 73—4), почти всѣ засвидѣтельствованы древнѣйшими памятниками. Укажу

1) *Буслаевъ*, I. с. Обыкновенно братанію богатырей предшествуютъ ихъ сшибки въ полѣ, напр. жумца Ильи съ рязанцемъ Добрыней; слѣд., крестовое братство имѣло особенное значеніе между дружинниками соперничавшихъ между собою областей (ср. *Ефименко*, Матеріалы II, въ „Извѣстіяхъ Этнограф. отдѣла“, т. 69, стр. 1).

2) *Рыбн.* I, 96; IV, 62.

3) *Гильф.*, № 40, ст. 472.

4) *Тил. и Милл.* II, 78; *Гильф.* 948, 1018, 1093, 1303, 1057 (= *Рыбн.* III, 72). „Крестовый братъ—паче роднаго“.

5) *Рыбн.* III, 229.

6) *Тил. и Милл.* II, 76—7.

только на нѣкоторые обычаи, сопряженные съ битвами и походной жизнью. Въ былинѣ о Дунаѣ упоминается объ обычаѣ намазывать стрѣлы ядомъ, прежде чѣмъ пустить ихъ во врага: богатырь смазываетъ стрѣлу змѣинымъ саломъ ¹⁾. При пусканіи стрѣлы на нее наговариваютъ, для того чтобы она попала въ цѣль; приговариваніе къ стрѣламъ имѣло смыслъ, обратный заговорамъ отъ оружія, весьма употребительнымъ въ старину, и, вѣроятно, дѣйствительно употреблялось у разныхъ народовъ; приговоръ къ стрѣлѣ, „освященной Богомъ“, встрѣчается въ одномъ нартовскомъ сказаніи ²⁾. Привыкли къ оружію, богатырь не различается съ нимъ и въ мирное время: въ былинахъ очень часто (Ставеръ, Дунай, Василій Казимировичъ) рассказывается о стрѣльбѣ въ цѣль изъ лука ради забавы; въ этомъ принимаютъ участіе и женщины-поляницы; намѣчаютъ разстояніе (напр. въ 300 сажень), стрѣляютъ въ остріе ножа и раскалывая стрѣлу пополамъ, свѣрляютъ не только мѣру, но и вѣсъ половинокъ.

Самой цѣнной и необходимой принадлежностью богатыря были доспѣхи и конь. Эти предметы передавались отъ отца къ сыну, что видно изъ былины о Михайлѣ (Иванѣ) Даниловичѣ, получившемъ отъ ушедшаго въ монастырь отца и коня, и оружіе; былина замѣчаетъ, что латы отца не сходятся необычайно рослому богатырю уже въ 12 лѣтъ ³⁾. Извѣстно, что въ Суздальской, а впоследствии Московской области князья передавали оружіе изъ рода въ родъ, какъ дорогое наслѣдіе ⁴⁾.

Таковы были обязанности и образъ жизни служилого класса древней Руси. Обращаясь къ его правамъ, очерченнымъ въ былинахъ далеко не такъ ярко. Богатыри представляютъ собою какъ младшихъ дружинниковъ, большею частью прїѣзжихъ, такъ и старшихъ, каковыми являются мѣстные, кїевскіе, служащіе у

¹⁾ Рыбн. IV, 29; Гильф. № 102, ст. 311 Славяне во времена Маврикія (въ концѣ VI в.) употребляли стрѣлы, напитанныя ядомъ: Труды Этнограф. отдѣла, кн. VII, 28, подъ цифрой 3).

²⁾ Халанскій, Вр. был., 106.

³⁾ Кир. III, 4), 46—7; Вѣлом. был., 403.

⁴⁾ Полевой, II, 163; Соловьевъ, I, 1165—6. Въ сербскихъ былинахъ „очина“ (отцовская) стало даже зпитегомъ сабли. Караджиг, Српске народne пјесме I, 589; II, 340; ср. 107, прим. и III, 294: „са очима“ — конечно, искаженіе, вм. „очина“.

князя въ важнѣйшихъ должностяхъ. И тѣ, и другіе присутствуютъ на княжескомъ пиру, хотя первые занимаютъ мѣста у окольныхъ столовъ или у печного столба, тогда какъ вторые сидятъ за княжескимъ столомъ. Преданіе о пирахъ князя Владимира было извѣстно уже начальному лѣтописному своду: подъ 996 г. здѣсь говорится, что „по вся недѣля (воскресенья) устави (князь Владимиръ) на дворѣ въ гридьницѣ пиръ творити и приходити боляромъ, и гридемъ, и съцьскимъ, и десяцьскимъ, и нарочитымъ мужемъ, при князи и безъ князя“¹⁾. Итакъ, пиры бывали при князѣ въ гридьницѣ, гдѣ присутствовали не только бояре и сотскіе, но и младшіе дружинники—гриди²⁾ и десятскіе, такъ что въ общихъ чертахъ картина пира въ стереотипномъ зачинѣ былинъ вѣрна преданію XI в.; въ ней сохранилось даже старинное названіе компаты для пира—„гридьница, гридня“.

„Члены старшей дружины, бояре были по преимуществу княжескими думцами, совѣтниками; но... иногда князя сзываютъ на совѣтъ бояръ и всю дружину“³⁾. Правами княжескихъ совѣтниковъ обладаютъ, по былинамъ, не только князя-бояре, но и богатыри, которые помогаютъ князю „думу думать“ и „совѣтъ совѣтовать“; князь обращается къ нимъ съ просьбой собраться на „великую думу“, обыкновенно по случаю нападенія враговъ, и „бьетъ имъ челомъ, поклоняется“⁴⁾; очень рѣдко умалчивается о богатыряхъ-совѣтникахъ⁵⁾. Разсказъ о думѣ князя съ дружиною вошелъ въ старинное сказаніе (XV—XVI в.) о Владимирѣ Мономахѣ, который творилъ совѣтъ съ присутствующими въ его палатѣ князьями, боярами, вельможами, воеводами и, по одному варианту, со всѣмъ воинствомъ⁶⁾.

Память о вѣчѣ въ былинахъ почти не сохранилась. Въ одной старой записи говорится, что, когда къ Киеву подступилъ царь Золотой орды, князь призвалъ на думу всѣхъ киевлянъ—гражданъ и мужей, чтобы рѣшить, отдавать ли царю жену Потока или ждать нападенія его на городъ; киевляне, спасая свои головы,

1) П. С. Р. Л. I, 54.

2) *Соловьевъ*, I, 6²⁴.

3) *Кир.* I, 73; *Рыбн.* I, 99, 101; IV, 64; *Гильф.* 1295, № 46, ст. 13; № 92, ст. 56—64; № 138, ст. 51; *Тих.* и *Милл.* II, 26.

4) *Рыбн.* III, 216.

5) *Ждановъ*, Р. был. вп. 136—7, 196—9.

рѣшаютъ се отдать ¹⁾. Въ одной записи былины о Калинѣ разсказывается о томъ, что князь, узнавши о приближеніи врага, приказалъ зазвонить въ „било колокольное“, чтобы богатыри собрались на княжескій дворъ для совѣщанія относительно отраженія Калина ²⁾. „Било колокольное“ напоминаетъ собою вѣчевой колоколъ, которымъ созывалось вѣче не только въ Новгородѣ, но и въ Кіевѣ, гдѣ оно собиралось у церкви св. Софіи; былина, конечно, или забыла о мѣстѣ собранія вѣча, или смѣшала кіевское вѣче съ новгородскимъ, собиравшимся на Ярославовомъ дворѣ, но она запомнила о томъ, что князь самъ долженъ созывать вѣче по звону колокола въ случаяхъ, важныхъ для города, напр., въ случаѣ войны или похода ³⁾. Воспоминаніе о новгородскомъ вѣчевомъ колоколѣ нѣкоторые видятъ въ томъ колоколѣ, который несъ на головѣ крестный отецъ Василія Буслаевича. Если въ основѣ этого образа могли лежать или одежда пилигрима *klakolica* (какъ думалъ Срезневскій), или представленіе великана съ колоколомъ на головѣ, вмѣсто шляпы (какъ думалъ Ждановъ), все же въ нѣкоторыхъ пересказахъ ясно видно представленіе о вѣчевомъ колоколѣ, замѣнившее собою какое-нибудь болѣе древнее представленіе. Такъ, въ одномъ пересказѣ ⁴⁾ старецъ несетъ „Софеинъ большой колоколъ“, а съ Софійскими колоколами соединялось представленіе о новгородскомъ вѣчѣ: „звонятъ колоколи вѣчнѣи“, читаемъ мы въ Словѣ о Задонщинѣ „въ великомъ въ Новѣгородѣ стоятъ мужи-новгородцы ⁵⁾ у святыя Софіи“. Память о вѣчевомъ звонѣ въ Новгородѣ, вѣроятно, дала обычную въ былинахъ припѣвку, вошедшую также въ свадебную пѣсню:

«Колокольный звонъ въ Новѣгородѣ» ⁶⁾.

¹⁾ *Тих. и Милл.* I, 28—9=34—6=42—3.

²⁾ *Іб.* II, 35 = *Гильф.*, № 121, ст. 28.

³⁾ *Соловьевъ*, I, 693—4.

⁴⁾ *Рыби.* III, 238. Искаженіе „пилигримища“ въ „било-гремляще“ объясняется также представленіемъ пилигрима гремящимъ въ „било колокольное“, вѣчевой колоколъ. Слово „било“ въ смыслѣ церковнаго клепала употреблялось не позднѣе XIV в.; „билицо“ употреблялось въ смыслѣ малаго колокола. *Срезневскій*, *vv.* вв.

⁵⁾ Ср. въ былинѣ „мужики-новгородчане“.

⁶⁾ *Рыби.* I, 177; II, 44; *Гильф.* № 18, ст. 89; № 60, ст. 184. Начало свад. пѣсни, записанной В. В. Пасхаловымъ въ Саратов. губ.:

Воспоминанія о вѣчѣ въ былинахъ крайне скудны. Вообще простой народъ не играетъ почти никакой роли, какъ и во всякомъ героическомъ эпосѣ, выдвигающемъ на первый планъ личности, а не толпу (каковы, напр., поэмы Гомера, Нибелунги и пр.). Русскія былины, какъ произведенія, возникшія въ дружинной и княжеской средѣ, несмотря на позднѣйшую демократизацію ихъ, совершившуюся въ устахъ сохранившихъ ихъ крестьянъ, рѣдко говорятъ о городскомъ и сельскомъ населеніи ¹⁾. Въ этомъ отношеніи исключеніе составляютъ новгородскія былины, въ которыхъ выступаютъ то купцы (Садко), то городское простонародье (въ былинѣ о Василии Буслаевичѣ), то земледѣльцы (Миккула). Но и эти былины, кромѣ своей малочисленности, болѣе говорятъ о герояхъ, чѣмъ о толпѣ, къ тому же онѣ представляютъ собою чисто-мѣстныя новгородскія произведенія, не пріобрѣтшія никакихъ другихъ чертъ влѣдствіе того, что онѣ и записаны въ старой новгородской землѣ.

О чертахъ, которыя носятъ въ былинахъ купцы и земледѣльцы, было говорено выше. Остается сказать о населеніи Новгорода, какъ оно рисуется въ былинѣ о Василии Буслаевичѣ. Отецъ Василія „принадлежалъ къ классу новгородскихъ бояръ, вятшихъ людей“; онъ „не могъ не принимать участія въ междуобластныхъ дѣлахъ; ему приходилось улаживать отношенія Новгорода къ Москвѣ, къ Пскову; умѣлъ онъ ладить и „со мужики новгородскими“. Для борьбы, къ которой привыкли новгородскіе бояре, нужны были бойцы, дружина“. И дѣйствительно, Василій „содержитъ на свой счетъ цѣлую дружину (30 молодцевъ); вступая въ братчину, онъ платитъ за себя 50 рублей, за каждаго изъ своихъ дружинниковъ—5 рублей“. „Дружинники Василія хотятъ „пить и ѣсть изъ готоваго“. Такихъ новгородскихъ братьевъ-наймитовъ мы знаемъ по свидѣтельствамъ историческимъ: около середины XV в. честные великіе люди нанимаютъ „сборной, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ чловѣкъ, и бои замышляютъ и крови пролитія и души христіанскыя губять“. Дру-

„Звонъ колоколъ въ Новгородѣ“.

Ср. Русск. нар. пѣсни, *Шейна*, I, 568. Въ новгородской летописи подъ 1418 г. встрѣчается выраженіе „звонити“ (также „звонити вѣче“) въ смыслѣ съзванія вѣча: *Срезневскій*, v. s.

1) Немногочисленныя упоминанія собраны у *Майкова*, 71.

жина Василя Буслаевича, не робѣвшая ни передъ чарой, ни передъ дубиной, можетъ служить эпической иллюстраціей къ этимъ свидѣтельствамъ. Подъ 1418 г. лѣтопись говоритъ объ участіи въ боѣ (на вѣчѣ) одной женщины. „Это участіе женщины въ народной расправѣ приводитъ на память разсказъ былины о чернавкѣ, вмѣшавшейся въ бой Васильевой дружины съ новгородскими“. Замѣчательно, что и образъ женщины-воительницы (русской) приурочивается въ нашемъ эпосѣ къ былинѣ о Ставрѣ, имѣющей новгородскую основу. Мѣсто побоища—мостъ черезъ Волховъ—было дѣйствительнымъ мѣстомъ столкновѣнія партій въ XIV и XV вв. ¹⁾ Волховъ былъ границей между двумя сторонами; одну изъ партій составляли торговцы, а другую—ремесленники. Василій стоялъ на сторонѣ простонародной партіи (въ которой между прочимъ участвовала чернавка-портомошница, вѣроятно, лишь впоследствии сдѣланная служанкой именно Василя) противъ княжеской ²⁾, за которую издревле стояли купцы. Одинъ новгородскій князь, уходя въ первой половинѣ XIII в. въ Черниговъ, проситъ новгородцевъ пускать къ нему купцовъ ³⁾; Добрыня, испровергая въ Новгородѣ язычество, нашелъ на торговой сторонѣ сочувствіе своей чисто-княжеской миссіи, тогда какъ со стороны, населенной ремесленниками, встрѣтилъ кровопролитный отпоръ; замѣчательно, что преданіе о крещеніи новгородцевъ также упоминаетъ Волховскій мостъ, разрушенный ремесленниками, для того, чтобы Добрыня не могъ перейти на ихъ сторону ⁴⁾.

Борьба городскихъ партій отчасти выступаетъ въ сѣверной (можетъ быть, новгородской) былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ. Здѣсь высказывается сочувствіе бѣдному Хотѣну, желавшему жениться на дочери богатой и знатной вдовы, находившейся въ ближайшихъ отношеніяхъ съ княземъ. Хотѣнъ стоитъ на сторонѣ простого народа не какъ демагогъ въ родѣ Василя Буслаевича, но какъ небогатый горожанинъ, вышедшій самъ изъ народа. Когда вдова наняла войско и отправила его подъ предводительствомъ

1) *Ждановъ*, Русск. был. вѣд., 220, 251, 253, прим., 254—6, 261.

2) *Буслаевъ*, Нар. повѣд., 194.

3) *Аристовъ*, 176.

4) *Соловьевъ*, I, 171.

своихъ сыновей противъ Хотѣна, онъ побилъ ихъ и взялъ въ плѣвъ, войску же сказалъ:

«Вольна сила есть *наемная* ¹⁾—
Тронуть ее нечего».

Однимъ изъ учрежденій, въ которомъ особенно выразился демократическій складъ жизни древней Россіи, былъ праздничный пиръ въ складчину, называвшійся „братчиной, братшиной, братьщиной“ ²⁾. Неизвѣстныя на югѣ, братчины были въ употребленіи въ поволжскомъ районѣ, въ Полоцкѣ, Псковѣ и особенное значеніе имѣли въ городѣ, въ которомъ общественно-вѣчевая жизнь выразилась съ особенною силою,—Новгородѣ и его области. Вполнѣ естественно, что обѣ специально-новгородскія былины отмѣтили этотъ характерный обычай. Садко, начиная свою торговлю, вступаетъ въ общину купцовъ и платитъ „сысь немалую“ въ братчину-Никольщину; такимъ образомъ, начало купеческой карьеры связывается со вступленіемъ въ городскую общину, имѣющую подъ собой экономическую основу. Но Садко завершаетъ свою карьеру построеніемъ церквей и становится церковнымъ старостой; „около церквей могли группироваться мелкіе прихожане и поддерживать авторитетъ ихъ строителей“ ³⁾. Дѣйствительно, братчины устраивались прихожанами въ храмовые праздники, напр., въ Полоцкѣ въ 1159 г.—въ Петровъ день (29 іюня), и имѣли непосредственное отношеніе къ духовенству и монастырямъ: права братчинъ опредѣлялись не только князьями, но и митрополитами; игумены присутствовали на братчинахъ въ качествѣ почетныхъ и привилегированныхъ лицъ ⁴⁾; братчины нерѣдко устраивались въ монастырскихъ и митрополичьихъ селахъ. При церковномъ характерѣ братчинъ, вполнѣ естественно, что „старостами братчинъ“ ⁵⁾ бывали, во-

¹⁾ *Рыби*. IV, 46. Такова же дружина Василія Буслаевича, а также „ярыжки, люди наемные“ Садка. „Ярыжжина улица“ въ Новгородѣ упоминается въ лѣтописи подъ 1369 г. П. С. Р. Л. XI, 12.

²⁾ *Срезневскій*, v. s.

³⁾ *Буславъ*, Нар. поэзія, 193—4. Ср. подобныя постройки театровъ богачами въ древней Греціи.

⁴⁾ Грамота 1392 г.: „Сыпци дають по зобнѣ овса конемъ игуменовымъ“. *Срезневскій*, I. с.

⁵⁾ *Ждановъ*, ор. с., 205, 210.

преки мнѣнію проф. Жданова, именно церковные старосты, о которыхъ упоминаетъ былина Кирилъ Даннлова о Василии Бу-слаевичѣ. Согласно съ данными письменныхъ памятниковъ, упомянутая былина говоритъ о братчинѣ-Никольщинѣ, упоминаетъ о дракѣ по случаю братчины въ Петровъ день и намекаетъ на братчину „о Христовомъ дни“, т. е. на Пасхѣ; во всѣ эти праздни-ки дѣйствительно бывали братчины ¹⁾. Былины особенно упи-раютъ на то, что Василій является на пиръ незваннымъ и что его выталкиваютъ оттуда. Дѣйствительно, грамоты XV в. неодно-кратно повторяютъ, чтобы названные не ѣздили на братчины ²⁾, между прочимъ даже такія вліятельныя лица, какимъ былъ Ва-силій: „Туномъ и намѣстничьимъ людемъ на пиръ и на братчину незваннымъ не ходити; а кто пріѣдетъ къ нимъ на пиръ и на братчину незванъ, и они того вышлютъ вонъ безпенно ³⁾. Благо-годаря такимъ незваннымъ гостямъ и, вѣроятно, разнородности общественныхъ классовъ, присутствовавшихъ на братчинахъ, онѣ „часто сопровождались безчинствами, и на нихъ нерѣдко про-исходили драки и убійства“ ⁴⁾. Начинались они отъ игры въ ку-лачный бой, по—

«Отъ того бою отъ кулачнаго
Началася драка великая» ⁵⁾.

Митрополитъ Кирилъ называетъ (1274 г.) эти игры представле-ніями („позоры“), которыя совершаются со свистомъ, кличемъ и воплемъ; пьяницы бьются дрекольемъ ⁶⁾ до смерти. Гербер-штейнъ также называетъ новгородскія побоища „игрою“ ⁷⁾. Бы-

¹⁾ Современникъ, т. IXXXIII, отд. I, 83—4.

²⁾ Г. Квашинъ-Самаринъ (Бесѣда 1871 г., № 4, стр. 81) справедливо ви-дитъ въ „заватомъ“, котораго позовщикъ беретъ съ каждаго гостя по десяти рублей, обычай давать ссыпь. Что ссыпь могла быть не натурой, а деньгами, видно изъ словъ Садка, который обѣщаетъ „заплатить“ за принятіе его въ братчину ссыпь немалую. Въ концѣ XV в. упоминаются пошляпы за зазыва-ніе. См. выше.

³⁾ *Бьлозерская грамота 1488 г. Срезневскій*, I, с.

⁴⁾ Современникъ, I, с.

⁵⁾ *Кир. V, 17; Ждановъ*, ор. с., 205.

⁶⁾ Ср. „червленый вязъ“ у Василя и „шалыгу подорожаю“ у его крест-наго отца.

⁷⁾ *Ждановъ*, ор. с. 261—2.

лина выводитъ участникомъ побоища старца изъ одного монастыря, который, вѣроятно, въ позднѣйшихъ пересказахъ сдѣланъ крестнымъ отцомъ Василя, по смѣшенію съ крестовымъ братомъ, убитымъ расхोдившимся буяномъ ¹⁾. Монахи дѣйствительно могли участвовать въ побоищахъ, разъ они пировали на братчинахъ. Въ одномъ пересказѣ былины говорится, что Богородица вышла изъ монастыря и способствовала прекращенію боя; проф. *Ждановъ* ²⁾ основательно видѣлъ въ этомъ эпизодѣ воспоминаніе о томъ, что въ XIV—XV вв. побоище на Волховскомъ мосту прекращали архіепископы. Все это еще разъ свидѣтельствуешь о церковномъ характерѣ русскихъ братчинъ, новгородскихъ въ особенности. Свидѣтельство Герберштейна о томъ, что „каждый годъ, со времени введенія христіанства, въ Новгородѣ на мосту собираются люди и, раздѣлившись на двѣ партіи, убиваютъ другъ друга въ иртѣ“ ³⁾, вызываетъ предположеніе, не было ли новгородское побоище, соединявшееся съ церковными праздниками и братчиной, — ежегоднымъ воспоминаніемъ объ ужасномъ побоищѣ, также соединенномъ съ провозглашеніемъ господствующей церкви, когда, по словамъ преданія-пословицы, „Пугята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ“ ³⁾?

Относительно очерка государственнаго и общественнаго быта древней Руси можно замѣтить, что онъ представляетъ наиболѣе полный отдѣлъ моей статьи. Многія функціи княжеской власти и многія стороны дружиннаго быта представлены въ былинахъ ярко и содержательно. Объясняется это прежде всего характеромъ эпоса, въ которомъ выражается всегда общественное состояніе народа, въ противоположность лирикѣ, изображающей преимущественно его семейный бытъ. Но изъ моего очерка видно также, что городское мѣстное и сельское населеніе

¹⁾ Два убійства въ пересказахъ у *Рыби*. I, 343 и въ Бвл. б. 269.

²⁾ *Ждановъ*, ор. с., 262—3.

³⁾ О современныхъ остаткахъ братчинъ у крестьянъ см. Труды Этнографич. отд. И. О. Л. Е., А. и Э., кн. IX, стр. 145—9, въ статьѣ *Н. Н. Харузина*: „Изъ матеріаловъ, собр. въ Олон. губ.“, статьѣ, перепечатанной въ „Олонецкомъ сборникѣ“, вып. III (1894 г.); также Этнографич. Обзор. кн. XXVII, стр. 122. Быть можетъ, память о братчинахъ сохранилась въ пословицѣ: „Съ дуракомъ пива не сварить“.

остаются на второмъ планѣ, какъ въ княжескихъ, такъ и въ богатырскихъ былинахъ, что объясняется главнымъ образомъ средою, въ которой возникли эти былины. Необширный отдѣлъ нашего эпоса, сложившійся среди „посадскихъ мужиковъ“ (пѣсни о Щелканѣ) рисуесть городскую жизнь неполно, выдвигая на первый планъ купцовъ и вожаковъ буйной толпы, въ которой невозможно различить классы ремесленниковъ, земледѣльцевъ и др. Новгородскія былины только намекаютъ на широкое развитіе въ городѣ ремесленныхъ издѣлій, упоминая „холщевый рядъ“, „темный рядъ“, гдѣ лежатъ горшки; что эти издѣлія были мѣстнаго производства, показываютъ слова былины:

«Да бѣда на Садка—рядочки горшечные:
Скоро жгутъ да скорѣй того и дѣлаютъ»¹⁾.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Марковъ.

¹⁾ Кир. VII, Доп., 15. Вспомнимъ Гончарный конецъ.

Турецкія народныя пѣсни.

(Музыка, тексты и переводъ).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтомъ 1901 г. во время моего пребыванія въ г. Сочи, на кавказскомъ побережьи Чернаго моря, мнѣ пришлось познакомиться съ однимъ странствующимъ музыкантомъ изъ Константинополя, армяниномъ нѣкимъ Петросіанцемъ. Прежде чѣмъ добраться до Сочи, этотъ музыкантъ перебивалъ во многихъ городахъ и весяхъ какъ анатолійскаго побережья Малой Азіи, такъ и нашего кавказскаго берега, увеселяя въ кофейняхъ публику исполненіемъ на фисгармоніи разныхъ народныхъ пѣсень,—турецкихъ, греческихъ, армянскихъ и др., смотря по тому, какой національности публика преобладала въ той кофейнѣ, гдѣ онъ располагался со своимъ инструментомъ. Подыгрывая на фисгармоніи, онъ пѣлъ высокимъ, довольно пріятнымъ теноромъ, которымъ недурно владѣлъ, и искусство его, повидимому, чрезвычайно нравилось „туземной“ (т.-е. нерусской) сочинской публикѣ. Прослушанныя однажды мною въ исполненіи этого пѣвца разныя турецкія пѣсенки заинтересовали меня своей оригинальностью, и, узнавъ, что у этого странствующаго музыканта имѣется нѣсколько толстыхъ тетрадей съ нотными записями всѣхъ исполняемыхъ имъ пѣсень, а также съ текстами къ нимъ, я попросилъ его показать мнѣ свой репертуаръ. У него оказалось очень обширное собраніе пѣсень какъ чисто народныхъ (насколько можно было судить по тексту), такъ и болѣе или менѣе искусственныхъ,—пѣсень самыхъ разнообразныхъ національностей: болѣе всего было

турецкихъ и греческихъ, затѣмъ армянскихъ, грузинскихъ, нѣскольکو болгарскихъ и др. „Весь этотъ репертуаръ, говорилъ мнѣ Петросіанецъ, — я собиралъ понемногу всю жизнь; какъ только, напр., появится въ Стамбулѣ какая-нибудь новая пѣсня, я сейчасъ-же или самъ ее записываю или переписываю у своихъ пріятелей - музыкантовъ; большая часть этихъ народныхъ пѣсень нигдѣ не напечатана, и въ Стамбулѣ лишь случайно можно ихъ списать у какого-нибудь любителя или профессиональнаго пѣвца“.

Не будучи специалистомъ въ музыкѣ, а тѣмъ болѣе въ столь еще мало изслѣдованной музыкѣ восточной, я, разумѣется, не могъ судить о доброкачественности музыкальныхъ записей Петросіанца. Личное-же мое впечатлѣніе, а также другихъ моихъ знакомыхъ, вынесенное отъ знакомства съ Петросіанцемъ, было очень благопріятное: онъ представлялъ интересный типъ странствующаго пѣвца, очень толковаго музыканта, увлеченнаго своимъ ремесломъ. Какъ природный стамбулецъ, онъ казался хорошо знакомымъ съ турецкой музыкой; долготѣνια его музыкальная практика (на видѣ Петросіанцу было лѣтъ 55) сдѣлала изъ него опытнаго исполнителя османскихъ пѣсень, и кофейня въ Сочи, въ которой онъ засѣдалъ, всегда была переполнена сочинскими турками, которымъ пѣніе Петросіанца доставляло нескрываемое удовольствіе. Я рѣшилъ не упускать удобнаго случая, и по совѣту проф. А. Е. Крымскаго, проживавшаго въ это лѣто также въ Сочи и имѣвшаго прежде возможность слышать достаточное количество анатолійскихъ и константинопольскихъ пѣвцовъ, репертуаръ которыхъ, по его словамъ, значительно уступалъ репертуару Петросіанца во всѣхъ отношеніяхъ, попросилъ Петросіанца, отобравъ для меня десятка два *настолицихъ* турецкихъ народныхъ пѣсень, ихъ мнѣ переписать. Музыкантъ вполне понималъ мое желаніе, и, переписавъ для меня печатаемыя ниже пѣсни, вручилъ ихъ мнѣ, ручаясь за ихъ народность и за то, что языкъ ихъ есть самый простой и грубый турецкій (каба туркдже). Тексты-же къ пѣснямъ онъ мнѣ записалъ въ армянской транскрипціи, которая, по его мнѣнію (совершенно справедливому), болѣе пригодна для турецкаго языка, чѣмъ арабская азбука.

Текстъ издаваемыхъ мною пѣсень, какъ выяснилось потомъ, оказался довольно любопытнымъ; именно, многія пѣсни находятъ себѣ варианты въ изданныхъ П. Куношемъ (Будапешть, 1889 г.

т II) образцахъ народной османской поэзіи, и этимъ еще болѣе подтверждается ихъ народный характеръ. Большой сравнительно искусственностью отличается только языкъ пѣсни № 18, гдѣ встрѣчаются примѣры такъ называемаго персидскаго изафета, т. е. персидскаго способа соединенія предшествующаго существительнаго съ послѣдующимъ прилагательнымъ, что указываетъ на „высокій стиль“.

Большой популярностью пользуется „писарская“ пѣсня № 9, которая распространена, повидимому, по всему побережью Чернаго моря; по крайней мѣрѣ мнѣ приходилось ее слышать и въ Крыму и на Кавказѣ, а кромѣ того, даже на берегахъ Каспія среди азербейджанскаго населенія; разумѣется, и въ Константинополѣ она — изъ чрезвычайно распространенныхъ.

Большинство пѣсней безымянныя; лишь относительно 6 изъ нихъ Петросіанецъ могъ мнѣ сообщить имена лицъ, *записавшихъ* ихъ, у которыхъ, въ свою очередь, онъ ихъ переписалъ. Это, именно, №№ 6, 12, 14, 16, 18 и 20.

Надъ каждой пѣней Петросіанецъ техническими терминами, принятыми въ восточной музыкѣ, обозначилъ ея тональность и темпъ (тембо, усул). Объясненія нѣкоторыхъ изъ этихъ терминовъ (напр., аширанъ, мохайыръ, хиджазъ, растъ) можно найти въ трудѣ Kiesewetter'a о музыкѣ арабовъ ¹⁾ равно какъ у Козегартепа въ его латинскомъ введеніи къ изданію Дивана Хозейлитовъ.

Что касается транскрипціи, принятой мною для текстовъ, то я ввожу въ нее лишь самыя необходимыя для выраженія звуковъ турецкаго языка буквы латинскаго и греческаго алфавита, — именно, — франц. h и l, причеъ l (мягкое л), слѣдуя ак. Радлову, ставлю вездѣ, гдѣ оно звучитъ мягко, этимъ избѣгая необходимости употреблять наше ь; въ комплексахъ ю, я, ё — я всегда выдѣляю j. Далѣе употребляю буквы ü и ö, которыя приблизительно выражаютъ французское u и eu; греческой гаммой (γ) я выражаю такъ называемый гайпъ, соотвѣтствующій звуку Γ въ русскомъ словѣ „Богъ“; въ турецкомъ языкѣ гайпъ не такой глубоко заднепечный звукъ, какъ въ арабскомъ, и греческая гамма его передаетъ всего лучше. Носовое n — я обозна-

¹⁾ Kiesewetter: Die Musik der Araber, Lpz. 1842.

чаю черезъ ѣ. Буква е текстовъ—есть обыкновенное европейское е, которое, поэтому, въ началѣ слова ни въ какомъ случаѣ не должно читаться какъ русское е, а всегда какъ э ¹⁾.—Удареніе въ турецкомъ языкѣ, по общему правилу, падаетъ на послѣдній слогъ; тамъ, гдѣ этого не бываетъ, я ставлю удареніе. Что касается турецкихъ словъ, попавшихъ и въ русскій переводъ, то въ начертаніи ихъ я избѣгалъ и этихъ немногихъ правилъ и выражалъ ихъ обыкновеннымъ русскимъ алфавитомъ.

Въ переводѣ я старался какъ можно ближе слѣдовать тексту; мѣста, не совсѣмъ ясныя—я отмѣчалъ въ примѣчаніяхъ.

Быть можетъ, издаваемые пѣсни привлекутъ къ себѣ вниманіе специалистовъ, которые и выскажутъ относительно ихъ доброкачественности свое компетентное мнѣніе. Во всякомъ случаѣ, мнѣ думается, что изданіе нѣсколькихъ пѣсенъ народа, о музыкѣ котораго у насъ до сихъ поръ извѣстно *so viel wie nichts*, не можетъ быть дѣломъ совершенно бесполезнымъ ²⁾.

Въ заключеніе считаю нужнымъ выразить свою благодарность проф. А. Е. Крымскому, которому принадлежит инициатива въ приобрѣтеніи этихъ записей, гг. преподавателямъ Лазаревскаго института Церуньяну и Теръ-Саргсянцу, дешифровавшимъ для армянскую транскрипцію пѣсенъ, и, болѣе всего, преподавателю музыки въ институтѣ г. Никкари, который любезно взялъ на себя трудъ переписать для печати нотныя записи Петросіанца.

¹⁾ Различныя отгѣнки турецкаго е—я не считалъ нужнымъ отмѣтить.

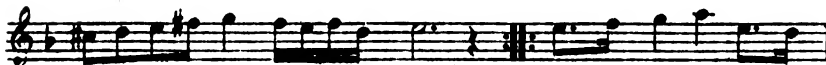
²⁾ Любопытно было-бы, напр., сравнить эти османскія пѣсни съ многочисленными образцами пѣсенной литературы разныхъ инородцевъ тюркскаго племени, обитающихъ въ предѣлахъ Россіи, о музыкѣ которыхъ уже накопилась обширная литература (см. у Рыбакова: Музыка и пѣсни уральскихъ мусульманъ, Спб. 1897 г., приложенный въ концѣ указатель литературы инородческихъ пѣсенъ).

№ 1. Шарны кўрдў, тембо тек софјан.

Andante.

беј оу лу вув ко нак ла ры

бен зер са ра ја се киз са а тын
аһ беј оу лу ваһ

и чин де јан ды д'ондў тир ла ја
беј оу лу јан ды јан ды кўл ол ду.

№ 2. Шарны һиджаз тембо дўрек.

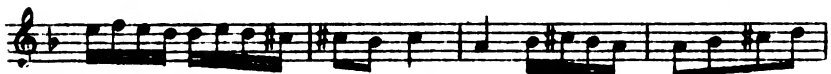
аһ һаһи ме дир кы зын а ды һа ли ме

гелсе бак са шу бе ним де һа ли ме

јан дым ге лин о ла сы гел ја ны ма

ли ра ла ры ди же јим гер да ны на

Этнографическое обозрѣніе.

№ 3.

Шарны јумшан, усулы дүрек.

Andante.

Шаркы түркү мунајир, усулы софјан.

№4.

Этнографическое обозрѣніе.

Шарны аджем аширан, усулы софжан.

№ 5.

Шарни һүзам, тембо чифте софжан, (кеменчеджи

№ 6.

јани устанни.)

№7. Шарны һүзам, тембо чифте софјан.

Чы ка јым ги де јим а ман дәулар да
 ба шы на чы ка јым ги де јим
 а ман дәулар да ба шы на де јир
 мен лер дѣн сүн чешмим ја шы на
 а ман да һа не лер ге лир ге чер карибде
 ба шы ма да һа не лер ге лир
 ге чер карибде ба шы ма буна да
 ао ман јан ды сүсүлү е лен ко а ман

Этнографическое обозрѣніе.

Шарны пиджаз, тембо чифте софжан.

№8.

Moderato.

Ка ле ди би о аз о лур гүл а чы зыр
 јаз о лур бен ја ры ме гүл де мем
 гүл үн 6м рү аз о лур аһ
 аһ о бер бер оу дан оу дан о бе јаз оу
 дан оу дан кој ну ма до дан

№9.

Шарны неһавенд, тембо дүрөк.

Үс кү да ра ги дер и кен бир мен дил буз
 дум мен ди лин и чин е
 ше кер дол дур дум бен ја ры мы
 а рар и кен кој нум да буз дум

Турецкія народныя п'есні.

№10. Шарны јумшан, тембо чифте софјан.

Moderato.

Шаркы тембо дурен мунаѣир, кӱрдӱ.

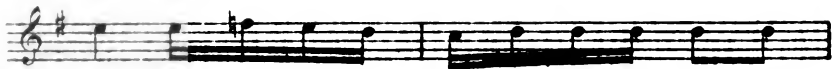
№11.

Moderato.

А кы зым ба на кӱ пе а ла жым мы

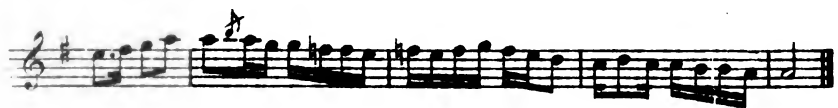
жок ба ба джы ҫым жок жок жок са кыз да гӱр дӱм

мер ду ми ба ба би ле ме дин

дер ды ми жок ба ба джы ҫым жок

Канто Чобан, (набет варпети костадинопольныи.)

№12. INTRODUCTION.

Allegro.

Canto.

А жыб да ман бе ни доот лар

ја ре банд ол дум ја

нуп пер ва не лер ги би.

дер де д'ш ол дум дум кен

ди на лим де ге зер кен ди ва нен ол

дум а бе ним том бул чо ба ным

са на кул ол дум

INTRODUCTION.

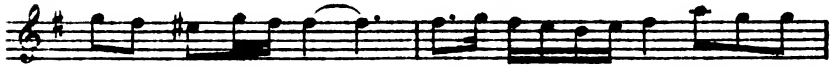

Шарны нузам, тембо чифте софжан.

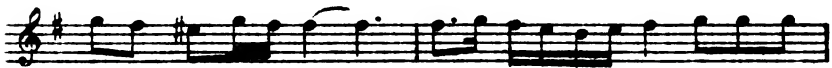
№13.

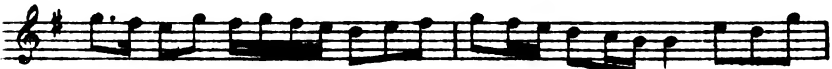
Са на да жапды ра јым на джі јем а ман фил

ди ши та рак фил ди ши

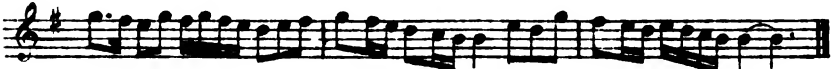
та рак та ра да

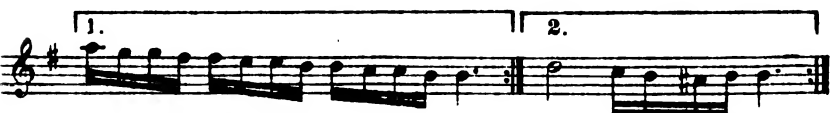
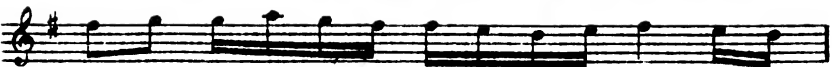
кја кѹл ле ри ни на джі јем а ман бир ја

на бы рак та ра да

кѹа кѹл ле ри ни на джі јем а ман бир ја на бы рак

Турецкія народныя п'есні.

Шаркы јумшан, тембо чифте софјан; (шевкы бејин.)

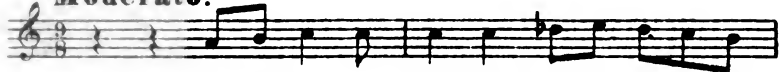
№14.

Этнографическое обозрѣніе.

№15. Шаркы сабаһи, тембо чифте софјан.

Moderato.

јүк сек те пе лер ден ат ла ја ма
за лым дүш ман ла ры һак ла ја ма

дым дым јүк сек те пе лер ден ат ла ја ма
за лым дүш ман ла ры һак ла ја ма

дым дым си lah la рым дүш дү топ ла ја ма
ан не бен ву рул дум о на ја на

дым си lah la рым дүш дү топ ла ја ма дым
рым те кир деү лы дже мил беј ден им дал ума рым

Шаркы бесте нигъар, тембо чифте софјан, (нашим бејни.)

№16.

Медж бур ол дум бен бир гү ле

шим ди дүш дүм диі ден ди ле

шим ди дүш дүм диі ден ди ле

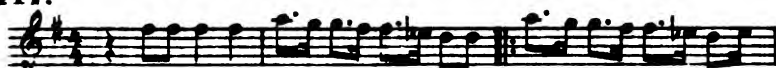
фыр сат бул сам ал сам е ле

бен си рыл сам ши дже бе ле

№17. Шаркы пиджаз, тембо дүрек, нанај.

Шуге мивни ал ты даш лык се фа гел дин

кәр даш лык

сормака јыб олмасын ба лам

дже бин де вар мы хардж лык

а ман а ман ны нај ку зум джанын на нај бен јан дым

са ры са ры сач лым ма ви де гөз лүм

јар оснив и чүн аү ла рым

еј ваһ еј ваһ на нај ку зум джанын

Шарны нехавенд, (Аксак Ариф бејин.)

№18. *Andante.*

Вак феј ле јин аш ки
 дві да ре гөј гөј нү
 мў ла јык гө рен јар
 и мши а за за
 ре гөј нү мў ————— дү чар
 е ден до та ла хи ку
 ја ја ре гөј нү мў
 ичч ди ки мин ле еј ле
 јим а
 ва ре гөј нү мў

№19. Канто араб, кабак.

Moderato.

Ка бак та бој ну ма та ка - рым

Үам мў миһ не ти а та рым из ни

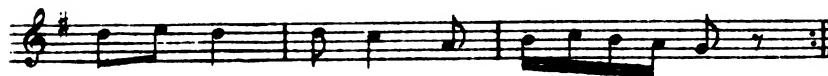
ниә о лур и се он зе ка бак ча ла рым

бу ги же ка дин га дин га дин га дин га

ла еј ба ди са ба дин ка бак

Шарны түркү, тембо софжан, расд, (рифат бейин.)

№20. Moderato.

Кар лы да үы аш тым гел дим ашк о ду

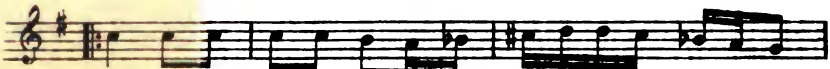
на дүш дүм гел дим бен жар не бу лаш дум гел

дим бен гөј нү мү ав дыр

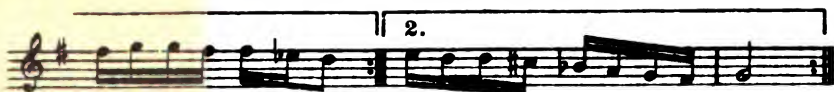
дым гүл бен зи ми сол дур дум

наз лы джа жар ден ај рыл дим

лау ла ра дүш дүм гел дим

Т е к с т ы.

I.

- а. Беј оґлунун конаклары
 Бензер сараја,
 Секиз саатын ичинде
 Јанды, дөндү тарлаја.

НАКАРАТ.

Ah беј оґлу, ваh беј оґлу,
 Јанды, јанды күі олду.

- б. Беј оґлунун биналары
 Таш де јапусу,
 нем ардындан, нем үстүнден
 Вар дыр чифте капусу.
- с. Беј оґлунун ортасында
 Бир мермер дирек,
 Јанды бешик чоджуклары,
 Пасыл дајансун јүрек?
- д. Акыттым гөзүм јашыны,
 Дерја су олду,
 Акыттым чешмим јашыны,
 вендеклери кап долду.

ПЕРЕВОДЪ ¹⁾.

Зданія въ Бей оглу ²⁾
 Похожи на дворцы,

¹⁾ Другой вариантъ этой пѣсни см. въ изданныхъ Куношемъ образцахъ народной османской словесности (*Ozmañ tögük* и т. д., *Budapest*, 1889 г.), въ томѣ 2-мъ, стр. 376; далѣе цитируя Куноша, я буду ссылаться только на этотъ томъ.

²⁾ Бей оглу—европейская часть Стамбула, т. н. Пера. Г. Церуньянъ, практикантъ турецкаго языка въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института, передавалъ мнѣ, что помнитъ большой пожаръ, уничтожившій Перу, послѣ котораго тотчасъ и появилась въ разныхъ вариантахъ эта пѣсенка. Если память ему не измѣняетъ, этотъ пожаръ случился въ 1870 или 1871 году.

Въ теченіе восьми часовъ
Они сгорѣли, превратились во вспаханное поле.

П Р И П Ѣ В Ъ .

Ахъ Бей оглу, вахъ Бей оглу.
Сгорѣлъ, сгорѣлъ, пепломъ сталь.

Постройки въ Бей оглу
Сдѣланы изъ камня,
И позади и впереди
У нихъ есть створчатыя двери.
Посреди Бей оглу
Есть мраморная колонна;
Сгорѣли и дѣти въ колыбеляхъ,
Какъ же перенести это сердцу?
Пролилъ я слезы изъ глазъ,
Цѣлое море воды образовалось,
Пролилъ я слезы изъ очей,
Канавы наполнились кровью ¹⁾.

II.

а. Ah halime'dir кызын ады, halime,
Gelce, бакса шу беним де halime ²⁾.

Н А К А Р А Т .

Яндым, гелин оласы, gel јаныма,
Лиралары дизѣјим герданына.
Валлаһ, биллаһ, кыјарым джаныма,
Ölüрүм, гирмем канына.

¹⁾ Т.-е. кровавыми слезами. Известное восточное выраженіе—„плакать кровью“, и „проливать кровь сердца или печени“ и т. п.

²⁾ Игра словъ: „halime“—„на мое положеніе“ и „halime“—женское имя.

- b. халиме кыз баучелерде гезејор,
Деликанлары јан јана сүзејор.
с. халимеји саманлыкда басдылар,
Чебгенини чам далине асдылар.

ПЕРЕВОДЪ.

Ахъ, Халиме—имя той дѣвушки... Халиме!
Пришла бы, посмотрѣла она на это мое положеніе!

ПРИПѢВЪ.

Сгорѣлъ я съ тѣхъ поръ, какъ ты стала невѣстой, приди ко мнѣ,
Хочу я нанизать червонцы на твою шею.
Валлахъ, билляхъ, не пощажу я своей души,
Умру я, но не стану его ¹⁾ убивать.

Халиме-дѣвушка гуляетъ въ садахъ,
И, проходя бокъ о бокъ, пристально разглядываетъ юношей.

Халиме растоптали въ саманникъ,
А кофточку ²⁾ ея повѣсили на сосновый сукъ.

III.

- a. Алишмин кашлары кара, еј аман,
Ah, сен ачдыч синеме јара,
Ah, буламадым дердима чаре.

НАКАРАТ.

Гѳрмедим бен вај дживан Алиш
Имди Туна бојунда.

- b. Евлери вар јол башында,
Бенлери вар сол кашында,
Сарымадым гендж јашында.

¹⁾ Соперника..

²⁾ „Чепкен“ или „чепген“—коротенькая кофточка съ открытыми рукавами.

- с. Капусу капума каршы,
Сокаклары мермер ташы,
Сен син гүзелерин башы.
д. Евлери вар хане-хане,
Бенлери вар тане-тане,
Сармадым јане-јане ¹⁾).

ПЕРЕВОДЪ.

Брови у моего Алиша черныя, эй аманъ,
Ахъ, ты открылъ въ моей груди рану,
Ахъ, не могла я найти средства для моего горя.

ПРИПѢВЪ.

Увы, такъ и не увидѣла я тебя, мѣлодецъ Алишъ,
Вдоль по всему теченію Дуная ²⁾).

Его дома въ началъ дороги,
Родимыя пятнышки у него на лѣвой брови,
Не могла я его обнять въ его юномъ возрастѣ.

Его дверь противъ моей двери,
Его улицы изъ камня-мрамора,
Ты—глава всѣхъ красавцевъ.

Его дома—все домъ къ дому,
Его родимыя пятнышки—родинка къ родинкѣ,
Не могла я прижаться къ нему бокъ ѓ бокъ!

IV.

а. Деве јүксек, атмадым уруаны, вај.

¹⁾ Срв. — Куношъ, 295 стр.: „евлери вар хане-хане“ и т. д.

²⁾ Смыслъ этого мѣста для меня не совсѣмъ ясенъ.

НАКАРАТ.

Елифлерин ајлама,
 Караларып баллама,
 Беним ичүн аўлама,
 Назлы-да Рѳза ханымъ, саллан-да, гел.
 Елифлерин индже,
 Топукларып иридже,
 Сарамадым бир гидже,
 Назлы-да Рѳза ханым, саллан-да, гел.

- в. Үшүдүкдже чек башына јорүаны, вај.
 с. Сусадыкджа вер аўзыма герданы, вај.

ПЕРЕВОДЪ.

Верблюдь высокъ, не могъ я забросить на него веревки, вай!

ПРИПѢВЪ.

Не изгибаи своихъ бровей ¹⁾,
 Не закрывай своихъ черныхъ [очей] ²⁾,
 Изъ-за меня не плачь,
 Изящная Роза ханымъ, покачиваясь, подойди ты ко мнѣ.
 Твои брови тонки,
 Твои лодыжки толстоваты,
 Не могъ я тебя обнять даже одну ночь,
 Изящная Роза ханымъ, покачиваясь, подойди ты ко мнѣ.

Когда холодно, ты натяни на голову одѣяло, вай!

Когда я жажду, прижмись къ моему рту своей шеей, вай!

¹⁾ Въ текстѣ сказано — „своихъ элифовъ“. Элифъ — названіе первой буквы арабской азбуки; съ примымъ начертаніемъ элифа иногда (какъ здѣсь) сравниваются брови. Впрочемъ, чаще элифомъ въ поэзіи называютъ носъ красавицы.

²⁾ Можно, пожалуй, перевести и такъ: „не надѣвай черныхъ одѣждъ“ т. е. траура.

V.

Алтын тасда гүл куруттум, аһ һаным,
 Жары синемде ујуттум,
 О сөјледи, бен унуттум.

НАКАРАТ.

Гөнүл үлфетини булду,
 Сачы-Lejlaја вурулду ¹⁾.

ПЕРЕВОДЪ.

На золотомъ блюдѣ засушилъ я розу, ахъ, ханымъ,
 Подругу я усыпилъ на своей груди,
 Она что-то сказала, я позабылъ.

ПРИПѢВЪ.

Сердце нашло своего друга ²⁾,
 Плънилось темноволосой красавицей ³⁾.

¹⁾ Дальвѣйшія два четверостишія см. у Куноша, у котораго на стр. 263, подъ № 14 мы находимъ ту же самую пѣсню.

²⁾ Букв. — „свое дружество“.

³⁾ Въ текстѣ стоитъ не совсѣмъ для меня понятное выраженіе „сачы-Lejla“ которое я перевожу приблизительно по смыслу — черезъ „темноволосая красавица“. Имя соб. черноволосой Лейлы уже давно на Востока стало нарицательнымъ и можетъ обозначать просто возлюбленную, красавицу; первоначальное же арабское значеніе этого слова — ночь. Выраженіе „сачы-Lejla“ можетъ поэтому значить: „волосы ея — это ночь“, или „это Лейла“, т. е. темны, какъ ночь, или черны, какъ у Лейлы. Взятое какъ прилагательное, — это выраженіе тогда переводится черезъ „темноволосая“. Случай, когда цѣлое законченное предложевіе, выражалъ к. п. одно качество, переводится просто прилагательнымъ, въ турецкомъ языкѣ, очень обычны, срв. напр., „аклы јок адам“ — ума у него нѣтъ человекъ = глупый человекъ и т. п. Венгерскій переводъ Куношемъ выраженія „сачы-Lejla“, къ сожалѣнію, мнѣ недоступенъ.

VI.

- а. Гөнүл вердим бир дживане,
Дердинден олдум диване,
Гел ефендим, гирме кане.

НАКАРАТ.

Бен сени вермем дживане.

- в. Сырма сачлы бир дживан дыр,
Гөрмежелн чок земан дыр,
Ашыкын хали жамап дыр.

ПЕРЕВОДЪ.

Отдать я сердце молодой красоткѣ,
Страдая по ней, я стать безумнымъ,
Приди же, эфендимъ, не убивай меня.

ПРИПѢВЪ.

Я не отдамъ тебя за цѣлый мѣръ.

Она—бѣлокурая молодая красотка,
Съ тѣхъ поръ, какъ я ея не видѣлъ, много прошло времени,
Плохо состояніе чловѣка влюбленнаго!

VII.

- а. Чыкѣјым, гидѣјим—аман—даулар да башына,
Дејирменлер дѣнеуѣн чешмим жалына,
Даһа нелер гелир, гечер кариб ¹⁾ де башыма ²⁾.

¹⁾ Вулг. вѣсто „уариб“.

²⁾ См. вариантъ у Куноша, стр. 264, № 16.

НАКАРАТ.

Буна да асман јанды
Сүселү Елени, аман!

ПЕРЕВОДЪ.

Выйду, пойду я, — аманъ, — на вершину горъ,
Пусть мельницы начнутъ работать отъ потока слезъ моихъ очей,
Что-то еще приключится съ моей бѣдной головушкой!

ПРИПѢВЪ.

Отъ всего этого даже небо сгорѣло,
О моя разукрашенная Елена, аманъ!

VIII.

а. Kale дибн саз олур ¹⁾,
Гүл ачылыр, јаз олур,
Бен јариме гүл демем,
Гүлүн өмрү аз олур.

НАКАРАТ.

Аһ, о бербер оулан, оулан,
О бејаз оулан, оулан,
Којнума долан.

б. Гемилерде талим вар,
Тулумбаджы јарим вар,
һич бир јарден гүлмедим,
Не талесиз баным вар!

¹⁾ Срв. вариантъ у Куноша. стр. 195 № 82.

- с. Јүзүм којдум сепете,
 Јар отурмуш тепеде,
 Öjle бир јар севѣрним
 Хап олсун мемлекете.
- д. Баүчеје кузу гирди,
 Араја музу ¹⁾ гирди,
 Анасы арар икен
 Кызы којнума гирди.

ПЕРЕВОДЪ.

У подножія крѣпости растеть тростникъ,
 Распускается роза, наступаетъ лѣто;
 Я свою милую не назову розой,
 Жизнь розы коротка.

ПРИПѢВЪ.

Ахъ, этотъ юноша цирюльникъ,
 Ахъ, этотъ бѣлый юноша!
 Прижмись къ моей груди.

На корабляхъ происходитъ ученье,
 У меня есть другъ пожарный,
 Ни отъ одного друга не пришлось мнѣ смѣяться,
 Что за несчастная у меня головушка!

Положила я виноградъ въ корзинку,
 Милый сидитъ на холмѣ,
 Такого я друга хочу любить,
 Чтобы онъ былъ ханомъ въ государствѣ.

Въ садъ вошла овечка,
 Въ это время вошелъ туда [и ея] мучитель ²⁾,

¹⁾ Вульгарно, вмѣсто „музи“; срви. у Куноша, стр. 190 № 55.

²⁾ Быть можетъ, впрочемъ, нѣтъ необходимости добавлять въ русскомъ переводѣ слова „и ея“, если понимать этотъ стихъ въ томъ смыслѣ, что „мучитель“—это сама овечка, т. е. „мучитель сада“. А. Кр.

Въ то время какъ мать ее искала,
Дочь пришла ко мнѣ на грудь.

IX.

- а. Ёскѹдара гидѣр-кен бир менди! булдум,
Мендилин ичине шекер долдурдум,
Бен жарымы арар икен којнумда булдум,

НАКАРАТ.

Къатиб ¹⁾ беним, бен къатибин,
Е! не карышыр?
Къатибиме елмас јѹзѹк
Не гѹзел! якышыр!

- б. Къатиб терзи дѹканында на!то бичѣјор,
Мезеси елинде рақы ичѣјор,
Къатибин гѹјнѹнден нелер гечѣјор!
с. Ёскѹдара гидер икен алды да бир јаѹмур,
Къатиб ујкудан ујалмыш гѹзлери маѹмур,
Къатибин сетриси узун жакасы самур ²⁾.

ПЕРЕВОДЪ.

Идя въ Скутари, я нашла платокъ,
Платокъ я наполнила сахаромъ,
Ища своего милаго, я его нашла у себя на груди.

ПРИПѢВЪ.

Писарь принадлежит мнѣ, а я — писарю,
Чего же вмѣшиваются посторонніе?

¹⁾ Произносится „кѹтиб“; для того, чтобы не вводить педстрочнаго знака для смягченія звука к и г, я предпочелъ выразить смягченіе посредствомъ ъ.

²⁾ Ср. варіантъ этой широко распространенной „писарской“ пѣсенки, Куношь стр. 276 (№ 32) и стр. 319 № 93.

Какъ хорошо идетъ къ моему писарю
Алмазное кольцо!

Писарь въ лавкѣ портного кроить пальто,
Въ рукѣ онъ держитъ закуску и пьетъ ракію,
Ахъ, что только не происходитъ въ сердцѣ писаря!

Когда я шла въ Скутари, пошелъ дождь,
Писарь проснулся, глаза у него томные,
У писаря сюртукъ длинный, а воротникъ соболій.

X.

- a. Зейбеклер де гезер баулар башында,
Ефеджім гендж дир, он үч, он дөрт јашында,
Бу гүзелик олмас елмас ташында.

НАКАРАТ.

Ефеджім гендж дир, он үч, он дөрт јашында.

- b. Чыкылар мы о бајырлар, о јерлер,
Нерде олса елбет бизи де тутарлар,
Ефем сојра сана, бана кыјарлар.

ПЕРЕВОДЪ.

Зейбеки ¹⁾ бродятъ по вершинамъ горъ,
Мой милый эфе ²⁾ молодеъ, ему 13—14 лѣтъ,
Не бываетъ такой красоты и въ алмазномъ камнѣ.

¹⁾ Зейбеки—тюркское племя, потомки первыхъ ордъ, вторгнувшихъ въ Малую Азію; живутъ на западѣ Малой Азіи въ горахъ, около Айдыпа, славятся своимъ удалствомъ и богатымъ вооруженіемъ (см. Élisé Reclus, *Nouv. Géogr. Univers.* IX, 540).

²⁾ „Эфе“—терминъ, соответствующій, повидимому, у зейбековъ турецкому „ефенди“—господинъ, сокращеніемъ котораго онъ, повидимому, и является. „Эфе“, повидимому, возможно переводить и словомъ „удалець, джигитъ“, припня его къ представителямъ разбойничьихъ тюркскихъ племенъ, въ родѣ зейбековъ; срв. Куношъ, 321 № 95, узун олур ефелерин пычауы—длинные ножи у эфе.—Любопытно, что сѣверно-сирійскіе арабы вазываютъ курдовъ сейидами; ейидъ—по-арабски—господинъ.

П Р И П Ѣ В Ъ .

Мой милый эфе молодъ, ему 13—14 лѣтъ.

Развѣ можно взобраться на эти склоны, на эти мѣста?
Гдѣ бы ни было, непременно насъ поймаютъ,
Затѣмъ, мой эфе, ни тебя, ни меня не пощадятъ.

X I .

а. А кызым, сана кѹне алѣјым мы?
Жок, бабаджыұым, жок!

Н А К А Р А Т .

Саказыда гѹрдѹн мердѹми ¹⁾,
Баба билѣмдин дердими,
Жок, бабаджыұым, жок!

б. А кызым, сана шекер алѣјым мы?
Жок, бабаджыұым, жок!

с. А кызым, сана јѹзѹк алѣјым мы?
Жок, бабаджыұым, жок!

д. А кызым, сана коджа алѣјым мы?
Ал, бабаджыұым, ал!
Саказыда гѹрдѹн мердѹми,
Баба шимди билдин дердими,
Ал, бабаджыұым, ал! ²⁾

П Е Р Е В О Д Ъ .

Дочь моя, не купить ли мнѣ тебѣ серьги?
Нѣтъ, батюшка, нѣтъ!

¹⁾ Не совсѣмъ ясно. Саказ—м. б. городъ въ зап. Персїи, почти на границѣ Азербейджана и Ардилапа.

²⁾ Другіе варїанты, см. Купошъ, 387, № 12.

ПРИПѢВЪ.

Ты вѣдь видѣлъ, батюшка, въ Сакызѣ людей?
 Какъ же ты не догадался, въ чемъ мое горе?

Дочь моя, не купишь ли мнѣ тебѣ сахару?
 Нѣтъ, батюшка, нѣтъ!

Дочь моя, не купишь ли мнѣ тебѣ кольцо?
 Нѣтъ, батюшка, нѣтъ!

Дочь моя, не взять ли мнѣ для тебя мужа?
 Возьми, батюшка, возьми!

Въ Сакызѣ ты вѣдь видѣлъ людей,
 Батюшка, ты узналъ теперь, въ чемъ мое горе.
 Возьми, батюшка, возьми!

XII.

а. Ајыбламан бени, достлар,
 Јаре бенд олдум,
 Јанун перванелер гиби
 Дерде дѹш олдум.
 Кенди һалимде гезер-кен
 Диванен олдум.

НАКАРАТ.

А, беним томбул чобаным,
 Сана кул олдум.

в. Бен һалими арз ејледим,
 А гѹзел, сана,
 Еј апыклар, һиммет едиц,
 Рам олсун бана!
 Гечмем сенден, биби јарым,
 Асла дѹнјада.

ПЕРЕВОДЪ.

Не упрекайте меня, друзья,
 Я сталъ плѣнникомъ милой,
 Сгорѣлъ я, подобно бабочкамъ ¹⁾,
 Моимъ удѣломъ стало страданіе,
 Разгуливая прежде беззаботно,
 Я теперь сталъ безумнымъ отъ любви къ тебѣ.

ПРИПѢВЪ.

О, мой пухленькій пастушокъ,
 Я стала твоей рабой!

О своемъ положеніи я доложилъ
 Тебѣ, красотка,
 О, влюбленные, постарайтесь,
 Чтобы она мнѣ покорилась,
 Не могу я отказаться отъ тебя, биби, моя подруга,
 Ни за что на свѣтѣ!

XIII.

- а. Сана да јапдырајым ²⁾, Наджіем, аман,
 Фил диши тарак,
 Тара да кякүлерини, Паджіем, аман,
 Бир јана бырак.
- б. Сана да јапдырајым, Наджіем, аман,
 Атлаздан фистан,
 Ёстүнде јапдырајым, Наджіем, аман,
 Семаји дестан.

¹⁾ Известный поэтический образъ у персидскихъ и турецкихъ поэтовъ: бабочка, всей душой стремясь къ свѣту свѣчи, попадаетъ въ ея пламя и сгораетъ.

²⁾ См. варианты у Куноша, стр. 388, № 13.

- с. Сен бѳје дејил идин, Наджіем, аман,
 Ким сенин устан?
 Гѳксѳ де чапраст дѳјмелим, аман,
 Сен киме јандын?
- д. җурбете гидени, Наджіем, аман,
 Гелмез ми, сандын?
 Маһбусда јатаны, Наджіем, аман,
 Чыкмаз мы, сандын?

ПЕРЕВОДЪ.

Я тебѳ закажу, моя Наджіе,
 Изъ слоновой кости гребенку,
 Причеши свои кудри, моя Наджіе,
 И откинь ихъ на бокъ.

Я тебѳ закажу, моя Наджіе,
 Атласное платье,
 А сверху для него закажу, моя Наджіе,
 Голубого цвѳта рукава.

Ты не такая была раньше, моя Наджіе,
 Кто же твой учитель?
 О, ты, на чей груди слѳва на-право идетъ рядъ пуговиць,
 По комъ сгорѳло твое сердце?

Кто ушелъ на чужбину, неужели, моя Наджіе,
 Ты подумала, что онъ уже не вернется?
 Кто лежитъ въ тюрьмѳ, неужели, моя Наджіе,
 Ты подумала, что тотъ уже изъ нея и не выйдетъ?

XIV.

- а. Бычак дѳшмѳш белинден,
 Јандым, ефе, еинден,
 Шу алемин дилинден.

НАКАРАТ.

Яндым, эфе, еинден.

в. Једи жыл дыр северим,
Ајдын елян гезерим,
Јүрејими јүзѣрим, эфе!

ПЕРЕВОДЪ.

Твой ножъ, привѣщенный съ боку, упаль,
Сгорѣла я, эфе, отъ твоей руки,
Отъ сметень людскихъ.

ПРИПѢВЪ.

Сгорѣла я, эфе, отъ твоей руки.
Семь лѣтъ ужъ, какъ я его люблю,
По области Айдина я брожу,
Свое сердце берегу, ахъ эфе!

XV.

а. Јүксек тепелерден атлајамадым,
Силаһарым дүшдү, тоглајамадым,
Залым дүшманлары һаклајамадым.

НАКАРАТ.

Анне, бен вурулдум она, јанарым,
Текирдаулы Джеми! бејден имдад умарым.
в. Алчаджык дуварда булдум бир инджир,
Ешерим келебдже, бојнумда зинджир
Зинджир салландыкджа һер јаны санджыр

с. Анне, бен настајым марул истѣрим,
 нафтанын башында дѹјѹн истѣрим,
 Аладжак јарымы бана гѹстѣрин.

ПЕРЕВОДЪ.

Я не могъ спрыгнуть съ высокихъ холмовъ,
 Мое оружіе упало, я не могъ выстрѣлить,
 Я не могъ усмирить моихъ жестокихъ враговъ.

ПРИПѢВЪ.

Мама, я влюбилась въ него, сгораю отъ любви,
 Я надѣюсь на помощь отъ Джемилъ бея, живущаго въ Текирдагъ¹⁾.

Подъ низенькой стѣной я нашелъ иджиръ,
 На моихъ рукахъ—наручники, на шеѣ—цѣпь,
 Когда цѣпь заколеблется, она всюду меня колетъ.

Мама, я больна, я хочу салата (?),
 Я хочу свадьбы въ началѣ недѣли,
 Покажите же мнѣ моего друга, который меня возьметъ.

XVI.

а. Меджбур олдум бен бир гѹле,
 Шимди дѹшдѹм дилден диле,
 Фырсаг булсам алсам еле!

НАКАРАТ.

Бен сарылсам индже беле,
 Сардырмам сени еллере.

¹⁾ Не Родосто ли? (Текфуръ дагъ, произносится Текирдау срвн. у. Купоша въ W. Z. K. M., 89 г., стр. 73).

в. Гидејорсун, ууур олсун,
 Кара дениз јолун олсун,
 Бенден ѓајры јар северсен.

НАКАРАТ.

Ики гөзлерин көр олсун (два раза).

с. Не дир джеврин һер дем бана,
 Бир сөзүм вар дилбер сапа:
 Тешриф ејле бир шеб бана!

НАКАРАТ.

Бен сарылсам индже беле!
 Сардырмам сени еллере.

ПЕРЕВОДЪ.

Покорился я одной розѣ,
 Теперь я у всѣхъ на языкѣ,
 Если бы только я нашелъ случай и взять бы ее!

ПРИПѢВЪ.

Если бы мнѣ только обвиться вокругъ ея тонкой талии!
 Ужъ я не позволю другимъ тебя обнимать!

Ты уходишь, Богъ тебѣ въ помощь!
 Черное море пусть будетъ твоей дорогой;
 Но, если ты полюбишь кромѣ меня другого друга,

ПРИПѢВЪ.

Пусть оба твои глаза ослѣпнутъ (два раза).

Что это за мученье ты мнѣ причиняешь каждое мгновенье,
 Есть у меня, красотка, къ тебѣ одно слово:
 Пожалуй ко мнѣ на одну ночку!

ПРИПЪВЪ.

Если бы мнѣ только обвитья вокругъ ея тонкой талии,
Ужь я не позволю другимъ тебя обнимать!

XVII.

- а. Шу геминин алты ташлык,
Сефа гелди кардашлык,
Сормак аѣб блмасын, балам,
Джебинде вар мы харджлык?

НАКАРАТ.

Аман, аман, Нанај, кузум, джаным, Нанај,
Беѣандым, сары сачлым, мави де гбзлѣм!
Јар, сенин ичѣн аѣларым!
Еј ваһ, еј ваһ Нанај, кузум, джаным!

- в. Јѣксек, јѣксек ев јаптырдым,
Чыкдым, ѣстѣнден бакдым,
Јарым геледжек, дејѣ, балам,
Чифте де ламба јактырдым.
с. Баѣа гирдим нар ичѣн, балам,
Долашырым јар ичѣн,
Аналар кыз беслесин, балам,
Деликанлылар ичѣн.
д. Узун чаршы чаршылар, балам,
Оѣлан кызы каршылар,
Кыз оѣланы каршылар, балам,
Курбан кесин, комшулар.

ПЕРЕВОДЪ.

Подъ этимъ кораблемъ каменистое мѣсто,
Добро пожаловать, братья,
Не къ стыду будь сказано, сынокъ,
Есть ли у тебя въ карманѣ деньги на расходы?

П Р И П Ѣ В Ъ .

Аманъ, аманъ, Нанай, моя овечка, моя душа,
Я сгорѣлъ отъ любви къ тебѣ, русоволосая моя, голубо-
глазая моя!

Подруга моя, изъ-за тебя я плачу,
Эй вахъ, эй вахъ, Нанай, моя овечка, моя душа!

Я велѣлъ построить высокій-превысокій домъ,
Влѣзь я наверхъ и посмотрѣлъ,
Моя подруга придетъ, думаю я,
И велѣлъ зажечь пару лампъ.

Вошелъ я въ садъ изъ-за гранаты,
Брожу я всюду изъ-за подруги,
Пусть матери воспитываютъ дочерей
Для добрыхъ молодцевъ.

Длины рынки и базары,
Юноша встрѣчаетъ дѣвушку,
Дѣвушка встрѣчаетъ юношу.
Эй, сосѣди, приносите жертву! ¹⁾.

XVIII.

а. Вакф ејісіѣн ашки дидаре гѣјнѣмѣ,
Лајык гѣрен јар пмиш азаре гѣјнѣмѣ,
Дѣчар еден де таліѣн ајјаре гѣјнѣмѣ,
Шимди киміѣн ејісіѣн аваре гѣјнѣмѣ,
Јара ачынджа јара, ачар јаре гѣјнѣмѣ.

П Е Р Е В О Д Ъ .

Сдѣлайте мое сердце вакфомъ ²⁾ любви къ прелестной,
Тотъ кто напелъ мое сердце достойнымъ мученій, оказался, увы
другомъ,

¹⁾ Букв. рѣжьте жертву (барановъ) для праздника.

²⁾ Вакф—завѣщаніе на благотворительныя цѣли; смыслъ стиха: пусть мое сердце вѣчно будетъ принадлежать возлюбленной.

И онъ же заставилъ мое сердце встрѣтиться со счастьемъ дру-
гихъ!
Теперь кто-бы раздѣлилъ съ моимъ сердцемъ тяжесть изгнанія?
Одна рана открываетъ другую; а онъ вѣдь открываетъ мое сердце
другу!

XIX.

а. Кабак да бојнума такарым,
үәмү миннети атарым,
Изниниз олур исе
Сизе кабак чаларым бу гидже.

НАКАРАТ.

Катинга динга дингала,
Еј бәди саба, дин кабак.

б. Кабаҗыма кириш такарым,
новардаҗы гөзүнден чакарым,
Егер мангыр верірсеннз
Сизе кабак чаларым бу гидже.
с. Каршыдан гелірсин?
Сен бени севѣрмисин?
Гөксүндеки гүл ичүн,
Джапымы да веририм сенип ичүн.

ПЕРЕВОДЪ.

Я повѣшу на шею тыкву ¹⁾,
Отброшу горе и заботу,
Если вы позволите
Я для васъ сегодня ночью сыграю на тыквѣ.

¹⁾ Т.-е. музыкальный инструментъ, сдѣланный изъ тыквы (кабак); онъ подвѣшивается, какъ наша гитара, на лѣпть за шею.

П Р И П Ѣ В Ъ (звукоподражательный) ¹⁾.

На свою тыкву я нацѣплю струны,
Фрапта ударю по глазу,
Если вы мнѣ дадите грошъ ²⁾,
Я вамъ сегодня ночью сыграю на тыквѣ.

Ты изъ Галаты-ли идешь?
Меня ты любишь-ли?
Ради розы, находящейся на твоей груди,
Ради тебя я готовъ отдать душу.

XX.

а. Карлы дауы андым, геѣдим,
Ашк отуна дүшдүм, геѣдим,
Бен жар иле булушдум, геѣдим,

НАКАРАТ.

Бен гөjnүмү авдырдым,
Гүл бензими солдурдум,
Назлыджа жарден ажрылдым,
Даулара дүшдүм, геѣдим.

б. Беним ол дидеси пүр хун,
Зүлфүн гиби каддын мефсун ³⁾,
Ко елесинлер ⁴⁾ бени меджнун.

с. Бакын, шу чѣними алаје,
Бензер кашлар кемане,
Ашкын бана сермаје.

¹⁾ Въ этомъ припѣвѣ только „бади саба“ имѣеть смыслъ—и значитъ: свѣ-
жій утренній вѣтерокъ.

²⁾ „Манкыр“—мѣдная монета (азербейджанское слово).

³⁾ Вм. „мевзун“.

⁴⁾ Азербейдж. форма, вм. „ejestinler“.

ПЕРЕВОДЪ.

Я перешель черезъ снѣжную гору, пришелъ,
Я упалъ въ пламя любви, пришелъ,
Я съ подругой встрѣтился, пришелъ.

ПРИПѢВЪ.

Я свое сердце сдѣлалъ добычей,
Розовый цвѣтъ лица своего сдѣлалъ блѣднымъ,
Я разстался съ моей прелестной подругой,
Я пробрался черезъ горы, пришелъ.

О, моя милая, глаза которой плачутъ кровью,
Какъ твой локонь, твой ростъ изыщень и прямъ,
Пусть же они сдѣлаютъ меня безумнымъ.

Посмотрите на эту черноглазую,
Брови ея походятъ на лукъ,
Любовь къ тебѣ—мое главное достояніе ¹⁾.

Б. Миллеръ.

¹⁾ *Примѣчаніе.* Эта статья, съ разрѣшенія редакціи „Этнографическаго Обозрѣнія“, выйдетъ отдѣльнымъ выпускомъ и будетъ включена въ серію „Труды по Востоковѣдѣнію, издаваемыхъ Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ“.

С М Ъ С Ъ.

Вознесеневъ день въ Ярославской губерніи.

Во многихъ уѣздахъ Ярославской губерніи сохранились обычаи и повѣрія, приуроченныя къ празднику Вознесенія.

Въ Рыбинскомъ уѣздѣ въ день этого праздника, послѣ обѣдни, когда придуть изъ церкви, молодые члены семьи, а равно и всѣ молодцы и дѣвицы селенія, идутъ въ озимыя поля съ приготовленными заранѣе яичницами. Каждый молодой членъ семьи несетъ зеленую, только что срубленную березку, и каждый на своей полосѣ втыкаетъ березку въ озимую рожь. Послѣ этого члены семьи, каждый на своей полосѣ, ѣдятъ яичницу. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ домохозяйки наварятъ также яицъ, которыми снабжаютъ мальчиковъ, дѣвочекъ и другихъ молодыхъ членовъ семьи. Во время ѣды яичницы куски послѣдней кидаютъ вверхъ и произносятъ слѣдующія слова:

«Рожь къ овину, а метла къ лѣсу!» Ребята тоже кидаютъ яйца вверхъ, — чтобы рожь была высокая. Всѣ лица, участвующія въ ѣдѣ яичницы, должны каждый на своей полосѣ покататься, т. е. перевернуться съ бока на бокъ, — чтобы земля дала больше урожая; больше всего въ катаніи принимаютъ участіе мальчики и дѣвочки. Послѣ этого идутъ всѣ съ поля домой съ пѣснями. Богатыя семейства украшаютъ березку лентами. Обычай этотъ имѣетъ широкое распространеніе.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ярославской губерніи, въ Вознесеневъ день идутъ въ озимь не только съ яичницами, но еще съ приготовленными деревянными крестиками, разныхъ видовъ; крестики бываютъ восьми, шести и четырехконечные. Крестики эти втыкаютъ, какъ и березки, каждый въ свою полосу; тутъ же съѣдаютъ яичницу, — послѣ чего подкидываютъ ложки вверхъ и говорятъ: «метелка къ лѣсу, а рожь въ овинъ!» Березки и крестики остаются въ полосахъ на все лѣто.

Въ городѣ Угличѣ въ Вознесеневъ день бываетъ гулянье, такъ называемое «Руссавы». Гулянье это замѣчательно тѣмъ, что оно изстари происходитъ у рощи, за городомъ. Въ этомъ гуляньѣ принимаютъ участіе какъ городскіе жители, такъ и крестьяне — сосѣднихъ селеній.

Въ 60-хъ годахъ, когда крестьяне еще не имѣли и понятія о нынѣшнихъ «кадрияхъ», на гуляньѣ можно было встрѣтить хороводы и послушать хорошихъ народныхъ пѣсень. Пѣсни приходилось слышать съ припѣвами: «Ой, дядь, ладо, вытопчемъ, вытопчемъ». Въ настоящее время все это измѣнилось: хороводы замѣнились городскими «кадриями» да «ляксе». Народная пѣсня смѣнилась фабричной гармоніей и турецкимъ барабаномъ, да и самыя гулянья начали терять духъ веселости.

Народное повѣрье говоритъ, что если въ день Вознесенія дождь, то будутъ травы хорошия, а если дождя не было—травы будутъ плохия. До Вознесенья не слѣдуетъ ѣсть растеніе «щавель», особенно женщинамъ, которыя сѣяли ленъ; равно не слѣдуетъ ѣсть щавель до колошенія ржи. У тѣхъ лицъ, которыя сѣютъ ленъ и не будутъ соблюдать обычая, запрещающаго ѣсть щавель, не уродится ленъ. Ленъ должно сѣять непременно въ среду. Въ среду же должно запускать и корову передъ отѣломъ, и непременно послѣдній удой молока долженъ быть произведенъ днемъ, отчего и корова должна отелиться днемъ.

Позволю здѣсь сказать нѣсколько словъ о значеніи льняного сѣмени въ жизни народа. Льняное сѣмя у народа считается предохранителемъ отъ порчи «на тѣло», т. е. порчи физической, а также любимой пищей «тишкѣ», т. е. чорта. Когда ѣдутъ за невѣстой къ вѣнчанію, то свахи берутъ съ собою льняного сѣмени и кидаютъ его на перекресткахъ дорогъ, на встрѣчнаго человѣка и даже тогда, когда ведутъ въ церковь, то и въ церкви можно встрѣтить льняное сѣмя, разбросанное на полу. Сѣменемъ льнянымъ во многихъ случаяхъ лѣчатся: пьютъ его настой, прикладываютъ сѣмя къ ранамъ; также, если на дворѣ у скота что неладно, то посыпаютъ дворъ льнянымъ сѣменемъ. Ленъ считается женскимъ богатствомъ, почему женщина и обрабатываетъ его. Зато чего, чего она съ нимъ не принимаетъ! Мужичокъ, напр., разсердясь на бабу, говоритъ: «Погоди, проклятая вѣдьма, я те задамъ, когда у ты будетъ ленъ готовъ». Или еще: «Я те такъ тресну, что вспомнишь Вознесенье!»

Иванъ Костоловскій.

„Моръ“ и „Икота“ у зырянъ.

I.

Въ данное время трудно дать ясное представленіе о «Морѣ», такъ какъ легендъ не осталось; только изъ нѣкоторыхъ народныхъ фразъ я вывожу заключеніе, что злое начало «Моръ» существовало.

Когда зырянинъ сердитъ, то онъ говоритъ: «Моръ льясе» это значитъ: «Моръ, подстрѣли!» Этими зырянинъ хочетъ сказать, чтобы «Моръ» испослалъ болѣзнь.

Когда зырянинъ боленъ, онъ тоже не знаетъ, почему заболѣлъ, и говоритъ: «Мор лыис», т.-е. Моръ подстрѣлилъ. Если зырянинъ боленъ и испытываетъ сильное мученіе, онъ въ отчаяніи говоритъ: «Мор ос бост». Моръ не беретъ.

Такимъ образомъ изъ этихъ фразъ, очевидно, уцѣлѣвшихъ изъ легендъ о Морѣ, какъ наиболѣе яркія мѣста, я вывожу, что Моръ было злобное существо, непосылающее болѣзни.

Характерно, что фразы: «Мор лыис», «Мор лыяс», «Мор ос бост» — говорятъ болѣею частію женщины или мужчины-неудачники, мрачно настроенные.

Мужчинамъ, не признающимъ традиціонныхъ вѣрованій своихъ предковъ и, несмотря на это, отличающимся удачею и другими хорошими качествами, добродушно настроенные зыряне говорятъ: «Море морт» — человекъ Моръ, человекъ, похожій на Моръ. Есть еще фраза: «Морос чуж и» — дай Морю пинка, — это говорится людямъ непріятнымъ и лѣнивымъ.

II.

Когда у зырянъ родится уродливый ребенокъ, онъ говоритъ: «Икота чужем», т.-е. рожденный отъ Икоты, или лицо Икоты. Этими онъ хочетъ сказать, что ребенка испортилъ злой духъ — «Икота», который послалъ уродство. Другіе зыряне говорятъ, что ребенка подмѣнилъ Икота, хотя, по представлеію иныхъ, подмѣниваніемъ ребенка занимаются особые духи или лѣсные люди.

Въ прежнія времена старались заставить Икоту, если думали, что онъ подмѣнилъ ребенка, взять обратно своего ребенка. Дѣлали это слѣдующимъ образомъ: ребенка клали въ корыто и сверху накрывали другимъ такимъ же; слегка постукивали сверху (по корыту) топоромъ, угрожая Икотѣ зарубить его ребенка.

Испуганный духъ бралъ своего ребенка, боясь, чтобы его не зарубили, а зырянину возвращалъ подмѣненного.

Вѣра въ подмѣну ребенка злыми духами съ каждымъ годомъ слабѣетъ.

Лѣтъ десять тому назадъ въ моемъ селѣ «Вильгортъ» — способъ застраиванія Икоты еще существовалъ; послѣдней женщиной была Тихо-Дарья, которая занималась этимъ; а въ деревнѣ «Дошь» это практиковалось четыре года тому назадъ. Здѣсь я привелъ всѣ извѣстныя мнѣ данныя о «Морѣ» и «Икотѣ».

Вас. Налимовъ.

Критика и библиографія.

Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien. Beantwortungen des Fragebogens der internationalen Vereinigung für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaftslehre zu Berlin. Bearbeitet im Auftrage der Vereinigung von Dr. S. R. Steinmetz. Berlin. Verlag von Julius Springer. 1903. VI+455 pp.

До сихъ поръ историки первобытнаго права сравнительно мало интересовались юридическими отношеніями туземныхъ народностей Африки. Тогда какъ обычаи австралійскихъ и сѣвероамериканскихъ племенъ нерѣдко бывали единственнымъ матеріаломъ, положеннымъ въ основу социологическихъ системъ, примѣры, заимствованные изъ жизни туземцевъ Африки, служили обыкновенно лишь добавочными иллюстраціями къ положеніямъ, установленнымъ какимъ либо инымъ путемъ. Не только никто не строилъ широкихъ универсальныхъ обобщеній, основываясь на однихъ фактахъ юридической жизни африканскихъ племенъ, но почти никто и не пытался провѣрять систематически то или иное обобщеніе на этихъ фактахъ. Нѣкоторые наиболее рѣшительные авторы прямо возводили въ своего рода систему игнорированіе африканскихъ племенъ на томъ основаніи, что взаимно скрещивающіяся здѣсь различныя культурныя вліянія создали въ Африкѣ «хаосъ», въ которомъ невозможно разобраться (Морганъ). Этого, впрочемъ, еще мало; доставляемый Африкой матеріалъ не только не использованъ для исторіи первобытнаго права, но и само собраніе его сравнительно очень отстало. Въ литературѣ есть, конечно, нѣсколько очень цѣнныхъ монографій, посвященныхъ описанію юридическаго быта отдѣльныхъ африканскихъ народовъ, но о большинствѣ именъ мы располагаемъ лишь крайне неполными и неточными свѣдѣніями. Собранныя свѣдѣнія разбросаны въ отчетахъ путешествениковъ, въ статьяхъ, напечатанныхъ на страницахъ многочисленныхъ спеціальныхъ изданій, и привести въ наличность эту разбросанную литературу очень трудно. Сводная работа по африканскому праву была до сихъ поръ только одна — «*Afrikanische Jurisprudenz*» покойнаго А. Г. Поста, вышедшая въ 1887 г. Какъ ни почтена эта работа, она имѣетъ очень много недостатковъ и представляетъ въ сущности лишь подробную, мотивированную и хорошо иллюстрированную программу для собранія свѣдѣній о юридическомъ бытѣ туземцевъ Африки, а никакъ не

изслѣдованіе африканскаго права. Въ общемъ африканское право, если и не совсѣмъ terra incognita, то во всякомъ случаѣ область, изслѣдованная очень мало.

Нѣчего и говорить, что подобное отношеніе къ юридическимъ нормамъ африканскихъ народовъ лишено всякихъ серьезныхъ оснований. Многомилліонное населеніе Африки испытывало различныя культурныя вліянія, но это не помѣшало ему сохранить во многихъ случаяхъ глубоко архаичныя и оригинальныя черты. Да и, кромѣ того, самый вопросъ о культурныхъ вліяніяхъ, о разложеніи подъ дѣйствіемъ ихъ старыхъ юридическихъ нормъ и о созданіи новыхъ—представляетъ серьезный интересъ для историка первобытнаго права. Можетъ-быть изученіе африканскихъ племенъ и труднѣе, чѣмъ изученіе другихъ народовъ, но, во всякомъ случаѣ, оно не менѣе продуктивно. Глубокаго сочувствія заслуживаетъ поэтому сборникъ, названіе котораго приведено выше. Это, правда, не изслѣдованіе, а только сборникъ матеріаловъ, но сборникъ очень цѣнный во всѣхъ отношеніяхъ.

Сборникъ состоитъ изъ отвѣтовъ на программу, разосланную въ 1895 г. берлинскимъ «Международнымъ союзомъ сравнительнаго права, вѣдѣній и политической экономіи» и составленную Постомъ. Постъ въ общемъ довольно удачно справился со своею трудною задачей составить программу для собиранія свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ. Его программу нельзя назвать очень подробной (она занимаетъ менѣе 13 страницъ), но все болѣе существенное въ ней имѣется, и только нѣкоторымъ отдѣламъ можно было бы пожелать побольше обстоятельности. Не вполнѣ, напримѣръ, удовлетворителенъ отдѣлъ VIII «Права на движимыя имущества», состоящій изъ слѣдующихъ вопросовъ: «а) Что считается движимостью? принадлежать ли сюда дома? б) Какія права существуютъ на движимыя имущества? с) Поскольку движимое имущество составляетъ семейную собственность? д) Какія правила существуютъ относительно потерянныхъ и найденныхъ вещей?» Наиболѣе обстоятельно разработаны отдѣлы о семейныхъ отношеніяхъ и о бракѣ, что вполнѣ понятно, такъ какъ самъ Постъ больше всего интересовался именно этими сторонами первобытнаго права.

Хотя программа была разослана союзомъ многимъ чиновникамъ, миссіонерамъ и другимъ лицамъ, успѣвшимъ за свое долготѣе пребываніе въ Африкѣ или въ Океаніи достаточно познакомиться съ жизнью тамошнихъ народовъ,—отвѣтовъ получено сравнительно немного, именно отъ 17 лицъ. Большинство отвѣтовъ относится къ континентальной Африкѣ; кромѣ того, есть статьи о населеніи маленькихъ острововъ Nossi-Bé и Mayotte близъ Мадагаскара, о населенныхъ меланезійцами островахъ Ниссанъ въ архипелогѣ Бисмарка и жителей Маршалльскихъ острововъ. Континентальной Африкѣ посвящены статьи: 1) о Баквири въ Камерунѣ, 2) о Банака и Бануку, 3) о Вамбара, Сараклезяхъ и др. племенахъ государствъ Саусандингъ въ западномъ Суданѣ, 4) о Диаките-Сараклезяхъ въ округѣ Ніоро (западный Суданъ), 5) о Малинкахъ, Фульбе, Гзамбара въ округѣ Кпта (западный Суданъ), 6) о Ваганда,

7), о Вагого, 8) о Вашамбала, 9) о Мсалага въ Ушиамвези, 10) о Вапокомо, 11) объ Овагереро, 12) о Кой-Койнахъ, 13) объ Ондонга, 14) объ Амаглуби. Такимъ образомъ почти весь сборникъ цѣлкомъ посвященъ африканскому праву. Полтора десятка статей конечно немного для такой большой части свѣта, но при разбросанности литературы объ Африкѣ и при обиліи въ ней всякаго рода непровѣренныхъ и мало-вѣрныхъ сообщеній и сборникъ Штейнмеца является чрезвычайно цѣннымъ источникомъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ народами, стоящими на различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія и принадлежащими къ различнымъ племенамъ: съ неграми, съ банту, съ готтентотами и т. д. Ни въ одной другой книгѣ нельзя найти такихъ разнообразныхъ и подробныхъ свѣдѣній о юридическомъ бытѣ туземныхъ народностей Африки, и къ тому же свѣдѣній, отличающихся точностью и достовѣрностью. Всѣ отвѣты доставлены чиновниками, миссіонерами и другими лицами, долго жившими среди туземцевъ и хорошо ознакомившимися съ ихъ жизнью. Конечно, личные особенности авторовъ сказались и здѣсь: одни давали болѣе подробные отвѣты, другіе—болѣе краткіе; одни выражались болѣе ясно и опредѣленно, другіе—менѣе точно, но въ общемъ ни одну изъ вошедшихъ въ сборникъ статей нельзя назвать неудачною.

Что касается до редакціи сборника, то ее прямо необходимо назвать превосходной. Штейнмецъ вполне справедливо настаиваетъ на томъ, что отвѣты, получаемые на разосланные вопросные листки, и вообще всѣ показанія лицъ, собиравшихъ свѣдѣнія на мѣстѣ, должны быть напечатаны въ подлинномъ видѣ, безъ всякой передѣлки. Поэтому при печатаніи отвѣтовъ на программу Поста онъ допустилъ только двоякаго рода измѣненія: во-первыхъ, перевелъ на нѣмецкій языкъ нѣкоторыя статьи; написанныя по-французски и по-англійски, и, во вторыхъ, соединилъ во едино вопросы и отвѣты въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтъ выражался простымъ отрицаніемъ или утвержденіемъ; т. е. вмѣсто того, чтобы печатать напр. вопросъ «убиваютъ ли больныхъ и стариковъ?» и отвѣтъ «нѣтъ», онъ прямо говоритъ «больныхъ и стариковъ не убиваютъ». Простымъ наблюденіемъ за печатаніемъ сборника однако не ограничивается работа Штейнмеца, какъ редактора; онъ снабдилъ текстъ печатаемыхъ имъ отвѣтовъ очень обстоятельнымъ комментариемъ, который облегчаетъ пользованіе сборникомъ для специалистовъ и въ то же время дѣлаетъ его болѣе удобочитаемымъ и поучительнымъ для лицъ, не обладающихъ спеціальной подготовкой, но по той или другой причинѣ интересующихся данными народами. Въ этотъ комментарий Штейнмецъ включилъ прежде всего общія этнологическія свѣдѣнія о каждомъ народѣ, именно: о природѣ занимаемой имъ области, о принадлежности его къ тому или другому племени, объ общихъ условіяхъ его быта и т. д., иными словами, о той обстановкѣ, въ которой развились описываемыя юридическія учрежденія. Далѣе Штейнмецъ указываетъ главнѣйшую литературу о данныхъ народахъ и въ частности отмѣчаетъ всѣ противорѣчія, которыя существуютъ между показаніями сборника и свѣдѣніями, имѣвшимися въ прежней литературѣ. Наконецъ, онъ во многихъ слу-

чаяхъ выяснять значеніе того или другого учрежденія, указываетъ на его распространенность или рѣдкость, отмѣчаетъ главныя теоріи, объясняющія происхожденіе этого учрежденія и т. д. Все это сообщено не въ видѣ связанныхъ статей, а въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній попутно; частью эти замѣтки выдѣлены въ подстрочныя примѣчанія, частью же включены въ самый текстъ печатаемыхъ отвѣтовъ, но отмѣчены скобками (). Такимъ образомъ Штейнмецу удалось очень удачно согласовать два, казалось бы, трудно примиримыхъ требованія: подлинность передачи сообщеній и ихъ удобочитаемость и понятность, и потому настоящій сборникъ можно рекомендовать какъ образецъ для всѣхъ изданій подобнаго рода.

А. Максимовъ.

Weule, K. Völkerkunde und Urgeschichte im 20-ten Jahrhundert.
Eisenach u. Leipzig, 1902.

Рѣдкая наука начинала свое существованіе такъ скромно, какъ этнографія. Робкая въ выводахъ, она обогащала свою сокровищницу собраніемъ матеріаловъ во всѣхъ частяхъ свѣта, у представителей различныхъ народностей, столь же ревностно накапливая подлежащія ей вѣднію факты, сколько была осторожна и медлительна въ ихъ систематизаціи. Не признаваемая долгое время, смѣшиваемая съ другими, ей родственными, научными системами, она, ко времени своего признанія, оказалась обладательницей огромнаго фактическаго матеріала для своихъ построеній. Быть можетъ, самая величина его затрудняетъ быструю его разработку. Однако, эта разработка оказалась настоятельно необходимой; все чаще раздавались голоса, настойчиво требовавшіе ея, такъ же какъ и внесенія научныхъ методовъ въ этнографическое изслѣдованіе. Новой наукѣ, наряду съ прежней, далеко еще не завершенной задачей собраніемъ матеріала, предстятъ новыя: точное разграниченіе себя отъ родственныхъ наукъ, отмежеваніе себя своего собственнаго научнаго поля, выработка научныхъ методовъ. За послѣднія десятилѣтія представители молодой науки ревностно работаютъ надъ разрѣшеніемъ этихъ задачъ. Нельзя не признать, однако, что до сихъ поръ предлагаемыя рѣшенія отличаются довольно большимъ разногласіемъ. Но, говорить совершенно справедливо Винтерницъ (Winternitz, Völkerkunde, Volkskunde u. Philologie, Globus, LXXVIII), «судьба всякой молодой науки такова, что ей предстоитъ совершить извѣстную долю своей эволюціи, прежде чѣмъ можно приступить къ ея опредѣленію». Дѣйствительно, въ научной этнографической литературѣ встрѣчаешься съ разнообразѣйшими опредѣленіями нашей науки, съ взглядами подчасъ совершенно противоположными на область ея изслѣдованія, на ея мѣсто среди другихъ наукъ. Довольно будетъ указать, что многіе еще до сихъ поръ придаютъ ей лишь субсидіарное значеніе, тогда какъ другіе раздѣляютъ, высказанное еще въ 1880 г. Бастианомъ, мнѣніе, что этнологія есть «кульминаціонный пунктъ всего человѣческаго знанія», «сводъ, вѣнчаю-

цій знаніє, столбами въ которомъ являются наука о языкѣ и исторія, богословіє и философія, наука о правѣ и наука о государствѣ, географія и статистика, антропология и анатомія, (описательная) этнографія, психология народовъ и фольклоръ». Это странное на первый взглядъ разноязычіє миѣній указываетъ, какъ было сказано, на молодость науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на ея жизненность. Столкновенія различныхъ взглядовъ, критическая ихъ оцѣнка лишь способствуютъ скорѣйшему отысканію правыхъ путей. Поэтому, каждый этнографъ съ особеннымъ интересомъ прислушивается ко всякому взгляду, высказанному кѣмъ-либо изъ его сотоварищей, слѣдить за новыми шагами на общей трудовой нивѣ.

Брошюра (43 стр.) Dr. K. Weule, профессора этнографіи въ Лейпцигскомъ университетѣ и директора этнографическаго музея въ томъ же городѣ, представляетъ его нѣсколько распространенную вступительную лекцію. Главное содержаніе ея заключается въ указаніи на тѣ задачи, которыя въ XX-мъ столѣтіи предстоятъ антропологін, этнографіи и археологін, но по самому существу взятой имъ темы нѣмецкому ученому пришлось остановиться на характеристикѣ этихъ трехъ научныхъ системъ, исторіи ихъ развитія и методахъ ихъ. Всѣ названныя научныя дисциплины Вейле называетъ лишь частями «науки о человѣкѣ». Слѣдовательно, онъ не признаетъ такого громаднаго и обобщающаго значенія за антропологіей, съ одной стороны, какое нѣкоторые ученые, какъ извѣстно, хотятъ именно придать ей, ни за этнологіей, съ другой, которая въ глазахъ другихъ имѣетъ тѣ же притязанія. Подъ общее понятіе: народовѣдніе (Völkerkunde) онъ подводитъ и этнографію (занимающуюся по его взгляду, матеріальной культурой) и этнологию (имѣющую въ своемъ вѣдѣніи культуру духовную). Конечную цѣль обѣихъ системъ, какъ видно, довольно искусственно раздѣляемыхъ имъ, онъ считаетъ общей для нихъ: это установленіе взаимныхъ отношеній, бывшихъ между народами, и черезъ это разрѣшеніе одного кардинальнаго вопроса, возможно ли объяснить поразительное сходство культурныхъ пріобрѣтеній и богатства различныхъ низко стоящихъ народовъ земного шара заимствованіемъ или даромъ самостоятельнаго изобрѣтенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ этнографіи и этнологіи придется возстановить картину древнѣйшихъ переселеній, таблицу родства народовъ, ихъ давнюю группировку и, наконецъ, разъяснить происхожденіе народовъ. Антропология, археология и этнографія съ этнологіей, всѣ науки эволюціонистическія, споспѣшствующія другъ другу, имѣютъ одно общее въ своихъ цѣляхъ: начиная съ верхнихъ, болѣе молодыхъ слоевъ они проникаютъ въ своемъ изслѣдованіи вглубь, къ слоямъ болѣе древнимъ человѣческой жизни и культуры. Цѣли, поставленныя Вейле этнографіи и этнологіи, какъ видно, не отличаются широтой. Но въ скромности намѣченныхъ задачъ Вейле и видитъ будущій успѣхъ народовѣднія. Физическое и культурное развитіе человѣчества, по его миѣнію, въ цѣломъ представляетъ такую колоссальную проблему, что разрѣшить ее можетъ лишь совокупность всѣхъ эволюціонистическихъ наукъ (Entwicklungswissenschaften) палеонтологія, зоологія, исторія, доисторическая археологія и др. «Если

каждая отдѣльная научная дисциплина приложитъ свой трудъ надъ ея разрѣшеніемъ, работая при посредствѣ предложеннаго ей въ отдѣльности матеріала и своимъ собственнымъ методомъ, дѣйствуя въ болѣе или менѣе ограниченныхъ рамкахъ, она вполне исполнитъ свой долгъ. Этнографія и этнологія должны также самостоятельно оперировать надъ своимъ собственнымъ научнымъ матеріаломъ, сообразуясь съ выводами другихъ родственныхъ научныхъ дисциплинъ, лишь по полученіи своихъ собственныхъ выводовъ. Положить свой камень «въ гордое зданіе» науки о человѣкѣ, безъ истинческихъ споровъ между собой, должно быть цѣлью всѣхъ эволюціонныхъ наукъ.

Въ доказательство того, къ какимъ серьезнымъ результатамъ могутъ привести этнографическія работы, путемъ изученія музейнаго матеріала и примѣненія эволюціоннаго принципа въ изслѣдованіи, Вейле приводитъ работы Ратцеля объ африканскомъ лукѣ (помѣщен. въ *Verh. d. Kgl. Sächs. Ges. d. Wiss. zu Leipzig*, 1887 стр. 233—252; 1893, стр. 291—346; и 147—182) и свою собственную: *Der afrikanische Pfeil. Leipzig*. 1899. Посредствомъ тщательнаго изученія различныхъ типовъ этого оружія обомъ нѣмецкимъ ученымъ, независимо другъ отъ друга удалось установить, что въ давнія времена существовала связь между темнокожими народностями, живущими въ настоящее время на двухъ противоположныхъ окраинахъ Индѣйскаго океана. Рядъ работъ, инспирированныхъ трудами Ратцеля объ африканскихъ лукахъ, посвященныхъ изученію культуръ африканскихъ народовъ, распространеніи географическаго разнхъ типовъ одеждъ въ Африкѣ, типовъ построекъ ея туземцевъ и пр. лишь подтвердили тотъ же выводъ. Методъ во всѣхъ этихъ работахъ одинъ и тотъ же: онъ заключается въ точномъ изученіи различныхъ типовъ орудіи, оружіи, издѣлій и т. д., выдѣленія изъ нихъ болѣе примитивныхъ, опредѣленія границъ ихъ географическаго распространенія и установленія родственной связи между ними и подобными произведеніями культуры въ другихъ географическихъ и этнографическихъ районахъ. Слѣдую этому методу, этнографія и этнологія, по мнѣнію Вейля, дадутъ существенные результаты. Для успѣшности подобной работы требуется, конечно, огромный музейный матеріалъ.

Лишь при полнотѣ его возможны правильные выводы, и Вейле, наряду со всѣми почти собратьями по наукѣ, справедливо вызываетъ къ собранію съ удивительной быстротой исчезающаго этнографическаго матеріала. Всякому, слѣдующему за успѣхами этнографической литературы, невольно бросается въ глаза рѣдкое появленіе этнографическихъ трудовъ обобщающаго и теоретическаго характера сравнительно со сборниками сырого или мало обработаннаго матеріала. Но Вейле не видитъ въ этомъ большого недостатка: лучше, по его мнѣнію, не спѣшить съ выводами, чѣмъ, основываясь на недостаточномъ матеріалѣ, ошибиться въ нихъ. Если съ разработкой матеріала можно еще повременить, то, по словамъ Вейле, къ сожалѣнію, время не терпитъ для собранія.

В. X—на.

Dr. Alfred Wiedemann: Die Unterhaltungslitteratur der alten Aegypter. Leipzig. 1903.

Недавно подъ этимъ заглавіемъ вышла изъ печати брошюрка профессора Боннскаго университета А. Wiedemann'a. Она представляетъ собою изданіе Общества Передней Азии, которое, посвятивъ себя изслѣдованію и изученію на мѣстѣ памятниковъ древности, издаетъ кромѣ «Сообщеній» еще четыре раза въ годъ небольшія статьи подъ общимъ заглавіемъ «Der alte Orient»; въ нихъ въ общедоступной формѣ излагаются результаты научныхъ изслѣдованій Общества.

Вышепоименованная брошюра касается литературы древнихъ египтянъ. Прочно установившееся мнѣніе о древнихъ египтянахъ, какъ о народѣ съ философскимъ складомъ ума и мрачнымъ міросозерцаніемъ, исключало мысль о немъ, какъ о народѣ способномъ, подобно другимъ, любить развлечения и стремиться къ нимъ. Мнѣніе это подтверждалось и разобранными памятниками письменности древнихъ египтянъ, которые представляли собою сочиненія лишь религіознаго характера. Въ 1852 г. Эммануилъ де Ружэ совершенно неожиданно открылъ на папирусь 1250 г. д. Р. X. текстъ сказки. Открытіе это настолько удивило изслѣдователей древне-египетскихъ памятниковъ, что никто не хотѣлъ найденную сказку признавать за таковую. Ее пытались разсматривать, какъ религіозный мифъ, пересказанный народнымъ языкомъ, но объясненіе это было такъ натянуто, что никого не удовлетворило, и мысль ученыхъ стала склоняться къ тому, что у древнихъ египтянъ, кромѣ религіозной, была и свѣтская литература, служившая цѣлямъ развлечения.—Съ 1864 г. обильныя находки папирусовъ въ Фивахъ подтвердили это предположеніе, и въ настоящее время можно утвердительно говорить о томъ, что много думавшій о смерти и загробной жизни египтянинъ, носившій на себѣ отпечатокъ этихъ серьезныхъ думъ, не лишень былъ способности уноситься въ міръ мечтаній, ничего общаго со смертію не имѣющій. Онъ пѣлъ пѣсни любви, рассказывалъ волшебныя сказки, поучалъ басней, давалъ жизненные совѣты въ философскомъ діалогѣ.

Въ найденныхъ документахъ сохранилось всего менѣе народныхъ пѣсницъ древняго египта, а тѣ, которыя и нашлись, коротки и незатѣйливы: пастухъ гонитъ свое стадо и, предупреждая ихъ о надвигающемся наводненіи, поетъ: «Вашъ пастухъ въ водѣ у рыбъ, онъ бесѣдуетъ съ сомомъ и здороваётся съ рыбой». Земледѣльцы молотятъ хлѣбъ съ помощью быковъ, которые, переходя по снопамъ, отдѣляютъ ударами ногъ солому отъ колосьевъ, и молотба сопровождается пѣніемъ: «Молотите для себя, молотите для себя, быки, молотите для себя! Молотите для себя солому, а зерно для господина. Не отдыхайте, сегодня день прохладный». Какова была мелодія этихъ пѣсницъ, указанія еще не нашлось. По аналогіи съ пѣснями, которыя теперь поются земледѣльцемъ въ долинѣ Нила, можно предположить, что напѣвъ былъ протяжный и однотонный.—Въ значительно большемъ количествѣ сохранились такія пѣсни, которыя скорѣе могутъ быть названы романсами въ честь той или другой красавицы; онѣ воспѣваютъ красоту любимой женщины

и тѣ пылкія чувства, которыя она возбуждаетъ. Пѣсни эти живо напоминаютъ тѣ стихотворенія, которыя часто встрѣчаются въ текстѣ арабскихъ сказокъ.

Между пѣснями такого характера сохранилась одна пѣсня изъ гробницы царя Аптефа, гдѣ звучитъ призывъ къ пользованію жизнью и ея благами ... «слѣдуй желаніямъ твоего сердца, такъ какъ ты еще живъ... Слѣдуй твоему сердцу и тому, что кажется тебѣ прекраснымъ. Устраивай обстоятельства твои на землѣ по голосу твоего сердца...» Призывая къ жизни, египтянинъ старался разрѣшить и многіе ея вопросы. Разсужденія по поводу этихъ вопросовъ и ихъ разрѣшенія излагаются въ формѣ бесѣдъ; собесѣдниками являются то человекъ и его душа, то кошка и шакаль. Животныя являются также героями басенъ, которыхъ разобрано не мало въ найденныхъ папирусахъ. Иногда дѣйствующими лицами бываютъ люди и даже части человѣческаго тѣла: такъ одинъ неоконченный текстъ басни озаглавленъ: «процессъ желудка и головы», здѣсь дѣло идетъ о жалобѣ, принесенной на послѣднюю. Всѣ эти басни переплетены множествомъ бытовыхъ чертъ, что дѣлаетъ для насъ жизнь древняго Египта болѣе яркой и понятной.

Подробности о частной жизни египтянъ заключаются и въ описаніи путешествій и приключеній разныхъ лицъ, причемъ въ послѣднихъ много мѣста отводится привидѣніямъ и волшебству, что характеризуетъ отношенія древнихъ египтянъ къ чудесному и необычному. — Чудеснымъ полны сказки и преданія жителей долины Нила, которыхъ, какъ свидѣтельствуя папирусы, много разсказывалось въ древнемъ Египтѣ. — Знакомясь по оставшимся не вполне сохранившимся памятникамъ литературы съ творческою жизнью давно исчезнувшаго народа, нельзя не отмѣтить одной очень яркой черты литературнаго вкуса древнихъ Египтянъ—это любовь къ затѣйливымъ оборотамъ рѣчи, къ звучащимъ фразамъ и различнымъ діалектическимъ тонкостямъ. Примѣромъ этого можетъ служить сказка, содержаніе которой очень несложно. У крестьянина отняли осла и онъ жалуется на это вліятельнымъ людямъ, причемъ каждый разъ одну и ту же жалобу облекаетъ въ различные обороты рѣчи и въ концѣ концовъ за свое краснорѣчіе получаетъ отплато. Весь интересъ этой сказки и состоитъ въ этихъ разнообразныхъ рѣчахъ на одну и ту же тему.

Таково содержаніе брошюры Wiedemann'a. Несмотря на сжатость изложенія, она представляетъ обильный матеріалъ, интересный для многихъ литературныхъ сравненій и сопоставленій, также для ознакомленія съ бытовыми чертами жизни древнихъ египтянъ.

Е. Е.

Reclus, Elie. Les Primitifs Etudes d'ethnologie comparée. Paris, Schleicher, 1903.

Передъ нами образчикъ популярной научно-этнографической литературы, подобные которому, къ сожалѣнію, весьма рѣдко появляются на

русскомъ книжномъ рынкѣ. Въ блестящемъ изложеніи, въ увлекательномъ описаніи проходить передъ читателемъ картины быта нѣкоторыхъ народностей и группъ населенія, которыхъ авторъ, быть можетъ, не совсемъ удачно сгруппировалъ подъ названіемъ: *Les primitifs*. Гипербореицы, *охотники и рыболовы*, восточные и западные пиконты (эскимосы и алеуты); апахи, *бродячіе охотники и разбойничьи племена*, паиры, *каста воиновъ и материнскій родъ*, обитатели плоскогорья Нейльгирри (Голубыхъ Горъ), *скотоводы, земледѣльцы и обитатели тьсовъ* (тодды, бадаги, ката, нулы, корумбы), народности Бенгалии, *человѣческія жертвоприношенія у ккондовъ*—вотъ заглавія отдѣльныхъ очерковъ, вошедшихъ въ книгу Реклю. Изобилуя множествомъ фактическаго матеріала, составленная на основаніи научныхъ источниковъ, эта книга можетъ служить полезнымъ изданіемъ и для специалиста этнографа. Правда, онъ пожалѣетъ, что на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни, обрядахъ, вѣрованіяхъ, имѣющихъ особенный научный интересъ, авторъ не остановился подольше, что отсутствіе указателя и даже болѣе полного оглавленія затрудняетъ пользованье богатымъ матеріаломъ, собраннымъ въ книгѣ, подсадуетъ и на недостаточно точныя (безъ указанія страницъ) библиографическія ссылки. Все это, конечно, нельзя поставить въ вину автору, имѣвшему въ виду болѣе широкій кругъ читателя. Надъ только удивляться, съ какимъ мастерствомъ Реклю сумѣлъ выйти изъ рамокъ, обычныхъ для популярныхъ этнографическихъ очерковъ, попутно въ легкой формѣ ознакомить читателя неспеціалиста съ научными положеніями этнографіи и ими освѣтить множество сторонъ быта описываемыхъ народностей, интересныя подробности матеріальной и духовной культуры, взгляды на собственность, управленіе, семейный строй, родовой бытъ, вѣрованья и культъ и т. д. Очень цѣнными являются и параллели, взятая изъ быта культурныхъ народовъ древности. Книга симпатична и по взглядамъ автора на низко стоящія въ культурномъ отношеніи племена, чуждымъ высокомерія цивилизованнаго европейца, которое до сихъ поръ нерѣдко проглядываетъ во взглядахъ на дикарей. Не имѣя въ виду, подобно Руссо, восторженно относиться къ «дѣтямъ природы» и въ то же время приизнать цивилизованнаго человѣка, пишетъ Реклю, мы все таки «смѣло утверждаемъ», что во многихъ племенахъ, называемыхъ дикими, средній индивидъ ни въ нравственномъ, ни въ умственномъ отношеніи не стоитъ ниже средняго индивида въ нашихъ государствахъ, называемыхъ цивилизованными.

Этимъ гуманнымъ взглядомъ проникнуто описаніе Реклю, который съ точки зрѣнія общечеловѣческой психологіи умѣетъ объяснить различныя обряды, обычаи, вѣрованья дикарей. Книга, оконченная въ 1885 г., вышла лишь 1903 г. Добавленій и измѣненій въ текстъ не было сдѣлано авторомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бытъ некультурныхъ народностей представляетъ этнографу тѣмъ болѣе интереса, чѣмъ менше онъ затронуть культурой, особенно европейской, но нельзя не пожалѣть, что, для полноты и вѣрности картины Реклю не внесъ поправокъ и добавленій, которыя можно было почерпнуть изъ сочиненій новѣйшаго времени.

Опредѣленіе науки этнографіи, взглядъ на сущность ея, задачи и цѣли такъ разнятся между собой, что всякое мнѣніе, появляющееся въ литературѣ, представляетъ извѣстный интересъ. Поэтому считаемъ не лишнимъ привести первыя строчки предисловія Реклю. «Этнографію, пишетъ онъ, науку недавно возникшую, мы считаемъ психологіей вида; демографія—это физиологія, антропологія—это анатомія въ большемъ масштабѣ.

Демографія и этнологія изучаютъ факты, касающіеся питанія и воспроизведенія вида, рождаемости и смертности—первая въ отношеніи человѣка, какъ индивида физическаго, вторая въ отношеніи человѣка, какъ индивида духовнаго. Демографія сравниваетъ статистическія данныя, ставитъ ихъ въ рядъ, отыскиваетъ ихъ согласованія и противорѣчія, открываетъ многія свойства жизни, неизвѣстныя или плохо познаваемыя еще. Цифры служатъ для нея орудіемъ точнаго опредѣленія и девизомъ ея, какъ у пифагорейцевъ: *numero, pondere, mensura*. Этнографія тоже имѣетъ дѣло съ числами: нравами и обычаями, вѣрованіями и религіями. Племена, народы и націи, вѣка и еще вѣка—вотъ числа, надъ которыми она оперируетъ; величины алгебраическія, но конкретныя. Обычай, исполняемый миллиономъ людей, живущій въ теченіе тысячелѣтій, стоитъ въ концѣ концовъ того миллиарда индивидовъ, практиковавшихъ его. Нѣсколько подобныхъ вычисленій привели къ огромнымъ числамъ, стоящимъ тѣхъ, надъ которыми съ такой легкостью работаютъ астрономы и геологи».

В. Х—на.

P. Jensen. Assyrisch-Babylonische Mythen und Epen. (Keilinschriftliche Bibliothek, VI, 1.) Berlin, Reuther und Reichard, 1900.

Книга Jensen'a подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ представляетъ собою полное собраніе вавилонскихъ мифовъ и легендъ. Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ всѣ, ставшіе извѣстными до 1900 г., мифическіе и эпические тексты вавилонской литературы. Сюда входитъ эпосъ Епита еліш, касающійся творенія міра, мифы о Цу (Zu), буревѣстникѣ (Sturmvogel), происхожденіе въ адъ богини Истаръ, эпосъ Гильгамиса и многіе другіе тексты мифовъ, дошедшіе до насъ лишь въ едва сохранившихся фрагментахъ. Всѣ напечатанные тексты приведены въ подлинникѣ и въ переводѣ, при чемъ подъ строкою помѣщены подробныя замѣчанія, касающіяся текста. Въ концѣ книги находится очень обстоятельный комментарий. Переводъ Jensen'a обнаруживаетъ его тщательное изученіе древняго подлинника; фрагментарный характеръ текста давалъ иногда поводъ автору прибѣгать къ восстановленію текста, что иногда является какъ бы и недостаточно обоснованнымъ.

Описанная книга является интересною не только для спеціалистовъ, но и для каждаго интересующагося исторіей мифа и эпической пѣсни, такъ какъ вавилоно-ассирійскіе мифы и легенды представляютъ собою древѣйшіе образцы поэтическаго творчества уже исчезнуващаго народа

и имѣли сильное вліяніе на созданіе легендъ и мифовъ другихъ народовъ Передней Азии.

Слѣдующею книгою Jensen'a обѣщаетъ быть обработанный сборникъ религиозныхъ текстовъ и гимновъ Ассиріи и Вавилона.

E. E.

Kjaindl, R. F. Die Volkskunde, ihre Bedeutung, ihre Ziele und ihre Methode. Ein Leitfadern zur Einführung in die Volksforschung. Leipzig u. Wien. Deuticke, 1903.

Настоящая книга составляетъ часть серіи, издаваемой М. Klar'омъ подъ названіемъ: Die Erdkunde, eine Darstellung ihrer Wissensgebiete, ihrer Hilfswissenschaften u. der Methode ihres Unterrichtes. Это изданіе имѣетъ въ виду специально преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, желая ознакомить ихъ съ успѣхами землѣвѣдѣнія и родственныхъ ему наукъ, облегчить имъ знакомство съ новыми методами въ преподаваніи и этимъ внести живую струю въ рутинное прохожденіе географіи въ среднихъ школахъ. На это послѣднее справедливо жалуются въ Германіи и Австріи, какъ и въ другихъ странахъ: «свѣжій, бьющій ключъ науки (землѣвѣдѣнія), выросшій до могучей горной рѣки, высыхаетъ, когда попадетъ на плоскую равнину преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вмѣсто того, чтобы длительно пропитать влагой почву и оплодотворить ее», картинно говоритъ одинъ изъ критикующихъ. Но и среди неспециалистовъ есть много лицъ, слѣдящихъ съ интересомъ за успѣхомъ землѣвѣдѣнія, за новыми открытіями и новыми методами науки. На нихъ также рассчитано поименованное изданіе. Для этнографа не безынтересно будетъ замѣтить, что въ серіи Die Erdkunde вошла и работа безвременно скончавшагося нѣмецкаго этнографа Шурца: Völkerkunde.

Настоящая работа австрійскаго ученаго Кайндля, виднаго работника на поприщѣ этнографіи, имѣетъ поэтому въ виду преимущественно учителей. Она рассчитана, во-первыхъ, на то, чтобы пробудить интересъ къ изученію фольклора въ болѣе широкихъ кругахъ, во-вторыхъ—ознакомить съ методомъ собиранія и классифицированія фольклористическаго матеріала. Если, по его собственному признанію, специальность-этнографъ съ научной подготовкой немного найдетъ въ его книгѣ новаго, она, вопреки скромному мнѣнію автора, все же представляетъ для него значительный интересъ.

Прежде всего интересенъ взглядъ Кайндля, историка, фольклориста и этнографа, на сущность этнографіи, на предѣлы ея изслѣдованія, на взаимоотношенія ея съ родственными ей науками. Таково еще положеніе науки этнографіи въ ряду другихъ научныхъ системъ, что всѣ почти выходящіе за послѣднее время труды по этнографіи общаго характера начинаются обыкновенно съ опредѣленія ея, съ разграниченія ея научнаго поля отъ области другихъ наукъ, съ исторіи ея развитія и съ перечисленія различныхъ взглядовъ на нее. Изложенію своихъ воззрѣній на

этнологію, антропологию, этнографію и фольклоръ Кайндль посвятилъ первыя двѣ главы своей книги. Для него этнологія, это—та всеобъемлющая наука, которая, по словамъ Бастіана, сводитъ воедино всѣ данныя, собранныя другими науками; это—«философія будущаго», которая, «опускающая все трапецеидентальное» будетъ «полезной и практической наукой, руководительницею людей и народовъ». Трудность опредѣленія границъ подвѣдомственной этнологіи области,—говоритъ Кайндль,—привела къ тому, что ее идентифицировали съ антропологіей, этнографіей, исторіей культуры, психологіей народовъ и даже съ фольклоромъ. Отсюда же объясняется и смѣшеніе въ названіяхъ, даваемыхъ самой наукой и ея вспомогательнымъ отраслямъ,—смѣшеніе столь сильное, что «едва ли,—говоритъ Кайндль,—можно найти двухъ изслѣдователей, которые вполнѣ согласно другъ съ другомъ употребляли бы всѣ термины».

Для Кайндля этнологія—завершеніе всѣхъ научныхъ системъ—есть наука о народахъ, и онъ предлагаетъ нѣмецкій переводъ иностраннаго слова: *Völkerwissenschaft*. Это не есть наука о человѣкѣ (*ἄνθρωπος*), но наука о человѣческомъ обществѣ (*ἔθνος*); она изучаетъ человѣка не какъ видъ (*ἄνθρωπος*), но какъ *ζῷον πολιτικόν*. Этнологія должна слѣдовать примѣру естественнаго испытателя: собравъ множество наблюденій, фактическій матеріалъ, доставляемый прошедшимъ и современностью, она должна изъ сопоставленія имѣющихся данныхъ индуктивнымъ путемъ отыскать истинныя пружины, движущія человѣческимъ обществомъ («*Gesellschaftsgedanke*»), но не выводитъ дедуктивнымъ путемъ свои положенія изъ точки зрѣнія и умозаключеній отдѣльнаго лица. Таковы ея цѣли и задачи. Насколько слово *ἔθνος* заключаетъ въ себѣ болѣе широкое понятіе, чѣмъ слово *ἄνθρωπος*, настолько область антропологиі, уже области этнологіи. Антропологиі, по мнѣнію Кайндля, нельзя отмежевать слишкомъ узкаго поля дѣятельности, сводя ея только къ изученію физической стороны человѣка. Но придавать ей то широкое значеніе, какое Кайндль признаетъ за этнологіей, а другіе ученые готовы приписать ей, нѣтъ никакого основанія; это же влечетъ еще и то неудобство, что приходится въ такомъ случаѣ говорить объ антропологиі въ широкомъ и узкомъ смыслѣ слова. «Антропологиія изучаетъ всѣ народы земного шара въ ихъ взаимоотношеніяхъ, ихъ родство, ихъ расовые признаки, распространеніе, вліяніе земли на ея населеніе и т. д. Она разсматриваетъ чѣловѣка съ естественно-исторической и съ географической точки зрѣнія. Именно поэтому въ кругъ ея научныхъ наблюденій входятъ всѣ народы земного шара». Нѣмецкимъ переводомъ термина «антропологиія» будетъ: *Völkerkunde*—народовѣдѣніе. Обозначать этимъ названіемъ этнологію, какъ дѣлаютъ Ахелісъ, Винтерницъ и др., нѣтъ возможности, по мнѣнію Кайндля: слово «народовѣдѣніе» не покрываетъ того широкаго понятія, которое представляетъ наука о народахъ—этнологія. Кромѣ того, отними у этнологіи это названіе,—ее пришлось бы наименовать *Rassenkunde*, что опять-таки выражаетъ лишь частично задачи антропологиі. Разницу, существующую между географіей—землеописаніемъ—и землеведѣніемъ (*Erdkunde*) можно провести и между этнологіей и этнографіей.

Этнографія, по нѣмецкому переводу Кайндля — *Völkerbeschreibung*, изучаетъ психическія и физическія стороны народовъ, но «въ ея задачи не входитъ исчерпать вполне матеріалы»; это не входящее глубоко въ суть описаніе народовъ (*nicht tiefer eindringende Völkerbeschreibung*). Оно не должно ограничиваться изслѣдованіемъ однихъ лекультурныхъ или полукультурныхъ народовъ; «подобно тому, какъ этнологія обязана охватить все народы, такъ и этнографія можетъ ихъ всехъ привлечь въ кругъ своихъ наблюдений». Сбивчивость и неудовлетворительность опредѣленія этнографіи австрійскимъ ученымъ видна отсюда сама собой. Подчиненное положеніе, наконецъ, занимаетъ фольклоръ, *Volkskunde*, и та вѣтвь науки о человѣкѣ, которая доставляетъ ей значительную часть матеріала, необходимаго для ея индуктивнаго сравнительнаго метода». Въ отличіе отъ народовѣдѣнія, *Völkerkunde*, она занимается изслѣдованіемъ лишь одной народности. «Подобно тому, какъ всемірная исторія, изслѣдуя факторы міровой жизни, въ сочиненіяхъ отдѣльныхъ авторовъ будетъ невольно сводиться къ исторіи даннаго народа, такъ и фольклоръ на высшей степени своего развитія имѣетъ цѣлью установить духъ народа, общія чувства и мысли, движущія душой человѣка, наивную философію человечества, его представленіе о всемірномъ порядкѣ, однако, — оцъ сводится опять — таки къ болѣе узкой области изученія, къ одной народности». Довольно наглядно и тутъ неудобство выдѣленія фольклора изъ этнографіи. Наконецъ, одна изъ важныхъ научныхъ системъ, поддерживающихъ этнологію, это — развившаяся за послѣднія десятилѣтія психологія народовъ — *Völkerpsychologie*. «Если, — пишетъ Кайндль, — основаніе, изъ котораго развилась этнологія, есть антропологія, то руководящія идеи дасть ей до извѣстной степени психологія народовъ. Если принять во вниманіе въ этнологіи одну часть ея — изученіе психики народовъ, ее можно даже въ извѣстномъ смыслѣ идентифицировать съ психологіей народовъ. Вотъ почему Бастіанъ говоритъ, что этнологія естественно историческими методами изъ психологіи выработала науку о человѣкѣ».

Въ книгѣ, имѣющей цѣлью служить руководствомъ, точное, хотя бы только съ точки зрѣнія автора, опредѣленіе различныхъ терминовъ, столь сбивчиво употребляемыхъ учеными этнографами и популяризаторами, конечно, необходимо. Затѣмъ, въ высшей степени умѣло Кайндль преслѣдуетъ главныя цѣли своей работы: дать начинающему заниматься этнографіей руководящую нить. Онъ касается исторіи возникновенія и развитія антропологіи и этнографіи, уснѣховъ, которыхъ достигли оцъ въ различныхъ странахъ, даетъ цѣсныя библиографическія указанія (къ сожалѣнію, разбросанныя въ текетъ, что затрудняетъ пользованіе ими), приводитъ краткую программу для собиранія этнографическихъ свѣдѣній. Къ той части этой послѣдней, гдѣ находятся вопросы, касающіеся жилищъ и домашней обстановки, весьма цѣлесообразно для наглядности присовокуплены планы, рисунки построекъ, способовъ кладки бревешъ сруба, устройства печи, замковъ, изгороди и пр. *Hausforschung* — изслѣдованіе о жилищахъ — за послѣднее время сдѣлала крупныя шаги впередъ

въ Австріи и Германіи, и невольно приходится жалѣть, что одинаковаго развитія его у насъ не замѣчается, тѣмъ болѣе, что типы построекъ во многихъ мѣстахъ Россіи иногда незамѣтно почти измѣняются ¹⁾. Указывая на значеніе этнографическаго изслѣдованія (гл. 3-я), Кайндль, между прочимъ, на примѣрахъ доказываетъ, какъ изученіе типовъ построекъ можетъ освѣтить древнюю исторію заселенія края тѣмъ или инымъ племенемъ. Цѣнныя указанія въ томъ же смыслѣ даютъ и мѣстные преданія, а также церкви и часовни, посвященныя тому или другому святому. Такъ, историкъ А. Müllner путемъ изученія церквей и часовень Крайны, Каринтіи и Штиріи установилъ, что мѣстности, въ которыхъ особымъ почитаніемъ пользуется св. Вить (пѣм. Veit), были заселены славянами (см. Argo, 1899. VII, s. 180 и VIII, s. 16 и 37). Изъ двухъ близъ лежащихъ мѣстностей, напримѣръ,—въ одной изъ которыхъ находится церковь св. Вита, а въ другой церковь св. Діониса, первая, какъ удалось Мюльнеру доказать, была населена славянами, а вторая— франками. Старина забыта, но до сихъ поръ на ежегодный праздникъ въ ц. св. Вита собирается народъ изъ деревень, лежащихъ иногда довольно далеко, но лишь къ востоку отъ этой мѣстности. Сосѣди, (прихожане ц. св. Діонисія, не посѣщаютъ этого праздника. Св. Діонисій, первый епископъ г. Парижа, былъ покровителемъ франговъ. Положеніе обѣихъ мѣстностей близъ р. Траунъ, позволяетъ высказать догадку, что франки, при своемъ наступательномъ движеніи въ страну, имѣя здѣсь переходовую постъ, угрожая отсюда славянскому населенію на другомъ берегу рѣки. Вопросу о престольныхъ праздникахъ въ нашей русской деревнѣ немногіе ученые и изслѣдователи посвящали свой трудъ; между тѣмъ онъ, быть-можетъ, могъ пролить свѣтъ на нѣкоторые темныя еще стороны прошлой жизни той или другой мѣстности. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Россіи празднованіе въ честь церковнаго престола до сихъ поръ носитъ архаичныя черты; напомнимъ празднества съ жертвоприношеніями въ нѣкоторыхъ приходахъ Архангельской и Олопецкой губ., въ которыхъ, на ряду со слѣдами первобытныхъ вѣрованій, выступаетъ воспоминаніе о родовомъ строѣ.

Опытный и терпѣливый изслѣдователь можетъ открыть давно стершіея слѣды глубокой древности. Справедливо настаиваетъ также Кайндль на необходимости для фольклориста изученія не только устныхъ образцовъ народнаго творчества, но также и письменныхъ памятниковъ: старинныхъ хроникъ, житій святыхъ и т. д. Какой цѣнный этнографическій матеріалъ хранятъ иногда древніе церковные акты—доказало недавно вышедшее изслѣдованіе M. Lingg'a: *Kulturgeschichte der Diözese Bamberg seit dem Beginne des XVII jahrh. auf Grund der Pfarr-*

¹⁾ Укажемъ для примѣра на случаи, когда помѣщичьи въ наше время содѣйствовали возведенію въ деревняхъ построекъ новаго типа (мазанки, глинобитныя)—въ Серпуховск. у. Москов. г. и въ Верхнедѣпровск. у. Екатеринослав. г., гдѣ подъ влияніемъ взаимодѣйствія русскаго крестьянскаго населенія и шведско-колонистовъ русская печь проникла въ немецкія колоніи, а русскіе переимяютъ постройку подъ одной крышей помѣщенной жилыхъ и хозяйственныхъ.

visitationsberichte. Нѣтъ сомнѣнія также, что многіе образцы народнаго творчества заимствованы изъ литературныхъ источниковъ; многія суевѣрія, соединяемая съ камнями и травами, являются наслѣдіемъ старинной литературы; нѣкоторые заговоры, доселѣ обращающіеся въ народѣ, можно привести въ связь съ заклинаніями, найденными въ египетскихъ папирусахъ. Кайндль того мнѣнія, что фольклористъ долженъ вооружиться знаніемъ по многимъ вопросамъ исторіи, языковѣдѣнія, сравнительной литературы и въ своихъ изслѣдованіяхъ начинать съ культурныхъ народовъ. Онъ вполне согласенъ съ Gomme (Handbook of Folk-lore), что «исходной точкой для фольклориста долженъ быть фольклоръ современныхъ цивилизованныхъ странъ; иногда приходится для сравненія обращаться къ фольклору другихъ европейскихъ народовъ; далѣе слѣдуетъ принять во вниманіе индусскій фольклоръ, служащій ключомъ къ пониманію индо-европейской цивилизаціи и подъ конецъ лишь слѣдуетъ опредѣленіе родственныхъ отношеній съ обычаями и обрядами дикарей». Съ другой стороны, въ противоположность Gomme'у, Кайндль съ полной справедливостью требуетъ отъ фольклориста изученія новыхъ, такъ сказать—на глазахъ у насъ возникающихъ обычаевъ, пѣсень, преданій и т. п. Они возникаютъ по тѣмъ же основнымъ законамъ причинности, по которымъ созидались древнѣйшія проявленія человѣческаго духа и мысли, и имѣютъ огромное значеніе для правильной оцѣнки этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, изслѣдователь народной жизни, чтобы объяснить то или другое явленіе, долженъ сначала ознакомиться цѣлостью съ матеріаломъ, касающимся даннаго вопроса, у изслѣдуемой имъ народности. Путемъ сравненія имѣющагося подъ руками у него матеріала, онъ выдѣлитъ основныя, типичныя черты явленія, а сравнивая его съ аналогичными явленіями изъ жизни другихъ народовъ, онъ найдетъ основную его причину. Большой интересъ представляетъ пятая глава руководства Кайндля, въ которой онъ говоритъ о научной обработкѣ собраннаго матеріала. Кратко и ясно излагаетъ онъ различные методы, принятые въ этнографіи: мнѣологическій (Гриммъ и его послѣдователи), егемемеристическій, филологическій (М. Мюллеръ), этнологическій (Тэйлоръ, Бастинъ, Лапгъ и др.). Въ заключеніе Кайндль посвящаетъ нѣсколько страницъ весьма интересному и для русской школы вопросу—о введеніи этнографіи или, по крайней мѣрѣ, этнографическихъ свѣдѣній въ школьное преподаваніе. Не будучи знакомъ съ книжкой Бенндорфа: *Die sächsische Volkskunde als Lehrstoff in der Volksschule*¹⁾, Кайндль сходится съ нѣмецкимъ этнографомъ въ общихъ положеніяхъ: въ пользу изученія своего народа въ его обычаяхъ, обрядахъ, произведеніяхъ творчества и т. д., въ возможности знакомить учениковъ съ родной этнографіей при преподаваніи исторіи, географіи, отечественнаго языка (чтеніе, темы для сочиненій) и т. д. Книга Кайндля имѣетъ въ виду преимущественно учителей Германіи и Австріи, вслѣдствіе чего наибольшее вниманіе обращено имъ на нхъ этнографію и этнографическія изслѣдованія и труды

¹⁾ См. рецензію въ Э. О. кн. 57.

въ этихъ странахъ; но и всякому начинающему она можетъ служить прекраснымъ руководствомъ.

В. Х—на.

Сборникъ рѣшеній чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Закаспійской области съ 1898 по 1902 гг. (Матеріалы къ изученію народнаго быта Туркменъ и Киргизовъ). Изданіе судной части при Начальникѣ Закаспійской области. Асхабадъ, 1903 г. Стр. 6+3+12+426+6+201+3.

Нечего и говорить, какой большой интересъ представляютъ для этнографіи записи рѣшеній народныхъ судовъ, доставляющіе наиболѣе точный матеріалъ для ознакомленія съ дѣйствующимъ обычнымъ правомъ той или другой народности. Настоящій сборникъ заслуживаетъ поэтому очень большого вниманія, тѣмъ болѣе, что въ немъ идетъ рѣчь о юридическомъ бытѣ такихъ интересныхъ народовъ какъ туркмены и киргизы. О киргизскомъ обычномъ правѣ существуетъ довольно обширная литература, но тѣмъ не менѣе эта литература не только не исчерпываетъ предмета, но наоборотъ оставляетъ очень много существенныхъ пробѣловъ и не свободна отъ крупныхъ противорѣчій между отдѣльными авторами. Во всякомъ случаѣ въ области изученія киргизскаго права еще много предстоитъ работы и съ еще большимъ основаніемъ можно это сказать въ примѣненіи къ туркестанскому праву, знакомство съ которымъ этнографовъ очень слабо.

Сборникъ состоитъ изъ двухъ частей. Первая посвящена гражданскому праву и дѣлится въ свою очередь на слѣдующія отдѣлы: «О налимѣ»—47 дѣлъ; «Разводъ и расторженіе брака»—38 дѣлъ; «О совмѣстномъ сожителствѣ супруговъ»—5 дѣлъ; «Объ отобраніи дѣтей»—6 дѣлъ; «Иски объ имуществѣ»—13 дѣлъ; «Хунъ»—5 дѣлъ; «Споры и тяжбы изъ-за земли и воды. А. Общія дѣла о землѣ и водѣ»—50 дѣлъ; «Кыргызскія дѣла»—9 дѣлъ; «Иски по праву «шефе» (Право сосѣдства)—8 дѣлъ; «Разные иски»—63 дѣла. Вторая часть, посвященная уголовнымъ дѣламъ, дѣлится на слѣдующіе отдѣлы: «Насильственный увозъ женщинъ и дѣвушекъ»—13 дѣлъ; «Жестокое обращеніе мужей съ женами»—2 дѣла; «Изнасилованіе»—4 дѣла; «Нанесеніе побоевъ и пораженій»—19 дѣлъ; «Убийство и покушеніе на него»—3 дѣла; «Преступленія противъ должностныхъ лицъ и учрежденій»—4 дѣла; «Растрата общественныхъ денегъ»—1 дѣло; «Дурное поведение»—1 дѣло; «Порубка лѣса»—2 дѣла; «Кражи и угонъ скота»—56 дѣлъ. Всего въ общій части вошло 349 дѣлъ и въ каждомъ отдѣлѣ дѣла расположены въ хронологическомъ порядкѣ по годамъ.

Какъ видно изъ перечня отдѣловъ, распредѣленіе матеріала въ сборникѣ оставляетъ желать лучшаго, но этотъ недостатокъ имѣетъ сравнительно второстепенное значеніе. Гораздо важнѣе другія особенности сборника, до извѣстной степени обезцѣнивающія его значеніе. Въ предисловіи глухо упомянуто, что для составленія сборника «пришлось про-

смотреть около 1000 дѣлъ», вошло же въ сборникъ, какъ мы видѣли, только 349 дѣлъ и слѣдовательно около $\frac{2}{3}$ всѣхъ, рѣшенныхъ чрезвычайнымъ съѣздомъ, въ сборникъ не вошли. Само собою разумѣется, что читателю важно знать, какими мотивами руководились составители, включая или не включая дѣла въ сборникъ, но объ этихъ мотивахъ въ предисловіи буквально ничего не говорится. Сомнительно, чтобы тутъ имѣли значеніе соображенія въ важности отдѣльныхъ дѣлъ, такъ какъ въ сборникъ вошло не мало мелкихъ и неинтересныхъ дѣлъ, которыя умѣстны только въ сборникѣ, претендующемъ на полноту. Далѣе предисловіе ничего не говоритъ о томъ, подвергались ли въ сборникѣ какой нибудь обработкѣ подлинныя записи рѣшеній чрезвычайнаго съѣзда, въ чемъ состояла эта обработка, къѣмъ она сдѣлана и какія основанія были положены въ ея основу. Такимъ образомъ читатель остается въ полной неизвѣстности относительно характера редакторской работы. Что она была довольно значительна, въ этомъ трудно сомнѣваться, но, умалчивая объ ея основаніи и размѣрѣ, составители требуютъ къ себѣ слишкомъ большого довѣрія отъ читателя. Читатель знаетъ только, что составители сдѣлали на основаніи какихъ-то неизвѣстныхъ мотивовъ выборку части матеріаловъ и напечатали ее, повидимому, въ переработанномъ видѣ, но насколько именно въ переработанномъ — опять-таки неизвѣстно. Само собою разумѣется, что читатель, не зная никакихъ подробностей, вовсе не обязанъ вѣрить на слово, что вся эта сложная работа произведена удовлетворительно, тѣмъ болѣе, что имена составителей сборника А. М. Дуллицаго и Н. С. Иванова до сихъ поръ не пользовались извѣстностью въ этнографической литературѣ.

Съ другой стороны, самая организація чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Закаспійской области является причиной того, что рѣшеніями съѣзда можно пользоваться, въ качествѣ матеріала для ознакомленія съ туземнымъ правомъ, только подвергая его извѣстной критикѣ. Дѣло въ томъ, что съѣздъ не есть чисто туземное судебное учрежденіе. Въ составъ его входятъ въ качествѣ председателя и товарища председателя чины русской администраціи и самый съѣздъ принимаетъ на себя иногда административныя функціи. Такъ, напр., по одному изъ изложенныхъ въ сборникѣ дѣлъ съѣздъ постановилъ «совершенно воспретить жителямъ аула Яры-Геокча продавать мяльковую воду жителямъ другихъ ауловъ» (ч. I стр. 184). При этихъ условіяхъ чрезвычайный съѣздъ не могъ не сдѣлаться орудіемъ административнаго воздѣйствія на туземцевъ и проводникомъ новыхъ началъ въ туземную жизнь. Эту особенность не трудно констатировать и въ рѣшеніяхъ съѣзда по чисто судебнымъ дѣламъ; въ одномъ, напр., дѣлѣ съѣздъ, разбирая споръ о водѣ, положилъ въ основу своего рѣшенія не ту или другую хотя бы и неправильно истолкованную норму обычнаго права, а прямо одинъ изъ приказовъ начальника области (I стр. 226). Среди наказаній, налагаемыхъ съѣздомъ, довольно часто фигурируетъ высылка на срокъ въ Мангишагскій уѣздъ и болѣе или менѣе продолжительное тюремное заключеніе, т.-е. институты, конечно выработанные не самими туземцами.

Такимъ образомъ рѣшенія сѣзда отнюдь не отражаютъ точно юридическихъ понятій туземцевъ, но этотъ недостатокъ имѣетъ свой коррективъ въ томъ фактѣ, что по каждому дѣлу, вошедшему въ сборникъ, не только приведено рѣшеніе сѣзда, но и указаны мотивированные приговоры низшихъ инстанцій, т.-е. аульныхъ и народныхъ судовъ. Въ настоящее время и эти инстанціи несвободны отъ административнаго вліянія, но тутъ оно проводится менѣе систематически и послѣдовательно. Было бы, конечно, ошибкой сказать, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ противорѣчія между приговоромъ низшихъ инстанцій и чрезвычайнаго сѣзда правда, въ смыслѣ вѣрности нормамъ обычнаго права, на сторонѣ первыхъ, но въ общихъ чертахъ выводы, основанные на рѣшеніяхъ народныхъ и аульныхъ судовъ, дадутъ болѣе вѣрную картину обычнаго права туркменъ и киргизовъ, чѣмъ рѣшенія чрезвычайнаго сѣзда.

Всѣ отмѣченныя особенности дѣлаютъ пользованіе сборникомъ нѣсколько затруднительнымъ, но не лишаютъ его интереса. Во всякомъ случаѣ, здѣсь можно найти обширный матеріалъ по киргизскому и особенно туркменскому праву, и, кромѣ того, на основаніи данныхъ сборника можно даже сдѣлать попытку намѣтить направленіе, въ какомъ преобразуется это право подъ русскимъ вліяніемъ.

А. Максимовъ.

Описаніе Чернаго моря и Татаріи. Составилъ доминиканецъ Эмиддіо Дортелли д'Асколи, префектъ Каффы, Татаріи и пр. 1634. Одесса. 1902.

Въ 1891 г. въ 5-ой книгѣ «Чтеній въ Историческомъ Обществѣ Нестора-лѣтописца г. Дашкевичъ издалъ любопытнѣйшее описаніе Черноморья (т.-е., точнѣе говоря, Чернаго моря и Татаріи), до того неизвѣстное. Это описаніе, составленное наблюдательнымъ и ученымъ доминиканцемъ Дортелли д'Асколи, прожившимъ болѣе десяти лѣтъ въ Крыму въ началѣ XVII в. и знавшимъ мѣстные языки (турецкій, греческій и армянскій), имѣетъ весьма большое значеніе для исторіи края, давая подробныя любопытныя свѣдѣнія о татарахъ, черкесахъ, казакахъ, ихъ сосѣдяхъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а въ особенности—о самомъ Крымѣ въ малоизвѣстную пору его жизни. «Описаніе татаръ», составленное товарищемъ и спутникомъ д'Асколи, Джіованни да-Лукка въ переводѣ и съ примѣчаніями уже было помѣщено въ «Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей». Нынѣ въ этихъ же «Запискахъ» появился переводъ «Описанія татаръ», составленнаго д'Асколи. Переводъ съ примѣчаніями предпринялъ Н. Н. Пименовымъ, знаткомъ итальянскаго языка. Г. Дашкевичъ, издавая подлинникъ путешествія, сообщилъ краткій его пересказъ; нынѣ же появляется полный переводъ съ обстоятельными комментаріями. Что касается самого имени д'Асколи, то оно указываетъ мѣсто родины—городъ Асколи. Съ этимъ именемъ въ Италіи

известны два города: одинъ Ascoli Picene, довольно большой городъ въ Мархин, древній Asculum Picenum, лежащій верстахъ въ 90 южнѣ Анконы; другой, меньшій, Ascoli di Safriano, но столь же древній, въ Апуліи, въ нынѣшней Капитанатѣ, верстахъ въ 30 южнѣ Фоджии. Особенности рѣчи автора не указываютъ, изъ какого именно оныя города, а иныхъ свѣдѣній не имѣется; надо полагать, что изъ перваго. Переводъ сдѣланъ буквальный; сомнительныя мѣста выяснены въ примѣчаніяхъ. По-итальянски «Путешествіе» носитъ слѣдующее заглавіе: Descrizione Del Mar Negro et della Tartaria per il D. Emiddio Dortelli d'Askoli, Zett. Dom. prafetto del Caffa, Tartaria etc. 1634.

А. Хазановъ.

Фельдшерскій Сборникъ по поводу десятилѣтія газеты „Фельдшеръ“. Спб. Изд. «Медицинскаго Журнала» д-ра Окса. 1903 г. Стр. XII+240. Ц. 1 р. 50 к.

Въ настоящемъ сборникѣ напечатана между прочимъ статья д-ра В. Ѳ. Демича «Обзоръ матеріаловъ по русской народной медицинѣ, помѣщенныхъ въ газетѣ *Фельдшеръ* въ 1891—1901 гг.». Здѣсь даны указанія на цѣлый рядъ статей (около 60) по народной медицинѣ, напечатанныхъ въ газетѣ *Фельдшеръ*, при чемъ В. Ѳ. Демичъ не только указываетъ заглавіе статей, но и излагаетъ болѣе или менѣе подробно ихъ содержаніе, такъ что во многихъ случаяхъ можно, безъ особеннаго ущерба для дѣла, уже не обращаться къ самимъ статьямъ, а ограничиться изложеніемъ В. Ѳ. Демича. Во всякомъ случаѣ, лица, интересующіяся народной медициной (какъ у русскихъ, такъ и у ипородцевъ), найдутъ здѣсь много интересныхъ фактовъ.

Въ другой статьѣ сборника «Нѣкоторыя данныя о литературной дѣятельности фельдшеровъ» между прочимъ указаны этнографическія работы фельдшеровъ: П. И. Басихина, П. К. Бѣлецкаго, М. К. Гераспмова и Г. А. Коваленко. Среди приложенныхъ къ сборнику портретовъ сотрудниковъ газеты *Фельдшеръ* есть портреты А. В. Балова, П. И. Басихина, П. К. Бѣлецкаго, В. Ѳ. Демича, Г. А. Коваленко.

А. Мкс.

Жановъ. Этнографическій очеркъ зырянъ. Отд. оттискъ изъ журнала «Живая Старина» 1901 г.

Г. Жановъ въ своемъ очеркѣ говоритъ о вліяніи природы на психологію зырянъ, разбираетъ, какія причины вызвали этническую разницу у трехъ одноплеменныхъ народовъ—зырянъ, вотяковъ, финновъ—и приходитъ къ заключенію, что громадную роль здѣсь играли: а) неодинаковыя условія мѣстности, в) вліяніе сосѣдей.

Мѣстность, по его понятіямъ, не только оказывала вліяніе на характеръ народа, но и на самый родъ занятій; а занятія, въ свою очередь, вліяли на его психическое развитіе. Охарактеризовавъ нѣсколькими словами финновъ и вотяковъ, авторъ переходитъ къ зырянамъ. Очеркъ зырянъ сводится къ слѣдующему. Мѣстность, гдѣ жили зыряне, не благоприятствовала земледѣлію. Главнымъ занятіемъ ихъ явилась охота. Жаковъ подробно описываетъ, какое вліяніе на зырянъ имѣли большія рѣки, широкія пространства, лѣса, охота, и приходитъ къ заключенію, что лѣсъ развилъ своеобразный мистицизмъ, давъ опредѣленное направленіе шаманству; охота явилась истиннымъ источникомъ поэзіи и мистицизма. Далѣе г. Жаковъ пытается изобразить доисторическую культуру зырянъ, прослѣдить культуру ихъ въ историческое время; затѣмъ онъ говоритъ о костюмахъ, жилищахъ зырянъ; описываетъ занятія мужчинъ и женщинъ, ихъ обряды моленія, деревянныхъ и мѣдныхъ боговъ (?); признаетъ, что однообразная лѣсная жизнь оказала своеобразное вліяніе на современное самосознаніе зырянъ. Наконецъ, онъ разсматриваетъ культурное воздѣйствіе сосѣдей на зырянъ и удѣляетъ вниманіе промышленности края.

Всѣ выводы г. Жакова могли бы имѣть цѣнность, если бы они были обоснованы на достаточномъ матеріалѣ. Между тѣмъ авторъ не приводитъ никакихъ данныхъ, которые могли бы убѣдить насъ, что верса есть лѣсной богъ, юма—его жена и медвѣдь—ихъ сынъ.

Авторъ утверждаетъ далѣе, что у зырянъ процвѣтало шаманство, но для доказательства своего положенія онъ не приводитъ ни историческихъ документовъ, ни литературныхъ данныхъ. Онъ описываетъ также зырянскихъ деревянныхъ и мѣдныхъ божковъ, старинные обряды моленія, но откуда онъ почерпнулъ эти свѣдѣнія—неизвѣстно.

На основаніи анализа зырянскихъ словъ, относящихся къ домашнему обиходу, онъ рисуетъ намъ картины изъ жизни и быта историческаго прошлаго зырянъ, забывая тотъ фактъ, что зыряне очень легко и охотно замѣняютъ трудно выговариваемыя или вообще почему-либо забывающіяся зырянскія слова русскими, и что, наоборотъ, предметы новѣйшей русской культуры получаютъ чисто-зырянскія названія.

Описывая костюмы, занятія женщинъ, г. Жаковъ умалчиваетъ о томъ, что зыряне окрашиваютъ шерсть и полотна своеобразными растительными красками.

Будучи знакомъ лишь съ нѣкоторыми произведеніями зырянскаго народнаго творчества, онъ утверждаетъ, что земледѣліе не нашло себѣ отълика въ поэзіи. Но это несправедливо. ¹⁾

На основаніи своихъ наблюденій г. Жаковъ дѣлаетъ смѣлые антропологическіе выводы, что «долихоцефалія болѣе благоприятствуетъ послѣдо-

¹⁾ Я имѣю въ виду матеріалы, собранныя г. Вихманомъ, отчасти и тѣ, которые записаны мною, но еще не обработаны. О матеріалахъ Вихмана имѣются свѣдѣнія въ „Journal de la Société Finno-Ougricune, XXI, 3. 1903: Yrjo Wichmann—Kurze Bericht über eine Studienreise zu den Syriänen 1901—1903“.

вательности, предприимчивости въ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, чѣмъ инныя формы головы, что ясно очерченный, невыпуклый лобъ, граничащій прямыми углами отъ остальныхъ частей головы, болѣе благопріятствуетъ высокому и тонкому интеллекту, тогда какъ круглая голова съ тупыми углами лба—болѣе говорить о низшихъ свойствахъ души». Но въ доказательство своихъ положеній онъ не приводитъ документальныхъ данныхъ—антропологическихъ измѣреній.

Восхищаясь русской культурой и признавая огромное значеніе школы для жизни, г. Жаковъ умалчиваетъ о томъ, что печальныя событія русской государственной жизни сильно отзывались на зырянахъ: авторъ совершенно игнорируетъ экономическія условія зырянъ за послѣднее столѣтіе.

Относясь сочувственно къ зырянскимъ женщинамъ, отправляющимся сотнями на заработки въ г. Вятку, г. Жаковъ не говоритъ, сколько несчастныхъ дѣвушекъ погибаетъ въ городскихъ притонахъ. Я долженъ сказать, что зырянскій народъ всячески старается затормозить это движеніе зырянскихъ работницъ въ города: онъ постановляетъ на сходахъ (хотя и безрезультатно)—лишать ихъ крестьянскихъ надѣловъ, не выдавать паспортовъ.

Авторъ думаетъ, что онъ далъ объясненіе всѣмъ явленіямъ жизни зырянина и раскрылъ картину его историческаго прошлаго, но мы замѣтимъ, что знакомство съ современными матеріалами по изученію зырянъ, къ сожалѣнію, еще не даетъ возможности сдѣлать точныхъ выводовъ по затронутому имъ вопросу.

Вас. Налимовъ.

Яновичъ, В. М. Пермьяки. I—VII, съ 4-мя рисунками. («Живая Старина», 1903, I—II).

Этотъ довольно обширный очеркъ даетъ много любопытныхъ матеріаловъ по этнографіи пермяковъ, хотя цѣнность этихъ матеріаловъ, во всякомъ случаѣ, относительная. Прежде всего авторъ дѣлаетъ кое-какія обобщенія, общія замѣчанія, основываясь не на личномъ изслѣдованіи, а на литературѣ своего предмета, не дѣлая, однако, ссылокъ на послѣднюю. «Одинъ изъ казанскихъ профессоровъ» и т. п. анонимныя указанія производятъ отрицательныя впечатлѣнія. Иногда пересказывается подробно то, что имѣется уже въ печати («Кабала» — прошеніе лѣсному царю и т. п.).

Все это, однако, не мѣшаетъ пересмотрѣть съ большимъ интересомъ имѣющійся у г. Яновича этнографическій матеріалъ о пермякахъ.

Въ главѣ 1-й слабо очерчено географическое распространеніе пермяковъ (авторъ, очевидно, болѣе всего знакомъ съ пермяками Инвинскаго края), языкъ и вѣрованія; впрочемъ, вѣрованія распределены и по другимъ главамъ. Во 2-й главѣ обряды отъ рожденія до смерти человека, бѣгло очерченные, кончаются почему-то заговоромъ отъ глазу. 3-я глава посвящена домоустройству и сельскому хозяйству, хотя о хозяйствѣ рѣчь шла также и въ 1-й главѣ. Въ 4-й главѣ описаны

праздники, среди которых вставленъ очеркъ о ярмаркахъ и коноврадствѣ. 5-я глава посвящена пѣснямъ, сказкамъ и присказкамъ (тексты), 6-я гл.—пародной медицинѣ, захарству и колдовству. 7-я гл. содержитъ эпизодъ изъ эпохи освобожденія крестьянъ.

Нельзя не признать большой пользы, которую могутъ приносить и дѣйствительно приносить русской этнографіи лица, близко знакомыя съ изучаемой мѣстностью и народностью, которыя въ глуши провинціи дорожатъ цѣнными переживаніями многихъ старыхъ и новыхъ культурныхъ явленій и спѣшатъ довести о нихъ до свѣдѣнія науки. Но нельзя не пожелать также, чтобы этимъ полезнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ почтеннымъ труженикамъ науки давались изъ нашихъ просвѣдительныхъ центровъ необходимыя руководящія указанія, программы, пособія и т. п. Это не только дастъ возможность многимъ талантливымъ лицамъ изъ провинціальныхъ этнографовъ работать продуктивнѣе, но еще привлечетъ и другихъ, до того времени не рѣшавшихся испытать свои силы въ отвѣтственномъ дѣлѣ науки.

Вл. Б.

А. А. Семеновъ. Этнографическіе очерки Зарафшанскихъ горъ Каратегина и Дарваза. М. 1903.

У этнографіи есть свои любимыя дѣти и пасынки. Въ то время какъ одни народы представлены въ литературѣ очень хорошо, о другихъ имѣются лишь болѣе или менѣе отрывочныя и разрозненныя свѣдѣнія. Нельзя сказать, чтобы эта неравномѣрность обуславливалась одною отдаленностью народа и его малодоступностью для изслѣдователя. Далекіе якуты изучены сравнительно очень хорошо, даже о еще болѣе далекихъ чукчахъ имѣется недурная литература и въ то же время иногда бываетъ трудно найти сколько нибудь удовлетворительные источники для ознакомленія съ нѣкоторыми изъ народовъ, живущихъ въ европейской Россіи. Къ числу мало изученныхъ и плохо описанныхъ народовъ принадлежатъ также и горные таджики, описаніе быта которыхъ составляетъ содержаніе интересной книги А. А. Семенова.

Среди туземцевъ названныхъ въ заглавіи книги мѣстностей авторъ провелъ два мѣсяца и личныя наблюденія и разспросныя свѣдѣнія, собранныя за этотъ промежутокъ времени, дали ему возможность познакомиться съ различными сторонами жизни горныхъ таджиковъ или гальчей, какъ называютъ ихъ другіе изслѣдователи. Книга состоитъ изъ 7 главъ: первая посвящена географическому очерку страны, обитаемой горными таджиками, вторая посвящена общему опредѣленію этой народности, характеристикѣ ея физическихъ особенностей и описанію одежды; въ третьей главѣ описано жилище, въ четвертой—бытъ, занятія и промыслы, въ пятой—религіозныя вѣрованія, въ шестой—семейныя нравы и обычаи и, наконецъ, седьмая содержитъ въ себѣ образцы народнаго творчества. Изъ этого перечня мы видимъ, что книга г. Семенова даетъ связанное и систематическое описаніе и съ этой точки зрѣнія ее безъ всякихъ оговорокъ смѣло можно считать лучшимъ изъ всей литературы, посвя-

щенной горнымъ таджикамъ. Въ этой литературѣ есть конечно работы, въ которыхъ отдѣльныя стороны горно-таджикскаго быта разработаны гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ у г. Семенова, но цѣлостнаго и систематичнаго описанія жизни этой народности до сихъ поръ не было и потому данная книга заполняетъ очень существенный пробѣлъ въ этнографической литературѣ. По своему изложенію книга рассчитана не столько на специалистовъ, сколько на обыкновеннаго читателя, но и специалистъ прочтеть ее съ большой пользой и интересомъ. Кое что въ ней есть новаго въ сравненіи съ имѣвшимися раньше въ литературѣ свѣдѣніями, но еще болѣе важна цѣлостность описанія и яркость красокъ, которыми А. А. Семеновъ рисуетъ жизнь горныхъ таджиковъ. Къ этому надо прибавить, что книга написана хорошимъ литературнымъ языкомъ, и снабжена многочисленными иллюстраціями, выполненными тоже вполне хорошо.

Но, представляя очень цѣнное приобрѣтеніе нашей этнографической литературы, книга г. Семенова не свободна и отъ недостатковъ. Мы не будемъ говорить о нѣкоторой неравномѣрности въ описаніи различныхъ сторонъ жизни, такъ какъ этого недостатка трудно было избѣжать при сравнительно непродолжительномъ знакомствѣ съ горными таджиками. Гораздо важнѣе другой недостатокъ, именно то, что авторъ слишкомъ мало считается съ прежней литературой о горныхъ таджикахъ. Мѣстами у него, правда, встрѣчаются ссылки на эту литературу, но вообще говоря знакомство съ ней очень мало отразилось на содержаніи книги. Между тѣмъ, еслибы авторъ повнимательнѣе отнесся къ работамъ своихъ предшественниковъ, онъ, во первыхъ, могъ бы иногда пополнить интересныя подробностями свое изложеніе и устранить отчасти неравномѣрность въ описаніи различныхъ сторонъ жизни, а во вторыхъ, разъяснилъ бы нѣкоторые случаи противорѣчія его наблюденій съ показаніями прежнихъ авторовъ. Теперь эти противорѣчія остаются для насъ не разрѣшенными, такъ какъ трудно сказать, предпринималъ ли г. Семеновъ специальную провѣрку противорѣчащихъ его наблюденій сообщеній другихъ путешественниковъ и отвергъ ихъ только послѣ такой провѣрки, или же, не зная о нихъ, не отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ соответственнымъ фактамъ. Примѣромъ можетъ служить заявленіе г. Семенова, что у горныхъ таджиковъ, въ отличіе отъ другихъ сосѣднихъ племенъ, совершенно нѣтъ раздѣленій на племена (стр. 23—24). Между тѣмъ у одного изъ прежнихъ авторовъ, Уйфальви, мы находимъ заявленіе, что Зарафшанскіе гальчи подраздѣляются на пять племенъ причемъ указано точно мѣстожительство этихъ племенъ¹⁾. Далѣе С. Масловскій выдѣляетъ изъ

¹⁾ „Les Galtchas du Zérafchân se subdivisent en cinq tribus: 1) Les Maghians, depuis Pendjakend jusqu'à Maghian; 2) Les Kchtouts, dans la vallée du même nom; 3) Les Falgars, entre Ouroumitân et Warsiminor; 4) Les Matchas, à l'est de Warsiminor jusqu'au sources du Zérafchân; 5) Les Fâns, au sud de Warsiminor, dans la vallée du Fân-Daria, jusqu'au lac Iskander-Koul“ (Ch. de Ujfalvy, Les aryens au nord et au sud de l'Hindou-Kouch, p. 147) Въ другомъ мѣстѣ Уйфальви утверждаетъ, что гальчи называютъ себя преимущественно по имени племенъ (p. 115).

общей массы гальчей нѣсколько обособленныхъ племенъ, наприм., гальчей нижняго теченія р. Язгулона, гальчей р. Ягноба и т. д. (Русск. Антр. Журн. 1901 г. 2 стр. 17—32 ягнобскихъ гальчей выдѣляютъ изъ общей массы также и Уйфальви), причѣмъ эти племена отличаются одно отъ другого какъ лингвистически, такъ и антропологически. Кромѣ того, Масловскій утверждаетъ (стр. 30), что у нѣкоторыхъ гальчей сохранились даже родовыя названія. Наконецъ Ратцель (*Völkerkunde*, II, стр. 603) глухо упоминаетъ о племенахъ гальчей. Эти указанія должны бы были побудить А. А. Семенова къ болѣе тщательной провѣркѣ вопроса о томъ, являются ли различныя, нѣсколько обособленныя группы горныхъ таджиковъ только территориальными группами или же здѣсь мы имѣемъ дѣло съ остатками племенной организаціи и, можетъ быть, родового быта. Во всякомъ случаѣ, ему слѣдовало бы остановиться подробнѣе на отличіяхъ гальчей въ различныхъ мѣстахъ и не давать имъ всѣмъ общей и однообразной характеристики.

Всетаки, несмотря на отмѣченный недостатокъ, книга А. А. Семенова является очень цѣпной и можно только пожелать, чтобы авторъ и впредь не оставлялъ своихъ занятій въ области изученія такой интересной народности, какъ горные таджики.

А. Максимовъ.

Курскій Сборникъ, вып. IV. Матеріалы по этнографіи Курской губ. Приготовилъ къ печати *В. И. Рѣзановъ*. Изданіе Курскаго Губернскаго Статистическаго Комитета подъ редакціей секретаря комитета Н. Н. Златоверховникова. Курскъ. 1903. 4°, стр. 115.

Въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» (книга LV) былъ данъ отзывъ о третьемъ выпускѣ Курскаго Сборника, заключавшемъ этнографическіе матеріалы, собранныя А. С. Машкинымъ и Е. И. Рѣзановой. Предисловіе къ III выпуску познакомило читателей съ личностью почтеннаго этнографа А. С. Машкина. Послѣ выхода въ свѣтъ III выпуска, бумаги А. С. Машкина поступили въ Курскій Губернскій Статистическій Комитетъ, и IV выпускъ открывается сообщеніемъ В. И. Рѣзанова объ этихъ бумагахъ. Это—черновики большинства этнографическихъ работъ г. Машкина и переписка его, касающаяся тѣхъ же работъ. Выдержки изъ этой переписки—любопытная страничка въ исторіи русской этнографіи.

Весьма интересно письмо В. И. Даля къ кн. Н. Н. Голицыну, помощнику предсѣдателя Курскаго Статистическаго Комитета, по поводу присланныаго послѣднимъ сборника мѣстныхъ словъ Обоинскаго уѣзда, составленнаго г. Машкинымъ. Этотъ сборникъ,—между прочимъ, использованный Далемъ,—даетъ Далю поводъ высказать принципиальный взглядъ, что при изданіи словарей, куда входятъ областныя слова, слѣдуетъ придерживаться «общаго правописанія»: «словарь, гдѣ слова написаны звукоподражательно,—трудъ кривого направленія. Уклоненія говора, произношенія—могу я указать примѣрами, общими правилами, но словарь долженъ слѣдовать общему правописанію. Угодно, такъ ставьте двѣ буквы

одну надъ другою, для указанія произношенія; но писать цѣлый словарь дзеканья, чаканья, чавканья, яканья и пр.—это, кажется, ни къ чему. Могу ли я понять что-нибудь, читая: *выватчія*, *выжырки*, *вызвалить* и проч.? а написавъ: *выводчя*, понимаю сразу, что это женщина, выводящая кого или что; *выжарки*, *выжирки*—остатки отъ жару или жиру; *вызволить*—не отъ глагола валить, какъ иному покажется при вашемъ правописаньи, а отъ глагола вблить, воля и проч.» (стр. 3). Весьма интересно сопоставить этотъ взглядъ автора «Толковаго Словаря» съ тѣми критическими замѣчаніями, которыя дѣлались по его адресу въ свое время (напр., въ запискѣ Я. К. Грота, въ Сборникѣ II отд. Академіи Наукъ, т. VII).

Интересно приводимое г. Рѣзановымъ письмо А. С. Машкина къ кн. Голицыну по поводу вопроса объ утратѣ средняго рода въ народномъ говорѣ Воронежской губерніи. Этотъ вопросъ поднять былъ А. А. Хованскимъ, издателемъ воронежскихъ «Филологическихъ Записокъ», и кн. Голицынъ привлекъ А. С. Машкина къ его обсужденію. Последній пришелъ къ выводу, что утрата средняго рода въ воронежскомъ говорѣ—мнимая, стоящая въ связи съ нелюбовью этого говора къ звукамъ *о*, и *е*, которые только подъ удареніемъ удерживаютъ нормальный свой характеръ, а безъ ударенія переходятъ въ звуки *а* и *я*. Впрочемъ, на границѣ воронежскаго и курскаго говора даже удареніе не фиксируетъ окончанія средняго рода, но тоже съ существенной оговоркой: это наблюдается лишь въ именительномъ падежѣ.

Изъ бумагъ А. С. Машкина извлечены г. Рѣзановымъ и напечатаны поправки къ нѣкоторымъ, ранѣе напечатаннымъ работамъ курскаго этнографа.

Этнографическіе матеріалы, помѣщенные въ сборникѣ, состоятъ изъ собранія пословицъ и поговорокъ, загадокъ, девяти образцовъ простонародныхъ разговоровъ, записанныхъ съ тщательнымъ сохраненіемъ особенностей мѣстнаго говора, сборника примѣтъ, тринадцати сказокъ, прибаутокъ и дѣтскихъ пѣсенокъ. Все это записано въ г. Обояни и его уѣздѣ.

Наиболѣе интересенъ сборникъ пословицъ и поговорокъ (ихъ до 1200), дающій богатый матеріалъ для наблюденій надъ этимъ сравнительно мало изслѣдованнымъ видомъ народной поэзіи.

Н. М—нъ.

Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, т. XIX, вып. 1-й и 2-й.

Въ первомъ выпускѣ «Извѣстій» за текущій годъ содержится, между прочимъ, очень подробная и интересная статья *свящ. К. П. Прокотьева* «Бракъ у чувашъ», занимающая 63 страницы. Въ основу статьи положены личныя наблюденія автора, природнаго чувашина, отвѣты на вопросные листки, разосланные имъ священникамъ нѣкоторыхъ инородческихъ приходовъ Симбирской, Казанской и Самарской губ., и, наконецъ, литературные источники. Благодаря такому богатому матеріалу автору удалось дать описаніе чувашской свадьбы, равнаго которому по

обстоятельности въ литературѣ пѣть; къ сожалѣнію только, авторъ, предполагая, что чувашскій свадебный ритуалъ сохранился въ наиболѣе чистомъ видѣ въ Симбирской губ., не использовалъ лучшаго изъ прежнихъ описаній брака у чувашъ въ Симбирской губ., именно статьи В. И. Ашмарина въ «Этн. Обзор.» 1890 г. № 2. Къ статьѣ свящ. Прокопьева приложены въ подлинникѣ и въ переводѣ нѣсколько свадебныхъ причитаній, пѣсенъ и т. д. Во второй книгѣ заслуживаетъ большого вниманія статья Г. Н. Ахмарова «О языкѣ и народности мишарей» (стр. 91—160). Авторъ рѣшительно встаетъ противъ распространеннаго мнѣнія, отождествляющаго мишарей съ древней мещерой, и считаетъ первыхъ природнымъ тюркскимъ народомъ. Аргументація довольно разнообразна, но наиболѣе вѣскими являются два довода. Во-первыхъ, мишарское нарѣчіе имѣетъ нѣкоторыя фонетическія особенности въ сравненіи съ языкомъ казанскихъ татаръ и иногда эти особенности встрѣчаются въ нарѣчіяхъ сибирскихъ татаръ. Поэтому надо думать, что мишари если бы и были раньше финнами, то тюркскій языкъ получили во всякомъ случаѣ не отъ казанскихъ татаръ, а между тѣмъ—другого народа, который могъ бы тюркизировать мещеру, мы не знаемъ. Во вторыхъ, лингвистическія и другія данныя заставляютъ думать, что мишари еще не очень давно были кочевниками, скотоводами, а между тѣмъ, восточные финны съ давнихъ поръ вели осѣдлую земледѣльческую жизнь. Изъ болѣе мелкихъ статей отмѣтимъ въ 1-мъ выпускѣ «О новой находкѣ слѣдовъ доисторической разработки уральскихъ рудниковъ» проф. П. И. Кротова; во 2-мъ «Описаніе башкирскаго бунта 1755 г.» и небольшую замѣтку Н. Θ. Катанова о Стрелебергѣ.

А. Мкс.

Отчетъ Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго Края за 1898-й годъ. Астрахань, 1903.

Настоящая книжечка, не представляя спеціальнаго интереса для этнографа, знакомитъ съ почтенной дѣятельностью трудолюбиваго провинціального общества, которое, мужественно борясь съ недостаткомъ средствъ, продолжаетъ исполнять намѣченное имъ дѣло: всесторонняго (между прочимъ и спеціально этнографическаго) изслѣдованія края. Въ 1898-мъ году силы общества были, какъ видно изъ отчета, направлены преимущественно на изученіе исторіи края, на собраніе архивныхъ данныхъ и т. п. Къ отчету присовокупленъ «Списокъ изданій Астраханскаго Петровскаго Общества съ указаніемъ ихъ содержанія, изъ котораго видно, что общество выпустило 12 отчетовъ, 3 книги протоколовъ, 1 сборникъ трудовъ, 1 томъ «Астраханскаго Сборника» и программу для собранія археологическихъ, нумизматическихъ, историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній по Астраханскому краю».

В. Х—на.

ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.

Амурскій Край. 1903. 40. Изъ жизни Забайкальскаго казачества. Станица, съ атаманомъ во главѣ, закабаляетъ своего члена (казака, нуждающагося въ 250 р. на обмундированіе) и сама слѣдитъ, чтобы закабаленный жилъ и работалъ у закабалившаго, выполняя договоръ.—Сахалинъ (корр.) Двое бродягъ (кавказцы) арестованы съ кусками человѣчьяго мяса въ сумкахъ, а недалеко отъ мѣста ареста найдены два трупа; арестованные сознались въ людоедствѣ.—Арханческій Египетъ (изъ „Новостей“) — докладъ Е. А. Пасынкина въ Арх. Институтъ.—62. *К., И.* На Селемджѣ. Описываются новые поселки малороссовъ.

Астраханскій Листокъ. 1903. 54. *Нестепнякъ.* Поселки внутренней орды. Въ пос. Таловкѣ, кромѣ другихъ народностей, осѣла горсть русскихъ; степняки, пользуясь выгодами отъ ихъ работы, не даютъ имъ, однако, окрѣпнуть, сознавая всѣ выгоды для себя безправнаго положенія русскихъ поселенцевъ.—105 и 106. *Крокусъ.* Двѣ калмыцкихъ бѣды: 1) Пьянство отъ арьки, на которую изводится все наличное молоко; калмыкъ умѣетъ и спяхтатъ масло, во не дѣлаетъ этого; 2) своеобразное самолюбіе въ дѣлѣ скотоводства, которое у него потому очень плохо, тогда какъ у сосѣдей—киргизовъ оно процвѣтаетъ.—177, 182. Правила и программа съезда калмыковъ-скотоводовъ въ г. Астрахани въ 1903 г.—212, 213. *Станичникъ.* О мѣропріятіяхъ къ поднятію сельскохозяйственной промышленности въ астрах. казачьемъ войскѣ.—214. Съездъ калмыковъ-скотоводовъ (откр. 2 окт. 1903 г.). Калмыки астрах. края живутъ исключительно животноводствомъ. Попытки земледѣія и отхожихъ промысловъ не удавались.

Виленскій Вѣстникъ. 1903. 89. Виленскій центральный архивъ. Подъ предсѣдательствомъ А. Н. Харузина учреждено особое совѣщаніе, которое задалось цѣлью собрать и сберечь все, хранящееся въ казенныхъ и частныхъ архивахъ.—Съездъ славистовъ (въ Петербургѣ).—90. Закрытіе съезда славистовъ.—98. Краткія свѣдѣнія о состояніи виленской публичной бібліотеки и музея за мартъ мѣсяцъ 1903 г.—99, 100, 101, 102, 103, 104. Къ столѣтнему юбилею виленской 1-ой гимназіи.—101, 102. Краткій историческій обзоръ дѣятельности виленской 1-ой гимназіи за 100 лѣтъ (1803—1903).—111. Красно-стоцкий монастырь. (Краткія свѣдѣнія о немъ).—112. Березвечскій монастырь.—134 и 136. *Зимченко, Ник.* Театръ при Петрѣ Великомъ. (Авторъ пользуется обширной литературой).—139. О народности въ училищахъ св.-зап. края. Даны свѣдѣнія изъ статьи Д. Сценуро (подъ тѣмъ же заглавіемъ). Поляки остались поляками, бѣлоруссы, литовцы, жмудь тоже тѣмъ, чѣмъ были раньше, но лишь „ближе узнали Россію“.

Восточное Обозрѣніе. 1903. 52. Духоборы въ Канадѣ *М. Олминскаго.* Статья знакомитъ, на основаніи письма духобора, съ нѣкоторыми религіозными положеніями духоборчества въ приложеніи ихъ къ практической жизни.—53. Въ городской хроникѣ — о выставкѣ бурятскихъ костюмовъ, устраиваемой въ Музее В.-Сибирскаго Отдѣла П. Р. Г. О. Въ корреспонденціи изъ села Карагузъ, Минусинск. у., сообщается, что тамъ на масленицѣ по заведенному издавна обычаю брали „городокъ“. Обычай этотъ заключается въ слѣдующемъ: каждый годъ въ послѣдній день масленицы дѣлается изъ сѣнга арка—двѣ, на верху

небольшая лошадь изъ спѣгу съ такимъ же всадникомъ. Это называется „городокъ“. Его должны взять кто-нибудь изъ молодежи, находящейся верхами, а брать, то-есть разрушить этотъ городокъ—очень трудно, такъ какъ его защищаютъ многіе съ палками, метлами и т. п.—Въ той же корреспонденціи сообщается объ обычаяхъ „проводовъ масленицы“. Изъ жизни китайцевъ, А. Козловскаго. Авторъ знакомитъ съ китайскими, но въ значительной степени европеизированными кабачками.—55. Уголокъ Сибирской Дауріи, Я. Н. Авторъ побывалъ въ Маймачинѣ, на русско-китайской границѣ, и довольно подробно передаетъ свои впечатлѣнія. Опъ знакомитъ съ общимъ видомъ городка, съ его узкими улицами, типомъ китайскихъ построекъ. Въ присутствіи мѣстъ—ямь—авторъ видитъ орудія наказанія,—между прочимъ, ставень съ отверстиемъ посрединѣ; ставень раздвигается, отверстие плотно охватываетъ шею наказываемаго, и половинки ставни замыкаются. Въ такомъ видѣ преступника водятъ по городу. Подробное описаніе китайскаго обѣда. Авторъ говоритъ о томъ, что китайцы странно говорятъ по-русски и что русскіе знакомые отвѣчаютъ имъ на такомъ же странномъ языкѣ, замѣчая, что это „криклянье совершенно излишне“. (Здѣсь кстати напомнитъ статью С. И. Черепанова, напечатанную, помнится, въ 60-хъ годахъ въ Запискахъ II отдѣленія Академіи Наукъ: „Кяхтинское китайское нарѣчіе русскаго языка“). Изъ второй статьи видно, что еще при самомъ началѣ сношеній китайцевъ съ русскими китайское правительство постановило, чтобы никто изъ китайцевъ, являющихся торговать въ Кяхту, не могъ являться безъ знанія русскаго языка. Въ результатъ этого постановленія явился русскій словарь, написанный китайскими буквами, укоренившій и узаконившій члѣый рядъ особенностей „кяхтинскаго нарѣчія“. Фонетическіе законы этого нарѣчія указаны г. Черепановымъ, даны и образцы разговора и даже письма на этомъ „нарѣчій“. — 58. Въ корреспонденціи изъ Владивостока сообщеніе о лекціи Г. Ц. Цибикова „Паломничество изъ Монголіи въ Тибетъ“. Путешествіе отъ Урги до Хялсы длится 6 мѣсяцевъ. Ежегодно путешествуетъ до 200 человекъ. Населеніе Тибета авторъ опредѣляетъ до милліона. Характеристика тибетцовъ, какъ народа веселаго, любящаго музыку и танцы. Существуетъ полигамія и полиандрія.—61. По Ангарѣ. Описывается ловъ рыбы. Между прочимъ, авторъ говоритъ о „кошкареннѣ“ рыбы. Красная рыба боится запаха смолы, и для того, чтобы перервать плывущей вверхъ рыбъ путь и заставить ее возвратиться назадъ, переплываютъ рѣку, таща за лодкой пихтовую ивѣть. Это и называется „кошкарить“.—68. Японскія женщины. Н. Амурскаго. Авторъ симпатичными чертами рисуетъ японскую женщину, возставая противъ ходячаго въ Европѣ мнѣнія о ихъ развращенности. Парламентскимъ актомъ уничтоженъ старый обычай, по которому даже случайно попавшая въ домъ теримости дѣвушка не могла оставить его; опъ выставились на улицу въ особыхъ клятвахъ съ рѣшеткой и должны были заманивать прохожихъ.—74. Въ корреспонденціи изъ Верхнеудинска сообщается о мѣрахъ, принятыхъ противъ чумы на рогатаго скота. Пошла толка, что „боль“ выпустила „Александриха“, но лама, погадавъ надъ водой, сказала: „Боль не папусканая,—сама пришла“. Тогда по всемъ дворамъ стали служить молебны св. Власію.—76 и 80. Объ арчыномъ земледѣліи въ Карваралинскомъ уездѣ. Излагается докладъ гг. Чермака и Букойханова. Подробно описана работа киргиза-земледѣльца, находящагося въ экономической зависимости у киргиза-кочевника. Статья богата подробностями, не поддающимися изложению въ мелкой мѣткѣ.—90. Письма изъ Китая. Описаніе дворца китайскаго императора въ Бао-дань-фу.—92—93. Народныя увеселенія (въ Иркутскѣ). Сообщаются прибаутки балаганнаго дѣда.—98. Бытовая картина. Самосудъ крестьянъ.—106. Ученая безцеремонность. Сообщеніе о судьбѣ сибирскихъ пѣсенныхъ мотивовъ, собранныхъ г. Протавымъ и изданныхъ „Пѣсенной комиссіей“ И. Р. Г. О съ нарушеніемъ чисто-этнографическаго характера сборника, который хотѣлъ ему придать г. Протасовъ.—108. Ряши. Страничка. Бытовой очеркъ, посвященный „извозчикамъ“ Дальняго Востока, соединяющимъ въ одномъ лицѣ и лошади и кучера.—117. Съ

Дальняго Востока. Сообщение о голодѣ въ провинціи Кванси и о продажѣ китайцами женщинъ и дѣвочекъ въ другія провинціи.

Дальній Востокъ. 1903. 93. Георгіевка (корр.). Въ Уссурийскомъ краѣ появились кочующіе цыгане, а съ ними — и конокрадство. — 95. Албанія и албанцы (общія свѣдѣнія о нихъ). — Азіатскій Востокъ. Искусство осповиванія существуетъ много столѣтій въ Китаѣ; между прр. Ху-анъ-хв и Янъ-цзы-цзянь, въ страпъ Канъ-Намъ, обиталъ особый духъ Куи-юнгъ Та-синъ, т. е. Великій Духъ Осны; отсюда духъ дѣлалъ посвященія окрестныхъ странъ. — 102. II., Н. Дѣти Сахалина. Изъ воспоминаній школьнаго учителя. Авторъ ярко характеризуетъ космополитическое поколѣніе этого уголка міра.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1902. Олт. А. И. Курничниковъ. Аѳинскій Великій Синаксарь, какъ цѣнный археологическій и историческій источникъ. (Докладъ на XII археологическ. съѣздѣ въ Харьковѣ; разборъ 12 томнаго изданія житій всѣхъ святыхъ. Аѳины, 1889—1900). — Критика и библиографія. II. А. Лавровъ. Разборъ труда П. Ровинскаго — „Чернокрытія и библиографія. II. А. Лавровъ. Разборъ труда П. Ровинскаго — „Чернокрытія въ ея прошломъ и настоящемъ“. Т. II. Е. О. Карскій. Два новыя сборника бѣлорусскихъ сказокъ (Е. Р. Романова, вып. VI. Могилевъ, 1901. 8°. IV+528 и М. Federowski, Lud bialoruski na Rusi Litewskiej). Э. А. Волтеръ. Литовцы и славяне въ Германіи. (Разборъ труда dr. Franz Tetzner: Die Slawen in Deutschland. Beiträge zur Volkskunde der Preussen, Litauer und Letten, der Masuren und Philipponen, der Tschechen, Mähren und Serben, Polaben und Slowinzen, Kaschuben und Polen. Braunschweig. 1902). — Ноябрь. Я. А. Астамоновъ. Символика растений. А. Л. Погодинъ. Замѣтки о методѣ этнографіи. — Отчетъ о I и II вып. Извѣстій Императорской археологической комиссіи. СПб. 1901—1902. — Дек. Я. А. Астамоновъ. Символика растений (окончаніе). П. Г. Васенко. Кто былъ авторомъ „Книги Степенной царскаго родословія“? В. И. Сергѣевичъ. Древности русскаго землевладѣнія. У. — 30 лѣтъ ученой дѣятельности барона В. Р. Розена. — 1903. Янв. А. Л. Дѣвнадцатый археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. Н. В. Петушиль. Значеніе римскихъ монъ. Февр. М. К. Любавскій. Новые труды по исторіи литовско-русскаго сейма. — Отчетъ о Воронежскихъ изданіяхъ: 1) Труды Воронежской ученой архивной комиссіи, 2) „Воронежская Старина“. Изд. Воронежск. церковнаго историко-археологическаго комитета. 1902.

Землевѣдѣніе. Периодич. изданіе Географическаго Отдѣленія И. О. Л. Е., А. и Э. Подъ ред. Д. Н. Аучина. 1903. Кн. II—III. Къ статейнъ „Нѣсколько видовъ высокогорнаго Кавказа“ приложены 12 фототипій изъ капитальнаго труда Готфрида Мерцбахера: „Aus den Hoehregionen des Kaukasus“ (2 тома. Leipzig. 1901). Между прочимъ, имѣются: Хевсурка въ праздничномъ нарядѣ, Селеніе тупинъ Омало, Женщины въ аулѣ Тинди, Андійцы въ аулѣ Кетури и др. Другія статьи (всѣ — чисто-географическаго характера) тоже богато иллюстрированы видами. Въ концѣ книги приложенъ переводъ труда З. Гюнтель: „Исторія географическихъ открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ“. Перев. Л. Д. Сипицкаго, подъ ред. Д. Н. Аучина (окончаніе).

„Навказъ“. — 1903. 1. Бабаловъ, М. Какъ празднуютъ новый годъ нѣкоторыя народности, населяющія Горійскій у. Накавуль въ каждомъ армянскомъ и грузинскомъ семействѣхъ идутъ приготовленія; все въ домѣ приводится въ порядокъ, съ утра на огнѣ варится медъ для приготовления „гозинаки“; въ полночь стрѣльба. Въ каминѣхъ горитъ огонь, выбираютъ для этой почи самую большія полѣна. Когда огонь разгорится, старшій членъ семьи подходитъ къ камину, ударяетъ щипцами по горящимъ головнямъ и, при разсыпкѣ искръ, произноситъ: столько барановъ, свиной, куръ... нашему дому! Утромъ каждое семейство ждетъ поздравителей. Съ личностью перваго поздравившаго связывается семейное благополучіе въ теченіе года. Свиная голова и жареная тыква занимаютъ главное мѣсто среди праздничнаго стола. У сетянъ въ день новаго года дѣти ходятъ по дворамъ и поютъ пѣсни, посвященныя св. Василию; за столомъ — баранья голова; старшій въ семьѣ благословляетъ столъ и пожемы дѣлаетъ крестообразный надрѣвъ на бараньей головѣ. У имеретинъ въ день

новаго года существуетъ обычай: въ ротъ берутъ золотую или серебряную монету, чтобы въ продолженіе цѣлаго года имѣть побольше денегъ. Одинъ изъ членовъ семьи въ виноградномъ саду рѣжетъ курицу, кровь ея смѣшивается съ золою, взятою изъ дома. Каждая имеретинская семья имѣетъ своего спеціальнаго поздравляющаго съ новымъ годомъ, который называется „меквѣ“; ему одному предоставляется право въ теченіе трехъ дѣтъ поздравлять ее; другіе никто не можетъ въ этотъ день поздравлять ее съ новымъ годомъ; нарушившему обычай на ноги высыпаютъ горячіе угли и выгоняютъ изъ дома. Въ каждомъ домѣ старшій членъ семьи беретъ куриныя яйца по числу имѣющейся у него скотины, проводитъ яйцомъ по спинѣ животнаго и провозноситъ: быть тебѣ такимъ же полнымъ, какъ это яйцо*. Кроме того, всякій членъ семейства кладетъ въ ложку медъ и обходитъ вокругъ своего дома три раза; потомъ подходитъ къ дверямъ, которыя къ тому времени запираются кѣмъ-либо изъ находящихся внутри дома, стучится въ двери, и послѣ третьяго удара ему ихъ открываютъ; и того, кто ему открылъ двери, вошедшій угощаетъ медомъ.—3. *Эриксонъ, Е. В.* Обратни въ вѣровавіяхъ, преданіяхъ и исторіи: въ преданіяхъ различныхъ кавказскихъ народовъ животныя часто выступаютъ въ роли порочныхъ людей, принявшихъ животный обликъ, съ другой стороны въ этихъ преданіяхъ выступаютъ вѣра народа въ оборотней и вѣдьмъ... Вѣра въ оборотней, заключающая авторъ, основана на существованіи въ сѣвуду старину душевной болѣзни, заключающейся въ томъ, что человекъ превращался въ собаку, волка, корову, козу, льва, курицу и т. д., т. е. считалъ себя тѣмъ или инымъ животнымъ и велъ соответствующій образъ жизни, а вѣра въ вѣдьмъ—на неправильномъ толкованіи нѣкоторыхъ формъ истеріи; приводится рядъ историческихъ ссылокъ и примѣровъ на случаи подобной истеріи и психоза.—10. Древній храмъ въ Гаграхъ.—Построевъ въ VI в. и носитъ названіе болгарской церкви.—X—*тожъ.* Суевѣрія грековъ. Приводится нѣсколько суевѣрій, связанныхъ съ родами, у грековъ, переселившихся изъ Азіатской Турціи въ Карскую область.—15, 29, 31. *Свидѣрскій, В. Ф. д-ръ мед.* Въ Дагестанѣ Кубачи и Кубачинцы. Очеркъ. „Въ Дагестанѣ есть интересный аулъ, населенный загадочнымъ по своему происхожденію народомъ. Аулъ носитъ теперь названіе Кубачи, но въ старину, дѣтъ 500 назадъ, назывался Сиргеранъ. Последнее названіе, впрочемъ, и въ настоящее время знакомо нѣкоторымъ кубачинцамъ, быть можетъ, потому, что персидское слово „сиргиранъ“ и татарское „кубачи“—равнозначущи и оба означаютъ кольчужныхъ или оружейныхъ дѣлъ мастеровъ. Между тѣмъ сами „кубачинцы“ считаютъ себя „френгиами“ (франками) и утверждаютъ, что они выходцы изъ Рима, т. е. надо думать, изъ западной Европы вообще, ибо то и другое прежде было почти синонимами“. Приводятся свидѣтельства арабскихъ историковъ о кубачинцахъ прошлаго времени, какъ о народѣ совершенно чуждой и высокой культуры, сообщаются дорожныя впечатлѣнія и характеризуется современный бытъ. Не имѣя достаточныхъ данныхъ лингвистическихъ для рѣшенія о томъ, кто такіе кубачинцы, авторъ останавливается на антропологическихъ данныхъ и приходитъ къ выводу, о томъ, что кубачинцы—одна изъ народностей романской вѣтви семьи европейскихъ народовъ.—17. *Красовъ, П.* Легенда о Керъ-огды.—21. 26. *Ид. Каракаша.* Ингуши. Очеркъ. (Археологія, этнографія и географія).—24. *Чурсинъ, Гр.* Обычаи и предразсудки карачаевцевъ. Отношеніе къ женщинамъ. Женщина у карачаевцевъ занимаетъ болѣе высокое и свободное положеніе, чѣмъ у другихъ мусульманскихъ народовъ Кавказа; ей принадлежитъ главная роль въ домашнемъ хозяйствѣ; замужнія женщины не имѣютъ права принимать участія въ танцахъ, женщины не имѣютъ права сопровождать похоронную процессію, онѣ обыкновенно приходятъ на кладбище на второй день послѣ похоронъ. На каменныхъ плитахъ на могилахъ женщинъ изображаются обыкновенно ножницы и гребень, поясъ и рядъ пуговицъ, украшающихъ дѣвичью грудь и т. п.—31. *Ето же.* Обычаи и предразсудки карачаевцевъ. Характеристика народнаго быта и нравовъ.—33. *В. С.* Сказаніе о красотѣ. Грузинскія легенды.—(Безъ имени). Древности Кубанской области. Сообщеніе о докѣдѣ

проф. Н. Веселовскаго въ русск. Археолог. обществѣ о раскопкахъ могильника по среднему теченію р. Кубани... По мнѣнію изслѣдователя, злохой развитія этой культуры былъ II в. по Р. Хр. Народомъ, ее оставившимъ, были римляне. — 36. (Безъ имени, изъ „К. В.“) О дольменахъ Кавказа. Сообщение о догладѣ В. Сысоева въ Обществѣ любителей изученія Кубанской обл. Больше подробная специальная корреспонденція о томъ же помѣщена въ № 42. — 42. *Чурсинъ, Гр.* Масленица у кавказскихъ народовъ. — 44. *И. I.* О музеѣ Апшеронскаго полка. Карнавалъ — изъ „М. Л.“ — 45. *Бабаловъ, М.* Какъ праздновалась масленица въ прежнее время туземнымъ населеніемъ Гори и Горійскаго у. — 47. *В. К.* Еще о дольменахъ. Сообщение о дольменахъ, встрѣчающихся въ Черном. губ. — 53. *Чурсинъ, Гр.* „Батонеби“. — Такъ называются въ синахскомъ повѣртіи перелетные ангелы осы, одни изъ нихъ „легкіе“, добрые, влетятъ въ челоуѣка, покружатся и вонь, другіе „тяжелые“, злые, какъ заберутся въ челоуѣка, такъ и сидятъ въ немъ, пока не измучаютъ въ концѣ. Имъ надо стараться угодить, они любятъ работящие и покорность. Однажды въ годъ у гурийцевъ празднуется день осы — „кваллоба“ — понедѣльникъ масленицы; его чтутъ тѣ, у кого еще не было осы; въ этотъ день не умываются, не чешутся, не шьютъ, не читаютъ, не жалуются и не ропшутъ, потому что оса этого недолюбливаетъ. — 54 и сл. *Эрикзонъ, Э. В.* Иллюзіи и галлюцинаціи въ основѣ нѣкоторыхъ повѣрій. — 78. *Н. Н.* Историческій очеркъ возникновенія и развитія Кавказскаго музея. — *Приложеніе № 3.* Кавказскій музей. — *В. Р.* Абхазскій Прометей, легенда. Э. Жанпере. — *Чурсинъ, Гр.* Пѣвъ области суеврій; исторія вдовьяго траура. — 79. Находка бивней мамонта въ аулѣ Габукай — изъ „К. В.“ — 81. *К.* Японская легенда о Чингисъ-Ханѣ. (Изъ газеты „Норъ-Даръ“). — 83. *К. Ганъ.* Путешествіе по высочайшимъ мѣстамъ Дагестанской области. 84. *Фирсовъ, А. И.* Кавказскій музей — очеркъ. (Перепечатка изъ жур. „Нов. Міръ“).

Міръ Божій 1903. 5. Тинъ. Восемь племенъ. Романъ изъ древней жизни крайняго сѣвера востока. — *Рожковъ, Н.* Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія. Гл. IV. Полит. строй Кіевской Руси — *Шейкинъ, Левъ.* Біологическіе и социальные факторы преступности. (Ок.). — Разныя разности: Крючники и рабочіе на Волгѣ; Владимірскіе оени. — За границей: Будущее американской расы; албанцы и ихъ литература („въ Албаніи каждый — поэтъ“). При торжественныхъ обстоятельствахъ являются импровизаторы и ихъ импровизаціи передаются изъ устъ въ уста; это больше — пѣсни войны и мести, но есть и пѣжныя лирическія). — Албанцы, по словамъ проф. Вирхова, обладаютъ „самыми интеллектуальными черепами въ Европѣ“. Но, по словамъ дра Дилопа, научившаго ихъ нравы, они отличаются и наибольшою жестокостію и кровожадностію. Около 25% албанцевъ погибаетъ насильственной смертію. — 6. *Рожковъ, Н.* Обзоръ русской исторіи и т. д. гл. V. Церковь и духовенство. *Танъ.* Восемь племенъ (продолж.). — 7. *Рожковъ, Н.* Обзоръ и т. д. (продолж.). *Танъ.* Восемь племенъ (продолж.). — *Щеоловъ, П.* Къ пятидесятилѣтію дѣятельности А. И. Пыпина. — 8. *Рожковъ, Н.* Обзоръ русской исторіи и т. д. (оконч.). — *Танъ.* Восемь племенъ. (Оконч.).

Периодическо Списание на Българското Книжно Дружество въ София — 1902 г. № 1 — 2. Шоповъ, А. Источникъ изъ Българскага исторіи. Рассматривается двухтомное сочиненіе Феридунъ бей, напечатанное въ 1848 г. подъ заглавіемъ — „Собраніе писемъ къ султанама“. Для болгарской исторіи изданіе это представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что въ немъ помѣщены различные рапорты, поздравительныя письма и донесенія султанама и отвѣты на нихъ султановъ по случаю взятія крѣпостей, городовъ и областей въ Азіи и на Балканскомъ полуостровѣ въ нынѣшнихъ Сербіи, Болгаріи и Европейской Турціи. Среди различныхъ документовъ здѣсь напечатаны, между прочимъ, два письма, касающіяся битвы на Косовомъ полѣ. Согласно сообщенію перваго письма отъ 9-го августа 1389 г. подписаннаго именемъ султана Мурада, по написаннаго, несомнѣнно, уже послѣ его смерти сыномъ его султаномъ Баязидомъ, оказывается, что въ Косовскомъ сраженіи принимали участіе не только турки и сербы, но съ турками здѣсь сражались сербы, боснійцы, влахи,

венгры, болгары, албанцы, чехи и поляки... Второе письмо отъ того же 9-го августа, подписанное рукою Баязида, сообщаетъ о смерти султана Мурада, умершаго будто отъ руки Милоша Кабилча, который послѣ коссовской битвы при избіеніи христіанъ заявилъ, что онъ принялъ мусульманство, и во время свиданія смертельно ранилъ султана отравленнымъ ножомъ. Здѣсь же сообщается и о смерти брата Баязида Якубъ-бей, тѣла которыхъ вмѣстѣ съ письмомъ Баязидъ отправляетъ для погребенія въ Бруссу съ строгимъ наказаніемъ не оповѣщать народъ о смерти султана и его сына, чтобы населеніе спокойно могло отпраздновать побѣду... Въ этомъ же сборникѣ находимъ интересныя подробности о вѣзти гг. Одрина, Ниша, Соѳіи, Никополи и др. *В. Н. Златарскій*. Студіи по Българската исторія. Въ 1872 г. Канницъ открылъ въ Правади и издалъ двѣ надписи Омортага на греческомъ языкѣ. Неточности въ чтеніи и толкованіи надписей Канница вызвали цѣлый рядъ новыхъ чтеній и попытокъ ихъ объясненія, но работы ученыхъ ограничивались при этомъ только одною надписью, вторая оставалась мало исследованной. Въ виду этого авторъ замѣтки, озаглавленной—Единъ отъ Правадійскитѣ Омортагови надписи—и предлагаетъ ея текстъ и разборъ содержанія. Надпись гласитъ слѣдующее: „Великій ханъ Омортагъ. Копанъ Окареъ (Окарнеъ?): былъ хонимъ вѣрнымъ слугою и, когда вышелъ на войну, потонулъ въ рѣкѣ, а былъ онъ нѣзъ рода Човогаръ“. Вмѣстѣ съ разборомъ содержанія авторъ приводитъ рядъ интересныхъ соображеній о болгарскихъ военныхъ поселеніяхъ въ нынѣшней Бессарабіи, о движеніи укровъ въ IX в. и ихъ столкновеніи съ болгарскими владѣніями, которыя распространились на сѣверо-востокъ и сѣверо-западъ отъ Дуная. Эти соображенія позволяютъ отнести надпись къ 818—823 г. *Цоневъ, Б.* Една особенностъ на Враждебскія говоръ. — Этою особенностю говора села Враждебны, расположеннаго въ восьми километрахъ на востокъ отъ Соѳіи, отличающею его отъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ болгарскихъ говоровъ, является исчезновеніе всякаго смяченнаго или ютованнаго Л съ замѣною этого звука простымъ ютомъ. Напр.: кјучъ вм. мључъ, недѣја вм. недѣля, сејане вм. сеяне, појяна вм. поляна и т. д. Аналогичное, но рѣдкое, явленіе встрѣчается въ говорѣ Враца, который и оказалъ свое вліяніе на говоръ с. Враждебны, а также иногда и въ родственныхъ славянскихъ языкахъ, но въ виду недостаточности матеріала явленіе это не поддается пока точному опредѣленію. 3—4. *Стоиловъ, А. П.* Зазимждане жива човѣци въ основитѣ на нови градежи. Авторъ приводитъ варианты любопытной международной легенды о зарываніи людей въ основанія новыхъ построекъ у славянскихъ народовъ и источникомъ развитія этой легенды у балканскихъ славянъ считаетъ Грецію. 5—6. *Златарски, В. Н.* Основаніето на българското царство. Разсматривается вопросъ о достоверности двухъ древнѣйшихъ византийскихъ извѣстій объ основаніи болгарскаго царства, Теофана и патр. Никеоора, о выдѣленіи племени Аспаруха изъ прѣазовскаго болгарскаго царства и поселеніи его въ мѣстности Огъль (Ὀγῶλος), которое, вопреки мнѣнію Шафарика, слѣдуетъ считать за дельту Дуная; эта дельта у Моисея Хоренскаго носитъ названіе острова Пюки, древнегреч. ἱ. Πεύκη и лат. Peuce, нынѣшній Георгіевскій остр. между Сулинскимъ и Георгіевскимъ устьями Дуная. Названіе Огъль г. Златарскій сопоставляетъ съ тюркскимъ Огъль, которое означаетъ „дворъ“, „плетень“, „огороженное мѣсто“. Шафарикъ объяснял это слово какъ слав. жголь. Поселившись на Дунаѣ (670 г.), Аспарухъ не имѣлъ ввиду никакихъ завоевательныхъ цѣлей; въ своемъ стремленіи на балканскій полуостр. онъ искалъ только болѣе удобнаго и широкаго, чѣмъ островъ, мѣстожительства, но обстоятельства привели къ другимъ результатамъ. Неудачная попытка византийскаго императора Константина IV Погоната выгнать болгаръ, попытка, окончившаяся бѣгствомъ византийскихъ войскъ, открыла Аспаруху путь къ Византийской имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Аспарухъ вступилъ въ мирныя сношенія съ соседними славянскими племенами, что было выгодно и для славянъ, ввиду защиты съ сѣвера отъ аваровъ, и для болгаръ, въ виду враждебныхъ отношеній къ Византии, для совмѣстныхъ дѣйствій про-

тивъ Византии. Составляя тѣсный союзъ, болгары и славяне долгое время оставались двумя совершенно отдѣльными этническими элементами, въ какомъ смыслѣ они и упоминаются у византийскихъ историковъ. Можно предполагать, что и появленіе на Балк. пол. Аспаруха произошло не безъ вѣдома славянъ, которые до этого были уже знакомы съ азовскими болгарями; такъ что движеніе болгаръ на Балк. полуо-стр. было совершенно другого рода, нежели движенія гунновъ или аваровъ. Въ своемъ движеніи на югъ Аспарухъ остановился въ мѣстности къ сѣверу отъ Варны, а затѣмъ подвинулся западнѣе, поближе къ сѣсѣдямъ славянамъ и занявъ высшія Каспичанскія горы, гдѣ основалъ свою резиденцію, нынѣшнее село Абаба. Отсюда вмѣстѣ съ союзниками онъ сталъ нападать на ближайшія византийскія владѣнія, и византийскій императоръ въ 679 году долженъ былъ заключить съ болгарами миръ съ условіемъ платить ежегодную дань. Съ этого момента на Балканскомъ пол. появляется новая политическая единица болгарское царство. *Казаровъ, Г.* Свѣдѣнія на Тукидида за старите траки. Переводъ и комментарий отрывковъ изъ исторіи Фукидида о еракійцахъ. 7—8. *Затарски, В. Н.* Болгарскитѣ князе отъ рода Дуло. Опредѣливъ границы государства Аспаруха, авторъ продолжаетъ изложеніе исторіи развитія болгарскаго государства при византийскомъ императорѣ Юстиніанѣ Ринотметѣ (686—695), который, предвидя опасность для своей имперіи въ образовавшемся объединеніи славянскихъ племенъ подъ главенствомъ болгаръ, рѣшилъ варушить позорный для Византии миръ, предпринявъ походъ противъ македонскихъ славянъ, побѣдилъ ихъ, затѣмъ обратился противъ болгаръ, но былъ разбитъ и спасся бѣгствомъ. Преемникомъ Аспаруха былъ Тервель изъ того же рода Дуло, откуда происходилъ и Аспарухъ или Инерихъ. Событія византийской имперіи способствовали возвышенію и упроченію молодого болгарскаго государства. Тервель помогъ свергнутому съ престола Юстиніану II снова утвердиться на немъ и по договору за услугу былъ осыпанъ византийскимъ императоромъ богатыми дарами, а главное торжественно былъ провозглашенъ „Кесаремъ“, что равносильно было титулу царя болгаръ. Дюмогая о признаніи византийскимъ императоромъ своего царскаго достоинства, Тервель имѣлъ въ виду привлечь къ себѣ тѣснѣ славянъ, которые предпочитали его власти власти византийскаго императора, такъ какъ считали себя не подчиненными ему, но его союзниками. Съ этого момента Болгарія начинаетъ играть видную роль по отношенію къ Византии, о чемъ свидѣтельствуетъ договоръ, заключенный Тервелемъ съ императоромъ Теодосіемъ III въ 716 г. Съ расширеніемъ территоріи Болгарскаго царства увеличивается славянскій элементъ, входившій въ его составъ, а въ связи съ этимъ крѣпнеть и славянское сознаніе своего значенія, какъ главнаго фактора силы и могущества болг. государства. Въ отношеніи къ славянамъ Тервель держался твердо политики своего предшественника, и славяне не имѣли никакихъ основаній заявлять своихъ претензій на увеличеніе своего политическаго вліянія, но послѣ смерти Тервеля (722), съ прекращеніемъ династіи Аспаруха начинаютъ въ Болгаріи внутреннія междоусобія на почвѣ борьбы двухъ національностей за преобладаніе. *Затарски, В. Н.* Приноеъ къмъ българската нумизматика. Забѣтка о серебряныхъ монетахъ царя Ивана Шишмана изъ собранія г. Аврамова въ г. Пазяень. 9—10. *В. Н. Затарски.* България прѣвъ VIII вѣкъ. Ближайшіе преемники Тервеля не въ состояніи были продолжать дѣло развитія и укрѣпленія молодого государства. Въ политической жизни Болгаріи теперь выдвигается роль болгарскаго боярства, которое стремится такъ или иначе ограничить власть царя. Къ числу знатныхъ родовъ относится и родъ Вокиль, изъ котораго выдвинулся Кармисошъ, смѣнившій собою послѣдняго изъ императоровъ Дуло. Вмѣстѣ съ преемникомъ Кармисоша Висехомъ изъ рода Угела начинаютъ въ Болгаріи родовыя распри, приведшія въ концѣ концовъ Византию къ мысли о покореніи Болгаріи. Неоднократныя вторженія въ нее Копрониа на время прекращаются съ вступленіемъ на византийск. престолъ Льва IV, по внутреннія междоусобія двухъ партій препятствуютъ укрѣпленію и развитію ея могущества. Съ 90 хъ

годовъ VIII ст. начинается цѣлый рядъ нападеній византійцевъ на болгарь съ цѣлью отвлечь ихъ вниманіе отъ Македоніи, которая готова была вступить въ славянскій союзъ съ болгаріей. Наиболее услугъ оказалъ въ это время Болгаріи царь Кардамъ своимъ сдержаннымъ характеромъ и пониманіемъ современныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ Византіи. Благодаря своему политическому такту онъ сумѣлъ оградить себя отъ посягательствъ болгарской аристократіи и пастолько возвысить авторитетъ своей власти, что при его преемникѣ Крумѣ княжеская власть въ Болгаріи достигла высшаго своего развитія.—*Кацаровъ, Г. И.* Нѣколко бѣльзши по културата на старитраки.—*К. Г. Поповъ.* Гкстината на населението въ княжество България. Замѣтка о населеніи Болгаріи, его распредѣленіи и густотѣ.

Русская Мысль. 1903. 5. Отзывъ на книгу: Н. Харузянъ—Этнографія. Вып. II.—6. XX. Предварительный сѣздъ славистовъ.—7. *Кантировъ, Д.* Богатыри. Изъ быта минусинскихъ ипородицевъ. Разсказъ.—*Смирновъ, Алексій.* Что читаютъ въ деревнѣ.—*Буинъ, Ю. А.* Распредѣленіе населенія Россіи по вѣроисповѣданіямъ.—8. *Скворцовъ, Н. А.* Условія труда и жизни судорбочихъ на Волгѣ.—9. *Сторожевъ, Вас.* Русская провинція и областной историческій сѣздъ.—*Смирновъ, Алексій.* Русскій ткачъ или фабрика. Статистическій этюдъ.

Русскія Вѣдомости. 1903. 94. *Веселовскій, Алексій.* Къ характеристикѣ А. И. Пыпина. (Отголоски юбилея).—92, 95. *Скворцовъ, Н.* Условія труда и жизни судорбочихъ на Волгѣ.—106. В—ъ, В. Наши историческіе журналы. Въ „Русской Старинѣ“ (апрѣль) печатались „записки“ генерала Залѣсова, у котораго встрѣчаются воспоминанія о башкирахъ (наказаніе ихъ за конокрадство).—116. Ж., Р. Современная Македонія. Авторъ старается разобратись въ извѣстїяхъ о составѣ и количествѣ македонскаго населенія, т.-е. въ Македонскомъ, Салоникскомъ и Ускюбскомъ вилайетахъ. Въ свѣдѣніяхъ этихъ играетъ роль больше національность и патриотизмъ ученыхъ, чѣмъ научная статистика и этнографія.—118. Закаспійская область (изъ газ. „Асхабадъ“). Рѣшенія народныхъ судовъ по дѣламъ о кражахъ не исполняются виновными за неимѣніемъ средствъ у лицъ, приговоренныхъ къ уплатѣ взысканій. Чрезвычайный сѣздъ народныхъ судовъ, по предложенію начальника области, обсудилъ этотъ вопросъ и, основываясь на существующемъ туркменскомъ обычномъ правѣ, призналъ необходимымъ отдавать несоостоятельнаго должника въ услуженіе кредитору, а также распространить это и на воровъ, которыхъ тоже отдавать въ услуженіе потерпѣвшимъ. Мнѣніе сѣзда утверждено начальникомъ области.—118. А., Д. А. И. Кирпичниковъ (пекрологъ).—129. Ж., Р. Хорватія и хорваты. Давъ краткій очеркъ исторіи племени, авторъ останавливается на вопросѣ о политикѣ мадьяризаціи хорватовъ. Въ хорватіи мадьярскій элементъ составляетъ не болѣе 3%. (По переписи 1900 г.: 1 359.588 хорватовъ, 582.131 сербовъ, 117.493 пшмцевъ, 68.794 мадьяръ, 20.987 вендовъ, 13.614 словаковъ, 3.606 русинъ, 2.826 румынъ и 37.371 ч. другихъ національностей). Мадьярская партія встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе среди хорватской молодежи. Движеніе носитъ демократическій и великославянскій характеръ. Его органами были журналы: „Хорватская Мысль“ (1897), „Голосъ“ (1898), „Новая Эпоха“ (1898), „Народная Мысль“ (1897—1898), другая „Хорватская Мысль“ (съ 1902) и газеты: „Обзоръ“, „Народная Оборона“, „Новый Листъ“. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей агитаціи является нынѣ С. А. Радичъ.—155. *Рискинъ, Яковъ.* Олсай-догъ. (Священная пещера осетинъ-дигорцевъ). Описана пещера, обычай и молитвы при вступленіи въ пещеру („святому“), черепа зубровъ, быковъ, дикихъ козловъ, ковъ, олпей, барановъ—остатки жертвоприношеній. Нынѣ уже рѣдко кто приноситъ черепа и рога въ дань святому. Далѣе идетъ цѣлый лабиринтъ ходовъ внутрь горы. Общественныя жертвоприношенія совершаются въ пещерѣ передъ началомъ покоса (около 20-го іюня); Сходятся не только мѣстные жители (Задалеска), но и изъ окрестныхъ селеній. Еще задолго до времени наступленія жертвоприношенія жители Задалеска мечутъ жребій, кто долженъ доставить быка для общественной жертвы. На жертвеннаго быка на-

дѣлають кольцо съ кускомъ дерева, и быкъ отправляется на пастбу; все за нимъ ухаживають. Кому-нибудь—искусному въ приготовленіи пива поручается сварить достаточное количество его изъ продуктовъ, доставленныхъ всѣмъ селеніемъ. Съ собой въ пещеру приносятъ также круглыя лепешки изъ муки, начиненныя сыромъ. За каждаго же родившагося въ этомъ году мальчика приносятся еще три лепешки въ формѣ полумѣсяца. Почетный старикъ, держась рукой за лѣвый рогъ быка, провозноситъ молитву святому, прося о хорошемъ урожаѣ, хорошей погодѣ, о счастьѣ всѣмъ новорожденнымъ мальчикамъ и всѣмъ жителямъ селенія. Послѣ молитвы старикъ опалаетъ быку часть шерсти за правымъ ухомъ и по мордѣ. Затѣмъ связаннаго быка кладутъ горломъ къ востоку, и юноша перерѣзаетъ ему горло. Затѣмъ отрѣзають голову, бросаютъ въ котель, варятъ; это почетный кусокъ,—его ѣдятъ потомъ только старики. За обѣдомъ прислуживаетъ молодежь. Когда все разсылился по старшинству, кладутъ на столы у почетнаго старика три лепешки такъ, что одна покрываетъ часть другой, голову жертвеннаго быка, нѣкоторыя части его мяса (лопатку, часть шеи) и стаканъ съ аракой. Остальное мясо разносятъ по столікамъ присутствующимъ. Затѣмъ старикъ беретъ въ одну руку „ахсѣройѣмбѣл“—сваренные на вертелѣ куски легкихъ, обернутые въ части салыника,—и опять провозноситъ длинную молитву, часть ахсѣройѣмбѣл'а бросаетъ въ огонь, кусокъ беретъ себѣ, а остальные куски молодежь разноситъ старцамъ изъ присутствующихъ. То же продѣлывается и съ лепешками. Сидящій рядомъ съ почетнымъ старикомъ беретъ чашку шираки и послѣ краткой молитвы пескаетъ часть аракы въ огонь, а остальное выпиваетъ самъ. Этимъ заканчивается обрядъ освашенія пищи и питья, а затѣмъ начинается общественный обѣдъ. Въ жертвоприношеніи принимаютъ участіе только мужчины. Женщинамъ даже запрещенъ входъ въ пещеру. Въ спорныхъ случаяхъ осетины берутъ вещи изъ пещеры и на нихъ присягаютъ.—163. *Л., Е.* Новая старина. 20 лѣтъ тому назадъ въ Англіи возникло своеобразное общественное движеніе въ пользу восстановленія народнаго искусства не въ узко-національномъ смыслѣ, а въ смыслѣ сохраненія всего—что создано прекраснаго народнымъ творчествомъ вообще. Джонъ Рѣскинъ и Вильямъ Моррисъ, наиболее сильно выдвигающіе эту культъ красоты въ народной старинѣ, стояли въ то же время за демократизацию искусства. Однако, были и помѣхи этимъ здоровымъ идеямъ Рѣскина и Морриса, особенно со стороны „эстетиковъ“, замѣнявшихъ изящную простоту (идеи Рѣскина и Морриса) манерной вычурностью. Но эти идеи нашли зато благодарную почву въ средѣ рабочихъ. Моррисъ придавалъ огромное значеніе художественному ручному труду и много работалъ по восстановленію старинныхъ рисунковъ, вышивокъ, тканей, растительныхъ красокъ. Такое же направленіе проходитъ красной нитью и въ искусствѣ Италіи, Франціи, Германіи, Швеціи, славянскихъ земель. У насъ, въ Россіи, также усиливается это стремленіе къ восстановленію образцовъ народнаго творчества въ искусствѣ. Въ музеѣ Московскаго земства, въ магазинѣ „Союзъ“, въ кустарномъ складѣ Великой Княгини Елисаветы Феодоровны, въ магазинѣ „Русскихъ работъ“ М. Н. Якуничковой и Мамонтовой—успѣшно выставляются продажныя вещи народнаго стиля, народнаго производства и т. п. Особенно интересно вновь открывшееся дѣло „Родникъ“ (точнѣе, это—„новая старина“); здѣсь основаніемъ разнообразныхъ художественныхъ издѣлій послужили всевозможныя образцы старины, терпѣливо собранныя за много лѣтъ по глухимъ деревнямъ и сохранившіеся по ларцамъ бережливыхъ старушекъ. Въ работахъ крестьянокъ восстановленіе старины особенно строго выдержано.—165. *Корсаковъ, В. В.* Праздникъ лѣта въ Китаѣ. Подробно описаны обряды, жертвоприношенія, церемоніи и проч.—169. *Головачевъ, П.* Въ испанской деревнѣ. Сообщаются личныя впечатлѣнія.—*Максимовъ, А.* Народная медицина. Авторомъ намѣчены вопросы въ изученіи нар. медицины, какъ одного изъ наименѣ разработанныхъ отдѣловъ этнографіи: познанія по анатоміи и физиологіи, естественныя причины болѣзни, колдовство, сглазъ, дѣторожденіе (обычай „кувады“, или „мужскихъ родовъ“), лихорадки и другія болѣзни, способъ лѣ-

ченія и т. д.—190. К. На международномъ социологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ. Приведены взгляды на социологию Е. Де-Роберти, Тарда, Эспинаса, Вормса, Манувриэ, М. М. Ковалевскаго и В. А. Лесевича, присутствовавшихъ на конгрессѣ. „Мнѣ думается“, говорилъ М. М.: „что единственное средство узнать l'état d'âme даннаго народа, это—изучить совокупность его вѣрованій и учреждений, его нравовъ и обычаевъ. Для того, кто старается выяснитъ психологию той или иной націи, не могутъ быть безразличны ни ея народныя сказанія, ни быльины, ни пословицы и поговорки, ни юридическія формулы, ни писанныя законы, ни обычаи. И въ этомъ отношеніи folk-lore окажетъ значительную услугу той коллективной психологіи, которая можетъ служить основой науки объ обществахъ. Исторія же выпадаетъ въ удѣлъ объясненіе настоящаго прошлымъ, современнаго народнаго духа—наслѣдіемъ предковъ. Сближая между собой матеріалъ, доставляемый этими двумя научными дисциплинами, мы получимъ указанія болѣе общаго характера; будучи систематизированы, они дадутъ намъ дѣйствительную картину совокупности идей и чувствъ, составляющихъ душу націи. Вотъ эти-то косвеннымъ путемъ, а не анализомъ, какъ бы онъ остроумнѣе ни былъ, настроенія толпы, настроенія клубовъ и салоновъ, и будутъ положены вполнѣ солидныя основанія коллективной психологіи. Характеръ приспособленія, присущій всякому заимствованію, нагляднѣе выступаетъ не въ случайныхъ манифестаціяхъ общественнаго мнѣнія, временно подчинившагося тому или иному частному руководству, а въ вѣкахъ сложившихся продуктахъ такъ называемаго народнаго творчества; въ нихъ личность гораздо болѣе нейтрализуется. Поэтому изученіе фольклора и должно служить для выясненія того, что остается въ обществахъ отъ индивидуальныхъ воздѣйствій. Е. Де-Роберти и В. А. Лесевичъ тоже признали большую роль :а фольклористики для социологіи.—187. А. Крестьянское землевладѣніе во Франціи. Авторъ, пользуясь трудомъ Flour de St. Genis „La Propriété Rurale en France“. Paris. Colin. 1902, старается доказать взглядъ, высказанный еще кн. Васильчиковымъ, что преобладающій характеръ французскаго землевладѣнія не крестьянскій, а мѣщанскій, буржуазный.—197. Корсаковъ, В. В. Изъ общественной китаѣской жизни. Описывается, между прочимъ, обычай праздновать торжественно двѣ годовщины: 60-лѣтіе и 70-лѣтіе дня рожденія.—203. Америанецъ о духоборахъ. Приведено содержаніе книги Джозефа Элкинтона: The doukhobors. Their history in Russia. Their migration to Canada. By Joseph Elinton. Philadelphia, 1903.—226. Тверской историко-археологическій съездъ.—229. Старица. Корреспонденція объ археологической экскурсіи въ Старицу.—249. Б—въ, А. Этнографическій отдѣлъ на сельскохозяйственной выставкѣ. (См. здѣсь „Хронику“).—264. W. Русскіе скопцы въ Румыніи. Въ последнее время были случаи насильственнаго оскотенія молодыхъ людей. Румынское правительство рѣшило вмѣшаться въ „спокойное житіе“ нашихъ „безбородыхъ земляковъ“ (переселенцевъ изъ Россіи). Авторъ ставитъ вопросъ: являются ли эти изувѣрства слѣдствіемъ свободы, предоставленной сектѣ, и знаменуютъ ея расширеніе, или, наоборотъ, это послѣдствія отчаянныя вспышки дикаго фанатизма сектантовъ, чувствующихъ, что почва ускользаетъ у нихъ изъ-подъ ногъ?—266. Ануцивъ, Д. Соперничество въ археологіи. Авторъ, ставивая значеніе всероссійскихъ археологическихъ съездовъ, проводитъ мысль о необходимости урегулировать отношеніе къ нимъ областныхъ археологическихъ съездовъ. Между тѣмъ, у нѣкоторыхъ представителей науки есть тенденція считать всероссійскіе съезды „отыгравшими свою роль“. Д. Н. Ануцивъ справедливо указываетъ, что областные съезды не могутъ претендовать на руководство всею археологическою дѣятельностью. „Но естественно желать, чтобы эти областные съезды дополняли уже давно налаженное дѣло всероссійскихъ съездовъ.“—268. Письма въ редакцію—В. Сторожева и Д. Ануцива, выясняющія затронутый выше вопросъ объ областныхъ съездахъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости. 1903. 109. Т., С. Л. Послѣднія извѣстія о духоборахъ въ Канадѣ.—111. Въ Обществѣ Востоковѣдцевъ. Довладъ О. С. Де-

бедевой объ эмансипаціи мусульманской женщины.—112. Народности Тобольскаго съевра. (Изъ доклада г. Дунина-Горковича, 25 апр. въ Импер. Георг. О-въ). Даны свѣдѣнія объ остякахъ, вогулахъ, зырянахъ; ихъ экономическое положеніе; существующіе о нихъ законы.—114. Русскій Музей Императора Александра III въ 1902 г. (свѣдѣнія изъ отчета).—117. Къ 300-лѣтію астраханской епархіи.—119. Князь В. Н. Тенишевъ. Некрологъ.—125. Жилище мудрецовъ. Изложена глава изъ путешествія Piegge Loti по Индіи, печатающагося въ „Revue des deux Mondes“.—131. Въ Албаніи. Изложено напечатанное въ „Revue de Paris“ путешествіе Жоржъ Голи по Албаніи. Авторъ ярко освѣщаетъ преобладающія черты въ характерѣ албанскаго народа.—132 *Клеменцъ, Д.* Еще о кочевомъ бытѣ. Авторъ подробнѣе разсматриваетъ нѣкоторыя частности затронутаго имъ въ предыдущихъ статьяхъ вопроса о хозяйствѣ въ киргизскихъ степяхъ. „Мнѣ кажется сомнительнымъ разложеніе кочевого быта. Я думаю даже, что въ конецъ онъ и не выродится никогда“. Такъ увѣренно говоритъ авторъ о силѣ кочевого быта. Авторъ горячо желаетъ, чтобы хозяйственное переустройство кочевниковъ рѣшилось „самою жизнью“.—133. *Смотровъ, И. А.* Къ вопросу о колонизаціи киргизскихъ степей. Авторъ заинтересованъ экспедиціей Министерства земледѣлія по изслѣдованію степныхъ областей, но не удовлетворенъ свѣдѣніями, добытыми экспедиціей, и изложенными въ „Матеріалахъ по киргизскому землепользованію“, а также въ двухъ статьяхъ въ „Степномъ Краѣ“. Авторъ опасается, какъ бы мѣтне объ излишкахъ „лѣтвовокъ“ не было рѣшено слишкомъ отвлеченно въ ущербъ киргизскому народу.—142, 145. *П. В.* Къ вопросу о далекомъ качествѣ.—143. Изъ „Каз. Газеты“ приведены свѣдѣнія, во что обходится крестьянская свадьба: отцу невѣсты 55 р. 80 к. и отцу жениха 101 р.—148. Приведены свѣдѣнія изъ юньской книги „Православнаго Путеводителя“ объ исторіи малеванской богородицы Марины, впоследствии признанной душевно больной. 150, 152 *Л.*, къ киргизскому вопросу.—162. *Горбатовскій, Ю.* Къ характеристикѣ помещельныхъ отношеній въ Сибири. Авторъ подробнѣе останавливается на заселеніи алтаями или, какъ ихъ называютъ, калмыками „калмыцкихъ стойбищъ“ въ Бійскомъ округѣ. См. также книгу „Горный Алтай, его населеніе. 1900“.—171. *З., Н.* „Родникъ“. Выказаны взгляды на открывшійся въ Москвѣ магазинъ „Родникъ“, имѣющій цѣлью поднять народное искусство воспроизведеніемъ образцовъ русской старицы. (См. здѣсь „Русс. Вѣд.“ № 163). Авторъ находитъ постановку этого дѣла весьма серьезной.—178. *Костылевъ, Н.* Конгрессъ социологовъ въ Парижѣ. (См. здѣсь „Русс. Вѣд.“ № 190).—179. Интересныя раскопки. Онѣ были произведены княземъ Монако въ „дѣтской пещерѣ“ близъ Ментоны; результаты опубликованы въ L'Anthropologie.—196. Вырождаются ли культурные народы? На этотъ вопросъ въ журналѣ „Kultur“ дается отрицательный отвѣтъ, мотивированный изслѣдованіями проф. Гогаръ (по Готскому альманаху), Гатцеля и др.—200. *Врадій, В. П.* Неразрѣтые археологическіе предметы близъ Албазина, Амурской области. Лѣтомъ 1893 г. производились казаками раскопки въ Албазинѣ, по раскопки не окончены, благодаря вышатаельству полиц. властей. Нѣкоторые предметы XVII в. удалось достать; изъ нихъ кое-какіе ходятъ по рукамъ.—219. *Ж., И.* Въ Уральской области. Характеризуется казачья община.—224. Приведено содержаніе статьи *И. Соколова*, „Деревенская молодежь въ ея пѣсняхъ—частушкахъ“ (напечат. въ „Виржев. Вѣдом.“).

Сѣверный Край. 1903. 125. Жертвы недозвѣрія. Кр. Семень Ильченко, желая „налугать лихорадку“, приставшую къ его жепѣ, пугалъ всячески: обливалъ больную внезапно водой, толкалъ неожиданно въ яму, рѣву и т. п. Когда это не помогло, онъ зарядилъ ружье туго спрессованными мокрыми тряпками, стрѣлялъ въ жену и убилъ.—147. Печорская экспедиція (по проекту А. П. Ушакова). См. здѣсь.—Хроника.—187. *К., А.* Отъ Архангельска до Усть-Цыльмы. Описывается путешествіе печорскій экспедиціи, организовавшей А. П. Ушаковымъ.—214. Заговорившія діаграммы. По объясненію Сѣвтовой г. *Френкель*, завѣдующій санитарнымъ бюро вологодской губерніи, выставилъ

диаграммы, свидѣтельствующія, что лѣтняя бабья страда вносятъ крупный дефицитъ во всю экономику народной жизни, увеличивая смертность и понижая жизнестойкость послѣдующихъ поколѣній, что низкія цѣны на хлѣбъ повышаютъ смертность, высокія повышаютъ, что смертность крестьянскихъ дѣтей всецѣло находится въ зависимости отъ условій крестьянскаго труда и т. д.—233. Тверской археологическій съѣздъ (жорресп.).

Сѣверо-Западное Слово. 1903. 1620. Проф. Э. Глассонъ выпустилъ VIII-й томъ своей „Histoire du droit et des institutions de la France“, доведя изложеніе до конца феодальной эпохи (XV в.); здѣсь онъ даетъ очеркъ источниковъ права и излагаетъ личное и семейное право; въ частности, имъ дана характеристика юридическаго положенія евреевъ.—1626. Персидскій юморъ: два разсказа: 1) астрологъ устрашаетъ короля предсказаніемъ, что королю осталось жить 10 лѣтъ; визирь утѣшаетъ; возмнитъ астролога, кот. о себя сказалъ, что самъ еще проживетъ 20 лѣтъ. 2) Султанъ Александръ Великій обѣщаетъ сумасшедшему исполнить любое его желаніе; тотъ проситъ приказать мухамъ, чтобы не приставали. „О, сумасшедшій! проси о чемъ-либо другомъ, что въ моей власти“. „О чемъ мнѣ просить тебя, султанъ, если ты даже надъ мухой не имѣешь никакой власти!“—1628. Женщина—„Синяя борода“. Въ Пруссіи было совершенно преступленіе на почвѣ суевѣрій. Крестьянка Каролина Присигда отравила своихъ мужей, вѣря въ свою „планету“, о которой ей наворожила ворожея: надо было дожидаться 7-го мужа.—1644 Сожиганіе вдовъ въ Индіи. Изложено по книгѣ Рихарда Гарбе: „Beiträge zur indischen Kulturgeschichte“.

Тульскія Губ. Вѣдомости. 1901. 97. Разныя извѣстія: Стародубъ. Лѣченіе отъ грудной боли: выбрать въ навозѣ хворостину и, не очищая ея отъ грязи, взять въ зубы; потомъ, не оглядываясь и не говоря никому ни слова, бѣжать до кладбища, гдѣ бросить хворостину на какую-нибудь могилу. Болѣзнь—какъ рукой сниметъ. 150, 151, 155. Сѣпкое въ повѣрьяхъ русской деревни. (Изъ „Прав. Вѣстн.“) 157—8, 160. Осимая запашка въ повѣрьяхъ русскаго народа (Изъ „Прав. Вѣстн.“). Въ этой и предыдущей статьѣ главнымъ образомъ фигурируютъ русскія пословицы и примѣты. 211, 212, 214, 216—222. В. А. Городищевъ. Отчетъ объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ долинѣ р. Оки. 1897 года. I. Изслѣдованіе Федяшевскаго городища. II. Раскопки Федяшевскихъ кургановъ. III. Изслѣдованіе группы Воронецкихъ кургановъ. IV. Осмотръ городищъ въ с. Фурсовомъ, Бѣлевскаго уѣзда. 1902. 10. Сибирь. Китайское гаданіе. Животный міръ въ рождественскихъ повѣрьяхъ изъ лондонскаго журнала. 11—12. По поводу исполнившагося 25-ти лѣтія службы. Н. И. Троицкаго. 1876—1901. Помѣщена его біографія и списокъ его трудовъ, посвященныхъ главнымъ образомъ изученію св. писанія и археологій.—15. Изъ печати. Отчетъ о I-ой части труда А. С. Ермолова, „Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ“.

Черноморскій Вѣстникъ. 1903. 10. Самурзаканъ. Очеркъ. 16. Андрей перво-званный въ Абхазіи.—28. Очеркъ Мингрелии.—39. Д. Очеркъ Гуріи (Озургетскій у.).—52. Колхида. Легенда и преданіе (безъ подп.).—И. Д. Въ гостяхъ у текинцевъ.—56. В. Д. Экономическій бытъ Мингрелии.—57, 58. I. Тези. Историческій очеркъ Сухума.—62, 63. Какъ-а. Экономическое положеніе Гуріи.—63. Сванетія. (Очеркъ).

Новости этнографической литературы.

- Альбомъ** выставки XII археологич. съезда въ Харьковѣ. Подъ ред. и съ объясн. текстомъ проф. Рѣдина.
- Аничковъ, Е.** Весенняя обрядовая пѣсня на Западѣ и у славянъ. Ч. I. Отъ обряда къ пѣснѣ. Сборникъ Императорской академіи наукъ. Сиб. 1903.
- Безчинскій, А.** Путеводитель по Волгѣ. М. 1903. Ц. 1 р.
- Ведробисели, Д.** (Д. К. Маліева). Нетронутый уголокъ. Грузинскіе рассказы. Т. I. Спб. 1903. Ц. 1 р. („Авторъ хорошо знакомъ съ грузинской жизнью и рисуетъ ее очень правдиво, почти съ этнографической точностью“. Изъ „Русск. Вѣд.“).
- Войновичъ, Драго.** Исторія сербскаго народа. Одесса. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Врадій, В.** Краткій каталогъ этнографической выставки. Пятигорскъ. 1902. Ц. 10 к.
- Гальперинъ, С. И.** Современная социологія. (Обзоръ социологической литературы за 1902). Екатеринбургъ. 1903. Ц. 2 р.
- Гейдингъ, Г., проф.** Философія религіи. Пер. съ нѣм. В. Базарова и И. Степанова. Спб. 1903. 403 стр. Ц. 1 р. 50 к.
- Гольдштейнъ, I. M.** Проблемы населенія во Франціи. Спб. Стр. VIII+272. Ц. 2 р. 50 к.
- Гордѣвъ, П.** Въ глуши родныхъ степей. 250 верстъ по Донской области. Спб. 1903.
- Готкевичъ, В. И.** Клады и древности Херсонской губ. Кн. 1-я. Съ худож. иллюстраціями. Херсонъ. 1903. 176 стр.
- Готтенротъ, Ф.** Исторія домашней культуры. Одежда, домашняя утварь, полевья и военныя орудія народсъ древнихъ и новыхъ временъ. 240 хромографированныхъ карт, 80 листовъ описательн. текста, со многими политипажамъ. Русск. пер. С. Клячко. Два тома въ 4-ю д. л. Ц. 20 р.
- Дартелли д'Асколи, Эмилио,** доминиканецъ, преемкъ Каффы, Татаріи и проч. (составилъ): Описаніе Чернаго моря и Татаріи. 1634. Одесса. 1902. („Записки Одесск. Общ. Истор. и Древн.“).
- Долгоруковъ, В. А.** Путеводитель по всей Сибири и азиатскимъ владѣніямъ Россіи. Годъ VII. Съ 142-мя фототипографурями и картой имперіи. Томскъ. 1903. Стр. 466+80.
- Дубовицкій, Д. Ив.** Опытъ изслѣдованія Пелаенской губерніи и юго-восточной Россіи въ сельскохозяйственномъ отношеніи. Ч. I. Пенза. 1903. 162 стр. Ц. 1 р.
- Екатеринославская губернія.** Изданіе Екат-го губ. статист. комитета. Подъ ред. секретаря к-та Я. Г. Голодолобова. Вып. I, II и III.
- Еремѣвъ, Н. С.** Указатель къ „Олонецкимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ“ за 1895—1900. Петрозаводскъ. 1903. 67+VI стр.
- Иономовъ, В. Ф.** Наканунъ реформъ Петра Великаго. Очерки государственно-общественнаго и частнаго быта Московской Руси XVII вѣка. М. 1903. 394 стр. Ц. 1 р. 25 к.
- Кашкаровъ, М.** Статистическій очеркъ хозяйственнаго и имущественнаго положенія крестьянъ Орловской и Тульской губ. Спб. 1902. Ц. 75 к.

- Нузнецовъ-Красноярскій.** Замѣтки о древнихъ обитателяхъ южныхъ частей Енисейской губ. Томскъ. 1902. Ц. 39 к.
- Нуринъ, П. И.** Возрастной составъ сельскаго населенія Московской губерніи. М. 1903. 92 стр.
- Изъ столѣтію (1801—1901)** присоединенія Грузіи къ Россіи. Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ. Подъ рук. Н. Г. Бяляскаго составлено изъ военно-историческомъ отдѣлѣ. Подъ ред. г.-м. Потто. Т. I 309 стр., т. II 527 стр., т. III 525 стр.
- Львовъ, В. Самоды.** М. 1903. Изд. „Трудъ“. Ц. 10 к.
- Македонъ, Л. В.** Хозяйственное положеніе и промыслы населенія нагорныхъ станицъ Кубанской области. Вып. 1-й. Спб. 1903. 87 стр.
- Мартыновъ, С. В.** Современное положеніе русской деревни. Сар. 1903. 74 стр.
- Миллеръ, Всев.** Къ быліиъ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ. Спб. 1903. Оттискъ изъ „Журнала Мин. Нар. Просв.“ (1903, № 6).
- Минаевъ, И. Л.** Путешествіе Марко Поло. Пер. съ ст.-франц. текста. Изд. И. Р. Геогр. О., подъ ред. В. В. Бартольда. Сиб. 1902. XXIX+355 стр. („Зап. И. Р. Геогр. О. по отдѣленію этнографіи“, т. XXVI).
- Мочульский, В. Н.** Татарскія народныя повѣрія и соответствующія имъ параллели въ сказаніяхъ другихъ народовъ. Одесса. 1903. Больш. 8^о. 19 стр. (Отд. оттискъ, изъ XXV т. „Зап. Имп. Од. Общ. Ист. и Др.“).
- Нарбековъ, В.** Южно-русское религиозное искусство XVII—XVIII вв. Каз. 1903. Ц. 50 к.
- Народы земли.** Географическіе очерки жизни человѣка на землѣ. Подъ ред. А. Я. Острогорскаго. Изд. т.-ва. „Общественная польза“. Т. I, вып. 1-й. Цѣна по подпискѣ 15 р.
- Невзоровъ, А. С.** Изъ бытія села Птичьаго, Челябинск. у. Оренбургск. губ. Юрьевъ. 1902. 41 стр.
- Нельдене, Т.** Семитскіе языки и народы—въ обработкѣ А. Крымскаго. М. 1903. Изданіе Лазаревскаго института.
- Новицій, В. Ф.** Изъ Индіи въ Фергану. (Зап. Геогр. О-ва по общей географіи. Т. XXXVIII, № 1). Спб. 1903. 297 стр.
- Орловскій, С.** Путешествіе по Норвегіи. 256 стр. Ц. 50 к. (Изд. „Посредника“).
- Отчетъ** Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1902.
- Отчеты и изслѣдованія** по кустарной промышленности въ Россіи. Т. VII. Изд. Мин. Землед. и Госуд. имущ. стр. 258.
- Первая всеобщая перепись населенія** Россійской Имперіи 1897. Изд. Центр. статист. комит., подъ ред. И. А. Троицкаго. XV. Калужская губ. Тетр. 2-я—XXX. Невзевская губ.
- Поповъ, І.** Русская народно-бытовая медицина. По матеріаламъ этнографическаго Шоро вн. В. Н. Тепишева. Спб. 1903. 404 стр. Ц. 1 р. 25 к.
- Правила XIII археологическаго съѣзда** въ Екатеринославѣ въ 1903 и протоколы засѣданій Предварительнаго Комитета 4—6 января 1903. Москва. 1903. 4^о. 49 стр. (Обращаться: Москва, Берсеневка, въ Императорское Московское Археологическое Общество).
- Программа Орловской областной земской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки** 1903.
- Пругавинъ, А. С.** Старообрядческіе архіереи въ Суздальской крѣпости. Очеркъ изъ исторіи раскола по архивнымъ даннымъ. Спб. 1903. Ц. 25 к.
- Рагозина, З. А.** Исторія Халдеи съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи. (Древнѣйшая исторія Востока). Съ 113 рис. и 2 карт. Спб. XV+423 стр. Изд. А. Ф. Маркса. Ц. 2 р. 50 к.
- Рошковъ, Н.** Обзоръ русской исторіи съ социологической точки зрѣнія. Ч. I. Кіевская Русь (съ VI до конца XI вѣка). Спб. 1903. 173 стр. Ц. 60 к.
- Русско-еврейскій архивъ.** Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Т. III. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изд. управленія Кавк. Уч. Окр. Вып. 30-й. Тбились. 1902.

~~Сборникъ рѣшеній~~ чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Закаспійской области съ 1898 по 1902. Матеріалы къ изученію народнаго быта туркменъ и киргизовъ. Паданіе Судной части при начальникѣ Закаспійской области. Асхабадъ. 1903.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Уфимской губ. Т. VIII. Опредѣленіе доходности земельныхъ угодій. Ч. 3-я. Львѣ. Стр. 313. Ц. 2 р.

Сельско-хозяйственный обзоръ Псковской губерніи за 1902.

Семеновъ, А. А. Этнографическіе очерки Заравшанскихъ горъ Каратегина и Дарваза, съ многочисл. рисунками и геогр. карт. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Синайскій, А. Магометанство въ его исторіи и отношеніи къ христіанству. Культурно-историческій очеркъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Соболевскій, А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. Спб. 1903.

Солянский, П. П. Малороссійскія и бѣлорусскія пѣсни. Изд. В. Бесселя и К^о. 1903. Ц. 2 р.

Соколовъ-Костромской, П. Записки колонизатора Сибири. Спб. 1903. 104 стр. Ц. 75 к.

Справочный указатель фабрикъ и заводовъ всей Россіи. Изд. справоч. конторы С. Клячкипа. Лодзь. 1903. 380 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1900. (Годъ 14-й). Изд. Херс. губ. зем. управы. Х. 1902.

Столянский, П. Матеріалы къ исторіи Оренбургскаго края. Вып. 1. Ор. 1903.

Тонмановъ, М. Историко-статистическое и археологическое описаніе с. Малаго-Пичаева (Моршанск. у., Тамб. г.). Съ 4 рис. М. 1902. Ц. 1 р.

Его же. Ист.-ст. и археологич. описаніе с. Выдропужска, Тверск. губ. М. 1902. Ц. 75 к.

Труды пятого Кіевского областнаго сельскохозяйственнаго съѣзда. К. 1903.

Тюмень въ XVII столѣтіи. Изд. А. И. Чукмадиной. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Уолесъ, А. Научныя и социальныя изслѣдованія. Т. I, съ 89-ю рис. и картой. Пер. съ англ. П. Лакіера. Спб. Изд. Ф. Павленкова. Стр. 514. Ц. 1 р. 75 коп.

Финдейзенъ, Н. Музыкальная старина. Сборникъ статей и матеріаловъ для исторіи музыки въ Россіи. Вып. I. Спб. 1903. 83 стр.

Фюстель де-Куланжъ. Древняя гражданская община (La cité antique). Изслѣдованіе о культѣ, правѣ и учрежденіяхъ Греціи и Рима. Паданіе 2-ое. Исправленное. Съ приложеніемъ указателя. Переводъ Н. Н. Спиритюнова. М. 1903. Ц. 1 р. 75 к.

Халютинъ, П. Переселенцы Тюкалинскаго у., Тобольск. губ. Описаніе 6 поселковъ Покровской волости по даннымъ произведеннаго въ 1891 подворнаго изслѣдованія. Вып. X. Спб. 1902.

Харузинъ, Н. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Москов. университетѣ. Изд. посмертное, подъ ред. В. Харузиной. Вып. III. Собственность и первобытное государство. Спб. Стр. 334. Ц. 2 р.

Харузинъ, Ал. Жилище словинца Верхней Крайны. Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ. Спб. 1903. 99 стр.

Хахановъ, А. С. Древнѣйшіе предѣлы расселенія грузинъ въ Малой Азіи. Тифл. (Зап. Кавк. отд. геогр. общ., кн. XXII, вып. 6-й). Стр. 70.

Чарнышевъ, В. Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Тверскаго, Клинскаго и Московскаго уѣздовъ. Спб. Изд. Ак. Н. 1903. 191 стр.

Abbott, G. F. Macedonian Folklore. Cambridge.

A. Magyar. Nemzeti Múzeum multja és jelene Budapesten, 1902.

Bastian, A. Die Lehre vom Denken. T. 1. Berlin, 1903.

- Chester, E.** Histoire et role du boeuf dans la civilisation. 1 fr. 50.
Darapsky, L. Altes u. Neues von der Wünschelrute. Leipzig, 1903.
Dorsey a. Voth. The Miskongnovi ceremonies of the snake a. antelope fraternities. Chicago, 1902 (Field Columbian Museum Publication, 66).
Elkinton, Joseph. The doukhobors. Their history. Their migration to Canada. Philadelphia, 1903.
Ferrand, G. Les Comalis. Paris, 1903.
Foreningen for Norsk Folkemuseum beretning om Foreningens Virksomhed. 1902. VIII. Kristiania, 1903.
Förstemann, E. Kommentar zur Madrider Mayahandschrift. Danzig, 1902.
Kleeberyer, C. Volks Kundliches aus Fischbach in der Pfalz. Kaiserlautern, 1902.
Letourneau, Ch. La psychologie ethnique. 6 fr.
Löw, A. Dar-es-Salam. Berlin, 1903.
List of Papers published in the Bulletin a. Memoirs of the American Museum of Natural History. 1881—1902. N.-York., 1902.
Mazzarella, G. Studi di Etnologia Giuridica. B. I. Lief. I. Catania, 1903.
Michelis, E. de. L'Origine degli Indo-Europei. Torino, 1903.
Nansen, F. Eskimoleben. Aus d. Norwegischen üb. v. Langfeldt. Leipzig u. Berlin, 1903.
Neffgen, H. Grammatik d. samoanischen Sprache nebst Lesestücken u. Wörterbuch. Wien u. Leipzig.
Pösch, R. Ergebnisse einer Reise längs der Küste von Senegambien u. Oberguinea. Separatdruck aus. d. Archiv für Tropenhygiene, 1903.
Prince, M. Eine deutsche Frau im Inneren Deut-ost-afrikas. Berlin, 1903.
Reclu, E. Les primitifs Etudes d'ethnologie comparée. Paris, 1903.
Ségonzal-de, Marquis. Voyages en Maroc, 1899—1901. Paris.
Sievers, W. Süd u. Mittel-Amerika. 2 auf. Leipzig u. Wien, 1903.
Sievers, W. Venezuela u. die deutschen Interessen. Halle a. S. 1903.
Stephanl, K. G. Der älteste deutsche Wohnbau u. seine Einrichtung. B. II. Leipzig, 1903.
Stübler, J. Anthropogeographische Studien in d. Sächsischen Schweiz.
Stumpf, E. Das Alter d. Menschheit. Heidelberg.
Sven v. Hedln. Meine letzte Reise durch Inner-Asien. Halle, 1903.
Tetzner, F. Deutsches Sprichwörterbuch. Leipzig, 1903 (?).
Tetzner, Dr. Franz. Die Slawen in Deutschland. Beiträge zur Volkskunde der Preussen, Litauer und Letten, der Masuren und Philipponen, der Tschechen, Mähren und Serben, Polaken und Slowinzen, Kaschuben und Polen. Mit 215 Abbildungen, Karten und Plänen, Sprachproben und 15 Melodien. Braunschweig. 1902. XX+520 S. in 8°.
Tobler, A. Das Volkslied im Appenzellerlande. Zürich, 1903.
Veber, E. Vom Ganges bis zum Amazonenstrom. Berlin, 1903.

ХРОНИКА.

Юбилей «Русских Вѣдомостей». 3-го сентября редакція «Р. В.» праздновала 40-лѣтіе существованія своей газеты. Рѣдная добросовѣтность, освѣдомленность и научная солидность этого органа печати, отмѣченные всѣми его безпристрастными читателями, позволяютъ сдѣлать здѣсь и еще одно указаніе: «Русскія Вѣдомости», относясь вполне объективно къ каждой изъ многочисленныхъ народностей, населяющихъ Россію, давали всегда наиболѣе надежный матеріалъ въ вопросахъ этнографическаго характера. Почтенная газета не искажала ни міропониманія разныхъ этническихъ группъ, ни ихъ внутренняго правопорядка, ни сущности ихъ матеріальнаго быта; она вообще была далека отъ субъективнаго усмотрѣнія въ вопросахъ національныхъ. Ея дѣятельность въ этомъ отношеніи скорѣе можно назвать безпристрастной и вѣрной популяризацией этнографическихъ вопросовъ нашей жизни, чѣмъ публицистическимъ проливаніемъ политическаго свѣта—прямого, косога, разныхъ окрасокъ, разной напряженности—въ многообразные уголки многоплеменнаго русскаго государства.

Нельзя не пожелать искренно нашему уважаемому собрату еще многихъ и многихъ лѣтъ такой примѣрной дѣятельности.

Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ скончался † 30 апрѣля 1903 года.

Покойный родился въ 1845 году въ Мценскѣ, получилъ образованіе въ 1-й московской гимназій и московскомъ университетѣ. А. И. считалъ себя ученикомъ Ѳ. И. Булаева, къ памяти котораго относился съ глубочайшимъ уваженіемъ.

Первые его труды были въ области русской грамматики (учебники) въ концѣ 60-хъ годовъ. Въ началѣ 70-хъ А. И. защитилъ магистерскую диссертацию «Поэмы ломбардскаго цикла» и въ 1879—докторскую: «Св. Георгій и Егорій Храбрый». Начавъ доцентомъ въ харьковскомъ университетѣ, А. И. занялъ тамъ скоро кафедру всеобщей литературы; отсюда перешелъ въ новороссійскій университетъ, а въ 1898 въ московскій. Въ 1894 г. А. И. былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ. Занимаясь много въ области всеобщей и новой русской литературы, А. И. не мало посвящалъ времени архео-

логіи, древней письменности и этнографіи. Въ послѣднее время онъ состоялъ хранителемъ отдѣленія доисторическихъ, христіанскихъ и русскихъ древностей въ Румянцевскомъ музеѣ, а въ 1902 г. занялъ тамъ же мѣсто бібліотекаря. А. Н. участвовалъ также въ редактированіи «Археологическихъ Извѣстій и Запѣтокъ», въ засѣданіяхъ Библіографическаго Общества, Археологическаго Общества и его комиссій Славянской и Археографической, въ Обществѣ Естествознанія и другихъ.

Покойный отличался рѣдкой добротой, трудолюбіемъ и подвижностью, оказывая хорошее вліяніе на товарищей и учащуюся молодежь.

Князь Вячеславъ Николаевичъ Тенишевъ скончался 26 апрѣля 1903 года въ Парижѣ.

Принадлежа по роду дѣятельности своей къ высшимъ коммерческимъ соерамъ, Вяч. Ник. былъ въ то же время однимъ изъ преданнѣйшихъ любителей русской этнографіи.

Покойный былъ по образованію инженеръ путей сообщенія, служилъ одно время на желѣзныхъ дорогахъ, участвовалъ затѣмъ въ разныхъ коммерческихъ и банковыхъ предпріятіяхъ, но съ 90-хъ годовъ сталъ интересоваться этнографіей Россіи. Въ 1896 г. имъ была напечатана программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ Центральной Россіи и учреждено въ Петербургѣ частное, его имени, этнографическое бюро, куда стекались этнографическіе матеріалы и при посредствѣ котораго пріобрѣтались этнографическіе предметы и оказывалось матеріальное содѣйствіе этнографическимъ экскурсіямъ. На средства кн. Тенишева былъ изданъ трудъ г. Попова «Русская народно-бытовая медицина» и приступлено къ издашію труда «Нечистая, невѣдомая сила». Послѣ покойнаго остались, по слухамъ, рукописные этнографическіе труды. Кн. В. Н. Тенишевъ одно время думалъ осуществить обширную программу этнографическихъ изслѣдованій при посредствѣ Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Москвѣ; но разобщенность Петербурга и Москвы, а также нѣкоторыя другія обстоятельства помѣшали этому. Этнографическое бюро явилось уже послѣ того, какъ не осуществлены были указанные планы. Въ 1895 г. покойнымъ учреждено въ Петербургѣ реальное училище его имени. Въ 1900 г. онъ состоялъ генеральнымъ комиссаромъ русскаго отдѣла на Парижской выставкѣ.

Вдова Вяч. Ник., унаслѣдовавъ его имущество, унаслѣдовала отъ него и любовь къ этнографіи и археологіи. Было бы очень желательнымъ, чтобы просвѣщенныя начинанія покойнаго были продолжены и осуществлены ею.

Янъ Карловичъ польскій лингвистъ и фольклористъ. Янъ Карловичъ скончался въ Варшавѣ.

По окончаніи виленьской гимназіи и московскаго университета (1857) Карловичъ слушалъ лекціи въ Парижѣ, Гейдельбергѣ, Брюсселѣ и Бер-

линь. Ученыя работы свои Карловичъ помѣщалъ въ изданіяхъ Краковской академіи наукъ, въ *Archiv für slavische Philologie*, въ изданіи „Pamiętnik fizyograficzny“, въ редактируемой имъ *Wisła* (этнографическій польскій журналъ, послужившій образцомъ для подобныхъ же изданій въ Прагѣ, Загребѣ, Львовѣ и др.) и въ отдѣльныхъ книжкахъ. Важнѣйшіе труды Карловича: „Słownik ludowy“ (народное словообразованіе), „O języku litewskim“ (о литовскомъ языкѣ), „Chata polska“, „Mémoire sur l'influence de langues orientales“ (о вліяніи восточныхъ языковъ на польскій), „O czarach i czarownicach w Polsce“, „Gwaga kaszubska“ (о кашубскомъ нарѣчій); въ этой работѣ Карловичъ, не соглашаясь съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, доказываетъ, что языкъ кашубовъ представляетъ нарѣчіе польскаго языка. Но особенно цѣнными нужно считать начатыя Карловичемъ и, къ сожалѣнію, прерванныя его смертью капитальныя работы: „Słownik języka polskiego“ (въ сотрудничествѣ съ А. Крыньскимъ и В. Недзведскимъ, которыми и будетъ завершена работа); „Słownik gwar polskich“ (словарь мѣстныхъ польскихъ нарѣчій—доведенъ до буквы К) и „Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia“ (словарь словъ иностраннаго и менѣе яснаго происхожденія—доведенъ до буквы L). Последніе два года Карловичъ былъ предсѣдателемъ варшавской кассы взаимопомощи литераторовъ.

„Русск. Вид.“

Г. Лерхисъ Пушкинитисъ, неутомимый собиратель латышскихъ сказокъ и преданій, скончался 17-го марта с. г.

Баронъ Владимиръ Густавовичъ Тизенгаузенъ, извѣстный знатокъ арабскаго языка и литературы, также исторіи и нумизматики мусульманскихъ странъ, скончался 3 февраля 1902 г. Особенно извѣстны его труды: «Монеты восточнаго халифата» и «Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой Орды». Ему же принадлежать нѣсколько очерковъ по исторіи Турціи, Аравіи и пр. Послѣ Френа онъ былъ первый нумизматъ-ориенталистъ не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ.

Г. Шурцъ, одинъ изъ видныхъ представителей науки этнографіи, скончался 2-го мая с. г., еще въ цвѣтущемъ возрастѣ. Покойный родился въ 1863 г.; изучалъ естественныя науки въ Лейпцигскомъ университетѣ и подъ руководствомъ извѣстнаго Фр. Ратцеля ревностно занимался географіей и народовѣдѣніемъ. Въ 1891 г. онъ занялъ приватъ-доцентуру по географіи въ Лейпцигѣ, а весной 1893 г. получилъ приглашеніе въ Бременскій Музей. Его трудами значительно расширено этнографическое отдѣленіе музея, которое въ то же время благодаря ему получило правильную постановку. Перу покойнаго молодого еще этнографа

принадлежать на ряду съ крупными трудами множество мелких работъ по различнымъ вопросамъ, помѣщенныхъ имъ въ специальныхъ периодическихъ изданіяхъ. Нѣкоторыя его работы—какъ „Augenornament und vernerwandte Probleme“—могутъ быть оцѣнены только специалистами. Широкой и вполне справедливой извѣстностью пользуются его большія сочиненія: „Katechismus der Völkerkunde“, 1893 (русск. пер.: Краткое народовѣдѣніе, подъ ред. Д. А. Коропчевскаго); „Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes“, 1898 (съ 24 таблицами и 434 рисунками). „Das afrikanische Gewerbe“, 1900. „Die Uigeschichte der Kultur“, 1900. Последнее его сочиненіе „Altersklassen u. Männerbünde“ (1902) имѣетъ большое значеніе для вопроса о развитіи семьи. Въ издаваемой Гельмольтомъ «Всемірной исторіи» Шурцомъ написаны слѣдующіе отдѣлы: Африка, Западная Азія въ эпоху торжества ислама, Индонезія и Испанія. Шурцъ предпринималъ много путешествій въ свободное каппкулярное время, и его поѣздки по Италіи, Испаніи, Сѣверной Африкѣ, Малой Азіи—оказывались всегда плодотворными для его научныхъ занятій. (Globus).

P. de-Chaillu—извѣстный путешественникъ по Африкѣ—17/30 апрѣля сего года скончался въ Петербургѣ. Покойный имѣлъ случай еще въ ранней молодости совершить нѣсколько путешествій по Африкѣ, результатомъ которыхъ явились интересныя орнитологическія и др. коллекціи. Въ 1854 г., 19 лѣтъ, онъ былъ командированъ Филадельфійской Академіей Естественныхъ Наукъ для отысканія истоковъ р. Конго и собранія зоологическихъ и ботаническихъ коллекцій. Въ 1862 г. де-Шайлю отправилъ въ новую экспедицію—въ область р. Огове. Его сочиненія: „Explorations a. Adventures in Equatorial Africa, 1861; A Journey to Ashango Land a. furtheco Penetration into Equatorial Africa, 1867; Wild Life under the Equator“ пользуются извѣстностью и служили матеріаломъ для этнографовъ. Въ 1871 и 78 гг. де-Шайлю совершилъ путешествія по Швеціи, Финляндіи и Лапландіи, результатомъ чего появился новый трудъ: „The Land of she Midnight Sun“. 2 v. L. 1881. Существуетъ и нѣмецкій переводъ. I. 1882. (Globus).

Dr. G. Brühl, извѣстный своими трудами по исторіи и археологій Америки, скончался въ г. Цинциннати. Изданное имъ: „Die Kulturvölker Alt-Amerikas“—Cincinnati, 1875—87, заслуживаетъ большого вниманія. Результатомъ его поѣздокъ по западному побережью Сѣверной и Южной Америки является книга: „Zwischen Alaska u. Feuerland“. Berlin, 1896. (Globus).

Биографія Тиле. Известный авторъ Исторіи религіи Шантепи де ла Соссе выпустилъ въ свѣтъ биографію Тиле — известнаго голландскаго ученаго, не мало потрудившагося надъ разработкой вопросовъ, касающихся исторіи религіи. Биографическій этюдъ Шантепи де ла Соссе, напечатанный въ «Ежегодникѣ Амстердамской Академіи Наукъ», вышелъ въ свѣтъ въ отдѣльныхъ изданіяхъ: *Levensbericht van Cornelis Petrus Tiele*, Amsterdam, Müller, 1903. Онъ представляетъ тѣмъ большій интересъ, что Шантепи въ нѣкоторыхъ взглядахъ на исторію религіи является противникомъ покойнаго ученаго, такъ что биографическій очеркъ въ то же время вмѣщаетъ въ себѣ и критику взглядовъ Тиле со стороны сильнаго и искуснаго противника. (*Rev. de l'Hist. de Rel.*)

„Правила XIII Археологическаго Съезда въ Екатеринославѣ въ 1905 г. и Протоколы засѣданій предварительнаго Комитета 4—6 января 1903 г.» недавно вышли изъ печати. Этотъ съездъ, какъ известно, представляетъ большой интересъ для русскихъ этнографовъ какъ по имѣющей быть на съездѣ этнографической выставкѣ, такъ и по многимъ научнымъ вопросамъ, подлежащимъ обсужденію съезда. Братнія общія свѣдѣнія о засѣданіяхъ Комитета помѣщены въ хроникѣ «Эти. Обзорѣнія» за 1903 г. № 1. Здѣсь слѣдуетъ еще отмѣтить нѣкоторые «вопросы», предложенные на обсужденіе съезда: *И. А. Линниченко* — Обзоръ дѣятельности 12-ти археологическихъ съездовъ; *В. А. Харламовъ* — Характеръ погребенія кочевниковъ въ Донской области; *Д. И. Багалъ* — Данные для исторической географіи и этнографіи Новороссійскаго края, заключающіяся въ отчетахъ визитаторовъ; *С. Е. Зверевъ* — Карта заселенія Воронежскаго края; *И. А. Линниченко* — Колонизація побережья Днѣпра, по атласу XVIII столѣтія; *П. М. Никольскій* — Вліяніе придонскаго населенія на бытъ донскаго монашества; *И. Н. Смирновъ* — Данные для рѣшенія вопроса о народности буртасовъ въ современной матеріальной культурѣ чувашскихъ селеній, носящихъ названіе «Буртасъ» (Пуртас); *И. Н. Смирновъ* — Общія черты въ матеріальной культурѣ южной Руси и Придунайскихъ славянскихъ земель; *И. Н. Смирновъ* — Общія черты въ формахъ костюма и орнаментѣ болгаръ и приволжскихъ инородцевъ; *И. Н. Смирновъ* — Общіе элементы въ югославянскомъ, въ частности — болгарскомъ, фольклорѣ Волжско-Камскаго бассейна; *И. Н. Смирновъ* — Данные о Буманскомъ происхожденіи династии Асеней; *В. А. Харламовъ* — Характеръ народной пѣсни у донскихъ казаковъ; *В. А. Харламовъ* — Лѣчебные и военные заговоры у донскихъ казаковъ; *В. А. Харламовъ* — Донскіе рыцарики (лирики); *В. О. Миллеръ* — Сохранились ли въ былинахъ слѣды періода до Владимира Святого; *Д. И. Эварницкій* — Приведеніе въ известность архивнаго матеріала, касающагося исторіи Запорожья. Эти и другіе вопросы, на которые даны будутъ отвѣты авторами ихъ, имѣютъ еще пополниться, для чего Комитетъ и проситъ всѣхъ желающихъ сообщить о томъ. Кромѣ того, поступили «запросы», на которые желательно получить

отвѣты отъ всѣхъ заинтересованныхъ въ нихъ лицъ. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ запросовъ: *Д. И. Балабай*—Объяснить по турецкимъ нарѣчіямъ названія рѣкъ Новороссіи; *М. С. Дризовъ*—Слѣды юго-славянскихъ и румынскихъ поселеній въ географической номенклатурѣ, языкъ и бытъ современнаго населенія Новороссійскаго края; *С. Е. Звѣревъ*—Литература по этнографіи Воронежскаго края, *С. Е. Звѣревъ*—Этнографическая карта Воронежскаго края; *А. А. Кочубинскій*—Желательно: 1) собрать свѣдѣнія и выяснить значеніе грамотъ Молдавіи XIV—XVIII вѣковъ для русской исторической этнографіи, 2) выяснить топографію зап. части степи по старымъ картамъ съ XV в. по Ясскій миръ 1791 г., 3) обратить вниманіе на мѣстныя названія отъ имени печенѣговъ въ области Днѣпръ—Дунай; *А. Н. Красновъ*—Культурные пережитки у нѣмецкихъ колонистовъ и вліяніе нѣмцевъ на русское населеніе Екатеринославской губ. въ бытовомъ и нравственномъ отношеніяхъ; *Х. И. Кучукъ-Іоаннесицъ*—Къ какому времени восходятъ первыя свѣдѣнія объ армянахъ въ Екатеринославскомъ архивѣ; *П. О. Сумцовъ*: 1) въ чемъ выразились особенности фольклора народностей Новороссійскаго края, 2) курганы, сауры, могилы и народныя о нихъ преданія; *Е. П. Трифильевъ*—Греческія поселенія въ Маріупольскомъ уѣздѣ; *Г. А. Халатъянцъ*—Слѣды древней армянской колонизаціи въ Малороссіи (X—XII вѣка); *А. С. Хахановъ*—Сохранили ли потомки грузинъ, переселившихся въ Малороссію въ XVIII вѣкѣ, какія-либо черты сходства съ современнымъ населеніемъ Грузіи въ устройствѣ жилищъ, костюма и др. особенностяхъ быта; *Д. В. Айналовъ*—Исторія сѣвернаго побережья Азовскаго моря по извѣстіямъ византійскихъ и арабскихъ писателей и древне-русскихъ письменныхъ источниковъ.

Тверской историко-археологическій областной съѣздъ 12-го августа, въ утреннемъ засѣданіи, Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ изложилъ о муромскихъ князьяхъ, А. Ф. Селивановъ далъ краткую біографическую замѣтку о протоіерей Сидонскомъ и, наконецъ, проф. Гурляндъ въ живомъ и яркомъ изложеніи познакомилъ съѣздъ съ исторіей татарскихъ колоній въ Ярославской губ. въ смутное и послѣдующее время и обратился къ губернскимъ ученымъ архивнымъ коммиссіямъ съ приглашеніемъ сосредоточиться на собраніи и изученіи документовъ смутнаго времени, которыхъ очень мало въ центральныхъ архивахъ. Докладчикъ обратилъ, между прочимъ, вниманіе на то, что у насъ очень мало изучена дѣятельность и личность патріарха Филарета и что документы смутнаго времени должны, когда будутъ подобраны, дать возможность этого изученія. Изъ остальныхъ докладовъ, заслушанныхъ въ томъ же засѣданіи, нужно остановиться на «Подборѣ и изученіи матеріала по исторіи крѣпостнаго хозяйства въ Россіи» пр.-доц. Н. А. Рожкова; за отсутствіемъ автора, докладъ прочтенъ былъ предсѣдателемъ секціи В. С. Малченкомъ. Наибольшее вниманіе обратилъ на себя рефератъ Л. М. Савелова, посвященный разбору книги проф. Д. Я. Самоквасова «Архивное дѣло въ

Россіи» и доказывавшій невѣрное отношеніе автора книги къ губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Вызвавшій бурныя одобренія съѣзда, докладъ этотъ былъ дополненъ и подтвержденъ г. Савельевымъ (предс. нижегородск. учен. арх. комисс.), указавшимъ на общественный характеръ комиссій, какъ залогъ ихъ успѣшнаго развитія, проф. Гурляндомъ (яросл. учен. архивн. комисс.), В. С. Мальченкомъ (периск. учен. арх. комисс.), обратившимъ вниманіе на внутреннія противорѣчія книги. Въ заключеніе предсѣдательствовавшей проф. Н. В. Покровскій предложилъ губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ приступить къ обсужденію средствъ улучшенія ихъ положенія. Вечеромъ послѣ экскурсіи въ Желтгоковъ монастырь члены съѣзда были приглашены осмотрѣть Морозовскую фабрику (Тверскую мануфактуру). Вечеромъ на слѣдующій день засѣданія секціи церковной старины происходили въ гѣтнемъ домѣ архіепископа Димитрія. Были заслушаны и обсуждены рефераты о. В. И. Некрасова—«О тверскихъ иконописцахъ», о. И. Н. Постникова—«О церкви бѣжецкаго князя Дм. Ю. Краснаго» и др.

Утромъ 13-го августа происходило засѣданіе секціи первобытныхъ древностей. Наибольше интереснымъ было сообщеніе А. А. Спицына «О первобытныхъ древностяхъ въ Тверской, Ярославской и Новгородской губ.»; докладчикъ заявилъ, что Императорская археологическая комиссія и Императорское русское археологическое Общество, съ большимъ интересомъ и симпатіей относясь къ дѣлу областныхъ археологическихъ съѣздовъ, которые сравнительно съ всероссійскими могутъ быть тѣмъ научнѣе и глубже, чѣмъ они менѣе широки, поручили ему принять самое дѣятельное участіе въ тверскомъ съѣздѣ. Послѣ продолжительной спеціальной подготовки докладчикъ рѣшилъ обзорѣть весь археологическій матеріалъ, касающійся Ростово-суздальской области, и теперь ознакомилъ какъ съ планомъ и ходомъ этихъ работъ, такъ и съ выводами своими. Наибольше интереснымъ было заявленіе г. Спицына объ издаваемомъ имъ руководствѣ для хронологическаго опредѣленія ископаемыхъ находокъ. Свой археологическій матеріалъ докладчикъ привелъ въ связъ съ современными историческими построеніями, и на этой почвѣ возникли очень интересныя дебаты между нимъ, Д. И. Цювайскимъ, акад. А. И. Соболевскимъ и проф. В. Н. Перетцомъ. Въ томъ же засѣданіи В. И. Колосовъ разсказалъ исторію тверскаго музея, а В. А. Плетневъ и Н. М. Бекаревичъ—объ археологической картѣ Тверской и Костромской губ., причѣмъ была предьявлена тверская карта.

Въ засѣданіи 14-го августа утромъ (соединенное, — секціи этнографіи и секціи живой старины) были прочитаны доклады: Н. М. Бекаревича—«О куричемъ богѣ въ Костромской губ.» (съ коллекціей), А. Г. Первухина и В. А. Андроникова—«О свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ въ Тверской и Костромской губ.», Н. В. Чехова—«Объ этнографическомъ обследованіи Тверской губ.» Особенно интересенъ былъ этотъ послѣдній, представлявшій хорошо и всесторонне продуманный проектъ, который намѣрено осуществлять въ ближайшемъ будущемъ тверское Общество любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Послѣ полудня 14-го

августа были заслушаны по секціи областной исторіи доклады: Н. А. Тихомирова—о раскопкахъ его въ угличскомъ Кремлѣ, Е. А. Шумакова—«О зубцовской сотницѣ 7096 и 7104 гг.» (за отсутствіемъ автора, доложилъ секретарь съезда Н. А. Виноградовъ) и І. К. Линдемана—«О свѣдѣніяхъ Пальмквиста о г. Торжкѣ». По поводу послѣдняго доклада, который сопровождался воспроизведеніемъ рисунковъ и плановъ Пальмквиста на экранѣ при помощи фонаря, возгорѣлся споръ между докладчикомъ и проф. Гурляндомъ, изъ которыхъ послѣдній, на основаніи историческихъ сопоставленій, вопреки Линдеману, настаивалъ, что Пальмквистъ имѣлъ цѣлью шпионство, стущалъ краски, чтобы выставить своему правительству неподготовленность Россіи къ войнѣ, измѣнялъ сообразно этой цѣли дѣйствительность въ своихъ донесеніяхъ и потому его планы и утвержденія не имѣютъ значенія доказательнаго первоисточника.—Вечеромъ 14-го августа происходило закрытое засѣданіе представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій подъ предѣлательствомъ директора петербургскаго археологическаго института Н. В. Покровскаго для выработки проекта новаго положенія о комиссіяхъ, а послѣ того въ публичномъ засѣданіи секціи архивовѣдѣнія проф. В. Н. Перетцъ высказалъ свой взглядъ на рациональное описаніе рукописей, по поводу котораго сдѣлали свои заявленія гг. Малченко, Симсонъ и друг.

Утромъ 15-го августа оживленный обмѣвъ мыслей послѣдовалъ послѣ реферата В. И. Колосова («Кто виновать въ смерти св. Филиппа, митрополита московскаго?»)

15-го августа, въ 8 ч. вечера, въ залѣ Дворянскаго собранія состоялось въ присутствіи губернатора кн. Н. Голицына и преосвященнаго Дмитрія, епископа тверскаго, закрытіе 2-го областного археологическаго съезда.

Проф. Н. В. Покровскій въ заключительной рѣчи подвелъ итоги работъ съезда. Въ теченіе 6-ти дней съѣздъ имѣлъ 11 засѣданій, на которыхъ было прочтано и подвергнуто обсужденію 50 докладовъ. Наибольшее число изъ нихъ, около 20-ти, касалось мѣстной исторіи, наименьшее, 3,—общихъ историческихъ вопросовъ. Много вниманія было обращено на положеніе и дѣятельность мѣстныхъ архивныхъ комиссій, причемъ было намѣчено нѣсколько ходатайствъ объ улучшеніи ихъ положенія. Подводя общій итогъ впечатлѣніямъ отъ съезда, проф. Покровскій замѣтилъ, что тверской съѣздъ не уступаетъ всероссійскимъ съездамъ, собиравшимся въ Ригѣ и въ Ярославлѣ. Съѣздъ слѣдуетъ, по его мнѣнію, признать удачнымъ. Онъ далъ пріѣзжимъ археологамъ возможность ознакомиться лично съ тверскими древностями, а для мѣстныхъ дѣятелей разъяснилъ значеніе того, на что они раньше, можетъ быть, и не обращали должнаго вниманія. Обращаясь къ значенію областныхъ съездовъ въ дѣлѣ изученія исторіи, ораторъ указалъ на то, что, явившись гораздо позже всероссійскихъ, съезды эти выражаютъ переходы къ новому порядку построенія историческихъ выводовъ, при которомъ изученіе мѣстной исторіи должно предшествовать широкимъ

обобщеніямъ общаго характера. Послѣ проф. Покровскаго говорили В. Половцевъ и председатель мѣстной ученой архивной комиссіи И. А. Ивановъ. 16-го и 17-го члены съѣзда совершили экскурсію для обозрѣнія древностей городовъ Старицы и Торжка, а 18-го въ с. Островки къ извѣстному собирателю церковныхъ древностей кн. Ширинскому-Шихматову. Мѣстомъ слѣдующаго 3 го областного съѣзда избранъ г. Владимиръ. Съѣздъ будетъ созванъ 20-го іюня 1905 года.

Этнографическій отдѣлъ на сельскохозяйственной выставкѣ въ г. Орлѣ. Исторія возникновенія на открытой нынѣ въ г. Орлѣ выставкѣ этнографическаго отдѣла, имѣющаго положить частью своихъ коллекцій основы будущему этнографическому музею при орловской ученой архивной комиссіи, чрезвычайно поучительна и характерна для жизни современной провинціи. Отлично обставленный этнографическій отдѣлъ выставки возникъ благодаря энергіи и настойчивости буквально одного человѣка, кн. Е. В. Кекуатова, вице-председателя названной комиссіи, и только тогда, когда дѣло налажилось, ему удалось найти себѣ помощниковъ среди мѣстной интеллигенціи.

Сознавая необходимость оборудованія мѣстныхъ музеевъ, кн. Кекуатовъ разослалъ 1,500 печатныхъ обращеній къ различнымъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя, оказалось, должны бы были по своему образованію и по роду дѣятельности интересоваться народною жизнью и сочувствовать ея изученію; но на 1,500 писемъ не было получено *ни одного* отвѣта. Къ счастью, это не охладило рвенія кн. Кекуатова; онъ обратился ко всѣмъ своимъ знакомымъ съ просьбами, убѣжденіями, укорами, и, наконецъ, нѣсколько лицъ откликнулось; явились помощники, корреспонденты, собиратели. Ко времени открытія выставки набралось уже столько бытовыхъ предметовъ, фотографій, рукописныхъ матеріаловъ, что инициаторы дѣла, казалось, могли быть спокойными за успѣхъ своего начинанія. Къ сожалѣнію, администрація сельскохозяйственной выставки, очевидно, неясно себѣ представляла, какое отношеніе имѣть къ задачамъ выставки тотъ богатый бытовой матеріалъ, которымъ располагали кн. Кекуатовъ и его сотрудники для иллюстраціи народнаго быта; такъ можно заключить не только изъ ихъ отношенія къ этнографическому отдѣлу, но и изъ того, какъ представлены на выставкѣ крестьянское хозяйство и крестьянское производство. Большой павильонъ съ заманчивою надписью «кустарные промыслы» болѣе чѣмъ на три четверти занятъ предметами, не имѣющими никакого отношенія къ кустарнымъ промысламъ Орловской губ. Если отбросить нѣсколько полотенецъ, матерій и вышивокъ Мценскаго уѣзда, подобныхъ же предметовъ изъ Воронежской губ., занимающихъ очень немного мѣста, то въ кустарномъ отдѣлѣ останутся издѣлія изъ кальцита съ Кавказа, тульскіе ножи и т. д., издѣлія варшавской школы глухонѣмыхъ, какіе-то венгерцы, демонстрирующіе свои кухонныя изобрѣтенія, и т. п. Вы покидаете кустарный отдѣлъ въ полномъ недоумѣніи, — неужели въ Орловской г.,

кромѣ трехъ—четырехъ вышивальщицъ и ткачихъ, выставочная администрація не разыскала ни одного кустаря; вы невольно спрашиваете себя, зачѣмъ, почему здѣсь венгерець, армянинъ, почему есть экспонаты изъ Варшавы, а нѣтъ ихъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыя должна была бы представить выставка. Въ концѣ кустарнаго павильона скромно выглядываетъ древне-русскій тынъ въ строго выдержанномъ стилѣ, съ калиточкой, ведущей въ маленькій павильонъ, съ утра до вечера биткомъ набитый посѣтителями; это и есть этнографическій отдѣлъ. Послѣ многихъ невольныхъ передвиженій изъ павильона въ павильонъ, этнографическая коммиссія едва-едва отвоевала себѣ этотъ уголокъ. По рисункамъ художника В. В. Эйслера сдѣланъ упомянутый выше входъ, расписаны по полотну стѣны. Сейчасъ же при входѣ, справа,—уголокъ, отведенный вещамъ Тургенева, этого «перваго этнографа Орловской губ.», какъ называютъ строители отдѣла своего великаго земляка.

Посрединѣ павильона въ два ряда расположены манекены, представляющіе населеніе всѣхъ уѣздовъ губерніи, за исключеніемъ Карачевского и Сѣвскаго; нѣкоторые въ типичныхъ костюмахъ, въ которыхъ соблюденъ мѣстный колоритъ до мельчайшихъ отдѣлковъ. Видно, что всѣ эти костюмы, равно какъ и тѣ наряды, головные уборы, вышивки, обиходныя вещи, которыми почти до верху увѣшаны всѣ стѣны, собирались съ большимъ вниманіемъ, съ единственнымъ желаніемъ какъ можно полнѣе представить быть родного края. Особенно хороши два костюма: одинъ Липецкаго уѣзда Тамбовской губ., экспонируемый кн. К. В. Кекуатовымъ, и другой—Дмитровскаго уѣзда. Нельзя не остановиться также передъ коллекціями г-жи Иваненко, г-жи Слѣпушкиной, г-жи Муравьевой и г. Соколова. Особенно хороша первая коллекція по своей обстоятельной полнотѣ, выдержанности и научному интересу. Равнымъ образомъ глубоко интересны «курникъ», «лиры», собраніе лѣкарственныхъ травъ г-жи Саловой, ея фотографіи, особенно фотографія деревенской ворожеи, заговаривающей кровь; отличный подборъ игрушекъ, шитья, посуды и т. д., и т. д. вплоть до «блitzъ», которыми ребята сшибаютъ бабки; на этихъ «блitzвахъ» вы встрѣчаете интересный рисунокъ. При входѣ, слѣва, развѣшаны картограммы д-ра П. И. Якобія, характеризующія распредѣленіе населенія Орловской губ. по росту, карты распространенія кликучества, карта губерніи, на которой обозначены финскія и тюркскія названія, сохранившіяся за весьма многими поселками, рѣками и т. п.; интересна гипсометрическая карта ген. Шульгина, его собранія мѣстныхъ находокъ камешнаго и бронзоваго вѣка и модели городищъ и стараго Орла. Прислалъ на выставку нѣсколько манекеновъ и довольно много предметовъ и московскій Румянцевскій музей, и его коллекціи, собранныя въ 60 и 70 гг. и кромѣ того относящіяся къ сосѣднимъ съ Орловской губерніямъ, даютъ богатый матеріалъ для сравненія съ современными костюмами и предметами быта.

„Русск. Вид.“

Областная выставка сѣвернаго края открылась 1 авг. 1903 г. рѣчью г. министра земледѣлія. На выставкѣ экспонировались, между прочимъ, кустарныя издѣлія. 15-го августа начались занятія областного сѣзда сельскихъ хозяевъ десяти губерній: Ярославской, Новгородской, Псковской, Тверской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Вологодской и Архангельской. Въ связи съ выставкой, 20 августа открылся сѣздъ дѣятелей по кустарной промышленности сѣверныхъ губерній, подъ предсѣдательствомъ кн. Д. И. Шаховскаго.

Къ изслѣдованію Сѣверо-западнаго края. Считаая необходимымъ, помимо существующаго при учебномъ округѣ изданія древнихъ актовъ въ видѣ археографическихъ сборниковъ, также и всестороннее научное изслѣдованіе Сѣверо-западнаго края въ бытовомъ, историческомъ, этнографическомъ, лингвистическомъ и другихъ отношеніяхъ, попечитель виленскаго учебнаго округа циркулярно обратился къ директорамъ народныхъ училищъ округа съ просьбой оказать ему въ этомъ важномъ для края дѣлѣ свое содѣйствіе.

Большую помощь въ намѣченной работѣ, какъ это указано въ циркулярѣ, могли бы оказать учителя народныхъ училищъ и воспитанники учительскихъ семинарій, о вызовѣ которыхъ на посильное участіе въ этомъ дѣлѣ попечитель округа и проситъ директоровъ народныхъ училищъ. «Проектируемая работа, — говорится въ циркулярѣ, — не должна затруднять какъ народныхъ учителей, такъ и воспитанниковъ учительскихъ семинарій. Она уже имѣетъ за собою маленькую, очень почетную исторію. Первые «Памятники народнаго творчества въ Сѣверо-западномъ краѣ», изданные въ 1866 г. П. А. Гильдебрандтомъ и первоначально печатавшіеся въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* того времени, собраны воспитанниками мелодечненской учительской семинаріи. Почтенный трудъ Ю. Ф. Крачковскаго «Быть западнорусса», напечатанный въ 1874 г. въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ», главнымъ образомъ основанъ, по заявленію автора, на матеріалахъ, доставленныхъ учениками той же мелодечненской учительской семинаріи. Въ извѣстные бѣлорусскіе сборники пѣсенъ Шейна, Романова большой вкладъ сдѣланъ народными учителями, о чемъ и отмѣчено въ самыхъ сборникахъ. Много поработали народные учителя для существовавшаго въ Вильнѣ же IX археологическаго сѣзда. Вполнѣ увѣренъ, что и теперь, при большемъ среди нихъ сравнительно съ прежнимъ научномъ развитіи, они охотно примутъ посильное участіе въ намѣченной, имѣющей особе важное значеніе работѣ, пока не возникнетъ задуманное для изученія края ученое Общество или отдѣлъ одного изъ существующихъ» (*Сѣв.-Зап. Кр.*).

„Русск. Вѣд.“

Печорская экспедиція, задуманная г. управляющимъ архангельской казенной палаты А. П. Ушаковымъ, имѣла состояться лѣтомъ текущаго года для медико-санитарнаго и экономическаго изслѣдованія всѣхъ населенныхъ пунктовъ, расположенныхъ по р. Печорѣ и ея важнѣйшимъ притокамъ. Средства были отпущены разными учрежденіями и, въ томъ числѣ, Имп. Русск. Географическимъ Обществомъ, всего 6—8 тысячъ рублей. Въ обширную программу работъ, выработанную врачомъ С. В. Мартыновымъ, включено также описаніе этнографическихъ особенностей населенія, его культурнаго и экономическаго состоянія, организація врачебной помощи, вопросы о народной медицинѣ и акушерствѣ. Экспедиція выѣхала въ первыхъ числахъ іюля изъ Архангельска на Усть-Цыльму, оттуда въ зырянскія села Шжму, Мохчу и др.

„Сов. Край.“

Путешествіе художника Н. К. Рериха по средней и западной Россіи, командированнаго обществомъ поощренія художествъ, увѣнчалось успѣхомъ: г. Рерихъ вывезъ много интересныхъ старинныхъ предметовъ быта и сдѣлалъ около сотни этюдовъ и эскизовъ.

„Русск. Вид.“

Стариція раскопки. Свое вниманіе члены II-го тверскаго областного съѣзда сосредоточили на старицкихъ раскопкахъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ члены тверской ученой архивной комиссіи А. П. Шебякинъ и Н. П. Крыловъ въ гор. Старицѣ, въ мѣстности, называемой Старымъ Городищемъ, производили раскопки. Изъ открытыхъ зданій болѣе всѣхъ заинтересовало членовъ съѣзда зданіе, названное дворцомъ. По формѣ оно похоже на прямоугольникъ, восточная стѣна котораго имѣетъ три полукружья. Въ центральномъ полукружьи съ древней орнаментной найдены надписи на славянскомъ языкѣ, но, къ сожалѣнію, плохо сохранившіяся. Проф. Шляпкинъ разобралъ явственно слово «царя» и подъ сомнѣніемъ— «великаго государя». Изъ центрального полукружья мы входимъ въ залу величиной $15 \times 11\frac{1}{2}$ аршинъ, полъ коей покрытъ ромбообразнымъ кирпичемъ бѣлаго, чернаго и краснаго цвѣтовъ; на задней сторонѣ каждаго кирпича—клеймо въ видѣ звѣздочки. На стѣнахъ залы найдены восточные орнаменты и надписи на восточномъ, скорѣе всего армянскомъ языкѣ, хотя эти надписи армяне затрудняются прочесть. Въ этой залѣ найдены вилка съ двумя остріями, польская шпора, лезвіе ножа, кинжалъ и звѣриныя и рыбыя кости. Отъ западной и сѣверной стѣнъ дворца идутъ внизъ каменные лѣстницы.

„Русск. Вид.“

Коллекціи древностей каменнаго вѣка въ кievскомъ музеѣ. Д. М. и А. Н. Терещенко приобрѣли у извѣстнаго археолога В. В. Хвойко богатую коллекцію древностей каменнаго вѣка и принесли въ даръ суще-

ствующему при кievскомъ Обществѣ древностей и искусствъ музею. Благодаря этимъ пожертвованіямъ, отдѣлъ каменнаго вѣка имени Н. А. Терещенко при кievскомъ музеѣ по богатству своихъ коллекцій является въ настоящее время первымъ въ Россіи.

Изъ вновь приобретенныхъ для отдѣла предметовъ многіе представляютъ большой научный интересъ: таковы орнаментированный рѣзбой бивень мамонта, относящійся къ палеолитической эпохѣ, коллекція костяныхъ и кремневыхъ орудій и другихъ предметовъ, найденныхъ въ землянкахъ эпохи пещернаго человѣка, окаменѣвшія и частью полуокаменѣвшія допотопныя деревья, многочисленные сосуды тропольской площадочной культуры, предметы изъ древнѣйшихъ насыпныхъ могилъ и т. д. Въ составъ отдѣла древностей каменнаго вѣка, кромѣ того, входитъ обширная коллекція предметовъ той же эпохи, пожертвованная кievскому музею древностей и искусствъ гр. А. А. Бобринскимъ.

„Русск. Вид.“

Русскіе кустари по отзыву Мурей. Въ августовскомъ выпускѣ парижскаго журнала *Art Décoration* извѣстный художественный критикъ Габріэль Мурей (G. Mourey) помѣстилъ очень тепло написанную статью подъ заглавіемъ „L'art populaire russe“.

Исходя изъ благотворной дѣятельности покойной Елены Дмитриевны Погѣиной и г-жъ Мамонтовой и Якуничковой, направленной къ поднятію и развитію художественнаго уровня русской кустарной промышленности, авторъ подробно останавливается на болѣе широкой программѣ художественно-ремесленнаго образованія и производства, проведенной княгиней Тенишевой въ ея имѣніи Талашкинѣ, Смоленской губ., при содѣйствіи и подъ руководствомъ Е. В. Малютина. О результатахъ этихъ начинаній и о произведеніяхъ Малютина въ области прикладнаго искусства Мурей отзывается съ большою симпатіей. Статья богато иллюстрирована.

„Русск. Вид.“

Жилище словинца Верхней Краины, по изслѣдованію Ал. Н. Харузина, въ настоящее время вполне благоустроено; но детальныи анализъ плана дома, названія различныхъ его частей, сохранившіеся остатки старины и, наконецъ, сопоставленія съ исторіей жилища у другихъ народовъ даютъ возможность найти, что теперешніе словинскіе дома развились изъ переноснаго шалаша, до сихъ поръ служащаго жилищемъ многихъ кочевыхъ племенъ.

„Русск. Вид.“

Къ фольклору Балканскаго полуострова. Недавно вышла небольшой брошюрой работа Лазаря Сэнеана (Lazare Sainean): „L'état actuel des études de Folk-lore“, Paris, Cerf. 1902, напечатанная въ Revue de Synthèse historique. Эта статья составляетъ вступительную лекцію,

читанную бывшимъ бухарестскимъ профессоромъ Сэнеаномъ въ Ecole des Hautes Etudes въ Парижѣ и составляющую введеііе къ его курсу: «Фольклоръ Балканскаго п-ва въ связи съ классической міеологіей». Сэнеанъ не видитъ въ міеахъ, преданіяхъ и т. п., по примѣру адептовъ современной антропологической школы, переживаній болѣе древняго общественнаго устройства, болѣе примитивныхъ представленій и т. п. Онъ требуетъ, чтобы при изученіи сравнительной міеологіи и фольклора считались преимущественно съ народной психологіей. Такъ, удачи младшаго сына передъ старшимъ въ сказкахъ онъ объясняетъ тѣмъ, что «толпа повсюду стремится поднять и возвеличить наиболѣе слабыхъ и униженныхъ». «Въ силу этой тенденціи... слабосиліе, соединенное съ умомъ, всегда торжествуетъ надъ грубой силой: человекъ постоянно побѣждаетъ чудовищъ и великановъ». Въ своемъ курсѣ, прочитанномъ въ 1891—92 академическомъ году Сэнеанъ старался прослѣдить въ классической литературѣ слѣды народныхъ преданій. Школа ориенталистовъ и антропологовъ, говорить онъ въ своей вступительной лекціи, имѣютъ каждая неоспоримую заслугу. Первая содѣйствовала собранію многочисленныхъ версій и вариантовъ народныхъ сказокъ въ странахъ Востока, вторая вызвала собраніе аналогичныхъ матеріаловъ среди дикарей. Но до сихъ поръ совершенно оставлены были въ сторонѣ подобныя же изысканія среди классическихъ народовъ древности. Сэнеанъ, конечно, отдастъ должную дань такимъ крупнымъ работамъ, какъ труды Фрезера и Гартланда. Тѣмъ не менѣе его послѣднее положеніе остается въ общемъ вполне справедливымъ. (Revue de l'Hist. des Rel.)

Новое общество грузинологовъ составляется въ Тифлисѣ. Оно будетъ имѣть цѣлью собирать и издавать грузинскія народныя пѣсни, издавать научныя изслѣдованія о нихъ, поддерживать интересъ къ этимъ пѣснямъ посредствомъ устройства концертовъ, вечеровъ и пр., способствовать музыкальному образованію, устроить собственный музей, бібліотеку-читальню, составить собственный хоръ и пр. Въ учредители уже записалось около 60-ти лицъ, и проектъ устава представленъ губернатору.

„Нов. Об.“ и „Русс. Вѣд.“

Совѣщаніе кавказовѣдovъ по вопросу о собраніи древнихъ армянскихъ и грузинскихъ надписей состоялось недавно въ Тифлисѣ, подъ предѣдательствомъ профессора петербургскаго университета Н. Я. Марра, командированнаго на Кавказъ петербургскою археологическою комиссіей. Ознакомивъ присутствующихъ съ проектами и программой археологической комиссіи, проф. Н. Я. Марръ предложилъ образовывать подъ его предѣдательствомъ комитетъ для осуществленія поставленной петербургскою комиссіей цѣли. Въ комитетъ вошли между прочимъ два товарища предѣдателя, одинъ—по армянской, другой—по грузинской секціи, и казначей. Комитетъ будетъ разсылать въ командировки своихъ членовъ,

снабжая ихъ прогонами и открытыми листами. Средства его образуются изъ членскихъ взносов, пожертвованій и пособія отъ петербургской археологической комиссіи. Собранный матеріалъ будетъ печататься выпусками съ переводомъ надписей и поясненій къ нимъ на русскій языкъ. По собраніи и изданіи всего матеріала археологическая комиссія приступитъ къ изданію двухъ сборниковъ: „Corpus inscriptionum armenicarum“ и „Corpus inscriptionum georgicarum“.

„Русс. Вид.“

Въ обществѣ востковѣдѣнія 25 апрѣля, подъ предѣдательствомъ ген.-лейт. Н. К. Шведова, состоялось собраніе, на которомъ почетная предѣдательница общества О. С. Лебедева сдѣлала докладъ о XIII международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ Гамбургѣ, въ 1902 году, и въ частности, объ эмансипаціи мусульманской женщины. О. С. Лебедева указала, что въ отдаленныя времена мусульманская женщина занимала довольно высокое положеніе: исламъ не мѣшалъ ей пользоваться полной свободой, получать одинаковое образованіе съ мужчиной, занимать высокое общественное положеніе и играть главную роль не только въ семейной жизни, но даже въ государственномъ управленіи, въ наукѣ и искусствахъ. Съ теченіемъ времени ходъ историческихъ событій, ложное толкованіе ислама и постепенное развитіе грубаго обычнаго права, установленнаго впоследствии, поработили мусульманскую женщину. На съѣздѣ было высказано мнѣніе, что своимъ грустнымъ положеніемъ мусульманская женщина обязана законодательству, которое для нея не признаетъ почти никакихъ правъ: замужняя женщина зависитъ вполне отъ мужа, а дѣвица—раба отца или своего старшаго брата. Было указано, что мусульманское право никогда не знало семьи въ ея истинномъ смыслѣ и не понимало ея важной роли въ государствѣ; эти факты заставили членовъ съѣзда притти къ убѣжденію, что законодательство христіанской Европы и европейская семья есть идеаль, къ которому должна стремиться мусульманская женщина, если она хочетъ пріобрѣсти себѣ въ будущемъ независимость. Особенно настаивалъ на этомъ извѣстный Касимъ-Эминъ-бей, который проводилъ эту мысль въ своей книгѣ: «Новая женщина».

Эта смѣлая мысль была встрѣчена большинствомъ мусульманъ чрезвычайно несочувственно, и Касимъ-Эминъ-бей былъ даже объявленъ еретикомъ, какъ и всѣ его единомышленники. Однако, цивилизованная часть мусульманъ всецѣло присоединилась къ нему и поддержала его, результатомъ чего явилось образованіе комиссіи, которая поставила себѣ задачей изыскать способы, чтобы помочь безвыходному положенію мусульманской женщины, путемъ дарованія ей нѣкоторыхъ правъ. Комиссія эта выработала одиннадцать статей закона, одобренныхъ правительствомъ и уже вошедшихъ въ силу. Этотъ новый законъ даетъ мусульманкѣ много правъ и значительно приближаетъ ее къ европейской женщинѣ. Докладъ, богато иллюстрированный діапозитивами, вызвалъ

шумныя одобренія. О. С. Лебедева прекрасно знаетъ около десятка восточныхъ варъчій и на конгрессѣ горячо поддерживала реформу законодательства о мусульманской женщинѣ; часть диспутовъ ей пришлось вести на восточныхъ языкахъ.

„С.-Пет. Вид.“

Исслѣдованіе по Монголіи. Свенъ Гединъ началъ печатать свою книгу въ норвежско-датскомъ изданіи подъ заглавіемъ «Тысяча миль по неизвѣданнымъ путямъ въ Центральной Азіи и Тибетѣ».

Особенную цѣнность изданію придають рисунки. Кромѣ воспроизведенія 2.500 собственныхъ фотографическихъ снимковъ Гедина, въ книгѣ будетъ помѣщено еще 400 другихъ рисунковъ, 8 художественно исполненныхъ таблицъ и 4 карты. Изданія книги на другихъ языкахъ послѣдуютъ вслѣдъ за датскимъ оригиналомъ.

„Русск. Вид.“

Новѣйшія свѣдѣнія о Лассѣ сообщилъ въ засѣданіи Императорскаго географическаго Общества 7-го мая Г. Ц. Цыбиковъ, бурятъ по происхожденію, бывшій слушатель петербургскаго университета. Онъ путешествовалъ въ 1900—1901 гг. въ Лассу, столицу тибетскаго Далай-ламы.

Извѣстно, что европейцамъ доступъ въ Лассу не дозволяется. Но Цыбиковъ, какъ буддистъ, свободно прошелъ туда съ караваномъ, посѣтилъ тамошнія святынища и монастыри, сдѣлалъ много фотографическихъ снимковъ и вывезъ значительное число книгъ по буддизму. Въ самой Лассѣ не болѣе 10.000 жителей, но въ окрестностяхъ ея есть монастыри съ 2, 5, и 8-ю тысячами монаховъ. При монастыряхъ имѣются высшія училища, гдѣ преподаются богословіе и мистика. Нынѣшній Далай-лама—молодой человѣкъ, 27-ми лѣтъ; онъ отмѣнилъ, между прочимъ, смертную казнь. Управляетъ онъ страной при содѣйствіи четырехъ челоувъ по назначенію китайскаго императора. Во всеиъ Тибетѣ не болѣе 2-хъ—3-хъ милл. жит., а въ центральномъ земледѣльческомъ Тибетѣ—не болѣе 1-го милл. Это земледѣльческое населеніе начинается только за сто верстъ до Лассы, а далѣе къ сѣверу живутъ только кочевники.

„Русск. Вид.“

«Шеджере», т.-е. родословіе отъ праотца Адама до турецкаго султана Абдулъ-Азиза (царств. 1861—1876), пожертвовано недавно Обществу Исторіи, Археологіи и Этнографіи при казанскомъ университетѣ. Это—громадная таблица, длинной болѣе 16 аршинъ, составленная ученымъ киргизомъ. Изъ нея видно, что сродни другъ другу ветхозавѣтные патриархи, пророки, судіи и цари; также сродни имъ: Александръ Великій, персидскіе цари, Мухаммедъ, халифы, Чингисъ-ханъ, Батый и турецкіе султаны. Таблица снабжена нѣкоторыми біографическими данными, напр.: Адамъ (Адам) жилъ 1000 лѣтъ, или 4340, или 5972, или 6130 лѣтъ, у него было дѣтей 40 человѣкъ; Ной (Нух) построилъ ковчегъ изъ

индійскаго дуба, длиною 1200 аршинъ, въ теченіе 40 лѣтъ; отъ Сима (Сам) произошли арабы и персы, отъ Іафета (Іафис)—тюрки, славяне, гогъ и магогъ; пророка Ілію (Хизр) Богъ сподобилъ найти воду жизни (Ѧб-и хаят) и даровалъ ему вѣчную жизнь; большая часть арабовъ произошла отъ Исманла; Соломону (Сулейман) подчинились люди и духи, звѣри и птицы, онъ умѣлъ сидя на тронѣ, путешествовать по міру съ помощью вѣтра; пророкъ Іона (Юнус) пробылъ въ чревѣ рыбы 40 дней, а потомъ, выйдя оттуда, обратился къ вѣрѣ въ гор. Нилусѣ 100.000 человекъ.

Изв-ія Об-ва А., И. и Э. при Каз. Ун.

Изъ изученію персидскихъ цыганъ. Живущіе въ Персіи цыгане, мало изученные до сихъ поръ, нашли изслѣдователя въ лицѣ майора Р. М. Sykes, сообщившаго свои личныя наблюденія надъ названной народностью въ Journ. of the Anthropological Institute, vol. XXXII, p. 334—352. Цыгане въ различныхъ мѣстностяхъ Персіи имѣютъ разныя наименованія: въ Кейманѣ ихъ зовутъ Culi, въ Фарсѣ—kaoli, въ Азербейджанѣ—kaga chi, въ torasaw-kricshmal; наиболѣе употребительное названіе ихъ—fiuj. Занятія ихъ не разнятся отъ занятій европейскихъ кочующихъ цыганъ; о качествахъ ихъ персы плохого мнѣнія. Интересенъ словарь цыганскихъ словъ, собранный Sykes-омъ. Нарѣчіе персидскихъ цыганъ не сходится съ нарѣчіемъ цыганъ европейскихъ. Изъ 97 записанныхъ словъ—12 индусскаго происхожденія, 4—арабскаго, 28—персидскаго; 52 не могли быть опредѣлены.

Одичалое еврейское племя. Лондонская еврейская газета сообщаетъ объ открытіи въ Австраліи колоніи одичалыхъ евреевъ. Одна изъ экспедицій, изслѣдовавшихъ центральную часть материка, открыла будто бы на разстояніи 1.000 миль по ту сторону Леопольдовыхъ Горъ еврейское племя. Цвѣтъ кожи у нихъ значительно потемнѣлъ, образъ жизни охотничій, но у нихъ осталось много древнихъ обычаевъ. Они приносятъ въ жертву козъ и птицъ и по субботамъ не охотятся; у нихъ сохранились многія еврейскія слова и имѣется сооруженный изъ древесныхъ стволовъ храмъ; они не вступаютъ въ бракъ съ другими туземцами, не ѣдятъ свинины и носятъ козьи шкуры съ длинной шерстью. Извѣстіе это, впрочемъ, представляется сомнительнымъ. *„Русск. Вѣд.“*

Евреи оазиса Мзабъ. Въ Bulletins de la société d'Anthropologie (1902 г., стр. 559 и слѣд.) помѣщено изслѣдованіе д-ра Huguet объ евреяхъ, живущихъ на оазисѣ Mzab. Работа французскаго врача представляетъ тѣмъ болѣе интереса, что евреи названнаго оазиса очень мало изслѣдованы до сихъ поръ. По преданіямъ евреевъ оазиса Мзаба, они переселились въ 8-мъ стол. Геджры съ о. Дшерба, близъ Туниса, въ Гхарданю. Huguet же предполагаетъ, что первые еврейскіе населенники происходятъ изъ оазиса Уаргна; что впоследствии къ нимъ присоединились триполитанскіе и мароккскіе евреи. *„Globus.“*

Международное буддистское общество образовалось въ Рангунѣ (Rangoon), въ Бирмѣ, подъ названіемъ *Buddhasasana Samagama or International Buddhist Society*. Задачу Общества проспектъ, разо- сланный въ англійскія газеты, формулируетъ такимъ образомъ: распро- страненіе въ Обществѣ интереса къ основамъ буддійскаго ученія и къ изученію языка пали (языкъ древнѣйшихъ буддійскихъ литературныхъ памятниковъ). Общество предпринимаетъ рядъ изданій; въ ихъ числѣ— періодическое изданіе *Buddhism*, въ которомъ будутъ печататься статьи по буддизму, написанныя лучшими знатоками вопроса, переводы буддист- скихъ текстовъ и текстовъ на языкѣ пали, обзоры литературы о буд- дизмѣ и хроника буддистскаго движенія. Журналъ будетъ иллюстри- рованъ.

„Русс. Вѣд.“

Археологическое изслѣдованіе Индіи, въ принципѣ рѣшенное еще на XI международномъ конгрессѣ ориенталистовъ въ 1897 г., по вслѣд- ствіи различныхъ препятствій вступившее въ активную стадію лишь послѣ прошлогодняго XIII конгресса, встрѣтило теперь полное сочувствіе со стороны ость-индскаго правительства.

Предположены ближайшимъ образомъ раскопки на мѣстѣ развалинъ древнихъ городовъ Паталяпутры, Сакеты, Уджани и др., богатство и красота которыхъ засвидѣтельствованы не только индійскими, но и гре- ческими источниками. Правительство Индіи изъявило согласіе оказывать и матеріальную помощь предпріятію, но отказалось взять издержки цѣлкомъ на себя. Въ виду этого въ разныхъ странахъ Европы и въ Соеди- ненныхъ Штатахъ идетъ въ настоящее время сборъ пожертвованій въ мѣстные комитеты международного Общества изслѣдованія Индіи (*Inter- national India Exploration Society*).

Къ изученію мистерій митра. Вышло вторымъ и болѣе доступнымъ изданіемъ извѣстное изслѣдованіе Cumdut: *Les mystères de Mithra*. Первое изданіе, in—4°, въ два тома сопровождалось большимъ коли- чествомъ примѣчаній, рисунками, таблицами и пр., имѣющими огромное значеніе для занимающихся исторіей религій. Второе изданіе, томикъ въ 189 стр. in—12, содержитъ лишь текстъ, одну лишь таблицу, одну карту и нѣсколько рисунковъ, зато доступенъ всякому по цѣнѣ. Доба- вленій въ текстъ, сравнительно съ первымъ томомъ, сдѣлано очень немно- го, (*Rev. de l'Hist. des Rel.*).

Къ изученію елевзинскихъ мистерій. Небольшой брошюрой *Une initiation aux mystères d'Eleusis dans les premiers siècles de notre ère*, Bruxelles, Hayez, 1902 вышла публичная лекція, прочи- танная въ Брюсселѣ графомъ Габле-д'Алвиелла. Въ публичномъ чтеніи ученому автору нельзя было входить въ детали; но запутанные и слож- ные ритуалы елевзинскихъ мистерій изложены имъ настолько ясно, что

появление этой брошюры могут лишь привѣтствовать лица, интересующіяся египетскими таинствами и мало знакомыя съ ними.

Новая статистика религій составлена предсѣдателемъ штуттгартскаго статистическаго бюро Целлеромъ. По его вычисленіямъ, сумма всѣхъ обитателей земли достигаетъ круглымъ счетомъ 1,544,510,000 человекъ. Изъ нихъ 534,940,000 принадлежатъ къ христіанскому исповѣданію, 10,860,000—къ іудейскому, 175,290,000—къ магометанскому и 823,420,000—къ остальнымъ. Изъ числа послѣднихъ 300,000,000—конфуціанцевъ, 214,000,000—брахманистовъ, 121,000,000—буддистовъ. На 1,000 человекъ приходится, по Целлеру, 346 христіанъ, 7 іудеевъ, 114 магометанъ и 523 остальныхъ исповѣданій.

„Русс. Вѣд.“

Новый журналъ по исторіи религій сталъ выходить съ октября прошлаго года въ Лондонѣ The Hibbert Journal. Журналъ издается на средства, оставленные Hibbert-омъ, дававшія возможность въ прошедшіе года устраивать рядъ чтеній по исторіи религій въ Лондонѣ и Оксфордѣ. Чтенія, на которыя приглашались ученые разныхъ странъ, издавались отдѣльными книжками въ серіи Hibbert Lectures. Редакторомъ новаго журнала состоитъ L. P. Jacks; въ числѣ сотрудниковъ помѣчены имена Dawes Hicks, Cheyne, Stubbs, Kitchin, Drummond и др. (Rev. de l'Hist. des Rel.).

Изъ работъ по исторіи религій. Въ вышедшей въ теченіе прошлаго года книгѣ The study of religion, London, Scott, неутомимый филладельфійскій проф. M. Jastrow останавливается прежде всего на современномъ развитіи научнаго изученія исторіи религій; затѣмъ перечисляетъ различныя опредѣленія религій и классификаціи различныхъ религій и входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе отношенія религій къ міеологіи, психологіи, исторіи и цивилизаціи. Къ книгѣ приложенъ обширный библиографическій указатель. (Rev. de l'Hist. des Rel.).

Къ этнографіи дальняго востока. Въ апрѣлѣ 1904 г. имѣеть отправиться въ Охотское и Японское море научная экспедиція, снаряженная на средство Broms-а и руководимая хранителемъ упецальскаго музея Kolthoff-омъ. Экспедиція, преслѣдующая гидрографическія, зоологическія и ботаническія цѣли, имѣеть въ виду собраніе и этнографическихъ коллекцій. Всѣ коллекціи предполагаютъ раздѣлить между стокгольмскими и упецальскими научными учрежденіями.

„Globus“.

Ростъ японцевъ. Новѣйшія антропологическія наблюденія надъ японцами констатируютъ интересный фактъ повышенія роста этого народа.

Сопоставляя цифровыя данныя о рекрутскихъ наборахъ въ Японію за послѣдніе годы, докторъ Накамура пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ 1892 г. изъ 348,377 призывавшихся только 10,06% имѣли ростъ выше 54-хъ шаку (64 $\frac{1}{2}$ дюйма), въ 1902 г. число лицъ выше 54-хъ шаку достигло 12% при 431,093 призывавшихся. Число лицъ съ ростомъ отъ 52-хъ до 54-хъ шаку (отъ 61 $\frac{7}{10}$ до 64 $\frac{1}{2}$ д.) въ 1892 г. равнялось 31,84%. въ 1902 г.—35,06%; наоборотъ, число лицъ съ ростомъ ниже 52-хъ шаку понизилось за періодъ времени 1892—1902 г. съ 58,10% до 52,94%.

„Русск. Вид.“

Къ изученію айновъ. Извѣстный писатель и этнографъ В. Л. Сѣрошевскій находится теперь въ Японіи, куда онъ командированъ Императорскою академіей наукъ и Императорскимъ географическимъ обществомъ для этнографическихъ изслѣдованій.

Одной изъ главныхъ цѣлей пребыванія г. Сѣрошевскаго на островѣ Іезо является изученіе первобытнаго населенія этого острова, племени айновъ, которое, поработенное японцами, довольно быстро вымираетъ, а между тѣмъ представляетъ значительный интересъ въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.

„Русск. Вид.“

Изслѣдованіе эскимосовъ Гренландіи производится въ настоящее время датскою экспедиціей, отправившейся прошлымъ лѣтомъ на Гренландію съ цѣлью географическихъ, этнографическихъ и фольклорныхъ изслѣдованій.

Экспедиція состоитъ изъ четырехъ лицъ: писателя Миллуса Эриксона, художника графа Мольтке, врача Бертельсена и студента Расмуссена, взятаго въ качествѣ переводчика. Лѣтомъ экспедиція предприняла путешествіе моремъ вдоль западнаго берега острова, отъ колоніи Готхабъ до колоніи Якобстадъ, гдѣ перезимовала. Въ февралѣ она снова двинулась въ путь на саняхъ къ Упернивику, самой сѣверной датской колоніи на западномъ берегу Гренландіи (73° с. ш.). Теперь экспедиціи предстоитъ ей наиболѣе важная задача—обслѣдованіе лежащей къ сѣверу отъ Упернивика необслѣдованной земли на берегу Мельвилевой бухты. Экспедиція думаетъ проникнуть до мыса Юрка, замыкающаго бухту съ сѣвера. Тамъ, по берегамъ Смитзунда, крайней обитаемой сѣверной части земли (между 76° и 78° с. ш.), кочуютъ дикія племена эскимосовъ-язычниковъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ всего-на-всего, которые послужатъ предметомъ наблюденій экспедиціи. До Юрка думаютъ доѣхать на собакахъ и до іюля кончить всѣ работы. Докторъ Бертельсенъ не ѣдетъ на Юркъ; у него предстоятъ нѣкоторыя естественно-научныя и медицинскія работы

на югъ; онъ встрѣтится съ остальными членами экспедиціи послѣ ихъ возвращенія съ сѣвера. Экспедиція предполагаетъ остаться на Гренландіи еще весь 1903 и часть 1904 года.

„Русск. Вид.“

Размноженіе краснокожихъ. Вопреки общепринятому мнѣнію о вымирании краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки, оказывается, что индѣйское населеніе Канады постепенно увеличивается. Въ 1901 г. индѣйцевъ насчитывались 99.527 чел., въ настоящее же время ихъ 108.112 чел. Охота и рыболовство попрежнему составляютъ главные средства пропитанія краснокожихъ племенъ Канады.

„Globe“.

Выставка предметовъ изъ Боливіи и Аргентины. Въ настоящее время въ Стокгольмѣ открыта и пользуется большимъ успѣхомъ какъ среди «большой публики», такъ и у специалистовъ весьма интересная выставка предметовъ по этнографіи, зоологіи и ботаникѣ, привезенныхъ съ собою послѣднею шведскою экспедиціею, посѣтившею въ теченіе 1901 и 1902 гг. малоизслѣдованную страну на границахъ Аргентины и Боливіи.

Въ составъ южно-американской экспедиціи «молодыхъ шведскихъ ученыхъ», какъ ее называли, входили: графъ Эрхъ фонъ-Розенъ, заслужившій уже себѣ почетное имя своими этнографическими работами и принявшій на себя почти всѣ расходы по осуществленію этой экспедиціи; докторъ зоологіи, баронъ Эрландъ Норденшильдъ, сынъ знаменитаго полярнаго путешественника; докторъ ботаники Р. Э. Фризь; Г. фонъ-Гоостенъ и Э. Боманъ. Путешественники отправились чрезъ Буэносъ-Айресъ вверхъ по Ла-Платѣ и р. Пилькомайо къ гор. Сальта; затѣмъ они направились въ пустынную мѣстность Андовъ, носящую названіе Puna de Jujuу (Puna—высокій горный проходъ). На этомъ плоскогоріи было сдѣлано очень много разнообразныхъ изслѣдованій. Между прочимъ, путешественники поднимались на покрытую вѣчнымъ снѣгомъ Неваду де-Чанп, высотой до 6.100 метровъ, на высочайшей вершинѣ которой были найдены остатки двухъ очаговъ или алтарей, осколки глиняной посуды, дрова изъ различныхъ кактусовъ и проч.; все это показывало, что здѣсь въ доиспанскія времена было мѣсто жертвоприношеній или находился наблюдательный постъ, съ приспособленіями для сигнализанціи. Въ началѣ 1902 г. экспедиція вступила въ предѣлы Боливіи и по долинѣ р. Тарика достигла знаменитой южно-американской пустыни Гранъ-Чабо, занимающей весь центръ материка Южной Америки. Послѣ продолжительныхъ блужданій по этой степи, полныхъ различныхъ приключеній и немалыхъ лишеній, экспедиція снова попала въ Сальта и, наконецъ, опять чрезъ Буэносъ-Айресъ, возвратилась въ Швецію 27 іюня прошлаго года.

Результаты, добытые этою экспедиціею,—въ видѣ разнообразныхъ коллекцій, плановъ и картъ, фотографическихъ снимковъ и черновыхъ журналовъ,—оказались чрезвычайно обильными по количеству и цѣнными по содержанію. Предметы, собранные ею и уже отчасти изученные въ

настоящее время въ научномъ отношеніи, составляютъ богатѣйшій и на рѣдкость поучительный матеріалъ, послужившій предметомъ выставки.

Среди собранныхъ здѣсь предметовъ вниманіе прежде всего привлекаютъ къ себѣ многочисленные и подчасъ весьма своеобразныя этнографическія коллекціи: такъ, напр., здѣсь есть деревянныя палочки въ нѣсколько сантиметровъ толщиною, которыми индѣйцы изъ племени чоротовъ (*chorotes*) протыкаютъ себѣ для украшенія мочку уха. У этого же племени въ ходу оригинальныя гребенки, трубки, жезлы для заглинаній, употребляемые при лѣченіи болѣзней, и т. п. Домашняя утварь ихъ состоитъ преимущественно изъ глиняныхъ сосудовъ. Рубашки и прочая одежда приготавлиются изъ волоконъ растенія *Bromelia secca*, которое вообще въ большомъ употребленіи и у многихъ другихъ изъ здѣшнихъ индѣйскихъ племенъ. Чиригуаносы, напр., дѣлаютъ себѣ изъ него весьма прочныя и прекрасно отвѣчающія своему назначенію сѣти для рыбной ловли. Эти же чиригуаносы, живущіе въ горныхъ долинахъ Боливіи, рѣзко отличаются отъ другихъ своихъ собратьевъ по цвѣту кожи, необыкновенною любовью къ чистотѣ и опрятности: они постоянно купаются и умываются. Это—очень симпатичное само по себѣ племя, всегда вѣтмъ довольноное,—хотя, быть-можетъ, и нѣсколько легкомысленное и лѣнивое,—и оно, навѣрное, было бы вполне счастливо, если бы цивилизація не принуждала его непрерывно бояться и бороться за свою свободу. Самостоятельное искусство ихъ сосредоточилось на производствѣ предметовъ изъ глины; сосуды ихъ снабжены оригинальнымъ, не лишеннымъ красоты орнаментомъ, составленнымъ изъ комбинацій кривыхъ линий; правда, рисунокъ этого орнамента довольно однообразенъ. Своихъ покойниковъ они укладываютъ въ огромныя глиняныя же сосуды, которые зарываются въ углахъ ихъ незатѣйливыхъ «ранчо». Весьма характерно, между прочимъ, одно изъ любимыхъ у нихъ украшеній: это—небольшой металлическій кружокъ, въ родѣ пуговицы, со вставленными въ него маленькими цвѣтными камнями, который носится между подбородкомъ и проткнутою по срединѣ нижней губою. Индѣйцы, населяющіе «пуну», трудолюбивы, но коварны, нетерпѣливы и очень грязны; они, повидимому, никогда не моются. Номинально они числятся христіанами, но во всякомъ случаѣ сохранили у себя не мало языческихъ обычаевъ и привычекъ. На коньѣ ихъ сѣрыхъ каменныхъ лачугъ обязательно водруженъ, напр., крестъ изъ кактуса, но тутъ же, рядомъ съ хатой, непремѣнно насыпанъ также и жертвенный холмикъ въ честь богини земли Панчамама. У нихъ въ употребленіи осталось уже мало предметовъ собственного оригинальнаго производства, но, напр., попадающіеся образцы тканей, съ характерными рисунками животныхъ, указываютъ на самобытность прежней мѣстной культуры. Керамика тамъ стояла на низкой степени развитія; орнаментъ бѣдный, исключительно красочный. Одно изъ этихъ племенъ, по имени омойуакалы, было, вѣроятно, въ свое время подвластно перувианскимъ инкамъ, но не усвоило тогда ничего изъ высокой культуры той эпохи.

Особеннаго вниманія достойно открытіе экспедиціею въ долину рѣки

Ріо-Санъ-Франциско слѣдовъ совершенно неизвѣстной до сихъ поръ античной культуры. На поверхности земли не осталось никакихъ слѣдовъ, кромѣ очень немногихъ остатковъ валовъ, по которымъ можно было судить о мѣстѣ расположенія среди дѣвственныхъ лѣсовъ многочисленныхъ селеній неизвѣстнаго племени, и они, вѣроятно, надолго остались бы сокрытыми отъ глазъ современнаго цивилизованнаго человѣка, осмѣливавшагося проникнуть въ неизвѣстныя тайны Гранъ-Чако, если бы не маленькій *Dasypus sexcinctus*, который, вырывая свои многочисленные норы, вмѣстѣ съ землею выбрасываетъ на поверхность почвы черепки глиняной посуды и тѣмъ обнаруживаетъ мѣстонахождение стоянокъ доисторическихъ племенъ. Между сдѣланными въ этомъ отношеніи находками особенно интереснымъ оказывается своеобразное кладбище, гдѣ надъ склепомъ взрослога человѣка найдено пять урнъ съ дѣтскими скелетами, при чемъ послѣдніе нѣсколько обожжены. Урны украшены фантастическими изображениями человѣческихъ лицъ; кромѣ того, на нихъ имѣется простой орнаментъ изъ прямыхъ линий. По мнѣнію графа фонъ-Розена, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ остатками культуры, принадлежавшей специально необозримымъ пространствамъ Гранъ-Чако, съ незначительнымъ, быть-можетъ, влияніемъ культуры племени, жившихъ западнѣе, по ту сторону Кордильеръ.

Кромѣ этихъ костяковъ, экспедиція привезла съ собою не мало другихъ скелетовъ и череповъ, принадлежащихъ какъ давно вымершимъ индійскимъ племенамъ, такъ и современнымъ. Эти коллекціи представляютъ собою обширѣйшій и цѣнный матеріалъ для сравнительно-научныхъ изслѣдованій огромной важности. Многочисленные раскопки, сдѣланныя экспедиціей, даютъ, наконецъ, возможность судить о границахъ распространенія владычества инковъ по направленію къ юго-востоку, что до сего времени оставалось покрытымъ мракомъ тайны.

„С.-Пет. Вѣд.“

Къ этнографіи бушменовъ. Небольшая замѣтка Gentsz'a: Einige Beiträge zur Kenntniss der südafrikanischen Völkerschaften въ № 19 LXXXIII тома Globus'a служитъ безъинтереснымъ дополненіемъ къ такому капитальному труду о народахъ юго-западной части Африки, какъ книга Fritsch'a: Die Eingeborenen Südafrikas. Авторъ свѣрилъ также свои данныя, лично собранныя имъ въ теченіе семимѣсячнаго пребыванія на границѣ Калахари среди бушменовъ, съ соч. Гельвальда: Естественная исторія племенъ и народовъ и съ кн. Schinz'a: Deutsch-Südwestafrika. При описаніи предметовъ матеріальной культуры ему пришлось внести нѣкоторыя поправки въ вышеупомянутыя сочиненія, напр.: при описаніи лука и стрѣлъ, снарядовъ для добыванія огня (въ противоположность сосѣднимъ готтентотамъ и овагереросамъ, знакомымъ уже съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и спичками, бушмены до сихъ поръ употребляютъ лукъ и стрѣлы, а огонь добываютъ сверленіемъ). Генце отмѣтилъ еще охотничье оружіе у бушменовъ, доселѣ никѣмъ не описан-

ное. Оно состоитъ изъ тонкой палки, длиной въ 4—5 метровъ, составленной изъ нѣсколькихъ частей. Къ одному концу ея прикрѣпленъ, загибомъ внутрь, рогъ антилопы, съ котораго снятъ верхній покровъ. Рогъ заостренъ и образуетъ крючекъ. Палку опускаютъ въ нору зайца, захватываютъ звѣрка крючкомъ и вытаскиваютъ его наружу. Генце сообщаетъ также интересный способъ изготовленія глиняной посуды, которая бушменами вымѣнивается у сосѣдей авагереросовъ. Изготавливающей ее садится наземь, сгибаетъ колѣно, плотно прижимаетъ икру ноги къ нижней части бедра и, намочивъ колѣно, обмѣлиываетъ его размятой сырой глиной. Затѣмъ осторожно снимаютъ полученную глиняную форму и поправляютъ ее руками. Маленькой деревянной палочкой выдавливаютъ простенькій орнаментъ.

Экспедиція въ Камерунъ. Лѣтомъ текущаго года закончилась экспедиція полковника Engelhardt'a по южному Камеруну. Энгельгардтъ посѣтилъ нѣсколько туземныхъ племенъ, м. пр., племена кака и бана. Онъ установилъ, что языкъ племени бана очень распространенъ, д. границъ дѣвственныхъ лѣсовъ, южнѣе р. Кадеи. На нижнемъ теченіи Кадеи еще говорятъ на яз. бангала, который служитъ разговорнымъ языкомъ по теченію р. Конго. Юговосточный уголъ Камеруна посѣтила раньше экспедиція V. Stein'a, имѣвшая преимущественно военные цѣли. V. Stein открывалъ торговые пути изъ юговосточныхъ окраинъ области къ морскому берегу и преслѣдовалъ вождя Бертуа, по имени котораго обыкновенно называютъ на картѣ главный городъ баневъ, къ сѣверу отъ р. Думе, а иногда и ошибочно зовутъ само племя. (Globus).

Ново-Гвинейская экспедиція. Въ августъ текущаго года должна была отправиться въ британскія владѣнія на Н. Гвинею экспедиція, субсидируемая Королевскимъ Географ. Обществомъ и имѣющая главнымъ образомъ этнографическія цѣли. Во главѣ экспедиціи стоятъ W. Соокъ Daniels, который предполагаетъ заняться среди туземцевъ изслѣдованіями въ области экспериментальной психологіи и этнографіи. Его сопровождаютъ врачъ Dr. Seligman, который беретъ на себя антропологическія изслѣдованія и W. M. Strong, ѣдущій съ географическими и геологическими цѣлями.

„Globus“.

Экспедиція въ Бразилію. Въ концѣ апрѣля текущаго года одинъ изъ участниковъ экспедиціи Герм. Мейера въ область р. Шингу Th. Koch, отправился съ цѣлью собиранія этнографическихъ матеріаловъ въ западную часть Бразиліи, къ истокамъ рр. Юруа и Укайали. (Globus).

На международномъ конгрессѣ историковъ въ Римѣ было прочтано много интересныхъ докладовъ, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ отношеніе къ этнографіи.

Конвей (Англія) прочелъ о первоначальныхъ обитателяхъ Лациума; Модестовъ (Россія) — о современномъ состояніи работъ по изслѣдованію этрусскихъ древностей; Дюшенъ (директоръ французской школы въ Римѣ) — объ итальянскихъ епископахъ во время лонгобардскаго нашествія; Выслонъ (Австрія) — о финиціанахъ въ древней Польшѣ (авторъ этого сообщенія находитъ слѣды культурной дѣятельности финиціанъ въ Силезіи); Гартманъ (Австрія) доказывалъ положенія, что историческая наука должна пользоваться эволюционнымъ методомъ и что сознательная воля не можетъ считаться причиннымъ факторомъ въ развитіи общественныхъ явленій; проф. Сазейль (Франція) — о новыхъ методахъ изученія исторіи права. По предложенію Новати (Италія) была учреждена коммиссія для разработки вопроса объ изданіи средневѣковыхъ итальянскихъ надписей (*Corpus inscriptionum italicarum medii aevi*). При открытіи конгресса президентъ его — проф. Пускуале Виллари произнесъ рѣчь, въ которой говорилъ о прогрессѣ исторической науки въ Италіи во второй половинѣ минувшаго вѣка и остановился на огромныхъ успѣхахъ общественности въ XIX в. Отвѣчали ему по-итальянски бельгійскій проф. Фредерикъ и берлинскій — Гарнакъ.

„Русск. Вѣд.“

На сѣздѣ въ Насселѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей (75^{те} *Versammlung deutscher Naturforscher u. Aerzte*), засѣдавшихъ отъ 20—26 сент. н. ст. этого года, были между прочимъ прочитаны слѣдующіе доклады: *Ахелиса*. Религія, какъ объектъ народо-вѣдѣнія; *Арлсберга*. Первое появленіе человѣка въ Австраліи; *Гюйса* (Hoops). Названія деревьевъ и прародина индогерманцевъ; *Краузе*, К. О національномъ характерѣ китайцевъ; *Вильзеръ*. О прародинѣ человѣческаго рода; *Горьяновичъ-Крамбергеръ*, Новыя данныя объ остеологіи дилувіальнаго Homo Krapinentis.

„Globus“.

Новая теорія происхожденія человѣка Въ небольшой замѣткѣ, помѣщенной въ № 18 LXXXIII тома «Globus»'а E. Schmid обращаетъ вниманіе на новую теорію происхожденія человѣка, принадлежащую Н. Клаатсч'у. Статья нѣмецкаго антрополога и археолога помѣщена во II томѣ издающагося Крамер'омъ соч. «Weltall u. Menschheit». Клатшъ, между прочимъ, признаетъ волаты, древнѣйшіе, еле обработанные кремневые куски, найденные во Франціи, въ Таубахъ и др. за произведенія человѣческихъ рукъ и за слѣды пребыванія человѣка въ средней Европѣ. Въ теченіе и въ концѣ ледниковаго періода человѣкъ появляется все чаще; въ квартернерной эпохѣ относятся остатки скелетовъ, совершенно схожихъ съ строеніемъ современнаго человѣка, хотя

и встрѣчаются остатки (неандертальскій черепъ), которые указываютъ на болѣе раннія ступени человѣческаго развитія. Дѣленіе на расы: европейцы, негроиды и монголоиды—Клатшъ прослѣдилъ задолго до начала дилювіального періода. Слѣды болѣе низкихъ ступеней развитія человѣка, какъ вида, Клатшъ отмѣчаетъ у низшихъ негроидовъ, австралийцевъ, въ нѣкоторыхъ особенностяхъ строенія тѣла и другихъ анатомическихкихъ признакахъ. Онъ признаетъ также, что съ выработкой заднихъ конечностей въ органы, служащія для поддерживанія туловища, человѣкъ принялъ путь развитія, отличный отъ другихъ приматовъ, классификація которыхъ, по его понятію, требуетъ серьезнаго пересмотра. Нельзя считать родство человѣка съ антропоидами болѣе близкимъ, чѣмъ съ остальными приматами. Работа Клатша, говоритъ Шмидтъ, вызоветъ навѣрное, много споровъ, и заслугой его является именно то, что онъ внесъ новую оживляющую струю въ разработку исторіи происхожденія человѣка.

Пещерные доисторическіе рисунки въ послѣднее время были открыты во Франціи и въ Испаніи.

I. Недавно три французскихъ изслѣдователя: Брейль, Капитанъ и Пейрони—сдѣлали академіи наукъ докладъ объ открытыхъ ими въ одной пещерѣ, въ окрестностяхъ Эйзи (Дордонь) доисторическихкихъ рисункахъ.

Пещера состоитъ изъ трехъ залъ, общей длиной въ 72 метра, со стѣнами, покрытыми сталагмитами. Фигуры можно видѣть только въ средней пещерѣ, самой сухой. Ихъ 26. Тутъ голова сѣвернаго оленя, голова козла, голова антилопы съ толстой мордой, напоминающей сайгу; хорошо сдѣлана фигура бизона; небольшая лошадка напоминаетъ дикую лошадь (тарпана); два мамонта легко узнаются по длиннымъ загнутымъ клыкамъ, длинной шерсти, высокому лбу. Но особенность грота составляютъ небольшія фигурки, въ которыхъ можно узнать хижину, шалашъ. Одна изъ нихъ, пока единственная въ своемъ родѣ, изображаетъ шалашъ, покрытый землей и звѣриными шкурами. Нѣкоторые изъ этихъ значковъ находятся на рисункахъ мамонтовъ и подтверждаютъ ту гипотезу, по которой первобытные люди изображали у себя въ пещерахъ животныхъ, чтобы обезпечить надъ ними свою власть. Изображеніе дома на животномъ усиливало эту идею.

II. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Парижской академіи наукъ члены ея Картальякъ и Брейль докладывали о результатахъ изслѣдованія недавно открытой пещеры Альтамира, въ Испаніи.

Пещера эта, находящаяся въ окрестностяхъ Сантаандера, имѣетъ очень важное значеніе для исторіи культуры, такъ какъ въ ней найдены слѣды доисторической стѣнной живописи. На стѣнахъ пещеры находится длинный рядъ изображеній животныхъ, стоящихъ на мѣстѣ, лежащихъ и бѣгущихъ; изображены не только отдѣльные животныя, но и цѣлыя ихъ группы. Изображенія писаны черной и красной красками и различными соединеніями этихъ двухъ основныхъ тоновъ. Изображены только такія животныя, мясо которыхъ человѣкъ употреблялъ въ пищу,

а именно: быки, дикі кабаны и т. п. Отсутствие на этихъ рисункахъ изображеній громадныхъ чудовищъ четвертичной эпохи (къ которой относятся рисунки) и хищныхъ звѣрей привело С. Рейнаха къ предположенію, что альтамирскія изображенія представляютъ собой принадлежность извѣстнаго культа, — на подобіе того, который еще теперь встрѣчается у дикарей Центральной Австраліи ¹⁾.

„Русск. Вид.“

Трупъ древняго германца, хорошо сохранившійся, недавно найденъ въ Германіи, въ округѣ Ферденъ, въ торфяникѣ. Трупъ находился на глубинѣ 5-ти футовъ въ полусогнутомъ положеніи. Онъ производитъ впечатлѣніе сдѣланнаго изъ кожи человѣка, такъ хорошо обработали его кислоты торфяника. Нашедшій его крестьянинъ далъ знать въ ближайшій городъ, откуда были увѣдомлены специалисты. Они и будутъ поднимать трупъ, чтобы подвергнуть его потомъ тщательному изученію. Такіе трупы, сохраненные торфяниками, имѣются уже въ музеяхъ въ Копенгагенѣ и Билѣ.

„Русск. Вид.“

Вопросъ о неандертальской расѣ недавно удалось разрѣшить при помощи рентгеновскихъ лучей.

О ней, какъ извѣстно, существовали двѣ гипотезы. Одни думали, что кости, найденныя въ Неандерталѣ, принадлежали здоровому первобытному человѣку, другіе вмѣстѣ съ Вирховымъ считали ихъ принадлежавшими субъекту, который въ дѣтствѣ страдалъ рахитомъ, а въ старости — артритомъ. Изслѣдованіе костей рентгеновскими лучами показало, что въ нихъ нѣтъ никакихъ патологическихъ измѣненій. Изслѣдованіе черепныхъ швовъ показало далѣе, что субъектъ, которому принадлежалъ черепъ, былъ не старикъ, а молодой человѣкъ, въ возрастѣ около 30-ти лѣтъ.

„Русск. Вид.“

Сѣв.-американскіе «моунды» (насыпи). Какъ извѣстно, нѣкоторое время въ американской археологической литературѣ держалось мнѣніе, что область распространенія земляныхъ насыпей (mounds) ограничивается бассейномъ р. Миссисипи и ея притоковъ, что моунды принадлежали особому народу, который американскими археологами былъ названъ Moundbuilders. Дальнѣйшія изслѣдованія доказали, что о существованіи особаго народа moundbuilders не можетъ быть серьезной рѣчи, что моунды, эти казавшіяся загадочными земляныя насыпи распространены на всемъ протяженіи населенныхъ частей Сѣв. Америки. Dr. Th. Gann (см. Nineteenth Rep. of the Bureau of American Ethnology, I. p. 655—692) открылъ моунды и въ Гондурасѣ. Здѣсь моунды по типу

¹⁾ См. здѣсь въ отдѣлѣ „Газеты и журналы“, Русскія Вѣдомости, № 155.

своему приближаются больше всего къ моундамъ Мексики и области пуэблосовъ. Культура, обнаруженная раскопками въ Гондурасѣ, ясно носитъ слѣды вліянія мексиканской культуры.

„Globus“.

Картографія у первобытныхъ народовъ. Въ недавно вышедшей диссертациі Dröber'a, *Kartographie bei Naturvölkern*, Erlangen, 1903, разсматривается удивительная способность некультурныхъ народностей чертить при помощи палочекъ и т. п. поражающія вѣрностью свои географическія карты. Слѣды первобытной картографіи можно усмотрѣть въ древнѣйшихъ рисункахъ на скалахъ, зарубкахъ и мѣткахъ деревьевъ и т. д. Нѣкоторые путешественники давали представителямъ низшихъ расъ карандашъ и бумагу въ руки и, къ удивленію ихъ, дикари съ большой точностью набрасывали географическія карты. Особенно умѣлыми рисовальщиками картъ оказываются островитяне Тихаго Океана, природные мореплаватели. Но еще выше въ этомъ отношеніи стоятъ эскимосы, карты которыхъ поражаютъ вѣрностью.

„Globus“ 1).

Народный словарь животныхъ. Изъ мелкихъ этнографическихъ изысканій, которыми съ каждымъ годомъ обогащается нѣмецкая этнографическая литература, Globus указываетъ на работу G. Heeger'a (Landau, Gymnas-Programm, 1902), собравшаго въ пререйнскихъ провинціяхъ Германіи полный словарь народныхъ наименованій животныхъ, начиная съ млекопитающихъ и кончая пресмыкающимися и безпозвоночными. Въ сборникъ вошли также названія сказочныхъ животныхъ.

Одна деталь въ женскомъ костюмѣ Алжира. На югѣ Алжира, въ мѣстности Wargla, уже давно были находимы прекрасно обработанныя кремневая оружія и орудія. вмѣстѣ съ ними были найдены Воппетге'омъ въ большомъ количествѣ маленькіе, округленные и просверленные кусочки скорлупы страусовыхъ яицъ (см. Bull. de la Soc. d'Anthrop. 1903, p. 106). Подобные кусочки скорлупы находили и въ доисторическихъ стоянкахъ въ Тунисѣ. Р. Андре въ Globus'ѣ замѣчаетъ по этому поводу, что обычай употреблять кусочки скорлупы отъ страусовыхъ яицъ существуетъ у гереросовъ. Женщины гереросовъ носятъ родъ «скорсетки», т. наз. omutombe, которая состоитъ изъ 30—50 скрѣпленныхъ другъ съ другомъ цѣпей изъ нанизанныхъ на жилы кусочковъ скорлупы. (Schinz, *Deutsch Sudwestafrika*). Français (Nama u. Damara. Magdeburg) также описываетъ эту часть женскаго костюма, который, по его словамъ, имѣетъ видъ плотно-облегающаго талию пояса,

1) См. свидѣнія о географическихъ маршрутахъ въ статьѣ С. М. Шаргородскаго „Объ юагирскихъ письменяхъ“ („Землеводвѣе“, 1895, кн. II—III. Ред.).

вышиной въ 57 с., украшеннаго круглыми кусочками скорлупы или бусами, выточенными изъ благовоннаго корня растенія *bukhu*. *Omutombe* носится лишь замужними женщинами.

Библиотека Плацманна. Съ 10—13 іюня н. ст. въ Лейпцигѣ, происходила аукціонная распродажа богатой библиотеки скончавшагося въ 1902 г. *J. Platzmann'a*. Покойный былъ художникомъ, ботаникомъ и лингвистомъ. Въ библиотекѣ его собраны съ любовью и тщательностью рѣдчайшія изданія: словари и грамматики всевозможныхъ языковъ, преимущественно же американскихъ. Съ малодоступныхъ изданій Плацманнъ заказывалъ перепечатки—факсимиле.

„*Globus*“.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

Адресъ: Москва, Политехнической музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“.

- 1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. О. Миллера*. М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за границу 3 р.).
- 2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ*, съ предисловіемъ проф. *В. О. Миллера*. М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни *А. А. Левенсонъ*).
- 3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Оед. Миллера*, изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. *Н. А. Янчука*. М. 1900. 4°. XXII + 368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).
- 4) *П. С. Ефименко*. Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII + 221 + X + 276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (Изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).
- 5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *О. Я. Трейландъ*. М. 1881. 4°. X + 224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).
- 6) Протоколы засѣданій Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).
- 7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186 + 7 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).
- 8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII + 217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).
- 9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 гг. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).
- 10) *Н. Н. Харузинъ*. Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II + 472 стр. 3 фототип. и карт. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).
- 11) *В. М. Михайловскій*, Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV + 115 стр. Ц. 1 р. 50 к. (за границу 2 руб.).
- 12) *И. А. Житетскій*. Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II + 73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).

Открыта подписка на 1904 годъ (годъ десятый)

НА ЖУРНАЛЬ

„ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ“.

ИЗДАНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества любителей естествознанія, антропологій
и этнографіи

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ОТДѢЛЕНІЯ ПРОФ. Д. Н. Анучина.

Журналь посвященъ изученію географическихъ вопросовъ, преимущественно Россіи, путешествіямъ, очеркамъ природы и населенія различныхъ странъ, обзору геогр. литературы и т. д.

Выходитъ въ Москвѣ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая около 10—12 печатныхъ листовъ съ приложеніемъ картъ, фототипій и рисунковъ въ текствѣ.

Подписная цѣна за годъ съ доставкою—6 руб.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться по адресу: Географическое отдѣленіе Общества любителей естествознанія, Политехнической музей, Москва. Преніе годы, 1894—1901, могутъ быть получены по 5 р. за годъ, а 1894 годъ безъ 1-й книжки (оставшейся въ немногихъ экземплярахъ)—за 3 р. Вся вода (1894—1902), безъ 1-й книжки 1894 г., со всеми приложеніями могутъ быть получены за 40 р., съ подпиской на 1903 г.—за 45 р., а съ 1-й книжкой 1894 г.—за 60 р.

Въ вышедшихъ книжкахъ „Землевѣдѣнія“ помѣщены между прочимъ статьи: Б. О. Адлеръ: „Сѣверогерманская низменность“; Н. М. Альбовъ: „Въ заброшенныхъ углахъ Кавказа“; —, „Очерки растительности Колхиды“; —, „Природа Огненной Земли“; проф. Н. И. Андрусовъ: „Побѣдка въ Дагестанѣ“; проф. Д. Н. Анучинъ: „Рельефъ поверхности Евр. Россіи въ послѣдовательномъ развитіи о немъ представленій“; —, „Суша“ (краткія свѣдѣнія по орографіи); —, „Озера области истоковъ Волги и верховьевъ Зап. Двины“; —, „И. В. Мушкетовъ и его научные труды“; —, „О преподаваніи географіи“; В. В. Богдановъ: „Мурманъ“; Л. С. Бергъ: „Аральское море“; В. Г. Богорадъ: „Ламуты“; А. М. Беркенгеймъ: „Природа и жизнь въ пампахъ Аргентины“; —, „Современное экономическое положеніе Сиріи и Палестины“; —, „Переселенческое дѣло“; Н. В. Боговавленскій: „Въ верховьяхъ Аму-Дарья“; П. А. Бѣльскій: „Тянь-шань“; —, „Петровскія озеро Корчевск. у.“; проф. А. И. Воейковъ: „Воздѣйствіе человека на природу“; М. М. Воскобойниковъ: „Изъ наблюденій на Памирѣ“; А. Грачевъ: „Объ озерахъ Костромской губ.“; В. М. Житковъ и С. А. Вутурлинъ: „По Сѣверу Россіи“; А. А. Ивадовскій: „Истоки рѣки Москвы“; —, „Озеро Гокча“; —, „Аралъ“; П. Г. Игнатовъ: „По впаденію Атаму“; проф. А. Н. Красновъ: „Растительность горныхъ вершинъ Явы, Японіи и Сахалина“; проф. П. И. Кротовъ: „Вятскій увалъ“; —, „О постановкѣ преподаванія географіи въ средн. учебн. заведеніяхъ“; А. А. Крубержъ: „О болотахъ Моск. и Ряз. губ.“; —, „Опытъ раздѣленія Евр. Россіи на естеств. районы“; —, „О карстовыхъ явленіяхъ въ Россіи“; —, „Новая Гвинея“; Г. И. Будниковскій: „Зарастанія и періодически исчезающія озера Обонезскаго края“; М. Л. Леваневскій: „Очерки Киргизскихъ степей“; проф. Э. Б. Лейстъ: „Луна и погода“; В. Н. Леоновъ: „Озера въ области р. Пры, Рязанск. г.“; —, „Озера Нижней Рачи, въ Зѣмлякѣ“; Е. И. Луценко: „Побѣдка къ алтайскимъ теленгетамъ“; —, „Озера въ области истоковъ Дона“; А. Б. Ф. М.: „Алпшники“; В. Г. Михайловскій: „Горныя группы и ледники Центрального Кавказа“; М. В. Никольскій: „Слѣды ассировавилонской культуры на Кавказѣ“; проф. В. А. Обручевъ: „Природа и жители Центральной Азіи“; проф. А. П. Павловъ: „О рельефѣ равнинъ и его измѣненіяхъ подъ вліяніемъ работы подземныхъ и поверхностныхъ водъ“; С. К. Паткановъ: „По Юкатану“; Х. С. Г. Султановъ: „Святи. область мусульманъ въ Аравіи“; пр.-доц. Г. И. Танфильевъ: „Доистор. степи Евр. Россіи“; —, „О торфяникахъ Моск. губ.“; Н. Тихоновичъ: „Въ киргизскихъ степяхъ Семипалатинской обл.“; пр.-доц. В. А. Федченко: „Задачи ботанической географіи“; А. Ф. Флеровъ: „Ботанико-географич. очерки“; Д. Чортъ: „Оч. физ. геогр. Южи. Америки“; А. Яриловъ: „Педология или наука о почвѣ“ и др. Кромѣ того мелкія извѣстія и биографическія замѣтки. Приложеніями къ журналу вышли: 1) Ф. Нансенъ. Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи, 455 стр., съ рис. и карт.; 2) Г. Н. Потанинъ. Восточные мотивы въ среднеазиатскомъ эпосѣ, 894 стр.; 3) Арт. Гейки. О преподаваніи географіи. Советъ учителей; 4) проф. С. Гюнтеръ. Исторія географ. открытій и успѣхи научнаго землевѣдѣнія въ XIX вѣкѣ. (Печатается и будетъ доставлена подписчикамъ на 1903 годъ).

Русскій антропологическій Журналъ,

издаваемый антропологическимъ Отдѣломъ

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи, подъ редакціей секретаря Отдѣла *А. А. Ивановскаго* (основанъ ко дню 25-лѣтія дѣятельности въ Антропологическомъ Отдѣлѣ, 30 марта 1900 г., предсѣдателя Отдѣла *проф. Д. Н. Анучина*), выходитъ 4-мя книжками въ годъ, размѣромъ каждая 8—10 печатныхъ листовъ съ рисунками.

Цѣна годовому изданію 5 руб. съ доставкой и пересылкой, за границу 6 руб. Цѣна отдѣльной книжки 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на 1904 годъ.

Съ требованіями обращаться: Москва, Историческій Музей, Секретарю Антропологическаго Отдѣла *А. А. Ивановскому*.

Редакція

„ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОБОЗРѢНІЯ“

ПЕЧАТАЕТЪ ПЛАТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ ПОЗАДИ ТЕКСТА.

Цѣна одного объявленія на цѣлой страницѣ—**10 руб.**, на $\frac{1}{2}$ страницѣ—**5 р. 50 коп.** и на $\frac{1}{4}$ страницѣ—**3 рубля.**

Постороннія приложенія для разсылки при изданіи принимаются по особому соглашенію.

Конжорамъ, доставляющимъ объявленія, дѣлается скидка: съ объявленій русскихъ 10%, съ объявленій заграничныхъ 20%.

Въ текущемъ году въ Москвѣ издается
популярно-научный иллюстрированный журналъ

Научное Слово

по слѣдующей программѣ: I. Отдѣлъ естествознанія (статьи по вопросамъ астрономіи, физики, химіи, метеорологіи, геологіи, физиологіи, ботаники, зоологіи, антропологіи, этнографіи и географіи). II. Отдѣлъ историческій (статьи по вопросамъ исторіи русской и всеобщей, исторіи литературы и искусства, а также критическіе обзоры произведеній искусства и литературы). III. Отдѣлъ общественно-юридическій (статьи по вопросамъ социологіи, политической экономіи, статистики, философіи права и юриспруденціи). IV. Отдѣлъ философскій (статьи по вопросамъ философіи, психологіи, логики и педагогики). V. Научная хроника по всѣмъ отдѣламъ. VI. Извлеченія изъ протоколовъ научныхъ обществъ, состоящихъ при Московскомъ университетѣ. VII. Библиографія. VIII. Объявленія.

Въ текстѣ журнала будутъ помѣщаться чертежи, карты, рисунки, портреты и снимки съ различныхъ произведеній искусства.

Предполагаются статьи слѣдующихъ авторовъ: проф. Д. Н. Анучина, А. П. Басистова, прив.-доц. М. М. Богословскаго, проф. В. И. Вернадскаго, проф. А. Н. Веселовскаго, Д. В. Викторова, проф. П. Г. Виноградова, проф. Р. Ю. Виппера, проф. В. И. Герье, прив.-доц. М. И. Голенкина, проф. Д. А. Гольдгаммера, Ю. В. Готье, проф. И. М. Гресса, проф. В. Е. Дена, проф. Н. Д. Зелинскаго, прив.-доц. П. П. Бастерина, прив.-доц. А. А. Бизевсттера, проф. А. Н. Бирничликова, проф. В. О. Ключевскаго, проф. Н. П. Кондакова, проф. Э. Е. Лейста, проф. Л. М. Лопатина, проф. М. Бн. Любавскаго, проф. А. А. Мануилова, проф. М. А. Мельбизра, проф. В. А. Мизельсона, С. П. Моравскаго, В. М. Печавга, проф. П. И. Новгородцева, проф. А. П. Павлова, проф. Д. М. Петрушевскаго, М. Н. Покровскаго, прив.-доц. Г. Е. Рахманова, прив.-доц. Н. А. Рожкова, прив.-доц. Н. И. Романова, А. Н. Савина, прив.-доц. П. Н. Сакулина, прив.-доц. А. Ф. Самойлова, В. Д. Соколова, проф. Н. И. Стороженко, проф. И. М. Сьченкога, проф. Е. А. Тимирязева, проф. кн. С. Н. Грубецкаго, проф. Н. А. Умова, прив.-доц. С. Ф. Фортунатова, прив.-доц. П. Д. Хруцова, проф. В. Е. Цераскаго, проф. В. Я. Цингера, прив.-доц. А. В. Цингера, М. Н. Штерникова, прив.-доц. П. К. Штернберга. Изъявили согласіе на участіе также многіе другіе профессора и приватъ-доценты Московскаго университета.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ іюня и іюля, книгами въ размѣрѣ отъ 7 до 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна за десять книгъ: безъ доставки въ Москвѣ на годъ 5 р. 50 к., на полгода 2 р. 75 к., съ доставкой и пересылкой во всѣ города Россіи на годъ 6 р., на полгода 3 р.; за границу 8 р. Для учащихя годовая цѣна уменьшается на 1 р.

Подписка принимается въ Москвѣ въ конторѣ редакціи (Воздвиженка, Ваганьковскій пер., д. Куманина) и въ конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи). Гг. иногородныхъ просятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи.

Издатель прив.-доц. Г. К. Рахмановъ. Редакторъ проф. Н. А. Умовъ.

Вышла октябрьская книжка

ежемесячного научно-популярного и педагогического журнала

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ“.

1903 г. ☉ Годъ VIII-ой. ☉ 1903 г.

Памярь. *С. Григорьева*.—Логическая сущность теоріи происхожденія видовъ. *Д-ра Барла Делто* (пер. *В. Гр.-ев*).—Очерки природы Кавказа. *К. А. Сатунина*.—Продолжительность жизни. Пер. съ нѣм. *С.—Манчжурія*. *П. Кисокурцева*.—Еще о Мангазей. *А. М. Филиппова*.—Критика и библиографія. Смѣсь. Хроника. Книжки, присланныя въ редакцію. Содержаніе журнала «Естествознание и Географія» за 1902 г. Объявленія. Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и для учительскихъ библиотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ; Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ОДОБРЕНЪ за всѣ годы существованія и допущенъ на будущее время въ библиотекы подвѣдомственныхъ Министерству учебныхъ заведеній. Журналъ ставитъ себя задачей удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ нѣются отдѣлы: 1) научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. под.) и географіи; 2) аквариумъ и террариумъ; 3) библиографія (обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи); 4) хроника; 5) смѣсь; 6) вопросы и отвѣты по предметамъ программы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкою и пересылкою 4 р. 50 коп., безъ доставки 4 руб.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп.; за границу 7 руб. За ту же цѣну можно получить журналъ за 1896, 1897, 1898, 1899, 1900 и 1901 гг. Книжки журнала въ отдѣльной продажѣ стоятъ 75 коп. каждая.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ только 20 коп. съ каждаго годового полнаго экземпляра.

КОНТОРА РЕДАКЦІИ: Москва, В. Полянка, д. Учительскаго Института, кв. 3.

Редакторъ-издатель **М. П. Варавва**.

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ

для волшебн. фонарей изготовляетъ художеств. мастерская

Л. К. Поповой и А. С. Никитина.

Москва, Пречистенскія ворота, д. Филиппова.

Изготовленіе картинъ по негативамъ гг. путешественниковъ. Членамъ Этнографич. Отдѣла дѣлаются всевозможныя льготы и уступки. Полный каталогъ, содержащій до 15000 картинъ, бесплатно.

